

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

МЭРИЛИН ЯЛОМ

ИСТОРИЯ ЖЕНЫ

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Наше
Литературное
Общество

MARILYN YALOM

A HISTORY
OF THE WIFE

HARPER COLLINS
PUBLISHERS
NEW YORK

2001

МЭРИЛИН ЯЛОМ

ИСТОРИЯ
ЖЕНЫ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2019

УДК 392.5(091)
ББК 60.561.5-41
Я51

Редактор серии Л. Оборин

Ялом, М.
Я51 История жены / Мэрилин Ялом; пер. с английского
Д. Панайотти. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. —
520 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-1134-4

Мэрилин Ялом рассматривает историю брака «с женской точки зрения». Героини этой книги — жены древнегреческие и древнеримские, католические и протестантские, жены времен покорения Фронттира и Второй мировой войны. Здесь есть рассказы о тех женщинах, которые страдали от жестокости общества и собственных мужей, о тех, для кого замужество стало желанным счастьем, и о тех, кто успешно боролся с несправедливостью. Этот экскурс в историю жены завершается нашей эпохой, когда брак, переставший быть обязанностью, претерпевает крупнейшие изменения. Мэрилин Ялом — историк, сотрудница института гендерных исследований Мишель Клейман в Стэнфорде.

УДК 392.5(091)
ББК 60.561.5-41 + 63.3(0)-75.284.3

На обложке: Жак-Луи Давид. Антуан Лоран Лавуазье и его жена. 1788.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк / The Metropolitan Museum of Art, New-York

The History of the Wife — Copyright © Marilyn Yalom, 2001
Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency
© Д. Панайотти, перевод с английского, 2019
© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

*Моим подругам — все они в свое время
были женами: Бекки, Виде, Джин, Диане,
Кэрол, Кэти, Ли, Марджи, Минерве,
Мире, Мэри, Синтии, Стине, Сью Б.,
Сью Дж., Филлис, Хелен*

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга не могла бы быть написана без опоры на труды сотен, а возможно, и тысяч ученых, изучавших историю женщин и семьи. Многочисленные работы, упомянутые в библиографическом списке, — это только часть основных и вспомогательных источников, на основе которых я создавала «Историю жены». Братья и сестры исследователи, названные и неназванные, я приветствую вас всех!

Многие коллеги, с которыми я знакома лично, внесли большой вклад в написание этой книги. В первую очередь я хочу поблагодарить исследователей и сотрудников Стэнфордского института женских и гендерных исследований, который уже четверть века является моим академическим домом. Особенно многим я обязана критическим замечаниям старшей научной сотрудницы Сьюзан Гроут Белл и постоянной поддержке профессора Лоры Карстенсен, нынешнего директора института. Старшие научные сотрудницы Эдит Джеллс и Карен Оффен также предложили существенные поправки к рукописи, особенно к четвертой главе.

Различные сотрудники Стэнфордского университета давали мне ценные советы: профессор Барбара Джелпи с факультета английской литературы, профессор Жан-Мари Апосталидес с факультета французской литературы и профессора Кит Бейкер, Аарон Родриге и Пол Сивер с исторического факультета. Особая благодарность — профессору педагогики Мире Стробер за вклад в последнюю главу и за все, что она в течение многих лет делала для моего профессионального развития.

Профессор Суламифь Магнус из Оберлинского колледжа помогла мне советами по библейским материалам, а почетный профессор Калифорнийского университета в Беркли Ира Липидус просветила меня касательно мусульманских обычаев. Профессор Моника Канто-Спербер, французская переводчица Платона, внимательно прочитала античный раздел книги. Профессор Сэмюэл Розенберг из Университета Индианы оказал мне щедрую помощь с главой о Средневековье. Профессор Уильям Таттл из Университета Канзаса столь же великодушно помог мне в вопросах, связанных со II Мировой войной. Синтия Фукс Эпштейн, заслуженный профессор социологии при аспирантуре Городского университета Нью-Йорка, поддерживала меня с самого начала работы и делилась полезными наблюдениями. Писательница Бет Гатчеон рассказала мне многое о традициях шитья лоскутных одеял в XIX веке.

Мои неутомимые помощницы Маргарет Пирни и Кейт Бэдфорд перенесли в своих сильных руках горы книг из библиотеки и обратно. Также мне помогло то юношеское удивление, с каким они узнавали о странностях браков в разные эпохи.

Я благодарна редактору Basic Books Джоан Миллер, с которой я знакома много лет, за предложение сконцентрироваться на фигуре жены, а не на паре в целом, как я планировала сперва. Мой литературный агент и подруга Сандра Дийкстра всегда верила в эту книгу и нашла мне хороших издателей в Америке и Британии. Джоэль Дельбурго поддерживала мою книгу во время работы в HarperCollins, а Джулия Серебрински великолепно довела до конца редактуру.

Как и всегда, я благодарна мужу, Ирвину Ялому, заслуженному профессору отделения психиатрических наук Стэнфордского университета, за внимательное чтение и горячие дискуссии по спорным моментам. Прожив 46 лет в браке с ним, я поняла все многообразие смыслов, скрывающихся за коротким словом «жена».

ВСТУПЛЕНИЕ

Жены — исчезающий вид?

Дорогая Эбби! Вот уже 2 года я обручена с замечательным человеком и все никак не могу назначить дату свадьбы. Он любит меня и мою девятилетнюю дочь. Он занимается и стиркой, и посудой, и уборкой, он принимает мою дочь как свою собственную. Он работает на двух работах, так что бедствовать нам не придется.

Звучит великолепно, не правда ли?

Но есть проблема. Мне кажется, я не люблю его. Я говорю, что люблю, но на самом деле не чувствую этого. Он предлагает мне все, чего женщина может хотеть от мужа, — но достаточно ли этого, чтобы заменить любовь? Или я просто читалась любовных романов?

Он хочет пожениться как можно скорее. Мне 29, я никогда не была замужем и чувствую, что моей дочери нужен отец. И к тому же я боюсь, что никогда не встречу мужчину, который будет любить меня так же сильно.

Смогу я найти мужчину, которого полюблю и который примет мою дочь? Или лучше выйти за того, кого я не люблю, но кто станет прекрасным мужем и отцом?

К добру или к худу

Дорогая К добру! Если вы выйдете за этого мужчину, зная в глубине души, что не любите его, вы окажете вам обоим очень дурную услугу. Вступая в брак, рассчитываешь, что это на всю жизнь. Целая жизнь с ощущением, что вы предали

себя, побоявшись искать настоящую любовь, — это слишком долго. Отпустите его.

3 июля 1998 года, *San Francisco Chronicle*

На протяжении большей части истории человечества такое письмо не могло бы быть написано — и не только потому, что большинство женщин не умело писать. Их мнение при выборе мужей особенно не учитывалось. Если у них были внебрачные сексуальные связи, а особенно если появлялся ребенок, зачатый не на супружеском ложе, их ждал позор, а в некоторых обществах — и казнь. В старой пуританской Америке виновных в прелюбодеянии — сексуальных контактах между мужчиной и женщиной, не состоящих друг с другом в браке, — штрафовали и прилюдно секли. Общество испытывало такое отвращение к незамужним матерям, что они были готовы на все — включая детоубийство, — чтобы скрыть ребенка. Если мать была не в силах расстаться с новорожденным, у нее был один социально приемлемый выход — найти мужа.

Сегодня мать-одиночка не сталкивается с таким общественным осуждением. Она может, подобно автору этого письма, отвергнуть мужчину, мечтающего на ней жениться. Недостаточно того, что он любит ее, принимает чужого ребенка, работает на двух работах, чтобы содержать их, и занимается домашним хозяйством. Автор письма хочет еще большего — найти мужчину, которого бы она могла полюбить. И Эбигейл ван Бюрен*, признанный моральный авторитет, поддерживает ее в этом решении.

Считаете ли вы, что Дорогая Эбби дала этой женщине хороший совет? Должна ли женщина с ребенком уйти от мужчины, который берет на себя роль партнера, кормильца

* Эбигейл ван Бюрен («Дорогая Эбби») — вымышленный автор популярнейших в США газетных колонок с советами читателям, выходящих с 1956 года. — *Примеч. пер.*

и де-факто отца? Права ли Эбби, утверждая, что взаимная романтическая любовь — это единственная основа для долгого брака?

Это письмо очень хорошо показывает отношение современных женщин к браку. Оно говорит нам, что мать-одиночка, более не вынужденная вступать в брак, стремится выйти замуж *по любви* — большинство взрослых пробовали этот отвратительный коктейль из секса и сантиментов, но никто не может точно описать его. В старые времена у женщин были другие причины вступать в брак: чтобы найти кормильца, чтобы укрепить семейные альянсы, чтобы обзавестись детьми, чтобы не остаться в одиночестве, чтобы быть как все прочие женщины. В старые времена слово «жена» было для женщин символом почетного статуса. Быть женой священника, женой пекаря, женой доктора означало продемонстрировать миру, что женщина целиком выполнила свое «естественное» предназначение. Это был показатель защищенности и законности пребывания в мире, где, как известно, на одиноких смотрели косо. Неважно, был ли брак счастливым — обручальное кольцо само по себе было мерилем женского успеха.

В наше время слово «жена» лишилось столь однозначного посыла. Теперь оно не подразумевает, как это было раньше в кругах среднего и обеспеченного классов, что женщина находится на содержании у мужа. Это больше не единственный путь к сексуальным и домашним радостям, так как люди, не состоящие в браке, теперь сожительствуют так открыто, как никогда раньше. И это даже не обязательное условие материнства — не менее 40% американских детей рождены вне брака.

Для современных, сосредоточенных на карьере женщин брак имеет плюсы и минусы. Некоторые из них извлекают пользу из деловых связей мужа. Другие, напротив, считают более целесообразным не акцентировать внимание на своем замужнем статусе, особенно перед коллегами и начальством — ведь те в первую очередь ждут от них лояльности

к компании. Все больше женщин не меняют девичью фамилию. Зачем тратить на это время, если развод маячит на горизонте для половины пар в США? Зачем вообще тратить время на брак, если можно обеспечить себе секс, финансовую поддержку, совместную жизнь и детей без участия мужа?

В этой книге я задаюсь вопросом, как же брак оказался в столь сложном положении. Я хочу доказать, что изменения представлений о жене, произошедшие за последние 50 лет, — это квинтэссенция процессов, которые шли очень долго. Они разнились в зависимости от стран, религий, рас, этнических и социальных групп, но в целом касались одних и тех же аспектов. Начиная с древнееврейской цивилизации и Античности, я прослежу явления, которые существуют и в наше время, даже если они и изменились и породили новые, более заметные вопросы. Корни многих самых актуальных вопросов современности лежат в прошлых столетиях и даже тысячелетиях.

Например, в классической Греции отец, обручая дочь с женихом, говорил: «Я ручаюсь за то, что (*имя дочери*) родит законных детей». В Античности главным предназначением жены считалось производство потомства. Горе бесплодной жене из библейских времен — ее не только покрывали позором, но и часто меняли на вторую или третью жену. В не столь далекие от нас времена с женой можно было развестись, если она не рожала детей. Особенно характерно это для королевских и аристократических семей, где необходимость рождения наследника мужского пола оказывало на женщину еще большее давление. Во многих частях света это давление никуда не делось и до сих пор. Например, в некоторых мусульманских странах брачный контракт, написанный в интересах невесты, разрешает мужу заводить вторую жену только в случае, если она, первая жена, оказывается бесплодной.

До сих пор многие мужчины и женщины вступают в брак, чтобы завести детей. Я вспоминаю пронизательное замечание,

которое мой сын сделал в середине 70-х, услышав, что наша няня собирается замуж. «Зачем ей замуж? У нее же нет детей!» Да, это была Калифорния в разгаре сексуальной революции, что не ускользнуло от внимания пятилетнего ребенка. Люди уже открыто сожительствовали, точно так же, как они делают в США до сих пор. Как ни странно, его слова оказались пророческими: до сих пор многие гетеросексуальные пары живут вместе годами и вступают в брак, только если решают завести ребенка или узнают, что он скоро родится. Так что вопрос продолжения рода до сих пор заметно влияет на матримонимальные планы. Многие пары не заключают брак или разводятся только потому, что женщина хочет детей, а мужчина нет... или наоборот.

Граница между ролями жены и матери размыта. Их обязанности зачастую пересекаются, а иногда и противоречат одна другой. Каждая женщина, которой доводилось одновременно быть женой и матерью, знает, что мужа может обидеть то, как много времени, заботы, сил и средств она тратит на ребенка. Но в то же время ей известно, что ребенок может создать между супругами прочную связь, которая позволяет планировать совместное будущее, основанное на плоде их любви. Даже если муж и жена не любят друг друга, они, как правило, разделяют чувства к общему ребенку.

В прошлом большинство браков относились к делам денежным, а не сердечным. Мужчины женились на девушках с приданым; женщины выходили за мужчин, могущих обеспечить их. С ветхозаветных времен до 1950-х содержание жены было долгом мужа. В обязанности жены, в свою очередь, входили секс, дети и домашнее хозяйство. Правила этого взаимобмена не были негласной договоренностью двух человек — они были прописаны в религиозных и светских законах.

Сегодня — независимо от финансовых обстоятельств будущих супругов, таких как уровень дохода или обеспеченность их семей, — больше не подразумевается, что муж станет

единственным кормильцем. Большинство пар, заключая брак, рассчитывают, что оба супруга будут вносить вклад в семейный бюджет. Жить вдвоем на одну зарплату теперь все сложнее, так что семьи, в которых работают и муж, и жена, становятся нормой. В Америке более 60% замужних женщин работают с полной или частичной занятостью. Сегодня жена не может рассчитывать, что муж будет ее полностью обеспечивать или платить ей алименты после развода. На самом деле нередки случаи, когда жена зарабатывает больше мужа или получает иск с требованиями алиментов при расторжении брака.

При этом от жены по-прежнему ждут, что она будет брать на себя заботу о доме и детях. Кто-то возразит, что от мужчин теперь тоже требуют участия в домашних делах. Действительно, мужчины вкладывают в домашнее хозяйство больше сил, чем раньше, но назвать их равноправными участниками до сих пор нельзя. При этом на работе женщины трудятся не меньше мужчин и постепенно уменьшают гендерный разрыв в зарплате. Сейчас они получают 75% от зарплаты мужчин на аналогичных позициях по сравнению с 59% в 1970-х. В то время как женщины пробуют роль кормильца семьи — до того сутобо или преимущественно мужскую, а мужчины пытаются переосмыслить маскулинность, отношения между полами напряжены как никогда. Старое разделение ролей разрушено, а новая модель равного вклада на работе и дома еще не до конца сформирована.

Любовь, как мы видим из приведенной в начале переписки, стала синонимом брака в западном мире. Ученые бьются над вопросом, когда же именно любовь возобладала над всеми остальными соображениями и доводами. Одни указывают на раннее Средневековье, когда из поэзии трубадуров и придворной жизни Южной Франции возникла романтическая любовь. И хотя в средневековом культе любви женщина действительно почиталась как никогда раньше, превозносимая дама всегда была чьей-то чужой женой. Для куртуазной любви нужны

были трое: муж, жена и ее возлюбленный. Упоение, переживаемое влюбленными вне брака, казалось невысказанным в рамках рутинной супружеской жизни.

Я принадлежу к течению исследователей, считающих, что любовь стала главным мотивом вступления в брак в XVI веке, особенно если говорить об Англии; вместе с пуританами эта идея пришла в Америку в XVII веке; к концу XVIII века она уже доминировала в среднем классе. В высших сословиях и аристократических кругах благосостояние, родословная и статус продолжали влиять на выбор супруга и в XX веке. Это не значит, что в более ранних союзах не могло быть любви. Мы находим отдельные упоминания о страсти, которую испытывали друг к другу супруги в древнееврейской, греческой и римской цивилизациях. Но поскольку в домодерновую эпоху нормой считались браки по договоренности, а не по любви, жених и невеста, заключая союз, не ожидали друг от друга «любви» в привычном для нас смысле.

Надо полагать, большинство жен довольствовались спокойной мирной жизнью. Жена, выполнявшая свою часть договора, обеспечивая секс, рождение и воспитание детей, ведение хозяйства, готовку — и это не считая ухода за огородом и, в сельской местности, за скотом, — могла считать удачей, если муж относился к ней уважительно и обходился без рукоприкладства. Неписанный закон, позволявший мужчине бить жену палкой не толще большого пальца, просуществовал во многих районах Англии и Америки до XIX века.

Мнение, что долг жены — обслуживать мужа и подчиняться ему, а он вправе бить и унижать ее, к несчастью, еще не исчезло полностью. Пережитки таких убеждений мы находим не только в традиционных обществах, но и в собственном социуме. В современных США женщинам слишком часто приходится искать убежище в приютах для жертв домашнего насилия — и то если им повезет вырваться из абьюзивных отношений. Сегодня мало кто из обычных европейских или

американских мужчин согласится с точкой зрения христианских, исламских и иудейских фундаменталистов, что жена должна быть покорной служанкой мужа. Еще меньше мужчин согласны с тем, что муж имеет право бить свою жену. Но старые идеи исчезают медленно, и немало представителей обоих полов втайне считают, что жены — менее значительные представители рода человеческого, чем мужья. Для многих они остаются «женушками», «немогущим сосудом», дочерьми Евы, которые, согласно библейской, средневековой и реформатской теологии, *нуждаются* в управлении со стороны мужа. Зависимость жены от мужа как в моральных, так и в материальных вопросах существовала на протяжении большей части западной истории и до сих пор остается нормой во многих регионах мира.

В то же время восприятие жены как равной мужу постепенно стало преобладающим. С XVIII века, когда идеи брака, основанного на взаимной симпатии, начали котируются в среде среднего и высшего классов, наметилось движение к равноправному партнерству. В XIX веке женщины победили в борьбе за право посещать государственные и частные школы, учиться на женских курсах и в колледжах и, таким образом, оказались способны решать интеллектуальные, экономические и социально-политические вопросы, ранее бывшие прерогативой мужчин. Сегодня, когда жена приносит домой зарплату, а муж меняет ребенку подгузники, различий между их жизненными сферами становится все меньше.

Законы и образование имели ключевое значение для трансформации роли жены. У мужей больше нет права бить жен даже прутком тоньше большого пальца. Никого не удивляет, если у замужней женщины есть собственный банковский счет. Благодаря доступу к образованию в любой сфере женщина может вступать в брак, имея те же карьерные перспективы, что и ее супруг. Сегодня мужчины ищут жен, которые не только могут обеспечивать им секс, любовь, детей и ведение

домашнего хозяйства, но и зарабатывают и участвуют в общественной жизни. Требования к современной жене придают еще больше смысла библейской мудрости «кто нашел добрую жену, тот нашел благо».

Я пишу эту книгу с убеждением, что найти жену и быть женой — это по-прежнему благо, но при некоторых условиях. Эти условия включают в себя относительное равенство супругов, взаимное уважение и привязанность. Также необходимо наличие достаточных средств — как личных, так и общественных, — чтобы обеспечить текущие потребности, в том числе в образовании и медицине. Быть женой по-прежнему означает непростую задачу — прожить жизнь в паре. Если дела идут хорошо, мы самоутверждаемся и становимся сильнее, состоя в прочном союзе, основанном на любви. Мы учимся компромиссам и с юмором относимся к странностям друг друга. Мы находим в браке поддержку и успокоение, какие бы испытания ни сулила нам судьба. Мы делим наши мысли, надежды, радости, страхи, переживания и воспоминания с самым близким свидетелем всей нашей жизни. При худшем раскладе отношения ослабляют и разрушают нас, и развод оказывается единственным путем к спасению, что не мешает нам снова заключать брак.

Статус жены перестал быть почетным символом, но это далеко не клеймо несчастья. Работающая женщина может не захотеть быть просто «женой такого-то», а женщина, посвящающая все время работе по дому, воздержится от самоуничижительного обозначения «жена-домохозяйка». Обе они, вероятно, предпочтут гендерно нейтральное обозначение «партнер» (*partner*). Вне зависимости от того, какие договоренности в сексуальной, экономической и хозяйственной сферах существуют между супругами, ни один из них не может прожить в браке долго, не поступаясь при этом частью собственной независимости. Это означает поиск согласия и компромиссов, глубокую приверженность отношениям

и непоколебимое упорство. Мужчинам или женщинам, которые не могут представить себе жизнь с такими ограничениями, лучше дважды подумать до свадьбы. Быть мужем или женой — это не для всех, хотя 90% американцев хотя бы раз в жизни создают семью. И даже те, кто разводится, в 3 случаях из 4 вновь вступают в брак.

Во время свадебной церемонии до сих пор часто используют текст из англиканского молитвенника 1552 года, основанный на средневековой латыни, английском и французском языках. Клятвы, приносимые супругами, до сих пор звучат необычайно красиво: «Я беру тебя в законные жены (мужья), чтобы быть вместе с этого дня, в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, чтобы любить и беречь, пока смерть не разлучит нас». В оригинальной версии жена также обещала повиноваться мужу, но с некоторых пор эту фразу стали пропускать. Если не считать этого единственного изменения, современные женщины могут давать тот же обет, что и их предшественницы из Средневековья и Возрождения. Разница совсем небольшая, но именно она и определяет роль жены в будущем.

Взаимозависимость супругов формирует сегодня новую, более привлекательную по сравнению с предшествующей зависимостью жены от мужа парадигму отношений. Будучи законодателями мировых трендов, американцы и европейцы создают новую равноправную модель семейной жизни. Она может показаться чуждой жителям многих уголков земного шара, но, вероятно, они еще придут к тому, чтобы воспроизвести ее.

Осмеливаясь заглянуть в еще более неопределенное будущее, я предположу, что в XXI веке мы увидим дальнейшее развитие истории жены: американские штаты легализуют однополые партнерства, следуя вермонтской модели гражданских союзов, обеспечивающих гомосексуальным парам многие преимущества, включая право наследования, налоговые вычеты

и возможность принимать медицинские решения для своего партнера*. Соседняя Канада ликвидировала практически все юридические различия между гетеросексуальными и однополыми союзами. Страны Западной Европы (например, Дания, Швеция, Швейцария, Бельгия и Франция) предлагают возможность гражданских союзов независимо от пола, а Голландия конвертировала все заключенные однополые партнерства в полноценные браки с правами на усыновление, социальное страхование и налоговые льготы. Кто будет «женой» в гомосексуальной или лесбийской паре? Сохранит ли термин «жена» какой-то смысл в союзе, где между участниками нет половых различий? Или «жена» сохранится как социальный и психологический конструкт, означающий традиционно женские качества, такие как мягкость, почтительность, заботливость, эмоциональность?

В этот исторический момент, когда термин «жена» становится сложно определимым и может отойти в прошлое, есть смысл оценить его наследие. Когда возник западный взгляд на роль жены? Как законы и обычаи, касающиеся жен, переходили от поколения к поколению? Какие основные модели жизни в браке оказались вплетены в современную жизнь? Какие нити выдержали, а какие оборвались?

На пересечении старых и современных сюжетов мы сможем увидеть намек на образ будущих женщин в браке.

* Однополые браки были легализованы в США на национальном уровне в 2015 году. — Здесь и далее, если не указано иное, постраничные примечания принадлежат редактору.

Глава первая. ДРЕВНИЙ МИР. БИБЛЕЙСКАЯ ЖЕНА, ЖЕНЫ ГРЕЦИИ И РИМА

Мы считаем необходимым начать книгу с рассказа о женах в Библии, женах Греции и Рима потому, что религиозные, правовые и социальные практики именно этих древних обществ обусловили восприятие замужней женщины в современном западном мире. Та, кто покорна мужчине и подвластна ему, та, кто способна родить ему законного наследника, опекать его детей, та, кто ему готовит и убирает, — многим современным женщинам эти роли ненавистны, но отдельные аспекты устаревшей системы взглядов все еще имеют власть над нашим коллективным бессознательным. Многие мужья по-прежнему ждут от своих супругов, что они будут выполнять все перечисленные обязанности или хотя бы некоторые из них, а многие жены все еще стремятся соответствовать этим ожиданиям. Современные женщины, протестующие против такого отношения, на самом деле бросают вызов порядку вещей, который господствовал на протяжении более чем двух тысячелетий. Важно понимать, с чем они сражаются и что отстаивают их оппоненты — к примеру, представители консервативных религиозных общин.

Библейские жены

Самая знаменитая жена в иудео-христианской культуре — героиня мифа об Адаме и Еве. Легенда была включена в Библию около X века до н.э., и вслед за этим иудеи, а впоследствии

христиане и мусульмане начали почитать Адама и Еву как прародителей рода человеческого. Уже тогда верующие, с одной стороны, признавали, что Ева — праматерь человечества, а с другой стороны, хулили ее как ту, кто первой ослушалась Бога.

В начале Библии, в первой главе Книги Бытия говорится, что Бог создал мужчину и женщину одновременно: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27). Но во второй главе излагается другая версия сотворения человека, согласно которой Бог создал женщину после мужчины, как бы еще немного подумав. В соответствии с этой версией сперва из праха земного был создан Адам. Затем, созерцая свое творение, Бог сказал: «не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2:18).

После шел рассказ о сотворении Евы из ребра Адама, который позднее дал почву для рассуждений о том, что подчинение мужчине и зависимость от него — часть женского предназначения. Даже *isha* в иврите и английское *woman*, в основе которого лежит корень «man» («мужчина»), отражает порядок вещей, при котором женщина — производное от мужчины.

Дела у Евы идут все хуже. По наущению змея она, вопреки Божьему запрету, вкушает от дерева добра и зла, а затем соблазняет и Адама вкусить его плод. Наказание за этот проступок ложится на обоих: женщин Бог карает родами в муках, мужчин — тяготами в труде. Вдобавок закрепляется власть мужчины над женщиной. Бог говорит Еве после грехопадения: «и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3:16). Как и большинство мифов, этот служил для объяснения культурного феномена, который насаждался так долго, что стал считаться волей Господней.

Но на историю Евы можно посмотреть и под иным углом, который представит ее в более выгодном свете. Некоторые феминистки предполагали, что то, что Ева была создана второй, позволяет считать ее не вторичной, но улучшенной версией

Адама. И даже консервативные комментаторы признают, что ее создание не было мотивировано лишь биологической необходимостью. Представление о жене как о спутнице мужчины, его опоре и поддержке (от слова *эзер* на иврите) имеет долгую историю у евреев и христиан. Согласно одному позднему комментарию к Талмуду (кодексу еврейской религиозной и мирской жизни), *эзер* следит за моральным обликом своего мужа: «Когда он праведен, она поддерживает его, когда он неправеден, восстает против него»¹. А главное, те, кто отстаивает равные права мужа и жены, могут цитировать последние слова второй главы Книги Бытия: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2:24).

В библейские времена еврейский мужчина мог иметь несколько жен. За каждую он должен был отдать своему тестю определенную сумму денег, *мохар*, или пятьдесят серебряных шекелей (Втор. 22:28–29), после чего на него ложилась обязанность ее обеспечивать. Вероятно, только богачи могли позволить себе иметь больше одной жены². К тому же жених и его семья должны были одарить подарками невесту и ее семью. После уплаты *мохар* и подношения подарков брак считался действительным и невеста принадлежала жениху, даже если они не жили вместе.

Отцу невесты полагалось обеспечить ее *шилухим*, то есть приданым. Это могло быть все, что пригодится молодым в хозяйстве: слуги, домашний скот, даже земли. В приданое также входила доля от *мохар*, которая возвращалась девушке «как плата за ее невинность»³. Величина приданого, наряду с суммой, которая оставалась за женой в случае развода или смерти мужа, прописывалась в брачном контракте, или *кетубе*. Еврейские брачные контракты VIII века до н.э. содержат церемониальную фразу, с которой жених обращался к невесте перед свидетелями: «Вот жена моя, а я муж ее, отныне и навсегда».

За свадьбой следовал пир, а по его окончании — брачная ночь. Торжества могли продлиться неделю, но брак консумировался уже в первую ночь. Если же муж узнавал, что его жена не была девственницей, согласно Торе он мог убить ее: «то отроковицу пусть приведут к дверям дома отца ее, и жители города ее побьют ее камнями до смерти, ибо она сделала срамное дело среди Израиля, блудодействовав в доме отца своего; и так истреби зло из среды себя» (Втор. 22:21).

Выйдя замуж, невеста в соответствии с законом и обычаями обязана была повиноваться своему мужу — в большинстве еврейских и христианских свадебных клятв до сих пор можно найти упоминание об этом долге, основополагающем для библейской концепции жены. Ведь жена считалась «собственностью» мужа наряду со скотом и рабами. Другой важной обязанностью жены было родить мальчика. Сын давал ей надежду на то, что она будет принята новой семьей.

Однако даже если две главные обязанности выполнялись, мужу, желающему избавиться от жены, достаточно было лишь подписать разводное письмо, вручить его в присутствии двух свидетелей и прогнать женщину. Согласия жены не требовалось. Иудейский закон позволял мужу расторгать брак в том случае, если жена «не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное» (Втор. 24:1). Что считалось «противным» в те времена? Прежде всего измена, даже подозрение в измене, а также бесстыдство, непослушание и бесплодие. Авторы более поздних комментариев к Торе единодушны в своем мнении, что муж вправе инициировать развод, а жена должна избегать поведения, которое спровоцировало бы его на это.

В современном ортодоксальном иудаизме решение о разводе также должен принимать мужчина. Жене, желающей развестись, нужно согласие мужа и особый документ, который называется *гет*. Муж может верить, что жена в конце концов к нему вернется, торговаться из-за алиментов или требовать

передачи права опеки в обмен на *гет* — но без его согласия женщина не сможет освободиться от освященного религией брака и вступить в новый союз. В то время как мужчине достаточно поставить свою подпись под разводным письмом, тысячи современных ортодоксальных евреек в США и Израиле остаются в таком пограничном состоянии.

О том, что жена не может сама инициировать развод, говорится в Библии, но уже в библейские времена существовало одно обстоятельство, которое позволяло жене настаивать на расторжении брака. Если муж умирал, не оставив потомства, брат покойного должен был взять невестку в жены, чтобы она зачала, — эта традиция получила название левиратного брака. Если же деверь противился женитьбе или, принужденный жениться, отказывался спать с ней, женщина могла обратиться к старейшинам у городских ворот и заявить свои права на него. Перед всем народом она могла унижать мужчину за то, что он не исполняет свой долг: «...тогда невестка его пусть пойдет к нему в глазах старейшин, и снимет сапог его с ноги его, и плюнет в лице его, и скажет: „так поступают с человеком, который не созидает дома брату своему“» (Втор. 25:9). То, что женщине позволялось так оскорблять мужчину, свидетельствует о большом значении, которое евреи придавали продолжению рода.

Конечно, столь безрадостной женскую долю изображают догматические тексты, а по ним никак нельзя судить о реальной жизни. В Библии содержится множество указаний на то, что в своем поведении можно отступать от догмата. Например, даже в тех условиях, когда общество требовало от женщины производить потомство, муж мог любить бездетную жену и питать к ней более сильную любовь, чем к той, что родила ему сына. Такова история Елканы, любившего бесплодную жену Анну больше Феннаны, матери его детей. Однажды, увидев, как Анна страдает от того, что не может родить, Елканы сказал ей в утешение: «Анна! что ты плачешь

и почему не ешь, и отчего скорбит сердце твое? не лучше ли я для тебя десяти сыновей?» (1 Царств 1:8). Тогда, как и теперь, общественное мнение, превозносившее матерей и порицавшее бесплодных женщин, не могло запретить любить.

В древнееврейском обществе брак ценился чрезвычайно высоко, о чем свидетельствуют тексты, в которых фигурируют супружеские пары. А вот в Новом Завете супружеские пары упоминаются гораздо реже. И для евреев, и для христиан ветхозаветные тексты были основным источником представлений о счастливой или несчастной семейной жизни.

Когда ищешь пример безупречной жены, первой вспоминается Сарра, жена Авраама. В браке она умела, когда надо, настоять на своем и, когда надо, быть послушной. Как хорошая еврейская жена она обязана была подчиняться мужу, сколь бы сомнительными с моральной точки зрения ни были его распоряжения. Дважды по наущению Авраама она выдавала себя за его сестру, чтобы он мог снискать расположение сперва фараона, а затем семитского короля Авимелеха. Хотя обман подразумевал, что оба правителя овладеют ею, Сарра была послушна воле мужа; и такая тактика казалась удачной, поскольку вела к преумножению богатства супругов.

Сарра вышла из детородного возраста, так и не родив наследника, и потому предложила Аврааму взять свою египетскую рабу Агарь второй женой. Но затем она поняла, что беременность Агари оскорбляет ее, и Авраам, вынужденный выбирать между двумя женщинами, оказался в неловкой ситуации. Он сделал выбор в пользу первой жены и огослал Агарь, но Бог возвратил служанку, пообещав, что та родит Аврааму сына и даст начало великим людям. Так Авраам вновь имел подле себя двух жен и первенца, которому дали имя Измаил. Несколько веков спустя мусульмане назовут Измаила прародителем арабского народа. В преклонном возрасте Сарра родила Аврааму сына Исаака — это чудо вызвало у Сарры потрясение и, возможно, недоумение⁴. Согласно обычаю, она кормила

своего сына грудью, вероятно, до двух или трех лет, и по случаю отлучения от груди был устроен большой праздник.

Авраам и Сарра, конечно, не более чем персонажи, мифические прародители еврейского народа, но Библия рисует их реальной парой из библейских времен: подобно кочевникам, они странствуют по деревням и городам вместе со своими родственниками, животными, слугами, рабами и пожитками; они принимают гостей, угощая их творогом с молоком и свежее испеченными буханками хлеба, обмениваются просьбами, жалобами, шутками. И нам не кажется странным, что, когда его жена умирает, Авраам начинает «рыдать по Сарре и оплакивать ее» (Быт. 23:2). Не стыдясь открыто выражать тоску по такой жене, как Сарра, Авраам прилагает большие усилия к тому, чтобы найти достойное место для погребения — пещеру Махпела возле Хеврона, которую он приобрел за огромную цену у сыновей Хета.

Еще больше узнать о статусе замужней женщины в древнем Израиле позволяют истории сына Сарры и Авраама Исаака и его жены Ревекки, а также их внука, Иакова, и Рахили (и Лии). История Исаака и Ревекки начинается с того, что на родину Авраама посылают слугу, чтобы тот организовал женитьбу для Исаака. Слуга заключил брачный договор не с самой Ребеккой, а с ее братом Лаваном (братья часто замещали отца и имели право распоряжаться своими сестрами). О браке договорились, хотя жених и невеста ни разу не видели друг друга. И все же Ревекка не была вовсе лишена права голоса. Дав свое согласие на союз, Лаван сказал: «...призовем девицу и спросим, что она скажет. И призвали Ревекку и сказали ей: пойдешь ли с этим человеком? Она сказала: пойду» (Быт. 24:57–58). Это одно из редких указаний на то, что еврейская девушка на выданье иногда имела право дать согласие или отказать потенциальному жениху.

Ревекка и Исаак встретились лишь после того, как невеста вместе со слугами приехала в Ханаан. История завершается

благополучно, Исааку нравится его невеста: «И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по матери своей» (Быт. 24:67). Последние слова особенно трогательны, поскольку сообщают не только о любви к жене, которую выбрали для него, но и о том, что Исаак видит в ней эмоциональную замену своей матери. Думаю, Фрейд бы это одобрил.

История брака между сыном Исаака и Ревекки, Иаковом, и Рахилью куда запутанней. Ревекка посылала к своему брату Лавану не слугу, а самого Иакова, чтобы тот нашел себе жену. Лаван радушно принял племянника, но это не избавило Иакова от необходимости отработать свое содержание. Спустя месяц они договорились о том, как Лаван наградит Иакова за работу. Наградой была невеста Рахиль. Однако у Рахили была старшая сестра Лия, которую по традиции следовало выдавать замуж первой. Две молодые женщины описываются так: «У Лавана же было две дочери; имя старшей: Лия; имя младшей: Рахиль. Лия была слаба глазами, а Рахиль была красива станом и красива лицом. Иаков полюбил Рахиль» (Быт. 29:16–18). Ради Рахиль Иаков согласился семь лет работать у Лавана. Как кратко сказано в Библии, «И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее» (Быт. 29:20).

Но когда пришло время Иакову пожинать плоды своих трудов, дядя жестоко обманул его. Темной ночью ему дали Лию вместо Рахили, и он возлежал не с той женщиной. Утром, увидев, что перед ним Лия, Иаков сказал Лавану: «что это сделал ты со мною? не за Рахиль ли я служил у тебя? зачем ты обманул меня?» (Быт. 29:25–26). Лаван ответил, что обычай не велит, «чтобы младшую выдать прежде старшей...», и предложил Иакову отслужить еще семь лет, чтобы получить и Рахиль тоже.

Всего Иаков провел двадцать лет на службе у своего коварного дяди Лавана и приобрел двух жен, их служанок и несколько детей. Поскольку сыновья считались безоговорочным благом

в библейском быту, жены соревновались в том, кто произведет больше потомков мужского пола. Сперва Лия возместила то, что менее любима, родив трех сыновей, и Рахиль, оставшаяся бесплодной, начала завидовать сестре. Она сказала Иакову: «вот служанка моя Валла; войди к ней; пусть она родит на колени мои, чтобы и я имела детей от нее» (Быт. 30:3). Положив новорожденного ребенка себе на колени, она усыновляла его.

Конкуренция между женами подогревалась употреблением мандрагоры — растения, которое, как тогда считалось, имело магическое свойство афродизиака и способствовало зачатию. При помощи этого средства Лия продолжала рожать сыновей и дочерей, а Рахиль наконец родила сына. Иаков теперь был отцом небольшого клана. Эта история наглядно демонстрирует, какое соперничество разворачивается между женами в обществе, где замужняя женщина обретает наибольший почет как мать мальчиков. Как и история о Сарре, Аврааме и Агари, она раскрывает важное место «посторонних» женщин в еврейском хозяйстве — например, египетских рабынь, благодаря которым стало возможным само существование иудейских семей.

В Еврейской Библии можно встретить самых разных супругов и самые различные модели супружеского поведения. Один из моих любимых эпизодов — лаконичный спор Иова с женой, который состоялся, когда Иову были ниспосланы беды. Потеря всех сыновей и дочерей, слуг и животных, покрывшись гнойниками с головы до кончиков ног, он сел в пепел и принял волю Божию. Как свидетельствуют эти строки, его жена поступила иначе:

И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри. Но он сказал ей: ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? Во всем этом не согрешил Иов устами своими (Иов 2:9–10).

Это слова скорбящей жены и матери, сломленной горем и не способной простить Бога, виновного в смерти ее детей. В Библии ее называют «одной из безумных», тех, кто не умеет принимать страдание. Иов, напротив, не впадает в отчаяние — по крайней мере сперва. В основу их спора лег древний средиземноморский мотив глупой жены: сраженная горем утраты, дерзая равнодушным богам, она, как предполагалось, не способна видеть на несколько шагов вперед как в политических, так и в метафизических вопросах. Как и греческая царица Клитемнестра, которая никак не могла примириться с тем, что Агамемнон принес в жертву их дочь Ифигению, жена Иова отчаянно посылала проклятия в адрес Бога, отнявшего у нее детей. Несмотря на то что от них требовали послушания, жены тем не менее смело перечили мужьям, когда оставались дома наедине с ними; дерзили они и Всевышнему.

Считается, что мужчину поколебать сложнее. Хотя Иов испытывает острые муки и сомнения в справедливости Создателя, он так и не опускается до богохульства. Наконец Бог вознаграждает его, дав «вдвое больше того, что он имел прежде» (Иов 42:10). О его жене не говорится ни слова.

Жена Иова — один из немногих в Библии негативных примеров супружеского поведения, а в заключительной части Книги притчей Соломоновых явлен идеал жены. Описание очевидным образом ведется от лица мужчины, оно начинается с мизогинического замечания, что хорошую женщину тяжело найти, и завершается такой красноречивой похвальбой женщине, какой больше не найти во всей Библии.

Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов. Уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибытка; она воздает ему добром, а не злом, во все дни жизни своей.

Добывает шерсть и лен, и с охотой работает своими руками. Она, как купеческие корабли, издалека добывает хлеб свой.

Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и урочное служанкам своим.

<...>

Длань свою она открывает бедному... <...>

Встают дети — и улажают ее, — муж, и хвалит ее (Притч. 13:10–15, 20, 28).

Покорность, трудолюбие, милосердие — вот качества, отличающие женщину, которая приносит славу своему мужу и детям. Нет мужчины, который не мечтал бы найти такую жену.

Выше я уже отмечала, что в Евангелии о брачном союзе мужа и жены говорится удивительно мало. Исключение составляет чудесная история Марии и Иосифа, о которой вкратце поведали евангелисты Матфей и Лука. Марии было двенадцать или тринадцать лет, когда они с Иосифом были обещаны друг другу. Современная «помолвка» не передает всей сути и серьезности такого обещания: когда Иосиф обнаружил беременность Марии, они еще не жили вместе, но по закону она уже считалась его женой. К счастью для нее (а мы помним, что еврейскую девушку могли осудить на смерть, если открывалось, что она потеряла невинность), Иосиф был милосерден и не пожелал «огласить Ее». Напротив, он «хотел тайно отпустить Ее». Но прежде чем он успел сделать это, «Ангел Господень явился ему во сне» и поведал, что Мария зачала от Святого Духа. Иосиф и Мария не консумировали брак, «как наконец Она родила Сына Своего первенца» (Мф. 1:18–25).

Иосиф и Мария — единственная заметная супружеская пара Нового Завета. В Евангелии акцент делается на индивидуальном и персональном спасении. Наши личные, осознанные поступки на протяжении земной жизни определяют, обретем ли мы Царство Небесное или проведем вечность в Геенне, еврейском аналоге Ада. В любом случае в загробной жизни нет брака, о чем свидетельствуют такие слова

Христа: «Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить» (Мк. 12:25). В проникнутой апокалиптическими настроениями речи Иисуса значение брака умаляется.

Как Иисус относился к земному браку? Свои взгляды на эту тему он изложил в речи, порицающей развод. Вспоминая историю создания мужчины и женщины, Иисус объявил: «Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мк. 10:9). А затем пояснил: «кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее...» (Мк. 10:11). Не стоит забывать, что еврейский закон о прелюбодеянии распространялся исключительно на замужних женщин, предписывая им ограничивать свою сексуальную жизнь одним партнером. Женатые мужчины не были стеснены такими ограничениями, они вольны были заниматься сексом с любыми свободными женщинами, например со вдовами, наложницами и служанками. Уличенную в измене могли насмерть забить камнями вместе с ее незаконным сексуальным партнером. Иисус же, вопреки еврейскому обычаю, уравнил развод и повторный брак, являвшиеся прерогативой мужчины, с изменой. Тому, кто хотел оставаться христианином и состоять в браке, не важно, мужчина это был или женщина, следовало сохранять моногамность.

Иисус также высказывался против сурового наказания, которым каралась измена. В известной притче его попросили сказать, следует ли женщину, «взятую в прелюбодеянии», забить камнями, как предписывает Моисеев закон. Ответ Иисуса стал крылатым выражением: «кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8:7). То, что Иисус ставил сострадание выше мести и подчеркивал, что мужчины и женщины равны во грехе, знаменовало новый этап в истории религии. Тем не менее христиане на протяжении многих веков продолжали сурово карать прелюбодеёв. Во Франции XIII века нагих любовников гнали по улицам, в Германии XIV века с ними

поступали того хуже: хоронили живыми или сажали на кол⁵. В Сицилийском королевстве в 1231 году, при императоре Фридрихе II, был принят ряд законов, смягчавших наказание за измену: физическую расправу заменили конфискацией имущества у мужчины, прелюбодействующего с чужой женой, а той, в свою очередь, отрубали нос⁶. В пуританской Новой Англии XVII века в ходу были порка и штрафы, сопровождавшиеся еще и символической казнью: изменник в течение часа стоял перед публикой с веревкой на шее.

В библейские времена измена входила в число «извращений», которые карались смертной казнью у древних иудеев. Другим «извращением» была гомосексуальность. Гомосексуальный акт порицался на следующем основании: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость» (Лев. 18:22).

Запрет возлежать «с мужчиною, как с женщиною» касался мужчин, его следует понимать буквально. То есть возбранялись только гомосексуальные отношения между мужчинами. В еврейской Библии ничего подобного не сказано об отношениях между женщинами. Возможно, пренебрежение женской гомосексуальностью объясняется тем, что авторы Библии либо закрывали на нее глаза, либо умаляли ее значение. Возможно также, что она считалась меньшим злом, потому что, в отличие от мужской гомосексуальности, не предполагала «растрачивания семени»⁷.

На вопрос о причинах такого яркого осуждения гомосексуальных отношений в иудаизме до сих пор не существует однозначного ответа. Одни полагают, что дело в той повышенной значимости, которой древние наделяли деторождение: любой сексуальный акт, не подразумевавший продолжения рода, будь то мастурбация, прерванный половой акт или скотоложство, сурово порицался. В то время как другие обитатели древнего Средиземноморья, например греки, а также римляне, к однополым парам относились терпимо, в иудаизме гомосексуализм решительно осуждался⁸.

Что касается христианства, то Иисус, неоднократно осуждавший измену, ничего не говорил по поводу гомосексуальности. Однополый союз как между мужчинами, так и между женщинами порицал апостол Павел (Рим. 1:26–27, 1 Кор. 6:9, 1 Тим. 1:10). У него отрицательное отношение к гомосексуальности было следствием системы взглядов, согласно которой гетеросексуальные отношения были естественными, а все прочие формы сексуальности воспринимались как отклонение. Сотворив мир, Бог установил естественный порядок вещей, и любое отклонение от гетеросексуальности рассматривалось как отступление от божьего замысла.

Сравнивая то, как трактуют институт брака в древнем иудаизме и раннем христианстве, я поражаюсь количеству различий, некоторые из которых существуют и поныне. В иудаизме брак связан с *мицвой** деторождения — божественным предначертанием и благословением⁹. Поскольку это был единственный законный способ исполнить свой долг продолжения рода, еврейские мужчины и женщины буквально обязаны были жениться. Множество раввинских высказываний в Торе и Талмуде подтверждают эту мысль — к примеру, «Кто нашел [добрую] жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа» (Притч. 18:22).

Христианство, напротив, довольно рано отказывается от такого подхода. Имея перед собой пример Христа и апостола Павла, ранние христиане ценили целибат выше брака. Апостол Павел говорил: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском,

* Мицва в иудаизме — заповедь, религиозное предписание; шире — всякий добрый поступок.

как угодить мужу» (1 Кор. 7:32–34). Женитьба или замужество расценивались как помеха в достижении более важной цели — союза с Всевышним. Если для еврея вступление в брак и производство потомства было единственным способом исполнить Божью волю, то для христианина-павлиста следование Божественной воле предполагало полный отказ от секса.

Евреи считали жену «благом», а христиане — помехой на пути к спасению, но обе религии сходились во мнении, что женщина стоит ниже мужчины и нуждается в его покровительстве на протяжении всей жизни. Во времена Иисуса еврейские женщины были привязаны к хозяйству, особенно если они были состоятельны и жили в городах. Из дома они выходили, только чтобы посетить храм, и если оказывались вне родных стен, вынуждены были покрывать голову и закрывать лицо, оставляя только прорезь для глаз. В увлекательной книге «Ева» Памела Норрис рассказывает, что еврейские женщины умели привлекать к себе внимание даже в том случае, если у них был открыт лишь один глаз — они использовали макияж, одежду ярких цветов и украшения, которые позвякивали при ходьбе¹⁰. В Священном Писании такие украшения не одобрялись (пример наиболее строгого порицания — Ис. 3:19–23), они вызывали гнев раввинов, убежденных, что лишь мужской надзор мог уберечь женщин от присущей им тяги к соблазнению и бедокурству.

Сторонники патриархального уклада в этой связи без устали цитируют слова апостола Павла: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела» (Еф. 5:22–23). Идея женского послушания находила наглядное выражение в церковном этикете, где, согласно апостолу Павлу, «Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих» (1 Кор. 14:34–35).

и Филип Рот. Из греческих текстов мы можем узнать о социальном и юридическом положении замужней женщины, но совершенно ничего — об их желаниях, страхах и горестях.

Как жены Древней Греции относились к богине Гере, покровительнице брака, защитнице женщин и сестре-жене Зевса? Была ли она объектом преклонения, как позднее Дева Мария для христианок?

Величественные изображения Геры украшают греческие святилища и храмы, но в фольклоре богиня предстает ревнивой женой, которая постоянно плетет козни против фавориток Зевса и его незаконных наследников. Два образа — мстительной жены и священной матроны — не уживаются друг с другом. Вероятно, жены Древней Греции могли испытывать по отношению к Гере как священный трепет, так и человеческую симпатию, когда обращались к ней в поисках управы на мужей, чья неверность была постоянным источником их недовольства.

В гомеровскую эпоху (VIII век до н. э.) идеалом жены считалась Пенелопа из «Одиссеи», зрелая, умная и преданная женщина. На протяжении девятнадцати лет, что герой Троянской войны Одиссей странствовал по свету, Пенелопа управляла их хозяйством в Итаке, растила сына Телемаха и отваживала толпы ухажеров, претендующих на место ее мужа. Она пообещала, что объявит о своем выборе не раньше, чем завершит плести покров свекру, а ночью расплетала дневную работу и тянула время. Когда ее план раскрылся, Одиссей уже был вблизи дома и подоспел как раз вовремя, чтобы защитить жену.

Сцена их воссоединения — одна из самых любимых во всей мировой литературе. Пенелопа, уже отчаявшаяся увидеть Одиссея живым, не смогла узнать своего мужа в бродяге, которым тот переоделся. Она устроила ему холодный прием и проверку, доказав, что достойна мужа, прославившегося своей хитроумностью. Пенелопа поступила следующим

образом: она распорядилась, чтобы старая няня перенесла брачное ложе из спальни. Услышав это, Одиссей рассвирепел. Он напомнил Пенелопе, что это невозможно, если только цело то ложе, подножье которого он сам вырубил в стволе оливы, растущей посреди комнаты.

Наконец убедившись, что перед ней настоящий Одиссей, «заплакав / Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею / Мужу <...> Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея. / Плача, приникнул он к сердцу испытанной, верной супруги»*. Верная и искренняя, благоразумная и праведная — такими качествами обладает Пенелопа, идеальная жена. Пока Одиссей странствовал по свету, воевал на войне, побывал в чужих землях и постелях, она ждала, ткала и хранила верность супругу.

В момент воссоединения они не забывают о Елене — той женщине, что стала причиной всех их бед. Елена Аргивская, больше известная как Елена Троянская, была полной противоположностью добродетельной Пенелопе. Будучи женой Менелая, она позволила Парису увести себя в Трою, и с этого началась Троянская война. Елена прекрасная, Елена бесстыдная, чья красота отправила в плавание тысячу кораблей, как красноречиво выразился Кристофер Марло, была самой знаменитой роковой красавицей Античности, она была из тех опасных женщин, чьей сладостной красоты боятся мужчины. В греко-римской культуре Елена и Пенелопа олицетворяют плохую и хорошую жену; для христиан эту оппозицию будут олицетворять Ева и Дева Мария.

Хотя пара Пенелопа и Одиссей отражала традиционные гендерные роли: она — хранительница очага, он — странствующий герой, — запомнились и полюбились поколениям читателей они не своей типичностью. У современных читателей находит отклик та близость, которая существует между ними,

* Пер. В. А. Жуковского.

та ласковая насмешливость, то чувство родства, которое не ослабло даже после долгой разлуки, и то, что, вдоволь испив любовных наслаждений, они «нежно-веселый вели разговор».

Такие разговоры по душам ведут между собой супруги во все времена. «Все рассказала она о жестоких, испытанных ею / Дома обидах <...> Выслушав, все о себе в свой черед рассказал он. / Сколько напастей другим приключил и какие печали / Сам испытал». Какая пара не наслаждалась такого рода беседами после того или перед тем, как заняться любовью? В античной литературе редко можно встретить описания семейной идиллии. Исследователи классической греческой литературы склонны видеть в этой сцене подтверждение той гипотезы, что во времена Гомера супруги имели больше равных прав, чем в афинском обществе тремя веками позднее, и что общество гомеровского периода уважало и признавало за женщинами больше свобод, чем общество классического периода¹²

При переходе от гомеровского к классическому периоду и Афинам V века число источников, из которых мы можем черпать информацию о жизни замужних женщин, значительно увеличивается. Однако и здесь мы имеем дело исключительно с произведениями авторов-мужчин. В трагедиях великих драматургов — Эсхила, Софокла и Еврипида — показаны тяжелые сцены домашнего насилия, в котором замешаны своенравные мужья и жены. Эдип и Иокаста, Агамемнон и Клитемнестра, Ясон и Медея заняты уничтожением друг друга. Клитемнестра, обратившись к помощи любовника, убивает своего мужа Агамемнона, когда тот возвращается с Троянской войны, — она мстит за то, что, отплывая в Трою, Агамемнон отправил на жертвенный алтарь их дочь Ифигению. В расплату за то, что Ясон ушел к другой, Медея убивает двух сыночек, которых родила от него. Эдип, сам того не зная, убивает своего отца Лая и женится на своей матери Иокасте. Узнав об этом спустя годы, он ослепляет себя. Иокаста же кончает жизнь самоубийством. Эти сюжеты свидетельствуют о том,

что в обществе существовал глубоко укоренившийся страх мстительной жены наподобие Клитемнестры или Медеи, а также о том, что вдова, совершившая инцест, пусть сама она об этом и не знала, была обречена на позор. В первую очередь праведная греческая вдова не стала бы повторно выходить замуж. Мрачные трагедии в преувеличенной форме показывают то невыносимое напряжение между супругами, которое характеризует и некоторые современные браки. Ревность порой действительно заставляет жен желать мужьям смерти или вымещать на детях свое отчаяние, хотя все же немногие заходят настолько далеко.

Возможно, в греческой комедии реалии супружеской жизни переданы более точно, хотя ей тоже не чужды преувеличения. «Лисистрату», премьера которой состоялась в 411 году до н.э., Аристофан посвятил проблеме, актуальной во все времена: жене, отказывающей мужу в сексе, — и снабдил курьезным политическим подтекстом. Греческое общество впадает в стагнацию, когда Лисистрата и ее товарки решают воспротивиться воинственности мужей, отлучив их от постели. Здесь любовь оказывается сильнее меча. Пьеса наполнена грубым юмором и язвительными комментариями — и сегодня кажется не менее актуальной, чем лозунг 1960-х «Занимайтесь любовью, а не войной».

В Афинах классического периода повседневная жизнь была соткана из множества предписаний, которые распространялись как на женщин, так и на мужчин. Судя по всему, замужество было сродни имущественной сделке, финансовому соглашению, в которых чувства жениха и невесты в расчет не принимались. Семья юноши на выданье искала невестку с приданым, которого хватило бы молодой паре. В первую очередь это касалось представителей высших и средних слоев, но даже низшие слои, лавочники и рыбаки большое значение придавали финансовому благополучию своей будущей партии.

Еще одним важным аспектом был статус гражданина. В Афинах V века этот статус наследовался, но только если гражданами являлись оба родителя. Согласно своду законов, который учредил Перикл в 451–450 годах до н.э., желанный статус получали только те дети, которые родились в браке мужчины-горожанина и женщины, чьи родители также имели статус горожан¹³.

Сколько много мы знаем о том, как смотрело на брак афинское общество, столь же мало мы знаем о том, как чувствовали себя в браке конкретные люди. Что думала девушка, достигшая брачного возраста (14–15 лет в Греции классического периода), узнав о предстоящем замужестве? Кандидат в мужа обговаривал с отцом условия, на которых будет заключен брак, но мнением невесты, скорее всего, никто не интересовался. Вряд ли она вообще видела своего будущего супруга до свадьбы. Можно предположить, что замужество было «травматичным опытом для невесты»¹⁴. В столь юном возрасте она должна была покинуть свой *oikos* (дом) и перейти в *oikos* мужа, где целиком зависела от расположенности его самого и его матери. Чувства невесты, оставляющей свой дом, переданы в одной из древних элегий:

Все меня гонят, все мне велят уходить

<...>

Я прощаюсь, плача и с тяжелым сердцем¹⁵.

Помолвка (*eggue*, или «зарок») обычно совершалась задолго до свадебной церемонии. Это было устное соглашение, которое заключали между собой двое мужчин: тот, кто отдавал девушку (как правило, ее отец), и жених. Отец говорил, что вручает дочь другому, чтобы та произвела законных наследников. Жених выражал свое согласие. Невеста при этом не присутствовала. Помолвка была, по сути, распиской в обязательстве, нарушение которого влекло за собой финансовые и юридические последствия в том случае, если свадьба

расстроилась. Современные союзы, когда два человека съезжаются, не спрашивая своих родителей, а их расставание не влечет за собой наказаний, устроены совсем иначе.

Замужество было переломным моментом в жизни древних греков и гречанок. Для них брак был ритуалом перехода из мира детства во взрослую жизнь. Свадьба обычно справлялась зимой, церемония длилась два или три дня. В первый день отец невесты делал подношения богам — покровителям брака, Зевсу и Гере. Невеста жертвовала свои игрушки Артемиде, богине целомудрия и деторождения, природы и охоты. На второй день в доме невесты устраивался свадебный пир. Затем шафер и жених на повозке или носилках доставляли невесту в дом мужа, где ей предстояло жить. Процессия, сопровождавшая их, пела песни (они назывались *hymen*) и освещала путь свечами или факелами.

Свадебная процессия — древний обычай, он упоминается уже в «Илиаде», где на щите Ахилла среди прочих изображена такая сцена:

Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
 Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают.
 Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
 Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
 Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных*.

Присоединившись к почтенным женам, которые взглядом провожают процессию, мы можем понаблюдать за тем, как развивается свадебное торжество.

Проводив девушку в новый дом, процессия остается снаружи и исполняет эпиталаму, или песнь для свадебного дома. Молодожены удаляются в комнату новобрачных, где происходит консумация брака — акт, означающий, что муж связывает себя с женой. Отныне мужчина становится *kyrios*, защитником

* Пер. Н. И. Гнедича.

и господином женщины, и заменяет в этом качестве ее отца. Аристотель (384–322 до н. э.) сравнивал отношения мужа и жены с отношениями правителя и граждан, а отношения отца и детей с отношениями царя и подданных. Однако по сути он придерживается старого порядка, согласно которому «первый [муж] по своей природе выше, вторая [жена] — ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении»*.

Законы и соглашения, которыми регулировался брак, имели обратную силу. В Афинах жена окончательно становилась частью семьи своего мужа тогда, когда рожала ребенка. До тех пор отец девушки мог расторгнуть союз, если того пожелает: обычно такое решение было продиктовано имущественными соображениями. В этом случае он вновь начинал исполнять роль *kyrios* своей дочери. Кроме того, сам муж мог отказаться от жены — и он не обязан был называть причины разрыва, но должен был вернуть приданое.

Хотя единственной легальной формой брака считался брак между мужчиной и женщиной, мужьям не воспрещалось искать удовольствия на стороне. Они могли заниматься сексом с наложницами, рабынями, проститутками, любовниками и любовницами. Строгий запрет касался только отношений с женой другого горожанина. Аполлодор приводил три типа женщин, которые должны быть у афинского мужчины: жена, чтобы производить наследников и следить за хозяйством, наложница, чтобы удовлетворять ежедневные потребности (сексуального толка), и гетера (проститутка) — для удовольствия¹⁶.

Жена, напротив, должна была сохранять верность мужу и несла суровое наказание, если ее заставляли с любовником. По меньшей мере ей грозил развод и возвращение в отчий дом. Известен такой прецедент: афинский муж по имени Евфилет убил любовника своей жены Эратосфена, а затем

* «Политика», пер. С. А. Жебелева.

сумел в суде доказать, что совершил убийство при оправдывающих вину обстоятельствах. Застав любовников спящими, Евфилет бросил обнаженного любовника жены на пол, скрутил ему руки, отказался от денег, которыми тот пытался откупиться, и убил его тут же на месте. Представ перед судом по обвинению в убийстве, муж смог отстоять свою правоту при помощи речи, сочиненной для него знаменитым оратором Лисием, который затем описал этот случай для потомков. Вероятно, суд не сомневался, что Евфилет защищал не только собственные интересы, но и интересы афинского государства, поскольку измена, если ее оставить ненаказанной, могла подорвать весь социальный порядок. Таково было оправдание кровавой супружеской мести в IV веке до н.э.¹⁷

Обманутой жене закон не мог принести утешения. Даже самый чудовищный брак нельзя было расторгнуть по жалобе жены, особенно если в браке был рожден ребенок. Самое большее, что она могла сделать, — покинуть супружеский дом, на что требовалось разрешение архонта (одного из девяти высших должностных лиц в полисе), и возвратиться под опеку отца или другого назначенного ей *kyrios*. Если муж оказывался охотником за приданым и сразу после рождения ребенка забывал о своей жене, она могла по закону обязать его исполнять свой супружеский долг по меньшей мере три раза в месяц (попробуйте представить, как жена могла бы настаивать на исполнении этого обязательства!).

В Древней Греции жены были, как правило, младше своих мужей на десять или двадцать лет. Поскольку большинство событий, происходивших за стенами дома, не предполагало их участия, они едва ли могли скрасить общество своих мужчин, чья жизнь проходила на агоре (форуме), рынке, в гимнасии и в борделе. Институт брака ставили высоко, поскольку он позволял продолжить род и помогал вести хозяйство, но никто не видел в замужестве способ воссоединиться со своими возлюбленными.

Идеалу гармоничных отношений, по крайней мере в среде образованной элиты, больше соответствовал союз двух мужчин. В отличие от иудеев и христиан, греки не видели в любви между мужчиной и юношей ничего противоестественного или растлевающего. Платон (427–348 до н.э.) считал, что юноше не зазорно наслаждаться физическим контактом с женщиной — возмужав, такие юноши «любят мальчиков, и у них нет природной склонности к деторождению и браку; к тому и другому их принуждает обычай, а сами они вполне довольствовались бы сожителем друг с другом без жен»*. Гомосексуальные союзы, как и гетеросексуальные, строились на «чувстве привязанности, близости и любви».

С Платоном были согласны такие греческие классики, как Ксенофонт, Аристотель, Аристофан и Плутарх. На протяжении пяти веков гомосексуальные отношения не считались чем-то необычным. Анализ большого корпуса античной литературы позволяет сделать вывод, что в Древней Греции, по меньшей мере в высших слоях общества, гомосексуальность «была обыденной, считалась чем-то в порядке вещей и, кроме того, продуктом высокой культуры»¹⁸. Но было бы ошибкой считать, что древние греки единодушно одобряли гомосексуальные связи. Некоторые исследователи классической Греции не перестают напоминать нам¹⁹, что даже самые яркие апологеты гомосексуальности имели в виду отношения между опытным мужчиной, как правило возрастом до сорока лет, и юношей, которому было между двенадцатью и восемнадцатью годами. Мужеложство было одобряемым социальным институтом, благодаря которому молодой мужчина входил в зрелое общество; поведение обоих участников союза регламентировалось определенными нормами. Такой союз не считали заменой браку.

Круг общения афинянки ограничивался другими женщинами и домочадцами, а брак не предполагал горячих чувств,

* «Пир»; здесь и далее цитируется в пер. С. К. Апта.

так что некоторые замужние дамы вполне могли находить радость и утешение в объятиях других женщин, хотя о лесбийской любви в греческом обществе классического периода нам ничего не известно. Тем немногим, что мы знаем, мы обязаны поэзии Сапфо. Поэтесса родилась на острове Лесбос около 612 года до н. э. и, как предполагают, возглавляла «фиас» (*thiasos*), или содружество молодых женщин: В таких содружествах женщины учились музыке, пению, поэзии и танцу. Представление о том, что Сапфо влюблялась в женщин, основано на дошедших до нас фрагментах ее текстов и свидетельствах других античных авторов.

Одно из немногих сохранившихся целиком стихотворений называется «Гимн Афродите». В ней Сапфо, обращаясь к богине любви, просит, чтобы ее безответная любовь к молодой женщине стала взаимной. Афродита утешает ее:

Пренебрег тобою
 Кто, моя Сапфо?
 Прочь бежит — начнет за тобой гоняться.
 Не берет даров — поспешит с дарами,
 Нет любви к тебе — и любовью вспыхнет,
 Хочет, не хочет*.

Лишь немногие гречанки были знакомы с сочинениями Сапфо: читать умели не все, а на пиры, где могли декламировать ее поэзию, допускали только куртизанок. Замужние женщины могли искать любви других женщин, как Сапфо и как многие наши современницы, но раньше это грозило большой опасностью. Греческая жена не управляла своей собственной жизнью. Отец передавал ее во власть мужа с тем, чтобы она «произвела на свет законного наследника»; всю свою жизнь

* Стихотворение цитируется в пер. В. Вересаева. Во всех известных нам русских переводах «Гимна Афродите» объект любви Сапфо — мужского пола или же его пол не указан.

она вынашивала, растила и воспитывала детей, занималась готовкой и ткала одежду. До нас не дошло свидетельство о любовном наслаждении, которое она бы могла испытывать.

Жены Древнего Рима

Следующие несколько веков были отмечены переходом статуса столицы Средиземноморья от Афин к Риму и соответствующими изменениями в идее брака. В эпоху ранней Римской республики (V–II века до н. э.) брак строился по греческой модели: контроль над женщиной переходил «естественным образом» от отца к мужу. Замужние женщины должны были соответствовать идеалу пудичитии (*pudicitia*) — строгой нравственности, комплексного понятия, в которое входило и целомудрие. Предания этого периода рассказывают о добродетельных женах, которые сохраняли верность своему единственному даже тогда, когда становились вдовами. Легендарная Лукреция даже покончила жизнь самоубийством после того, как была изнасилована Секстом Тарквинием; Тит Ливий в «Истории Рима» (около 25 года до н. э.) пишет, что женщина позвала отца, мужа и верных друзей и вонзила нож себе в сердце²⁰. Супруги брали на себя обязательство обеспечить передачу мужней фамилии по наследству и произвести сынов для молодой республики, существование которой напрямую зависело от численности войска. Мужчины, командовавшие на поле боя и заседавшие в Сенате, считались правителями и в своем доме. Но со временем, уже во времена поздней Римской республики, укореняется модель брака, построенная на идеале партнерства мужа и жены и предоставляющая больше равных прав супругам.

Две эти модели получили в римском праве название *sit tui* и *sine tui* (буквально «с рукой» и «без руки»). Постепенный переход от брака «с рукой» к браку «без руки» означал, что женщина даже после замужества вместо того, чтобы

переходить под покровительство мужа, номинально оставалась под опекой отца.

У римлян основную ответственность за поиск достойного супруга для дочери нес отец, а мать, тетки, старшие замужние сестры и подруги могли в этом помогать. Инициатива самой молодой девушки не поощрялась — предполагалось, что она послушно примет решение родителей. Как правило, *sponsalia* (помолвка) оговаривалась, когда девочка была еще очень мала — в возрасте шести-семи лет. Такая договоренность походила на деловое соглашение, которое впоследствии могло привести к заключению брака.

В суровые годы ранней Республики основными критериями при выборе жениха были крепкое сложение и известность рода, но впоследствии на первый план выходили такие качества, как богатство и политические связи. Отвечая другу, который желал найти мужа племяннице, Плиний Младший в одном из своих писем, написанном около 100 года н.э., так описывает подходящего кандидата: «Он с честью прошел квестуру, трибунат и претуру <...>. У него благородное румяное лицо, и он часто краснеет; врожденная красота во всей фигуре и осанка сенатора. По-моему, никак не следует считать это мелочью: это как бы награда девушкам за их целомудрие»*. Плиний пишет и об общественном положении кандидата, и о его внешности, но деньги все равно оказываются решающим фактором.

Положительные личные качества, привлекательная внешность и мягкий характер, были приятным дополнением, которое делало состоятельного кандидата еще более привлекательным. Девушке полагалось блюсти целомудрие, а мужчине — быть благовоспитанным, надежным и деятельным, особенно если он был из аристократических кругов, как и сам Плиний. Никто не требовал, чтобы и он был девственником.

* Письма Плиния Младшего здесь и далее цитируются в пер. М. Е. Сергеенко.

Иногда о помолвке договаривались профессиональные посредники — сваты; эта профессия в Риме была довольно прибыльной. О замужестве детей могли договариваться отцы, также свататься мог и жених. Если мужчинам удавалось договориться, жених вручал невесте кольцо (*sponsa*), которое та должна была носить на третьем пальце левой руки — подобный обычай носить специальное, помолвочное кольцо существует и сейчас. Организация праздника в честь помолвки ложилась на плечи отца невесты. В календаре знатных римских семей такие праздники чередовались со свадьбами и празднованиями совершеннолетия.

Нам почти ничего не известно о том, в каких отношениях были помолвленные²¹. Проводили ли они время вместе, сопровождала ли их дуэнья? Позволялось ли невесте из хорошей семьи разговаривать с женихом до свадьбы? Овидий (43 до н. э. — 18 н. э.) пишет в своих эротических «Любовных элегиях», что они предназначены для того, чтобы их читала, «женихом восхищаясь, невеста»*. Это позволяет сделать вывод, что в период ранней Империи *sponsi* (обрученные) по меньшей мере знали, как выглядит их будущий супруг. Но сомнительно, чтобы родители позволяли своим дочерям читать такие фривольности.

Согласно римскому праву, для заключения брака требовалось согласие отца (но не матери), а также жениха и невесты. Возрастом полового созревания для девочки было двенадцать, а для мальчика — четырнадцать лет, и поскольку брак заключался между достигшими этого возраста людьми, от обоих требовалось то, что в римском праве называлось *maritalis affectio* (желание и намерение заключить брачный союз); вслед за этим невесту вводили в дом жениха. Такой брак имел юридическую силу, даже если не сопровождался церемонией. Благодаря римскому праву взаимное согласие как необходимое условие законного союза стало обязательным

* Пер. С. В. Шервинского.

на всей территории Империи и впоследствии во всем западном мире. Именно это требование провоцировало изменения женской доли на протяжении многих веков. Жену больше не могли передавать от отца к сыну как собственность.

Свадьбы традиционно играли во второй половине июня. Считалось, что брак, заключенный в мае или до завершения ритуальной уборки в храме Весты 15 июня, будет несчастлив. Накануне свадьбы невеста подносила все свои игрушки богам домашнего очага и детства и убирала одежду, которую носила ребенком. Для свадебной церемонии ее волосы разделяли на шесть пучков и перевязывали лентой, чтобы получилось что-то наподобие конуса, а затем покрывали красно-оранжевой вуалью, *flammeum*. Она надевала длинную тунику, сшитую из одного отреза ткани и перевязанную поясом со сложным узлом, который должен был развязать только муж.

Свадебная церемония проходила в доме невесты в присутствии друзей и родственников. На самом деле принять приглашение на свадьбу было долгом и светской обязанностью (*officium*), поскольку церемония должна была проходить в присутствии гостей. Руководил ею *auspex* — жрец или друг семьи. Пронуба, почтенная матрона, соединяла руки новобрачных, и они целовались. Затем подписывался и заверялся свадебный договор, если таковой был. Родственники, друзья и даже рабы дарили новобрачным подарки. После свадебного пира, который родители невесты старались сделать предельно роскошным, разыгрывалось небольшое представление. Друзья жениха тащили невесту прочь от матери, а та сопротивлялась и тянулась к ней. Все действие сопровождалось песнями и сальными шутками. Этот ритуал, напоминающий изнасилование, сегодня по-прежнему практикуется в некоторых культурах, например у цыган. Затем невеста переходила в дом мужа, а процессия из гостей и слуг, сопровождавшая ее, несла прялку и пряжу — атрибуты замужней женщины, призванные напоминать о ее долге. При входе в новый дом жених предлагал

невесте огонь и воду — ключевые элементы, помогавшие в ведении домашнего хозяйства. Как и в Греции, участники процессии пели эпиталаму снаружи супружеской спальни, пока внутри, как предполагалось, происходила консумация брака.

В знаменитой эпиталаме, сочиненной латинским поэтом Катуллом (84? — 54 до н. э.), описана свадебная процессия, которая, кажется, незначительно изменилась со времен Гомера. Катулл сперва описывает невесту, а затем мальчиков, которые освещают путь к ее новому дому:

...Но ты медлишь. Уходит день, —
Выходи, молодая!

Выходи, молодая, раз
Ты согласна, послушайся!
Видишь, брачные факелы
Треплют кудри златистые?

<...>

Взвейте, мальчики, факелы!
Брачный, вижу я, плащ грядет!
Выступайте и пойте в лад:
«О Гимен, Гименей! Ио
Гименю, Гимену!»*

Эту радостную песнь Катулл завершает призывом к жениху, чтобы тот относился к своей невесте с особенной любовью (или влюбленностью) и упованием на скорое появление потомства.

Приданое всегда оставалось одним из главных поводов для женитьбы. Подобно евреям и грекам, римляне считали, что главная задача брака — обеспечить мужчину законными наследниками. Для римлянина продолжение рода было еще и обязанностью, частью его гражданского долга. Во времена поздней Республики и ранней Империи, когда старые

* Пер. С. В. Шервинского.

патрицианские семьи начали угасать из-за непрекращающихся военных конфликтов, был разработан ряд новых законов, направленных на поощрение брака и деторождения. Император Август (находившийся у власти с 27 года до н. э. по 14 год н. э.) издал указ, согласно которому мужчины в возрасте от двадцати пяти до шестидесяти лет и женщины в возрасте от двадцати до пятидесяти лет обязаны были сочетаться браком или вступить в брак повторно. Вводился налог на безбрачие, а те, у кого было трое и более детей — что соответствовало представлениям императора о семейном счастье, — получали вознаграждение. Однако выходцы из знатных семей часто пренебрегали такого рода поощрениями и шли на уловки, чтобы иметь скромное семейство. Дети отнимали время и деньги, а римляне их очень ценили.

В те времена в ходу были примитивные средства контрацепции: например, римляне верили, что избежать зачатия помогут вагинальные суппозитории из дерева с пропиткой из меда, кедровой смолы, квасцов, а также свинца и сульфатов в соединении с маслом. Аборт был распространенной практикой, которая впервые была запрещена законом только во II веке н. э. Не существовало и закона, который защищал бы детей, брошенных или оставленных матерью в опасности. Следствием такого законодательства стало то, что мальчики выживали чаще девочек; последние же, в свою очередь, получали преимущество на брачном рынке. Найти жену и произвести детей, которым можно передать родовое имя, было гражданским долгом каждого холостяка. Продолжение рода не было единственной мотивацией для заключения брака, как это было у евреев и греков, но отсутствие потомства могло стать поводом к разводу. По преданию, причиной первого римского развода, который инициировал Спурий Карвилий Руга в 230 или 231 году до н. э., стало то, что его жена не могла зачать.

Развод был очень распространен в кругах римской элиты периода поздней Республики. Пришлось бы потрудиться,

чтобы отыскать среди них того, кто был женат только один раз. Мужчины вступали в брак не только затем, чтобы известись матерью своих будущих детей, но и для того, чтобы повысить свой социальный и политический статус. Крупные политические деятели, такие как полководцы Помпей или Марк Антоний, были женаты по меньшей мере пять раз. Несмотря на то что развод казался проходным событием, родственники и особенно дети, как и сегодня, тяжело его переживали. Знаменитый оратор и политик Цицерон (106–43 до н.э.) наблюдал расстройство племянника Квинта, который услышал, как родители обсуждают развод. Они не развелись, но Квинт ввязался в конфликт между родителями и на следующие пять лет принял сторону матери²².

Сам Цицерон развелся после тридцати лет брака. Несмотря на щедрость его жены Теренции (она финансировала его избирательную кампанию из своих личных средств) и ее преданность, даже когда муж отправился в ссылку, Цицерон не преминул развестись с ней, потому что якобы она недостаточно заботится и о нем, и об их дочери Туллии. По мнению Теренции, муж оставил ее ради женщины более молодой и более богатой. Как пишет Плутарх, Цицерон женился на своей подопечной «по причине ее богатства, желая расплатиться с долгами <...> имея несколько сот тысяч долгу, был он убежден своими приятелями, несмотря на свою старость, жениться на сей девице, дабы освободиться от заимодавцев, пользуясь ее именем»*. Второй брак оказался предсказуемо скоротечным. Когда дочь Цицерона Туллия (она была замужем трижды) умерла при родах, он развелся со второй женой, потому что та недостаточно скорбела по погибшей. Ловкость, с которой Цицерон менял жен, свидетельствует, что инициировать развод и добиться его, не вызвав притом обществен-

* «Жизнеописания» Плутарха здесь и далее цитируются в пер. С.Ю. Дестуниса.

ного гнева, мужчине было нетрудно. В этот же период женщины получили право требовать развода, если на то были согласны их отцы.

В период поздней Республики и ранней Империи измены, как и разводы, стали привычным делом для представителей правящих классов. Одни женщины становились знамениты благодаря своей верности, другие — благодаря своим любовным похождениям. Своей славой Клодия Метелла была обязана тому, что у нее было множество любовников, и среди них Катулл, который в своих стихах называл ее Лесбией. О дочери императора Августа Юлии шла такая дурная молва, что отец почел за лучшее сослать ее на остров. Четверо из ее любовников отправились в ссылку, а пятый был казнен.

Император Август в 18 году до н. э. издал ряд законов, желая исправить испорченные нравы. Согласно одному из таких законов, муж обязан был в течение шестидесяти дней после того, как узнал об измене, возбудить преследование неверной жены. Однако обиженным женам этот закон не помогал — в нем специально было прописано, что «жена не имела права выдвигать мужу обвинение в измене даже в рамках жалобы на нарушение брачного обета, поскольку закон дает такое право мужу, но не уточняет, что следует делать женщине»²³. Уличенная в измене жена получала развод от мужа, с нее взыскивали половину приданого и треть ее имущества и ссылали на остров. Плиний Младший, которому пришлось вести бракоразводный процесс в соответствии с этим законом, сохранил живое свидетельство о происходящем:

На следующий день слушалось дело Галитты, виновной в прелюбодеянии. Она была замужем за военным трибуном, намеревавшимся искать магистратур, и запятнала свое и мужнино достоинство любовью к центуриону. Муж написал наместнику провинции, а тот цезарю. Цезарь, взвесив все доказательства, центуриона разжаловал и даже выслал. Оставалось наказать другую

сторону <...> Муж, хотя его и порицали за долготерпение, медлил по любви к жене и даже после явного прелюбодеяния держал ее дома, словно довольствуясь тем, что соперник убран. <...> Осудить ее было неизбежно, если даже обвинитель и не хотел этого, она осуждена и наказана по Юлиеву закону (VI, 31).

Здесь примечательным образом раскрываются проблемы класса и гендера. Во-первых, муж и жена принадлежат к кругу сенаторов, в который центурион не вхож, вследствие чего интрижка выглядит «оскорблением» для мужа, имеющего более высокий социальный статус. Без труда убрав с пути соперника, муж рад был бы продолжить жить со своей женой, но закон велел поступить иначе. Жену следовало отослать, как и ее возлюбленного. Примечательно, что муж решил снять свои обвинения «по любви к жене». Измена не заставила его любить меньше вопреки тому, что предписывал закон.

Взаимные чувства в римском браке приветствовались. В римской стоической традиции существовал идеал супружеской близости, подразумевавшей самую близкую телесную связь, вплоть до совместного следования в ссылку или двойного самоубийства. В то же время римляне не одобряли публичные проявления чувства. Известен случай, когда сенатор был отстранен от службы в Сенате за то, что целовал жену на глазах их дочери. Плутарх, описавший этот случай, хотя и называет наказание, возможно, слишком суровым, тут же добавляет, что «неприлично <...> при посторонних любезничать, целоваться и обниматься».

Яркие проявления эмоций были подозрительными. Мужчин, которые потакали своим молодым женам, осмеивали. У всех на устах была преувеличенная нежность, с которой Помпей (106–48 до н. э.) обращался с двумя своими последними женами. Он женился на своей четвертой жене, Юлии, дочери Юлия Цезаря, из карьерных соображений, но это его не уберегло: он, 46-летний мужчина, влюбился в девушку вдвое младше себя.

Плутарх обвинял его в том, что он «смягчился любовью к молодой жене своей, занимался по большей части ею <...> и не радел о том, что происходило в Собрании». Юлия, по-видимому, тоже любила мужа, но эта история взаимного обожания оборвалась, когда молодая супруга умерла в родах. Как ни был безутешен Помпей, вскоре он заключил новый политический брак, на этот раз — со вдовой Корнелией. Вскоре он проникся любовью и к этой высококультурной даме, среди достоинств которой были не только молодость и красота, но и знание геометрии, философии, а также умение играть на лютне.

Корнелия и Помпей сочетались браком в 52 году до н.э., и об их правах и досуге женщинам Древней Греции приходилось только мечтать. Они могли располагать той собственностью, которую получили от своих семей, и значительно преумножить свое собственное богатство. В случае развода приданое, которым распоряжались их мужья, возвращалось им. Они могли получать частное образование, могли посещать публичные мероприятия: пиры, салоны и представления. Поэтические чтения, танцы обнаженных девушек или сексуальные оргии — статус замужней дамы не воспрещал римлянкам посещать такие мероприятия и быть их равноправными участницами²⁴.

Замужние женщины из высшего общества были вольны путешествовать по городу, поскольку домашние обязанности, в том числе кормление грудью, можно было переложить на нянек, слуг и рабов. Кормление грудью было непопулярно у римлянок периода Империи. Так, Тацит (56–120) бранил женщин имперского Рима за то, что они не дают грудь детям, и усматривал здесь причину того, что новому поколению недостает гражданской сознательности²⁵.

Римские женщины были полноправными хозяйками в своем доме и «хранительницами ключей» — за одним важным исключением. Мужья хранили ключи от винного погреба, поскольку женщинам не позволялось пить вино. Такой запрет

основывался на древних страхах, согласно которым пьяная жена не будет способна сохранить свою «чистоту».

Если мужа отправляли на фронт или в ссылку, римлянка должна была быть готова вести его дела. В таком случае она, как правило, оставалась в Риме и следила за семейным имуществом²⁶. Предполагалось, что она разделит как публичные почести своего мужа, так и его личные неудачи. За время брака с Помпеем, который продлился всего четыре года, Корнелия успела разделить с ним и то и другое. Наконец, во времена гражданской войны она вслед за Помпеем бежала из Рима и стала свидетельницей его убийства, когда после тяжелого военного поражения он высадился в Египте.

Самые знаменитые любовники Рима периода Империи — Антоний и Клеопатра. Их история, превратившаяся в легенду уже при их жизни, возбуждала воображение западного человека на протяжении двух тысячелетий. К их истории обращались в числе прочих Шекспир, Бернард Шоу и Сесил Блаунт Демилль*. Но и факты, данные без литературной обработки, позволяют судить о грандиозном масштабе этого романа. Кроме того, эта история позволяет многое узнать о статусе жен в имперском Риме.

Клеопатра, царица Египта, недолгое время состояла в связи с Юлием Цезарем и родила ему сына, которого назвали Цезарионом. Позднее, в 44 году до н.э., после смерти Цезаря, когда Антоний (вместе с Октавием и Лепидом) состоял во втором римском триумвирате, он вызвал Клеопатру на юг нынешней Турции, где начался их роковой роман. До встречи с египетской царицей Антоний был женат трижды, однако это не спасло его от глубокой, страстной и безоглядной любви.

Пока его жена Фульвия следила за домом в Риме и выступала в качестве представителя мужа в спорах с Октавием

* Сесил Блаунт Демилль (1881–1959) — один из самых успешных кинорежиссеров «Золотого века Голливуда».

(который позднее станет императором Августом), Антоний проводил зиму 40–41 годов до н.э. с Клеопатрой в Александрии. Все римские авторы изображают Клеопатру соблазнительной иностранкой, которая сумела своими «восточными» чарами одурманить стойкого воина Антония. Но что нам в действительности известно об отношениях между ними? Лишь то, что от их союза произошли близнецы, мальчик и девочка Александр и Клеопатра.

Тем временем Фульвия вынуждена была покинуть Рим по политическим причинам и по дороге к мужу заболела и умерла. Вынужденный вернуться в Рим, чтобы привести в порядок свои дела, Антоний сумел помириться с Октавием. Чтобы закрепить союз, по которому страна делилась на три региона, Антоний должен был жениться на сестре Октавия, Октавии. Поскольку и Антоний, и Октавия недавно потеряли своих супругов, их считали идеальной парой. Предполагалось, что Октавия будет заботиться о двух маленьких сыновьях Антония. Как хорошая римская супруга она была готова исполнить свои обязательства, но знала ли она, что у Антония есть еще двое детей, которых родила ему Клеопатра? В любом случае обе стороны согласились сыграть свадьбу в Риме, и было получено соответствующее разрешение от Сената, позволявшее им нарушить закон, согласно которому вдова могла повторно выйти замуж только через десять месяцев после смерти мужа (тогда, как и теперь, разрешение на брак и его аннулирование были в компетенции властных органов). В честь своей женитьбы Антоний велел отчеканить монету. Октавия стала первой римлянкой, удостоившейся чести быть изображенной на монете.

На протяжении нескольких лет Антонию удавалось сохранять оба брака — официальный в Риме и неофициальный в Египте. Октавия родила ему двух дочерей. Но Клеопатра начала брать верх, о чем свидетельствует монета, которую Антоний выпустил в 37 году до н.э., с портретом императора

на одной стороне и портретом Клеопатры на реверсе²⁷. Спустя год Октавия с изумлением узнала, что ее муж и царица Египта сочетались браком. Юристы уверили ее, что, поскольку Клеопатра была чужестранкой и поскольку римляне по закону обязаны были искать супругов из числа своих сограждан, этот союз не считался действительным. Готовая простить все, Октавия в 35 году до н.э. отправляется на восток с войсками и золотом, в которых так отчаянно нуждался ее муж. В Афинах она получила письмо, в котором Антоний приказывал ей отправить провизию дальше, а самой возвращаться в Рим. Через три года Антоний послал ей формальное уведомление о разводе. Спустя столетие Плутарх так описывал это событие: «Он послал в Рим своих людей для изгнания из дома Октавии. Она вышла, как говорят, взяв с собою всех детей Антония, кроме старшего сына Фульвии, который находился при отце. Она оплакивала свою участь...» Там она жила под опекой своего брата Октавиана, который вскоре стал единовластным правителем Римской империи.

Октавиан имел все основания злиться на Антония, так бесцеремонно бросившего его сестру ради царицы Египта. Особенно его разозлило завещание зятя: согласно ему, даже если он умер бы в Риме, его тело должны были, с помпой пронести по городу, отослать Клеопатре в Александрию. Октавиан предъявил Антонию множество претензий, в том числе и то, что он подарил Клеопатре Пергамскую библиотеку, насчитывающую 200 000 томов. Столь же красноречиво было и обвинение в том, что «он на пиру, на глазах у многих гостей, поднялся с места и растирал ей ноги», а также в том, что «он, едва завидел ее, вскочил, не дослушав дела, и отправился провожать царицу, буквально прилипнув к носилкам». Разве такое поведение было достойно римлянина, для которого любые публичные проявления чувства считались неприемлемыми?

Война, которую объявил Октавиан, закончилась полным поражением Антония и Клеопатры при Акции в 31 году до н.э.

Бежав в Александрию, любовники ждали неминуемого прихода Октавиана и готовились к смерти. Ему было пятьдесят два года, ей — тридцать девять лет, и сколь бы это ни было мучительно, они предпочли расстаться с жизнью самостоятельно, чем позволить Октавиану забрать ее. Антоний должен был, как пристало римлянину, покончить жизнь самоубийством, а Клеопатра собиралась совершить столь же благородный, в глазах римлянина, поступок. История последних минут их жизни в том виде, в каком она дошла до нас, изображает их не только как любовников, преданных друг другу до последнего вздоха, но и как идеальных римских супругов, которых соединил последний смертельный поступок.

Согласно преданию, Антоний совершил самоубийство, когда услышал, что Клеопатра умерла, но это было ошибкой. Как рассказывает Плутарх, он вонзил меч себе в живот и лег на кровать, но когда ему сказали, что царица еще жива, он попросил, чтобы его вынесли к ней: «уложив его на постель и склонившись над ним, Клеопатра растерзала на себе одежду, била себя в грудь и раздирала ее ногтями, лицом отирала кровь с его раны и звала его своим господином, супругом и императором».

Гибель Клеопатры была столь же зрелищной. Хотя она встретила Октавиана и убедила его, что намерена продолжать жить ради своих детей, она тоже погубила себя. По легенде ей принесли аспиды в корзине со смоквами. Затем она позволила аспиду укутить себя. Но даже Плутарх пишет: «Впрочем, истины не знает никто». Октавиан, вероятно, поверил версии с аспидом и, «хотя и был раздосадован смертью Клеопатры, не мог не подивиться ее благородству и велел с надлежащей пышностью похоронить тело рядом с Антонием».

После их смерти, по иронии судьбы, именно Октавия взяла на себя воспитание детей Антония — не только двух дочерей, рожденных в их браке, но также сыновей Антония от брака с Фульвией и детей от союза с Клеопатрой! Октавия растила

их вместе с теми тремя детьми, которых родила в предыдущих браках. Сегодня, наблюдая за тем, с какими сложностями сталкиваются воссоединенные семьи, мы можем вообразить семью Октавии и удивиться тому благородству, с которым она приняла на себя обязательства по воспитанию многочисленных сирот.

Жизнь соперника Антония, Октавиана Августа, демонстрирует другое отношение к браку в высшем сословии. Первой его женой была Скрибония, которая до того уже дважды была замужем. Этот политический союз длился всего два года. После того как Скрибония родила девочку, Октавиан развелся с ней, поскольку она не ужилась с одной из его фавориток. Тогда же он воспылал такой любовью к Ливии, что разделил с ней ложе уже тогда, когда она носила ребенка от первого брака. Затем он заставил мужа Ливии дать ей развод и сам женился на ней в 38 году до н.э., спустя три дня после рождения ребенка. На протяжении всего своего правления — а оно длилось без малого пятьдесят один год — Октавиан был женат на Ливии, даже несмотря на то, что этот брак не дал детей. А в 14 году до н.э. на смертном одре Октавиан обратился со своими последними словами к жене, прося ее хранить память об их счастливом супружестве²⁸.

По всей видимости, Ливия более терпимо, нежели ее предшественница, относилась к интрижкам мужа. Она не только позволяла ему иметь любовниц, но, как говорят, даже сама приводила их ему. О Ливии говорили и другое. В глазах язвительного историка Тацита она представала своенравной интриганкой, устранявшей всех конкурентов ради продвижения своего сына Тиберия по службе. Валерий Максим и Сенека были к ней более благосклонны. А по мнению большинства современных историков, в успехах Августа Ливия сыграла большую роль, а их преданность друг другу была достойной подражания. Первая императрица Рима, счастливая жена и благородная женщина, она стала примером для всех своих последовательниц²⁹.

О браках римской аристократии можно узнать из писем, которые Плиний Младший направлял своей любимой третьей жене Кальпурнии:

Плиний Кальпурнии привет. Никогда я так не жаловался на свои занятия, которые не позволили мне ни сопровождать тебя в Кампанию, куда ты уехала поправить свое здоровье, ни сразу же за тобой последовать. А сейчас мне особенно хочется быть с тобой, воочию убедиться, прибыло ли у тебя сил, пополнела ли ты... (VI, 4)

Плиний Кальпурнии привет. Ты пишешь, что очень тоскуешь без меня и единственное для тебя утешение обнимать вместо меня мои книги <...> тем сильнее разгорается тоска по тебе: если так сладостны твои письма, то сколько же радости в твоей беседе! Посылай письма как можно чаще: я счастлив ими до боли. Будь здорова (VI, 7).

Письма Плиния, даже если они писались специально для печати, свидетельствуют о большой любви. Безусловно, лишь немногие жены могли похвастать тем, что муж настолько их обожает.

Но многие испытывали нежные чувства к своим супругам, если верить бесчисленным могильным камням, которые воздвигались в их честь скорбящими мужьями. Могильные надписи прославляли в женах любезность, прелесть, совершенство, преданность, послушность, скромность, верность, хозяйственность, очарование, благородство, красоту и любовь. Знаменитая мемориальная табличка I в. до н. э., которую муж посвятил своей жене Турии, представляет нам женщину по-настоящему любимую. Поминальная надпись начиналась так: «Браки столь долгие и не прерываемые разводом редки». Далее рассказывалась история о том, как жена приложила невероятные усилия к реабилитации своего мужа, после того как

его политическая карьера рухнула. Ей удалось тайно вернуть его в Рим, а затем он прятался на тесном чердаке, пока она надоедала городским магистратам бесчисленными мольбами, рискуя своей собственной безопасностью, — и в конце концов была вознаграждена за это: супругам позволили снова жить вместе. Единственное, что омрачало их брак, — отсутствие детей. Когда Турия предложила мужу развестись, чтобы он мог жениться на другой, тот отказался. Заканчивается надпись описанием скорби мужа по несравненной жене: «верная и преданная жена, благородная и милостивая к другим, дружелюбная и милосердная»³⁰.

Еще один пример — хранящийся в Лувре погребальный жертвенник, воздвигнутый около 180 года н. э. Юлием Секундом в память о его жене Корнелии Тихе и их дочери Юлии Секундине, погибших в кораблекрушении. Поминальная надпись гласит: «Душой и телом преданная своему мужу, беззаветно любившая своих детей, она прожила 38 лет, 4 месяца и 7 дней, из которых двенадцать провела со мной». Одиннадцатилетняя дочь изображалась «удивительной своим прилежанием, неиспорченной и образованной свыше того, что принято у особ ее пола».

Жены тоже возводили монументы погибшим мужьям и часто употребляли те же слова, что использовались для описания женщин. Вероятно, одни и те же слова имели немного различные значения в зависимости от того, к представителю какого пола они относились. «Послушная» для женщины означало, что она во всем подчиняется своему мужу, в то время как муж не мог подчиняться воле своей жены³¹. «Скромность» для мужчины равнялась рассудительности, в то время как для женщины это одно из качеств в рамках кодекса *пудичитии*.

Преданность погибшему супругу считалась для вдовы проявлением благородства, несмотря на то что закон наказывал женщин младше пятидесяти, которые отказывались вступать в брак повторно. Для женщин, которые были замужем только

однажды, существовал даже специальный термин *univera*, носивший положительные коннотации. Никто не ожидал подобного поведения от вдовца. Тот мог жениться сразу же после смерти жены, но вдове полагалось из уважения к покойному мужу выждать некоторое время — от десяти месяцев до двух лет.

Прежде чем завершить разговор о Древнем мире, я хотела бы вкратце коснуться проблемы отношения к гомосексуальности у римлян, которые, особенно в период поздней Империи, были столь же терпимы к ней, сколь и греки. Как пишет историк Джон Босуэлл, «в римском мире однополые браки были распространены, партнеры жили друг с другом постоянно, и такой союз ничем не отличался от гетеросексуального»³². Нерон, экстравагантный римский император, правивший с 54 по 68 год н. э., дошел даже до того, что устроил одну за другой две брачные церемонии с двумя разными мужчинами. Светоний писал о первой гомосексуальной свадьбе Нерона: «Мальчика Спора он сделал евнухом и даже пытался сделать женщиной: он справил с ним свадьбу со всеми обрядами, с приданым и с факелом, с великой пышностью ввел его в свой дом и жил с ним как с женой. <...> Этого Спора он одел, как императрицу, и в носилках возил его с собою и в Греции по собраниям и торжищам, и потом в Риме по Сигиллариям, то и дело его целуя»*. Затем он заключил брак со своим вольноотпущенником Дорифором. Нерон заставил придворных оказывать своим супругам-мужчинам такие же почести, что и своим трем женам (первой была Октавия, с которой он развелся после выдуманного дела об измене и затем казнил; второй — Пoppея, которая умерла спустя три года; последней — Статилия Мессалина).

Число гомосексуальных браков, по всей видимости, возросло в первые столетия нашей эры, но такие браки были объявлены вне закона в 342 году. Взгляды древних людей на свадьбы

* Пер. М. Л. Гаспарова.

и сожительство между представителями одного пола, а также на перспективы легализации браков близки взглядам современных консерваторов. Например, Ювенал в своей язвительной «Второй сатире» пишет: «Вот за мужчину выходит богатый и знатный мужчина»*. В том же язвительном тоне, который сделал его известным, он описывает необходимость появиться на свадьбе друга, и хотя по-прежнему не придает этому большого значения, все же опасается того, что такие свадьбы будут становиться все более популярными:

Будет все это твориться при всех, занесется и в книги;
Женам-невестам меж тем угрожает ужасная пытка —
Больше не смогут рожать и, рожая, удерживать мужа.

Но такая жестокая насмешка над отношениями между двумя мужчинами не сравнится с картиной гетеросексуального брака, которую Ювенал рисует в «Шестой сатире», посвященной римским женам. Между описаниями опасностей брака и радостей мужской любви Ювенал вопрошает: «Разве не лучше тебе ночевать хотя бы с мальчишкой? / Ночью не сосорится он, от тебя не потребует, лежа, / Разных подарочков...»** У Ювенала римские жены были ответственны за всевозможные предательства и разврат, а брак был не более чем «недоуздой», в которую мужчина протягивает «глупый свой рот».

Что же касается однополых союзов между женщинами, у нас нет оснований не верить, что римские писатели были знакомы с таким явлением и безусловно отвергали его как «безобразное, незаконное, безнравственное, противоестественное и постыдное»³³. Хотя римская культура была относительно толерантна к эросу между мужчинами, она была безусловно враждебна по отношению к трибадам — так римляне называли лесбиянок. И все же женская гомосексуальность была

* Пер. Ф. А. Петровского.

** Пер. Д. С. Недовича.

столь же значимой частью жизни римского общества, как и мужская, — свидетельством тому обильная критика, которой сопровождают ее такие писатели I и II веков, как Сенека, Марциал и Ювенал.

Римские врачи склонны были считать женский гомоэротизм недугом, который проявлялся в мужеподобности. Соран Эфесский, выдающийся греческий врач, который трудился в Риме во II веке н. э., полагал, что причина такого физического состояния — увеличенный клитор. Поскольку увеличенный клитор можно было сравнить с пенисом, полагали, что такая женщина занимала «активную» позицию по отношению к мужчине, а не «пассивную», которая считалась естественной для женщин. Чтобы проверить это, Соран и другие доктора проводили хирургическую процедуру, называемую клиторидэктомией. Ее и сегодня осуществляют в мусульманских странах, таких как Египет и Судан, несмотря на протесты медиков и борцов за женские права.

Нас не должно удивлять то, что к мужским гомосексуальным практикам в Риме относились терпимо, в то время как женские замалчивались. У мужчин в древности просто было больше свобод, чем у женщин — во всех отношениях, включая поведение, которое христиане, моралисты и психиатры называли соответственно «грехом», «ненормальностью» и «отклонением от нормы». На протяжении по меньшей мере пяти сотен лет мужчины-литераторы от Платона до Плутарха относились к лесбийским отношениям строго отрицательно, продолжая обсуждать прелести мужской гомосексуальности и гетеросексуальной любви. Трактат «Об Эроте» Плутарха кратко и лаконично отражает все этапы этой дискуссии.

Защитник гомосексуальности здесь заявляет, что «у истинного Эрота нет ничего общего с гинекеем... <...> Эрот подлинный только один, обращенный к мальчикам». Он сравнивает любовь юноши с мужскими добродетелями — философией и борьбой — и принижает значение «Эрота... близкого

к женским уборам и ложам, ищущего изнеженности, развращенности и недостойных мужа наслаждений»*. Такой подход в Римской империи является отголоском классической Греции, где мизогиния и пренебрежительное отношение к женщинам были в порядке вещей.

Но доходя в диалоге Плутарха до апологии любви в браке, мы понимаем, что со времен расцвета греческой цивилизации что-то изменилось. На гетеросексуальную интимность начали смотреть в более положительном ключе. Вместо того чтобы исключать супружеские удовольствия как низшую форму любви, ее защитник безапелляционно заявляет, что для супругов сексуальные отношения — «источник дружбы, как приобщение к великим таинствам». Он говорит о «доверии и приязни» и «светлой и завидной дружбе», которая развивается между супругами. И, отвергая пять веков высококультурной традиции любви к юношам, защитник брака настаивает на том, что нет более всхлительного союза, чем тот, который осенил «Эрот, присутствующий в брачном общении». Примечательно, что «Об Эроте» заканчивается гетеросексуальной свадьбой, на которую приглашаются все персонажи.

От обладания к товариществу на вере

За тысячи лет греко-римской цивилизации, со времен Гомера до времен Нерона, представление о жене претерпело значительные изменения. Одна из самых заметных перемен касается идеи жены как «собственности». В Древней Греции девушка находилась под властью отца, пока не выходила замуж. Тогда отец «передавал» ее мужу. Отголоски этой идеи можно увидеть в западном свадебном ритуале, когда распорядитель спрашивает у отца: «Кто выдает эту женщину замуж?» — и отец невесты отвечает: «Я». Женщина на выданье была живым

* Пер. Я. М. Боровского.

товаром, она переходила из отчего дома в мужний, брала фамилию мужа и попадала под его власть. Мужья не видели причин для недовольства, а жены принимали такое положение дел, хотя некоторые, конечно, высказывали возмущение.

Но со временем в Древнем Риме понятие согласия невесты приобрело больший вес в глазах общества и закона. Теоретически невеста могла с согласия отца сама распоряжаться своей рукой. А на практике это, вероятно, означало, что отцы советовались с дочерьми по поводу выбора мужа и что сложно было выдать их замуж против их воли.

Сходным образом перед римлянками периода Империи открылись новые возможности относительно развода, которые не были знакомы их предшественницам гречанкам. Богатая римская матрона этого периода была довольно эмансипированной. Действительно, даже если мы прочитаем сатиры Ювенала на римское общество с большой настороженностью, мы поймем, что жены Рима как должное воспринимали свободу передвижения и сексуальную свободу. Ювенал вложил в уста римской матроны, обращающейся к своему мужу, следующие очень современные слова: «Решено ведь, — / Ты поступаешь как хочешь, и я уступаю желаньям / Так же, как ты»*.

Во многих смыслах отношение римлян к браку походило на взаимовыгодное сотрудничество, и некоторые его аспекты предупредили наше современное представление о браке. И все же было бы наивным думать, что римляне придерживались тех же супружеских ценностей, что и мы. Не стоит забывать, что брак в Древнем мире был по большому счету семейным предприятием, организованным исходя из экономических, социальных и политических соображений. Никто не ждал, что невеста и жених будут «влюблены» друг в друга — весьма вероятно, что они едва ли видели друг друга в лицо. Это напоминает мне современные индийские свадьбы,

* Из «Шестой сатиры», пер. Д. С. Недовича.

где родители и по сей день выбирают «возлюбленных» своим детям. Как разительно это отличается от нашей идеи о том, что выбирать себе пару нужно по любви! Как для традиционных индийских семей, так и для классических римлян было в порядке вещей, что любовь приходит после свадьбы. А если любви не случилось, можно было все же построить гармоничные отношения с супругом.

В Древней Греции и Древнем Риме задачей мужей и жен было поддерживать стабильный социальный порядок. Это представление строилось на двух основных идеях: греческом представлении о том, что следует избегать преувеличений, и римском представлении о том, что следует быть верным, то есть преданным своей семье, друзьям и родине. По мере того как идея верности в браке начала превалировать над всеми остальными, роль жен выросла. Уважение римлян к моногамным союзам получило широкое распространение во времена Империи и впоследствии, как мы увидим, стало частью иудео-христианской морали, которую мы разделяем по сей день.

Глава вторая.
ЖЕНЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ.
1100–1500 ГОДЫ

...Ведь книжный червь не может
Нас, женщин, оценить, хоть все нас гложет*.
Джеффри Чосер. Кентерберийские рассказы

Что общего между благородной дамой из феодального замка, живущей в городе женой бюргера, нищей женщиной, перебивающейся наемной работой, и крестьянкой? Как мы можем объединить женщин из таких разных социальных страт, из разных стран и столетий? Во-первых, можно изучить юридические и религиозные статуты, которые касаются средневековых жен. Во-вторых, можно изучить представления о браке, преобладающие в светской литературе того периода. Повседневная деятельность жен отражена в миниатюрах из манускриптов, ксилографиях, гравюрах и даже в живописных портретах, которые изображают женщин за различными занятиями. Но мне кажется, что самое ценное свидетельство — это те немногие документы, которые передают взгляд самой женщины на свое положение. По этим различным источникам можно воссоздать канву жизни замужней женщины, которая, хотя разительно отличается от нашей, по-прежнему в чем-то с ней схожа.

* «Кентерберийские рассказы» здесь и далее цитируются в пер. И. А. Кашкина и О. Б. Румера.

Светское и религиозное законодательство

На протяжении Средних веков католическая церковь постепенно переводила брак под свою юрисдикцию. Прежде в большей части Европы следовали римской модели брачной церемонии, которая требовала согласия невесты, жениха и их отцов. Но в середине XII века в церковном законе, известном как каноническое право, было сделано два нововведения, которые будут иметь долгосрочные последствия. Во-первых, церковь настояла на том, чтобы на церемонии, помимо свидетелей, присутствовал священник и чтобы она совершалась в лоне церкви. Во-вторых, отныне меньше веса придавалось согласию родителей и больше — взаимному желанию будущих супругов, которое принималось в качестве главной причины для узаконивания отношений. Эта революционная доктрина будет сохраняться и процветать на протяжении следующих веков¹

Помимо этого, брак начали считать таинством (церемонией, во время которой нисходит благодать Божья), и это означало, что его уже нельзя было расторгнуть. Представление о священной природе брака широко распространилось с VIII века, хотя в церковном праве оно было зафиксировано только после Тридентского собора в 1563 году. Средневековые мужчины и женщины вступали в брак, осознавая, что не смогут разорвать его, даже если он оборачивался катастрофой для обоих. В целом же нерушимость брака, вероятно, была выгодна в первую очередь женщинам, потому что большинство разводов традиционно совершались по инициативе мужей². Новое представление о браке давало женам чувство защищенности, незнакомое одиноким женщинам, за исключением монахинь.

Средневековое общество по своей сути было иерархичным: крепостные и сельские жители подчинялись своему хозяину, который, в свою очередь, служил более могущественному господину и госпоже, а все вместе они подчинялись королю. В такой феодальной системе жена — неважно, каков был ее социальный

статус — зависела от своего мужа. Английский юрист XIII века Генри де Брактон писал, что женщина должна беспрекословно подчиняться мужу, если только он не заставлял ее пойти против Закона Божьего. Он приводил в пример случай, когда жена и муж подделали королевский указ, и хотя муж был приговорен к повешению, жена была оправдана на том основании, что действовала по его указке³. И французское, и английское право дошли до того, что в них женщина, убившая своего мужа, обвинялась в государственной измене, а не в уголовном преступлении, которое подразумевало бы более мягкий приговор: ведь она отняла жизнь у своего господина и хозяина.

В германоязычном мире власть мужчины над женой была четко прописана в «Саксонском зеркале» (Sachsenspiegel) и «Швабском зеркале» (Schwäbenspiegel) — двух книгах, на основе которых строилось законодательство многих германских городов. Эти права распространялись как на саму жену, так и на ее имущество. Муж мог распоряжаться имуществом жены, ее одеждой, драгоценностями, даже ее простынями. И он имел законное право бить ее за непослушание. Закон большинства стран не запрещал мужьям наказывать своих жен так, как они считали необходимым, если только дело не доходило до убийства.

Телесное насилие, при помощи которого муж утверждал свою власть над женой, было в порядке вещей, не противоречило законам и традициям. О случаях избиения рассказывает фольклор и литература, им посвящены карикатуры, в которых ситуация перевернута с ног на голову и на которых изображен популярный образ жены, избивающей мужа. Однако реальность давала меньше поводов для смеха, это видно из судебных протоколов, которые покрывали мужей, жестоко обращавшихся с женами, а их поведение считалось само собой разумеющимся.

Даже если обеспокоенные члены семьи или соседи вмешивались в ситуацию и привлекали внимание суда к случаям жестокого обращения, мужья отделывались лишь штрафом или обещанием «допустить жену в свой дом и обращаться

с ней должным образом»⁴. Избиение жен еще долгое время оставалось неподсудным делом и во многих странах считалось нормой вплоть до XIX века. И даже после того, как побои были объявлены вне закона, жертвами жестокого обращения по-прежнему становились женщины из самых разных страт и самых разных национальностей. Сегодня, предоставляя убежище женщинам, подвергшимся домашнему насилию, высказывая свое осуждение и пытаясь его пресечь, мы отклоняемся от многовековой практики.

Итак, брак являлся процедурой, посредством которой мужчины закрепляли свою власть над женами на религиозном и юридическом уровнях. Но кроме того, он был призван обеспечить благополучие обоих супругов, а также их детей. В крестьянской среде брак был по своей природе сделкой между двумя людьми, желавшими объединить ресурсы, достаточные для совместного проживания. Основой нового семейного хозяйства становилось приданое невесты, которое состояло из денег, вещей, животных или земельного надела. Приданое должно было как минимум обеспечить новую семью ложем, коровой или домашней утварью. Предполагалось также, что невеста уже обладает всеми умениями, необходимыми для ведения хозяйства: знает, как ухаживать за домашним скотом и птицей, как доить коров, готовить масло, прясть и вязать. От жениха требовалось предоставить кров и поддерживать жену. На тех территориях, где еще применялось римское право, в частности на юге Луары, действовала норма, согласно которой, если семья невесты не выплачивала жениху заранее оговоренную сумму, брак аннулировался и утрачивал силу⁵.

В тех областях Европы, где жили согласно германскому праву, крестьянский брак был в первую очередь контрактом между двумя семьями, которые договаривались о размере приданого и дате свадьбы. Свадебная церемония сводилась к передаче невесты жениху с благословения ее отца или другого

старшего члена семьи. Поэма XIII века, написанная на средневерхненемецком, описывает эту сцену:

Сегодня юную Готлинд
 Берёт в супруги Ламмерслинт,
 Сегодня юный Ламмерслинт
 Супругом станет для Готлинд.
 Вот перед парюю влюблённой
 Встал седиными убелённый
 Старик — его привыкли чтить,
 Он мастер речи говорить.
 Сперва спросил он: «Ламмерслинт,
 Берешь ли в жены ты Готлинд?
 Тебе желанен этот брак?»
 Жених ответил: «Это так!»
 <...>
 Затем старик спросил Готлинд:
 «Ты хочешь, чтобы Ламмерслинт
 Твоим супругом был всегда?»
 Невеста отвечала: «Да!»^{6*}.

И все же не следует считать брак в Средние века исключительно юридической и финансовой сделкой. Взаимные чувства также могли иметь большое значение. Деревенская молодежь до вступления в брак развлекалась в лесах, полях и в скирдах сена. Многие любовники даже не задумывались о браке, пока о себе не заявляла со всей убедительностью способность женщин к воспроизведению рода. Рождение ребенка в первые месяцы после заключения брака не считалось чем-то постыдным, и, кажется, даже роды вне брака, по крайней мере в Англии, не были строго порицаемы.

Для представителей верхушки социальной пирамиды, нобилитета, брак являлся главным образом имущественной сделкой. Это был способ заключения сильных союзов и перераспределения наследства. За то, чтобы найти наилучшую

* Пер. Л. Оборина.

партию для своего ребенка и по меньшей мере обеспечить своим внукам равный социальный статус, были ответственны отцы семейств. Девственность была в цене, и родители пристально следили, чтобы дочери не лишились ее до брака, который заключался в раннем возрасте.

Сыновьям же позволялось все, на что способна юность: знакомства с девушками низшего социального положения, сожительницы и проститутки. В майорате титул и владения переходили к старшему сыну, а младшие зачастую ничего не могли предложить будущей невесте и не имели возможности жениться. Эта ситуация повлекла за собой дисбаланс между количеством неженатых мужчин и женщин на выданье. Поскольку подразумевалось, что брак дочери должен был заключаться исходя из экономической и социальной выгоды для семьи невесты и ее самой, только самая дерзкая бунтарка могла бы противиться пожеланию своего отца или опекуна. Грубо говоря, чем больше было богатство и чем выше статус семьи, тем менее значимым было мнение невесты при выборе супруга.

Дочери из купеческого класса, вероятно, имели наибольшую свободу в выборе жениха, поскольку они помогали своим отцам вести дела. Купцы, художники, пивовары, врачи, трактирщики зачастую полагались на помощь своих дочерей, а также сыновей и жен; как правило, дочерей выдавали за партнеров по бизнесу, и те продолжали работать и после замужества. Ростом городов в период с XII по XV век обусловлено то, что один ученый назвал «окном свободы» для европейских женщин⁷. Дочерям бюргеров из Парижа, Страсбурга, Марселя, Базеля, Венеции, Лондона, немецких Любека, Франкфурта-на-Майне, Кельна, Нюрнберга, Лейпцига и других европейских городов было легче, чем крестьянкам или дворянкам, знакомиться с мужчинами разных профессий и заводить тайные романы, хотя брак, как правило, все равно оставался решением главы семьи.

Как только семьи молодоженов договаривались о деньгах, помолвка вступала в силу. В раннее Средневековье такая

сделка накладывала столь же строгие обязательства, что и сам брак. Так, в XII веке в деревне Маркейт состоятельная англосаксонская семья принудила свою дочь Кристину к помолвке, а когда та отложила свадьбу на несколько лет, родители испугались, что над ними «будут смеяться соседи и о них станут судачить повсюду». Священник, которого вызвали, чтобы он убедил Кристину выйти замуж, говорил о помолвке так, как будто она равна браку: «Нам известно, что ты была помолвлена по церковному обычаю. Нам известно, что брак, совершенный согласно божественному закону, не может быть отменен, ибо что Бог сочетал, того человек да не разлучает». Наконец, дело дошло до епископа, и тот принял решение в ее пользу. Кристине из Маркейта было позволено выполнить детский обет и остаться девственной, чтобы вести жизнь духовную: «хранить себя для Бога и служить не мужчине, а Ему»⁸.

Несмотря на то что в религиозном законодательстве уже содержалось предписание проводить свадебный обряд в церкви, у верующих это еще не вошло в привычку, и они продолжали действовать по старинке. У германских крестьян обряд по-прежнему проводился под покровительством главы семьи, а в странах, перешедших в католичество, таких как Италия и Франция, даже представители высших классов сочетались браком вне церкви. Столкнувшись с упорным сопротивлением, папа Александр III (1159–1181) был вынужден оставить попытки принудить христиан жениться в церкви. Во Франции, например, в ходу был брачный обряд, отсылавший к древнему обычаю сопровождать молодоженов до брачного ложа.

В 1194 году Арну, старший сын графа де Гина, женился дома. До нас дошла запись одного из священников, проводивших обряд: «когда муж и жена возлегли вместе на ложе, граф пригласил нас, меня, двух моих сыновей и прочих священнослужителей» в комнату. Обратите внимание, что сам священник был женат и имел двоих сыновей, наследовавших его профессию. Граф распорядился, чтобы новобрачных

окропили святой водой, кровать окурили ладаном, а пару благословили и вверили Богу. Затем сам граф воззвал к Божьей милости, прося для пары «божественной любви, неугасающей гармонии и преумножающегося потомства». Эта церемония происходит в спальне новобрачных, обрядом распоряжается их отец, полноправный участник ритуала наравне со священнослужителем⁹. Невеста — единственная женщина, присутствовавшая на церемонии, в окружении шести мужчин — должно быть, испытывала страх, лежа в чужой постели, вдали от обычного своего женского окружения. Она безусловно должна была прочувствовать всю торжественность момента и особенно ощутить важность своей задачи — подарить новой семье наследника.

Тем не менее постепенно требования европейской церкви вывести брачную церемонию в сферу публичного и проводить ее в церкви возымели действие. Так, в 1231 году Фридрих II, император Королевства Сицилия, к которому относилась большая часть Южной Италии, издал такой закон: «Мы повелеваем всем мужам королевства, особенно дворянам, которые желают заключить брак, справлять свадебную церемонию торжественно и публично, с должными почестями и с благословения священника, после того как была отпразднована помолвка»¹⁰

В рамках публичной брачной церемонии на протяжении трех недель до обряда в церкви оглашались имена вступающих в брак лиц — считалось, что этот срок достаточен, чтобы те, кто имеет какие-либо возражения, высказали их. Например, кто-нибудь мог заявить, что жених или невеста уже состоят в браке; ревнивый соперник мог сообщить, что супруги приходятся друг другу двоюродными, троюродными, четвероюродными или пятиродными родственниками — брак между ними был запрещен церковью. Если возражений не было, брак заключался «в церкви». Что значило — у церковных дверей: при входе или на паперти. Вот о чем говорит Батская ткачиха из «Кентерберийских рассказов» Чосера: «...пять ведь раз /

На паперти я верной быть клялась». Согласно латинской литургии, которую использовали в Англии и во Франции, невеста и жених стояли перед дверями церкви, мужчина — по правую руку от женщины, а женщина — по левую от мужчины, их окружали священник и свидетели.

Обряд, справлявшийся в британском Йорке (и аналогичный тому, каким его проводили в Сарно, Херефорде и французском Ренне), позволяет нам больше узнать об этой древней церемонии¹¹. Священник обращается к пастве на довольно архаичном языке: «Братья, мы собрались здесь пред лицом Бога, ангелов и всех святых, пред лицом нашей матери святой Церкви, для того чтобы связать узами брака двух молодых <...> Если кто-либо знает причину, по которой этот брак идет против закона, пусть назовет ее сейчас».

Затем священник обращался к мужчине: «Берешь ли ты эту женщину в жены и клянешься ли оберегать ее, быть рядом в болезни и здравии, быть мужем своей жены в любые невзгоды и быть с ней до конца твоих дней?» На что мужчина отвечал: «Клянусь».

Затем священник обращался к женщине с той же речью, прибавляя, что та должна быть покорной и служить своему мужу. Женщина отвечала: «Клянусь».

Затем священник спрашивал: «Кто выдает эту жену?» — женщину обычно сопровождает отец. Эта часть древней церемонии отсылает к старинной традиции, по которой отец «передавал» свою дочь мужу.

Затем жених и невеста, как и в римской церемонии, брали друг друга за правую руку, и жених произносил свою клятву, повторяя за священником: «Я беру тебя, [имя невесты], в законные жены, чтобы любить тебя и оберегать, в горе и радости, в богатстве и бедности, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит нас». Невеста давала ту же клятву.

Затем жених клал золото, серебро и кольцо на щит или книгу, и священник благословлял кольцо, которое жених надевал

на средний или безымянный палец невесты. Держа невесту за руку, он повторял за священником: «С этим кольцом я беру тебя в жены, с этим золотом и серебром я прославляю тебя, а с этим даром я принимаю тебя». Затем священник спрашивал о приданом невесты — деньгах или собственности, которую та отдает мужу.

Церемония завершалась молитвой и причастием, после которого все входили в церковь и служили свадебную литургию. Сама по себе литургия, сколь бы вдохновляющей она ни была, не играла значительной роли в узаконивании брака, который вступал в силу после церемонии у церковных дверей.

Естественно, у еврейских общин по всей Европе была иная церемония бракосочетания, они придеживались своих законов и ритуалов. И все же, как бы замкнуто они ни жили, евреи тоже испытывали влияние доминирующей христианской культуры. Например, моногамность, насаждавшаяся среди христиан, влияла на еврейское население. К концу первого тысячелетия ашкеназские евреи, следуя традициям, распространенным в тех восточно- и западноевропейских странах, где они жили, практиковали моногамию, тогда как сефардские евреи в Испании, находившейся под мусульманским господством, и на Ближнем Востоке по-прежнему оставались полигамными. В то время как официальный запрет полигамии для немецких и французских евреев был выпущен рабейну Гершомом бен Иехудой в 1040 году, сефардские евреи сохраняли право на полигамию на протяжении почти всего следующего тысячелетия. Запрет полигамии для всех евреев был законодательно закреплен только в середине XX века, после возникновения государства Израиль.

Так, об усвоении европейских культурных норм еврейским населением можно судить по тексту еврейско-французской свадебной песни XIII века, которую исполняли во время свадебных торжеств. Песня написана на иврите и старофранцузском, она состоит из реплик невесты, жениха и хора, и в ней

сценки из традиционной еврейской свадебной поэзии перемежаются реалиями французского феодального воинского мира. За строчкой из Исаяи*, сравнивающей солнце и луну с парой влюбленных, следует воинская команда «сдать свой замок» — приказ, который берет свое начало в средневековом военном деле. Эта строчка развивает ключевую для песни метафору жениха как завоевателя крепости невесты.

Французский язык и иврит (последний выделен курсивом), религиозное и секулярное, фривольное и возвышенное игри-во переплетаются друг с другом:

На холм фимиама
 Взошел наш жених,
Свет солнца, свет луны!
 Сдай свой замок,
Ибо в руке его окровавленный меч.
 Если ты воспротивишься его продвижению,
 Никто не сможет спасти тебя.
 <...>
Газель, стройная танцовщица,
 Я пришел посвататься за тебя,
Иначе в великой войне
 Я приду подчинить тебя —
 <...>
Моя вооруженная и гневная страсть
 Найдет путь вдоль твоих изгибов.
Позволь мне сейчас умереть.
 <...>
Раздается голос жениха
 И речет дружкам:
 Даже прекрасной песне выходит срок.
 Так возведем жениха и невесту на их троны!**

* В тексте, кроме Книги Исаяи, цитируется Песнь песней.

** Я благодарна профессору-медиевисту Сэмюэлу Н. Розенбергу за то, что он привлек мое внимание к этой песне. — *Примеч. авт.*

Такое смешение еврейской и местной культур было одной из данностей жизни европейских евреев, которые стремились сохранить свою религиозную идентичность несмотря на те ограничения, которые налагали на них христианские власти.

Сделав присутствие священника обязательным элементом свадебной церемонии, церковь получила возможность влиять и на другие аспекты брака, в том числе и на то, что происходит в постели молодоженов, и на сам процесс консумации, который был ключевым в признании законности брака. Согласно христианской доктрине, близость супругов должна была иметь целью продолжение рода. Позиция, которую занимали отцы церкви в IV веке, становится в Средние века догмой. Соитие ради чистого удовольствия осуждалось. Особенно строгим был запрет на удовольствие для женщин; достаточно было не сопротивляться своему мужу и оставаться пассивной, но разделять его энтузиазм строго запрещалось¹². Сексуальные связи рассматривались как *debitum conjugale* — формальный долг каждого из супругов, но секс не считали источником удовольствия, как сегодня.

Большинство пар, следовали они таким предписаниям из религиозных соображений или нет, принуждены были верить, что секс даже в браке носит печать первородного греха. Пока некоторые христианские мыслители, такие как священнослужитель IV века Иовиниан или святой Иоанн Златоуст, защищали брак и утверждали, что жена не препятствует, а помогает прийти к спасению и что жизнь в браке является столь же достойной участью, как и жизнь в целибате, все же возобладал более пессимистичный подход поколения святого Иеронима и Блаженного Августина. Средневековые теологи настаивали на том, что плоть склонна ко греху и что брак в лучшем случае необходимое зло.

Для христианских богословов замужняя жизнь была не так почтенна, как вдовство или девство, поскольку благочестивые вдовы и девственницы воздерживались от секса. Святой

Иероним безапелляционно заявлял, что замужние женщины менее благочестивы, чем девственницы. Это суждение проиллюстрировано в немецком манускрипте XII века «Зерцало юной девы», который хранится в Рейнском краеведческом музее: на иллюстрации аллегорически изображены три ступени женского благочестия. На вершине располагаются девственницы, пожинающие снопы пшеницы, в середине — вдовы, их снопы вдвое меньше, а в нижней трети располагаются жены и мужья, получающие самое маленькое вознаграждение¹³.

Сегодня нам сложно вообразить, до какой степени верующие ценили непорочность. Так же как нам на голову сыплются коммерческие образы, превозносящие сексуальную активность, средневековые христиане были окружены образами известных аскетов. Жития святых пересказывались или в песенной форме доносились до неграмотной аудитории и укрепляли авторитет тех, кто принял обет целомудрия. В одном из первых примеров, написанном на старофранцузском «Житии преподобного Алексия» (ок. 1050), это выражено предельно прямо: путь героя к святости начался с того, что он бросил жену в брачную ночь и предпочел жить в нищете¹⁴. Моральный образец для мужчин был ясен: лучше оставить жену и жить аскетом, чем быть преданным мужем. Точно так же восхвалялись святые женщины, отказавшиеся от брака или бросившие своих детей ради праведной жизни. Большинство женщин-святых были девственницами, зачастую замученными за то, что отказались покориться мужчине, несмотря на пытки и угрозу убийством.

На фасадах многочисленных церквей, возведенных после 1100 года, можно встретить изображения замученных женщин-святых, которые демонстрируют орудия пыток или держат свои отрубленные головы. За исключением Адама и Евы, супружеским парам в Ветхом Завете уделялось мало внимания. История первых грешников должна была напоминать средневековым мальчикам и девочкам о том, что и они, даже

состоя в браке, могли совершить грех. Обеспечить себе спасение можно было, уйдя в монастырь или обитель.

Члены духовенства, жившие на территории церкви или в монастыре, не могли жениться, иметь сожителей и вообще вступать в сексуальные связи. Церковь пыталась насаждать непорочность среди служителей со времен Никейского собора в 325 году. Папа Лев IX осудил церковный брак в 1049 году, а решением Латеранского собора в начале XII века церковный сан объявлялся препятствием к браку, и наоборот, брак препятствовал церковной карьере. Но в начале Средних веков значительное число священников по-прежнему имело сожительниц, а некоторые даже состояли в браке, хотя знали, что брак может помешать их продвижению по карьерной церковной лестнице. Например, знаменитая переписка Элоизы и клирика Абеяра свидетельствует о том, что они были обвенчаны в церкви в присутствии каноника и свидетелей. Хотя эта история во многих отношениях была исключительной, их письма, написанные уже после заключения брака, позволяют судить о тех любовных и сексуальных отношениях, в которые вступали порой священнослужители, и о том давлении, с которым пришлось столкнуться священнику и его жене.

История Элоизы и Абеяра

Элоиза и Абеяр жили девять веков назад, но их история по-прежнему не перестает очаровывать и ужасать читателей. Убедительные свидетельства указывают на то, что эта история правдива*. Абеяр был старшим сыном, который отказал-

* Последний французский переводчик писем утверждает, что Элоиза и Абеяр существовали в действительности и что этот факт якобы подтвержден их современниками, но поскольку самая последняя дошедшая до нас рукопись датируется серединой XIII века, то есть была написана более чем на сто лет позже, невозможно узнать, в какой степени дошедший текст действительно отражает реальные события. См.: Héloïse et Abélard. Lettres et vies / trans. Yves Ferroul. Paris: GFFlammarion, 1996. P. 30–31. — *Примеч. авт.*

ся от первородства ради того, чтобы пойти учиться. Вскоре он превзошел всех других перипатетиков-философов* и уже в двадцать лет прославился красноречием и красотой. Когда ему было едва за тридцать, он стал магистром теологии. А когда ему было 37, он приехал в Париж и здесь встретил Элоизу. Ей, вероятно, было пятнадцать лет.

В сочинении, озаглавленном «История моих бедствий», написанном на латыни и очень известном среди его современников, Абельяр вспоминает роковое знакомство:

...жила в самом городе Париже некая девица по имени Элоиза, племянница одного каноника, по имени Фульбер. Чем больше он ее любил, тем усерднее заботился об ее успехах в усвоении всяких каких только было возможно наук. Она была не хуже других и лицом, но обширностью своих научных познаний превосходила всех. Так как у женщин очень редко встречается такой дар, то есть ученые познания, то это еще более возвышало девушку и делало ее известной во всем королевстве. И рассмотрев все, привлекающее обычно к себе влюбленных, я почел за наилучшее вступить в любовную связь именно с ней. Я полагал легко достигнуть этого. В самом деле, я пользовался тогда такой известностью и так выгодно отличался от прочих молодостью и красотой, что мог не опасаться отказа ни от какой женщины, которую я удостоил бы своей любовью**.

Современного читателя, несомненно, возмутит то, как этот учитель и церковник обдумывает соблазнение девушки-подростка. Но вместо того, чтобы исходя из современной морали оценивать жизнь начала XII века, обратимся к воспоминаниям Элоизы о том же событии.

* Под перипатетиками здесь имеются в виду средневековые схоласты, которых называли так же, как учеников Аристотеля.

** Здесь и далее «История моих бедствий» цитируется в пер. С. С. Неретиной.

Кто даже из царей или философов мог равняться с тобой в славе? Какая страна, город или поселок не горели желанием увидеть тебя? Кто, спрашиваю я, не спешил взглянуть на тебя, когда ты появлялся публично, и кто не провожал тебя напряженным взглядом, когда ты удалялся? Какая замужняя женщина, какая девушка не томилась по тебе в твоём отсутствии и не пылала страстью в твоём присутствии? Какая королева или владетельная дама не завидовала моим радостям или моему браку? В особенности же, признаюсь тебе, ты обладал двумя качествами, которыми мог увлечь каких угодно женщин, а именно — талантами поэта и певца. Этими качествами, насколько нам известно, другие философы вовсе не обладали*.

Абеляр, несомненно, был знаменитостью, кем-то вроде современной поп-звезды; слушать его собирались большие толпы, к нему являлись отдельные страстные поклонники. И, несмотря на свою привлекательность, он соблюдал воздержание до тех пор, пока его не очаровала Элоиза. Чтобы получить возможность встречаться с ней, он предложил ее дяде поселиться в священническом доме в обмен на частные уроки, которые он будет давать Элоизе.

На протяжении долгого времени Абеляр имел полную власть над Элоизой. Его возраст, пол, положение и известность делали его авторитетом в ее глазах, но он также имел право наказывать ее. В те времена наказание было как телесным, так и словесным, что давало Абеляру «возможность склонить к любви Элоизу ласками или же принудить ее [к любви] угрозами и побоями». Но принуждения не потребовалось. Абеляр не мог предвидеть, что чувство окажется взаимным и что он тоже влюбится в Элоизу. Оба предались любовным наслаждениям с жаром любовников-неофитов.

* Пер. В. А. Соколова.

И все же у этих наслаждений была обратная сторона: страдало положение Абеляра как философа и учителя. Его ученики начали жаловаться на то, что он постоянно витает в облаках, пошли слухи. Дядя Элоизы больше не мог закрывать глаза на любовную интригу, которая разворачивалась в его доме, и заставил любовников расстаться.

Однако вскоре Элоиза, конечно, обнаружила, что беременна. Абеляр решил отослать ее в Бретань к сестре, где она выносила ребенка. Сам же он остался в Париже и вынужден был объясняться с дядей Элоизы Фульбером. Дело это было из тех, что должны решаться между мужчинами — и они условились, что Абеляр женится на «опороченной» девушке. Единственным условием Абеляра было сохранить брак в тайне, чтобы не пострадали его репутация и карьера. Он был всего лишь клириком и не был рукоположен, так что канонический закон не запрещал ему иметь жену, но брак препятствовал его преподавательской деятельности. Обратим внимание, какую роль играл брак для обоих любовников: снимая позор с Элоизы, он уничтожал карьеру Абеляра как знаменитого клирика.

Вскоре у любовников родился сын Астролябий, его оставили на воспитание сестре Абеляра, а сама пара тайно возвратилась в Париж. Абеляр намеревался жениться на Элоизе, как и обещал ее дяде. Единственным препятствием была сама Элоиза.

Разделяя предрассудки своей эпохи, она считала, что философия и теология плохо уживаются с женой и детьми. Сам Абеляр так говорит об этом: «...кто же, намереваясь посвятить себя богословским или философским размышлениям, может выносить плач детей, заунывные песни успокаивающих их кормилиц и гомон толпы домашних слуг и служанок? Кто в состоянии терпеливо смотреть на постоянную нечистоплотность маленьких детей?» И Абеляр, и Элоиза, вероятно, прибегали к традиционным аргументам, с которыми служителей церкви отговаривали от вступления в брак.

Элоиза не хотела быть причиной всех бед для мужчины, которого боготворила. Она хотела называться его другом, сестрой и возлюбленной (*amica*), но не женой и быть связанной с ним только чувствами, а не брачными узами. Позднее она писала: «И хотя звание супруги представляется более священным и надежным, мне всегда было приятнее называться твоей подругой или, если ты не оскорбишься, — твоею сожительницей или любовницей». Предпочитая «браку любовь, а оковам — свободу», она говорит как эмансипированная женщина XX столетия, а не как средневековая матрона, возвращенная в церковном кругу.

Но возражения Элоизы не возымели действия. Абельяр решил сдержать обещание, данное Фульберу. Любовники тайно обвенчались в церкви на закате, в присутствии дяди и нескольких свидетелей. Чтобы сохранить брак в секрете, Абельяр и Элоиза после венчания пошли каждый своей дорогой, а затем встречались лишь изредка и с большими предосторожностями. На этом бы история и закончилась, если бы не коварство, задуманное дядей Элоизы. То, что произошло потом, уничтожило любовный союз и прославило любовников среди потомков.

Вскоре после брачной церемонии, пока влюбленные жили раздельно, Фульбер начал распространять слухи об их браке, вопреки своему обещанию держать язык за зубами. Его не устраивали условия договора, и он хотел отомстить за попорченную честь семьи. Когда Фульбер начал бить Элоизу, Абельяр решил похитить ее и поместить в тот монастырь, в котором она воспитывалась девочкой. По его заказу были изготовлены одежды, которые пристало носить насельнице монастыря. Она оделась как монашка — за исключением вуали, которую носили те, кто посвятил свою жизнь Богу. Полагая, что Абельяр отослал Элоизу в монастырь, чтобы обеспечить себе свободу, Фульбер задумал новую жестокую месть. По наущению Фульбера слуги проникли в спальню Абельяра, пока он спал, и оскостили его.

Годы спустя, когда Абельяр вспоминал о произошедшем, он говорил не только о боли и стыде, но и о божественном причудливом чувстве справедливости. «Как справедливо покарал меня суд божий в той части моего тела, коей я согрешил!» Действительно, в Средние века такой вид наказания, когда отсекалась часть тела, ассоциировавшаяся с преступлением, был распространен, однако едва ли это было первой мыслью Абельяра. Снедаемый стыдом, он удалился в монастырь.

А что же Элоиза? Ее судьбой вновь распорядился Абельяр — и она не могла пойти против обычаев своего времени. Абельяр потребовал, чтобы она завершила свой постриг в монахини, и оба в один день приняли обет, он — в аббатстве Сен-Дени, она — в монастыре Арджентой. Элоизе было самое большое семнадцать лет, Абельяру — тридцать девять.

Могла ли эта драматичная история закончиться иначе? Что могло помешать совместной супружеской жизни Элоизы и Абельяра? Откровенно говоря, к тому не было препятствий. Поженившись в церкви, они уже были законными супругами во всех смыслах этого слова. Даже факт кастрации не был препятствием, потому что аннулировать брак можно было, только если он не был консумирован. К тому же мужчины без тестикул по-прежнему способны на сексуальную активность. Но, похоже, супружеская жизнь не интересовала Абельяра. После всего произошедшего он решил стать священником и соблюдать целибат. Он прожил остаток жизни — двадцать четыре года — как монах, писатель, учитель и основатель монастыря Параклет, в котором по странной причуде судьбы Элоиза стала настоятельницей.

Давайте обратимся к той версии событий, которую излагает в своих двух письмах к Абельяру, написанных из Параклета, Элоиза. То, как она обращается к нему, красноречиво свидетельствует о разнице в их положении: «Своему господину, а вернее отцу, моему супругу, а вернее брату, его служанка, а вернее дочь, его супруга, а вернее сестра». Пятнадцать лет

спустя после событий, приведших к разлуке, Элоиза, настоятельница Параклета, обращается к Абеляру как жена. Она пишет: «...на тебе лежит тем большая обязанность предо мною, что, как всем известно, ты связан со мною таинством брака; и это налагает на тебя тем больший долг, что, как это всем очевидно, я всегда любила тебя безмерной любовью».

Она корит своего мужа за то, что он покинул ее после того, как она во всем была послушна его воле. «Скажи мне, если можешь, только одно: почему после нашего пострижения, совершившегося исключительно по твоему единоличному решению, ты стал относиться ко мне так небрежно и невнимательно, что я не могу ни отдохнуть в личной беседе с тобой, ни утешиться, получая от тебя письма?» Она не единожды напоминала ему, что «обратилась к суровой монашеской жизни не ради благочестивого обета», а лишь потому, что так приказал ей Абеляр. Очевидно, Элоиза по-прежнему считала Абеляра прежде всего своим учителем, любовником и хозяином, а уже затем — мужем.

О страсти, которую по-прежнему испытывает к Абеляру, Элоиза пишет во втором письме. Она признается, что не может избавиться от воспоминаний о «сладостных наслаждениях», которые вкусили любовники: «Куда бы я ни глянула, о чем бы ни помышляла — они всегда перед глазами моими». Если Абеляр видел в своих прежних поступках грех и говорил об отсутствии сексуального желания, то Элоиза признавалась, что до сих пор вздыхает по утраченным наслаждениям. «Я не забыла ничего — ни сладостного времени, которое проводили мы вместе, ни даже мест, где это происходило; все это навеки запечатлено в моем сердце вместе с твоим милым образом».

То, как Элоиза и Абеляр по-разному переживали расставание, обсуждалось на протяжении веков. Мизогины приписывали томление Элоизы похотливой природе всех женщин и женской склонности заикливаться на своих любовных переживаниях. Некоторые хвалили благодетельного Абеляра, решившего посвятить себя Богу. Иные обращали внимание

на разницу в возрасте: в конце концов, Элоизе на момент переписки было тридцать два года, а Абельяру — пятьдесят четыре, что могло сказаться на их сексуальных аппетитах, не говоря уже о последствиях кастрации. К тому же Элоиза честно признавала, что сделалась монахиней не по своей воле; это решение ей навязали. Она признавала, что больше боялась обидеть Абельяра и сильнее стремилась угодить ему, нежели самому Господу. Удивительно, когда такое говорит настоятельница монастыря!

Спустя десять лет после того, как были написаны эти письма, Абельяр умер и был похоронен в Параклете. Элоиза прожила еще двадцать лет. В 1164 году она умерла, и ее похоронили возле мужа.

Эта выдающаяся история примечательна не только тем, что ее герои — люди высокого происхождения, но и тем, насколько жестоко судьба обошлась с ними. Она также свидетельствует о том, чем может быть чреват брак для священнослужителя. К сожительнице или жене священника средневековое общество могло отнестись терпимо, а могло и обвинить в том, что она мешает мужчине соблюдать целибат. Тогда как мужу позволялось продолжить заниматься своими общественными обязанностями, его жене следовало вести тихую жизнь. Элоиза прожила в монастыре большую часть своей замужней жизни — такую жизнь чаще вели одинокие женщины или вдовы. Ее удивительная история позволяет нам понять, каким могло быть сексуальное желание у жены в XII веке, в период, знаменитый великолепными соборами и новыми взглядами на гетеросексуальные отношения.

Рождение романтической любви

Принято считать, что французы «изобрели» романтическое чувство в XII веке¹⁵. По этой модели строились отношения между прекрасным рыцарем и недоступной дамой, как

правило женой короля. Романтическая любовь существовала, как правило, вне брака, в атмосфере тайны, которая обостряла чувства. Об этом рассказывает легенда о Тристане и Изольде. Герои, позаимствованные из кельтских сказаний, вкусили любовного зелья и с тех пор не мыслили жизни друг без друга, хотя Изольда предназначалась в супруги корнуэльскому королю Марку, господину Тристана. Когда король Марк начал подозревать, что ему наставляют рога, Тристан вынужден был бежать. Несмотря на это, он и Изольда продолжали любить друг друга даже на смертном одре. Если «нормальная любовь» меняется под напором обстоятельств повседневной жизни, то история Тристана и Изольды показывает силу страсти, против которой нельзя устоять и которой нельзя пресытиться, «роковую любовь», которая побеждает страдания и даже смерть. Ее девиз — слова всех истинных влюбленных: «Без меня нет тебя, без тебя нет меня».

Такой взгляд на любовь родился при дворах на юге Франции и распространился на северные земли. Он позволял переписать всю систему отношений между полами и переворачивал традиционные гендерные роли, давая женщине власть над мужчиной. Она повелевала им, а он повиновался. Конечно, идея романтического чувства бытовала лишь в узком придворном кругу и создавалась в пику общей норме, однако это первый случай, когда женщина наделялась властью над мужчиной.

По закону литературного жанра настоящий рыцарь беззаветно предан своей даме, он верен ей, как вассал своему господину или жена своему мужу. Она способствует его преобразению, вдохновляя на новые свершения и оставаясь недоступной. Вопрос о том, должна ли дама оставаться неприкосновенной, занимал многих сочинителей. Поскольку дама по определению была замужем, как правило за господином, которому служил рыцарь, вопрос о браке не рассматривался. Должны ли отношения двух влюбленных быть непорочными? Теоретически — да, но на практике зачастую случалось иначе.

Пример тому — Ланселот, увековеченный в романе Кретьена де Труа «Ланселот, или Рыцарь телеги», написанном около 1180 года. Ланселот был и истинным рыцарем, и прекрасным любовником. На ратные подвиги его вдохновляла любовь королевы Гвиневеры, жены короля Артура. Он покорял всех врагов, чтобы спасти Гвиневеру от пленившего ее злого принца, Гвиневера же не скупилась на награду:

И королева жестом плавным
 Ему объятья распахнула
 И сразу к сердцу притянула,
 Когда на ложе увлекла.
 Она героя приняла
 Тепло, и ласково, и страстно
 <...>
 Пьянило счастье Ланселота,
 Ведь государыня с охотой
 Горячим ласкам отвечала,
 В свои объятья заключала,
 А он держал ее в своих.
 Ему был сладок всякий миг
 Лобзаний, ощущений нежных,
 И в наслаждениях безбрежных
 Такой восторг объял его,
 Что о подобном ничего
 Не говорили, не писали*.

Запретная, безнравственная, подрывающая устои общества внебрачная любовь была исключительно терпелива к невздам. В Средние века супружеская измена становится одной из постоянных тем литературы. Другие варианты артуровских легенд фокусируются скорее на духовной природе рыцарских подвигов, но почти всегда на победы рыцаря вдохновляет прекрасная дама.

* Пер. Н. В. Забуровой и А. Н. Триандафилиди.

Вероятнее всего, это возвышенное отношение к возлюбленной слабо согласовывалось с реалиями жизни обычной замужней женщины и, как отмечает один историк, «затрагивало лишь женщин, принадлежавших к узкому кругу знати»¹⁶ Для этих женщин, как правило выданных замуж за мужчин старшего возраста по экономическим, политическим и социальным причинам, образ юного рыцаря в сияющих доспехах был воплощением эротических переживаний. Со временем фантастический образ благородного рыцаря укоренился в народной культуре и до сих пор остается компонентом популярного литературного сюжета — так, например, современные жены, недовольные своей семейной жизнью, поглощают романы издательства Harlequin, в которых переиначиваются и опрощаются классические сюжеты и характеры.

В XII и XIII веках появляется светская литература, которая учит мужчин и женщин искусству любви. Представление о «новой» любви апеллировало к чувствам и вздохам, утонченной речи, благородным жестам, оно подразумевало в первую очередь духовное, а не чувственное вознаграждение. Так, в чрезвычайно влиятельном «Трактате о любви» (*De arte honeste amandi*), написанном на латыни Андреем Капелланом при дворе Марии Шампанской около 1170 года, «чистая любовь» ставилась выше любви низменной. Однако подразумевается в трактате все же ожидание сексуального удовлетворения.

Одним из ключевых составляющих искусства соблазнения считалась лесть: похвалы следовало расточать глазам, носу, губам, зубам, подбородку, шее, рукам и ножкам дамы. Покончив с лестью, мужчина должен был переходить к действию: «Сорвите с ее уст горячий поцелуй», а если она воспротивится, «обнимите и поцелуйте ее несмотря ни на что»¹⁷. Общим местом для мужчин было: «Каждую женщину можно завоевать»¹⁸.

Другой автор оправдывает даже изнасилование. «Одной рукой уложите ее, другую положите на срам <...> Пусть кричит

и вырывается <...> Прижмитесь к ней всем телом и утвердите над ней свою волю»¹⁹. Принуждение силой не противоречило глубоким чувствам; действительно, дальше автор советует насильнику жениться на женщине, если она ему верна. По всей вероятности, для женщины, таким образом потерявшей девственность, наиболее приемлемо было выйти замуж за соблазнителя, особенно если она обнаруживала, что беременна.

А что насчет книг советов для девушек? Они тоже получили хождение в Средние века, хотя их было гораздо меньше, чем пособий для мужчин. Ришар де Фурниваль, врач французского королевского двора XIII века, написал «Любовные советы» в форме письма к сестре. Вслед за римскими поэтами он называет любовь «причудой разума, неугасаемым огнем, голодом без насыщения, сладкой болезнью, высшим наслаждением, радостным безумием». И все же здесь, согласно представлениям, унаследованным от Античности, мужчина был активен, а женщина пассивна, и ей не полагалось быть преследовательницей, а ему — преследуемым. Что же следовало делать женщине?

Ришар советовал сестре использовать «искусную манеру, чтобы сообщить о своем чувстве» объекту желания. Она могла говорить с ним о некоем беспокойстве, бросать на него долгие томные взгляды — «словом, все что угодно, кроме прямого и откровенного признания»²⁰. И так, женщине предлагали изображать кокетку, пока она не подчинит себе мысли мужчины. Невозможно было представить, чтобы женщина первой открыла свои чувства и попыталась сорвать первый поцелуй.

Другой автор XIII века Робер де Блуа в «Хорошем тоне для дам» обращался к замужним женщинам. Помимо наказов блюсти брачные клятвы, он также предлагал советы по искусству кокетства, нужные, чтобы воспламенить, а не подавить желание. Женщине советовали избегать пьянства и обжорства, ароматизировать дыхание специями, избегать поцелуев, когда она распалена, поскольку «чем больше вы потеете, тем больше пахнете»²¹. Автор порицал женщин, которые носят

открытое декольте, как раз в это время вошедшее в моду. Он напрямую советовал не допускать блудливых рук к груди: «Не позволяйте, чтобы ваши груди трогали, ласкали и гладили руки тех, кому это не положено». Только муж мог касаться груди своей жены.

В конечном итоге трактаты о любви, вероятно, были распространены только в высшем кругу. Пускай это была малая часть населения, но зато она обладала большим влиянием, так что «Любовь» с прописной буквы «Л» укоренилась среди представлений образованных людей.

Среди неграмотных членов общества, составлявших его большую часть, речи и песни о любви тоже имели хождение. В низших слоях общества получил распространение песенный жанр — имитация плача «*mal mariée*» (несчастной жены). В таких песнях неизменно возникал мотив любовного треугольника между женой, мужем и любовником. Согласно Риа Лемэр, подробно изучившей эти песни, их исполняли, танцуя в кругу, состоящем из женщин или из мужчин и женщин²². Жены в них жаловались на своих мужей и мечтали о более молодом и привлекательном любовнике. Муж всегда представлялся «скверным, жестоким, некрасивым, жадным, вонючим и старым» и зачастую бил свою жену. Любовник был «молодым, привлекательным, щедрым и обходительным», как, например, в этой песне:

Сдалась мне твоя любовь, муженек,
 Когда теперь у меня есть милый друг!
 Он пригож и благороден —
 Сдалась мне твоя любовь, муженек,
 Когда он угождает мне и днем, и ночью,
 Вот почему так мил он мне²³.

Героиня таких песен — молодая и активная женщина, себя она называет не «женой», а «*amie*» (подругой, сестрой),

и своего возлюбленного — так же, «ami», указывая, что их связь основана на чувстве, а не на законе церковном или мирском. Именно так рассуждала и Элоиза, когда писала, что предпочитает быть «amica» Абеяра, хотя имела полное право называться его женой.

Несчастливые в браке, героини народных песен, кажется, не испытывали угрызений совести по поводу того, что изменяют своим мужьям. Они без стеснения рассказывали, что, коли муж не способен доставить им удовольствие, они найдут утешение у любовника²⁴. В одной из песен героиня жалуется, что муж побил ее за то, что она поцеловала своего «ami». План мести уже созрел: она пойдет к своему сердечному другу и наставит рога мужу²⁵. И все же ей не дает покоя вопрос, который рефреном повторяется в песне: «Почему мой муж бьет меня?» Трудно сказать с уверенностью, в какой мере баллады, рассказывающие об измене из мести, отражают действительное поведение жен и в какой являются просто рассказом об их мечтах и надеждах.

Фольклор наподобие приведенной песни свидетельствует о том, что замужние женщины из самых разных слоев общества переворачивают религиозное представление о супружеских ролях и находят удовольствие в том, чтобы «предаваться порокам», прелюбодействовать и действовать назло мужу. Примерно с середины XI века в высших слоях общества получила развитие еще одна форма подрыва религиозных устоев — игра в шахматы, которую европейцы ранее переняли от арабов. В европейской версии игры фигуру арабского Визиря (главного министра) заменили Королевой, и к концу Средних веков она стала одной из самых могущественных на доске. Шахматная королевская чета представляла собой прообраз идеального союза: хотя Король был самой главной фигурой на поле, Королева была более могущественной, чем тот, кому она служила. Шахматная иерархия — любопытная иллюстрация к тому, как развивалось представление о брачных отношениях в Европе позднего Средневековья.

Труд материнства и другие женские обязанности

Большинство женщин в Средние века в конце концов становились матерями, многие — уже на первом году брака. Для большинства это согласовалось с их желаниями: считалось, что материнство — это божественное предназначение женщины. Те жены, которым было трудно зачать, становились повитухами или целительницами, уходили в паломничество, покупали зелья и амулеты и молились Деве Марии и святым. Они желали родить мальчиков — будущих хозяев семейных богатств или, в случае бедных классов, дополнительных работников на ферме. Дочери были нужны, чтобы заключать выгодные союзы с соседями или помогать в повседневных делах. Дети были благословением и помогали улучшить экономическое, социальное, религиозное и эмоциональное положение.

Церковь, как и сегодня, осуждала любые способы предохранения от беременности. Такой распространенный метод контрацепции, как прерванный половой акт, считался в первую очередь мужским грехом, а аборт — женским. Убийство новорожденного также расценивалось как женский грех, будь оно обусловлено экономическими причинами или желанием скрыть следы порочной связи²⁶. Но в церковных и мирских судах разбирались очень мало дел о детоубийстве; лишь позднее, в XVI столетии, когда детоубийство было по закону уравнено с убийством и стало караться смертной казнью, число судебных разбирательств значительно возросло²⁷.

Не располагая другими средствами контрацепции, кроме прерванного полового акта и естественной контрацепции в период кормления грудью, женщины, как правило, имели большое потомство. Семьи с семью или восемью детьми были в порядке вещей, а некоторые женщины, как, например, Марджери Кемп (1373–1431), рожали четырнадцать детей и даже больше. Усталость от родовых мук и чувство ответственности

за тех, кого она уже принесла в этот мир, заставили Кемп при живом муже отказаться от секса — об этом мы еще скажем в свое время.

В Средние века роды были опасны для здоровья матери. Состоятельным женщинам помогали повитухи, а бедняки полагались на помощь родственниц и соседок. Мужья не допускались до родов — считалось, что их присутствие приносит несчастье, — а к хирургам обращались в исключительных случаях, в основном тогда, когда извлечь плод другими способами не удавалось. Поскольку вероятность смерти была очень высокой, приходской священник должен был исповедать и причастить женщину до того, как начинались роды.

В литургию была включена молитва о беременных и тех, кто находился в схватках. К Деве Марии обращались как к «милостивой помощнице в женской доле», обладающей силой облегчить страдания «бедняжки, испытывающей родовые потуги» и «отвести от нее все беды». Бог-Отец тоже отвечал за то, чтобы «дело разрешилось самым скорым и успешным образом»²⁸.

Послеродовой период был особым временем в жизни молодой матери. В обеспеченных семьях женщина лежала в постели, принимала гостей и пользовалась повышенной заботой и вниманием. В богатых итальянских семьях матерям выдавали игровые доски, чтобы они развлекались в своем вынужденном заточении. Муж мог дарить жене подарки, особенно богатые, если рождался мальчик, — например, заказать мастеру поднос для роженицы или панель с игровой доской на одной стороне и живописью на другой. В музее Фогга в Гарвардском университете хранится такой поднос, созданный в первом десятилетии XV века; с одной стороны на нем шахматная доска, с другой — сцена с родами. Молодая мать сидит на высокой кровати, ей приносят обед. В нижней части изображения ее ребенка пеленают после купания. Как правило, на таких сценах также изображают приходящих и уходящих

гостей. Но женщинам с более низким достатком, конечно, приходилось возвращаться к работе, как только они чувствовали в себе силы снова встать на ноги.

На протяжении шести недель после родов матери запрещалось посещать церковь, поскольку Ветхий Завет гласил, что в течение этого времени женщина является нечистой. Существовала специальная очистительная молитва, которая возвращала женщину в общество. Служба начиналась снаружи церкви, женщина, которая недавно родила, получала благословение. Священник окроплял ее святой водой и, взяв за правую руку, вводил в церковь.

Как правило, и богатые, и бедные матери кормили детей грудью, иногда используя в качестве докорма коровье молоко, особенно если жили в сельской местности. Но некоторые дворянки уже пользовались услугами кормилиц, которые тщательно подбирались из хороших семей и селились вместе с ребенком (позднее, наоборот, ребенка будут отправлять жить у кормилицы)²⁹.

Мы можем узнать о том, как женщины смотрели на женские проблемы, из трудов Тротулы, выдающейся женщины-врача, работавшей в Салерно в конце XI — начале XII века. С ее именем связывают несколько трактатов, распространявшихся на латыни и в переводе. Тротула писала о менструации и деторождении, бесплодии и аборте (который она осуждала) и о том, как создать видимость непорочности. Она также давала женщинам множество советов по гигиене и красоте, включая совет, как уменьшить ширину влагалища, предположительно, чтобы и после деторождения улаживать мужа. В переводе со среднеанглийского это место звучит так: «К сведению тех женщин, чьи срамные части широки и преужасно смердят, почему их господин и чурается их, не имея желаний вследствие запаха их и размера»³⁰. Как и теперь, тогда ответственность как за сексуальную удовлетворенность мужей, так и за продление рода ложилась на женщин.

Женщины также были обязаны растить своих детей и воспитывать их в первые годы их жизни. Когда мальчику исполнилось семь лет, отец должен был взять на себя ответственность за его образование (конечно, если семья была достаточно богата, чтобы вообще заниматься образованием детей), а за воспитание девочек продолжала отвечать мать.

Публичное образование с акцентом на чтение, письмо и счете к концу XIII века стало доступно девочкам из высшего класса во Фландрии и в Париже, а несколькими десятилетиями спустя — и в Италии³¹. К началу XV века школы для девочек открылись в Германии и Швейцарии. В Великобритании частные школы посещали только мальчики. Как правило, девочки из богатых семей и дворянства обучались на дому. Большая часть крестьянства была необразованной.

Как проводили свой досуг городские девушки, выйдя замуж? Немецкая медиевистка Эрика Уитц показывает, что многие жены работали как по дому, так и вне дома³². Они могли подменять мужей в случае их болезни или пока те были в отъезде, а кроме того, они иногда были партнерами супруга в таких делах, как торговля, финансы, текстильное производство, держание постоянного двора или таверны, пекарни, пивоварни, бани и многих ремесленных производств.

Во многих немецких городах и центрах, чтобы стать полноправным членом гильдии, необходимо было иметь жену: подразумевалось, что мастерскую нельзя содержать без ее помощи³³. В некоторых городах сами женщины могли вступать в гильдии как партнеры своих мужей. Так, в швейцарском Базеле в 1271 году женщинам было позволено вступать в гильдию строителей, если их мужья были живы. В Лондоне женщины с небольшим делом могли становиться членами гильдий, а в некоторые парижские ремесленные гильдии женщин принимали наравне с мужчинами. Как правило, вдовы могли продолжать дело мужей, но если они вновь выходили замуж за того, кто не был членом той же гильдии, им приходилось оставить дело.

Некоторые женщины работали независимо от своих мужей — больше всего таких примеров в текстильной промышленности и в пивоварении. Из немецкого делового документа, относящегося к 1420 году, мы знаем, что одна женщина-пивовар заключила контракт с двумя мужчинами, чтобы обучить их своему мастерству. Этот любопытный документ гласил:

Я, вышеназванная Фюгин, с согласия и одобрения своего вышеназванного мужа, согласилась на предложение мэра и господ из городского совета Кельна <...> научить двух мужчин варить грюйт, и сделаю это с надлежащим усердием и тщанием <...> Сим документом я обязуюсь в течение восьми лет, начиная с указанного здесь дня, исполнять обязанности перед городом Кельном и двумя упомянутыми господами. По первой же их просьбе я явлюсь в Кельн и дам им свои советы и наставления, если только не буду больна <...> а они обязуются за мои услуги заплатить мне одну кельнскую марку в оплату моих трудов и проживания³⁴

Вероятно, муж Фюгин считал, что это будет приятной прибавкой к семейному бюджету, и позволил жене отлучиться на несколько дней.

Замужние женщины часто становились повитухами, некоторые вели собственную врачебную практику; так было до XIV и XV столетий, а затем профессора, облеченные властью и авторитетом крупных научных центров, таких как Парижский университет, запретили называться «докторами» всем, кто не отучился в университете (это было позволено только мужчинам), что привело к исходу женщин из медицинской профессии. Документы, найденные в архиве Парижского университета, рассказывают о леди Жакоба Фелисье — женщине, работавшей доктором в Париже и предместьях, которую принудили отказаться от своей работы³⁵. Избежать этого можно было, например, если доктор и повитуха были мужем и женой — такие пары нередко встречались в некоторых городах Фландрии.

Жены, живущие в деревнях, проводили дни за готовкой, уборкой (самой простой, поскольку дома были невелики и в них было мало мебели), дойкой коров, кормлением домашней птицы и свиней, огородничаньем, набором воды из колодца или ручья (если у женщины не было детей, которым можно было поручить эту времязатратную обязанность), стиркой белья в ближайшем пруду или источнике, прядением и шитьем. Вдобавок к этому они кормили и пеленали младенцев, следили за детьми постарше и заботились о больных и стариках. Они также помогали в поле, с копкой, прополкой, сбором урожая и колосьев уже после жатвы. И во всех этих задачах жены крестьян не могли ждать помощи ни от кого, кроме детей.

«Подмога» — это понятие из лексикона семей, которые были благополучнее большинства крестьян и городских бедняков. Жены торговцев и мастеров обычно имели по крайней мере одного слугу, а держатели крупных хозяйств — еще больше помощников. Как следует из писем семьи Пастон, проживавшей в Англии XV века, богатое семейство могло позволить себе иметь по меньшей мере 12 или 15 слуг, и все они находились под надзором жены³⁶. Руководство слугами, включая заботу об их еде и одежде, значительно усложняло ведение хозяйства для женщин вроде миссис Пастон. Все жены, независимо от положения, обязаны были следить за домом в соответствии с гендерным разделением труда, которое существует у нас с незапамятных времен.

Гризельда и Батская ткачиха

Два литературных памятника XV века, «Парижская книга домашнего хозяйства» («Le Ménagier de Paris») и рассказ Батской ткачихи из «Кентерберийских рассказов» Чосера, несмотря на то что были опубликованы в одно время, представляют две различные модели женского поведения. Автор парижского руководства, вероятно, уже годился в деды своей пятнадцатилетней

невесте и предлагал ей модель поведения, основанную на послушании и уважении к традиционным религиозным ценностям; в качестве образца он приводил Гризельду, идеал покладистой жены. Гризельда была девушкой из бедной семьи, которую взял в жены могущественный вельможа. За ней не могли дать приданого, и вместо него она обещает беспрекословно подчиниться мужу. Она не могла представить, что для того, чтобы сдержать обещание, ей придется пройти через крайнюю жестокость и унижения. Но все испытания, будь то необходимость отдать детей на казнь (которая, как выяснится, была инсценирована) или вернуться нищей в дом своего отца, когда ее муж объявляет о том, что берет вторую жену, она выдерживает. Конечно же, эта история имеет счастливый конец, подобно истории Иова. Гризельда выдерживает испытания беспрекословным повиновением на отлично. Какой бы фантастической ни выглядела для нас история Гризельды, парижский муж всерьез предлагал жене последовать ее примеру.

Одна часть «Парижской книги» касается религиозных и моральных обязанностей жены, особенно в отношении мужа, а другая — более практических домашних дел: заботы о саде, управления слугами и готовки — на этот счет даются особенно подробные инструкции. Вероятно, эта книга дошла до нас именно потому, что в ней содержались небесполезные рецепты.

Нам не известно ничего о судьбе молодой жены, к которой обращался автор трактата: стала ли она в конце концов хорошей поварихой и домашней хозяйкой, блюла ли чистоту и послушание, отвечала ли взаимностью на чувства автора, которые явно читаются между строк? Вероятнее всего, она пережила своего мужа и вновь вышла замуж — автор трактата допускает это и в прологе рассуждает о том, что приобретенные ею «целомудрие, благородство и трудолюбие» послужат не только ему, но и, «случись такое, другому мужчине» в будущем³⁷.

Наша следующая героиня, Батская ткачиха из «Кентерберийских рассказов» Чосера, взяла это в привычку — она

побывала замужем за пятью мужчинами. Полная противоположность Гризельде, Батская ткачиха собрала в себе все стереотипные представления о женщинах, которые им испокон веков приписывали мужчины. И вместе с тем это твердый и властный характер, который, как мы можем предположить, существовал в Средние века и существует в каждую эпоху.

Она любит командовать и манипулировать; сплетничать и спорить, она напориста и любвеобильна. Она пренебрегает благородными идеалами сдержанности и рассуждает о сексуальных наслаждениях. Она вопрошает:

Ну, для чего, скажите, части тела,
Которые природа повелела
Для размножения употребить,
Чтоб нам и в детях наших вечно жить?

И сама дает ответ: «Для размножения и для утех». Сама она отдаст «цвет жизни <...> Утехам брака и его плодам».

Батская ткачиха, воплощающая женскую похотливость и самодурство, ни в чем не похожа на Гризельду. Она перечит мужу, ругается с ним, переживает обиды и мстит за них и остается счастлива только тогда, когда ее последний и самый любимый муж отказывается от своей власти:

Мой муж признал, что мастерским ударом
Он побежден, и не ярился даром.
«Дражайшая и верная жена,
Теперь хозяйкой будешь ты одна.
В твоих руках и жизнь моя и кров,
Храни же честь свою, мое добро!»

Это, по ее словам, кладет конец ссорам и приносит в их дом безупречную гармонию.

Гризельда и Батская ткачиха — два крайних полюса в споре о замужней женщине, который тянется со Средних веков. Мужчины идеализировали беспрекословное подчинение,

символом которого была Гризельда. Женщины не соответствовали этому идеалу, вызывая гнев и разочарование мужчин. Французы, создавшие такие книги, как «Книга поучения дочерям рыцаря де ла Тура» и «Пятнадцать радостей брака», англичане, написавшие «Почему бы не жениться» и «Муки женатых мужчин», распространяли мизогинистические представления на протяжении веков, пытаясь доказать, что жена хороша только в том случае, если ее регулярно бить и утверждать над ней свой авторитет.

История Марджери Кемп

Уникальный автобиографический текст, известный как «Книга Марджери Кемп», рисует совершенно иной портрет средневековой жены. Это не имеющее аналогов свидетельство о женском мистическом опыте. Марджери Кемп родилась в 1373 году в обеспеченной семье из среднего класса в городе Кингс-Линн, графство Норфолк. Двадцати лет она вышла замуж за Джона Кемпа, который был ниже ее по социальному статусу. На протяжении восьми месяцев после рождения первого из четырнадцати детей она, вероятно, страдала от послеродовой депрессии, из которой ее вывело видение Христа. С этого момента ее жизнь кардинально меняется под влиянием ее общения с Богом. Она решила рассказать об этой стороне своей жизни — надиктовать ее, поскольку сама не умела писать, — когда ей было уже шестьдесят. Несмотря на то что за ней записывал посредник, а о себе она говорила в третьем лице, ее мнение четко выражено на письме. Вот как она говорит о себе в период, который последовал за нервным срывом и спасительным видением.

И постепенно ее мысли пришли в порядок, и к ней вернулось прежнее благоразумие, и едва придя в себя, она попросила своего мужа дать ей ключи от кладовой, чтобы она могла, как и прежде,

брать себе еду и питье. Прислуга, приставленная к ней, советовала мужу этого не делать <...> Но он относился к ней с нежностью и состраданием и потому не послушал их советов. И она взяла столько еды и питья, сколько могла осилить при своем здоровье, и вновь начала узнавать своих друзей и домашних и всех, кто приходил посмотреть и узреть в ее исцелении милость Господа³⁸.

Автобиографию Марджери Кемп отличает от других спиритуалистических писаний этого периода то, что в ней божественные откровения переплетены с бытовыми подробностями. Благодаря этому мы можем делать выводы о том, как сама женщина смотрела на брак. Своего мужа Марджери называет нежным и чутким: он соглашается выдать ей ключи от кладовой, которыми она распоряжалась до болезни, и искренне желает ей выздоровления. Вероятно, он благоговел перед женой, поскольку она происходила из более богатой семьи, о чем сама нередко напоминала. Но строгость Марджери к мужу не могла сравниться с ее строгостью к себе самой. Она называла себя гордой и завистливой, своенравной и сварливой, считала, что все время наступает на одни и те же грабли. В первые годы брака она гордилась своим «пышным нарядом» и «до смерти завидовала соседям, если они одевались так же хорошо, как она». А затем, по ее мнению, «из чистого корыстолюбия и с тем, чтобы потешить свою гордыню, она принялась за пивоварение и была одной из лучших в этом мастерстве в городе Н. на протяжении трех или четырех лет, пока не потеряла пропасть денег».

Вслед за пивоварением она начала молоть зерно, но и это не принесло успеха. Такие превратности судьбы она интерпретировала как «кары Господа Нашего, который наказывал ее <...> за ее гордыню». Ее религиозность начала сказываться на всех сторонах жизни и особенно ярко проявилась в таком инциденте:

Однажды ночью, лежа в постели со своим мужем, она услышала напевный звук, такой приятный и нежный, что она почувствовала себя в Раю. Тут же она выпрыгнула из постели и сказала: «Увы мне, грешной!» Впоследствии, когда бы она ни услышала эту мелодию, она проливала очень обильные и горькие слезы и разражалась громкими рыданиями и вздохами по небесному блаженству.

Какими бы дикими ни казались ее занывания и вздохи соседям, Марджери была убеждена, что она соприкасается с высшими мирами и видит мистические откровения. Ночь, когда она услышала райскую музыку, стала поворотной точкой в ее отношении к мужу. Она пишет:

И с тех пор желание возлечь с мужем оставило ее, а долг материнства казался настолько отвратительным, что ей приятнее было бы съесть горсть навоза или выпить грязи, чем лечь с мужем, что она делала лишь из послушания.

И она сказала своему мужу: «Я не лишая тебя своего тела, но вся любовь и привязанность, какие есть в моем сердце, обращены к Богу и ни к одному земному созданию». Но он брал то, что было его по праву, и она подчинялась, постоянно плача и скорбя. <...> Не раз предлагала она своему мужу жить в целомудрии и говорила, что, как доподлинно ей известно, они гневли Бога своей необузданной любовью и великим наслаждением, которое испытывали их тела, и теперь будет за лучшее им обоим согласиться, что они должны сами покарать и наказать себя, воздержавшись от плотской похоти.

Конечно, Марджери Кемп нельзя считать «среднестатистической» женщиной. Но хотя ее случай уникален, мы все же можем почерпнуть из ее истории много ценной информации — к примеру, увидеть, как слова христианских проповедников влияли на интимную жизнь супругов. В средневековом

христианстве акцент был сделан на целомудрии и отрицании сексуальной жизни, что не согласовывалось не только с желаниями мужа Марджери Кемп, но и с тем, как она вела себя прежде. Обогащенная новым мистическим опытом, она начала иначе относиться к сексуальным наслаждениям. Согласно христианской доктрине, «необузданная любовь» была неуместна Богу. Одобрялся только секс с целью продолжения рода, а у Марджери детей было даже больше, чем в средней семье, так что она считала за лучшее вовсе прекратить сексуальную жизнь.

Ее муж, однако, пока не был готов дать обет воздержания, которого она так жаростно желала. Обеспокоенная Марджери стала еще более ревностно проявлять свою веру: посещала церковь два или три раза в день, молилась весь вечер, постилась и носила власяницу. Реалистичность этому невероятно-му описанию придают детали, как, например, в следующем пассаже: «Она раздобыла власяницу и носила ее под одеждой так незаметно, чтобы ее муж ни за что не узнал об этом. И он пребывал в неведении, хотя она каждую ночь ложилась с ним в кровать и носила власяницу каждый день и приносила ему детей все это время». Можно лишь гадать, каким образом муж мог не заметить власяницу на своей жене, когда продолжал заниматься с ней сексом. Но мы также не должны принимать на веру все, что пишет эта женщина, считавшаяся эксцентричной даже по меркам своего времени.

Еще одним способом проявления веры было паломничество по святым местам Англии. Но Марджери не могла отправиться в путешествие «без мужнего дозволения». В этом отношении она следовала традициям и закону, которые гласили, что жена должна спрашивать разрешения у мужа всякий раз, когда покидает дом. Супруг ей не препятствовал, а иногда даже сопровождал ее. Так, во время паломничества в Йорк произошло еще одно важное событие. Супруги воздерживались на протяжении восьми недель, и когда об этом спросили мужа,

он ответил, «что всякий раз, прикасаясь к ней, он испытывал такой страх, что это лишило его всякого желания». Очевидно, общение Марджери с Богом и ее упрямое желание наложить на себя обет воздержания начинали побеждать. После долгих разговоров супруги договорились о следующем: «Сэр, если позволите, вы должны оставить за мной мое желание, а свое — за собой. Пообещайте, что не появитесь у моего ложа, и я обещаю вам, что я расплачусь со всеми долгами, прежде чем отправлюсь в Иерусалим...» Затем ее муж ответил: «Как прежде твое тело принадлежало мне, так теперь оно принадлежит Богу».

Это знаменательное событие случилось, когда Марджери было около сорока, и было скреплено клятвой воздержания перед лицом епископа Линкольнского. С этого момента начинаются паломничества Марджери, она путешествует по Святой Земле, Италии и Испании. Очевидно, у нее достаточно средств, чтобы путешествовать, и она не слишком волнуется о детях, которые либо уже достаточно выросли, либо были отданы на попечение слуг и родственников.

Хотя история Марджери Кемп выделяется на фоне историй других жен Средневековья, она не уникальна. Другие известные женщины-святые также побывали в браке³⁹.

Одной из самых ранних была история Марии из Уаньи (умерла в 1213 году). Когда Марии было четырнадцать, родители в Брабанте выдали ее замуж. Но она уговорила своего мужа жить целомудренно и вместе с ней посвятить жизнь уходу за прокаженными.

Анджела из Фолиньо (1249–1309) была уважаемой женой и матерью до сорока лет. После этого она пережила обращение и провела остаток жизни в нищете и покаянии.

Святая Бригитта Шведская (1303–1373) была выдана замуж в тринадцатилетнем возрасте. Ее влиятельные родители нашли ей мужа равного положения, и у них было восемь детей. Когда в 1344 году ее муж умер, она удалилась в цистерцианский монастырь и надиктовала священнику свои откровения.

В 1350-м она отправилась в Рим и пребывала там, основав новый религиозный орден бригитток, вскоре распространившийся по всей Европе и особенно активный на родине святой, в Швеции.

Прусская визионерка Доротея из Монтау (1347–1394) вышла замуж, когда ей было шестнадцать, и родила девятерых детей, из которых лишь один дожил до взрослого возраста. Она состояла в несчастливом браке и в конце концов настояла на том, чтобы вместе с мужем дать обет целомудрия. В конце жизни она паломничала в Аахен и Рим и окончила свой жизненный путь затворницей.

Всем этим женщинам удалось убедить своих мужей вести праведный образ жизни, частью которого было воздержание и отказ от заботы о детях, поскольку в средневековом мировоззрении целибат ценился превыше брака и материнства. Марджери Кемп почти не упоминает своих детей. Для нее важнее было рассказать о своих духовных исканиях. Во время одной из паломнических поездок она посетила отшельницу, живущую в воздержании, Юлиану Нориджскую — еще одну женщину, чьи труды стали важной вехой в истории литературы. «Шесть откровений божественной любви» Юлианы стали первой книгой, написанной женщиной на английском языке, а «Книга Марджери Кемп» — вообще первой английской автобиографией.

Кристина Пизанская

Их французская современница Кристина Пизанская (1363–1429) стала первой женщиной, которая зарабатывала на жизнь пером. Итальянка по происхождению, Кристина выросла в атмосфере роскоши, при дворе короля Карла V, где жил ее отец-астролог. Она научилась читать и писать, но не получила формального образования. В 15 лет она вышла замуж за 24-летнего вельможу Этьенна де Кастеля, мужчину умного

и привлекательного. Как напишет потом Кристина, «о лучшем муже нельзя было мечтать»⁴⁰. У них было трое детей, и они провели вместе десять счастливых лет. После безвременной кончины мужа она обратилась к сочинительству как к средству заработка, который поддержал бы ее, ее детей и ее овдовевшую мать. Она написала около тридцати работ, из которых наибольшую известность получила протофеминистская утопия «О граде женском». Но в рамках разговора об участии жены она интересна прежде всего как автор прекрасных стихов, посвященных памяти мужа, которого она так быстро утратила. «Похвала браку» — одно из первых произведений, в которых сама женщина рассказывает о том, что счастлива в постели с собственным мужем.

Брак — это источник наслаждения,

Я убедилась в этом сама.

Это знают все, чей муж столь же добр и мудр,

Как тот, какого даровал мне Бог.

<...>

Я поняла это сразу же,

В нашу первую супружескую ночь,

Потому что, к его чести, он не сделал

Ничего, что обидело меня или причинило боль.

Но прежде чем настало время вставать,

Он подарил мне не меньше ста поцелуев,

Не требуя от меня никаких низостей.

Конечно же, мой муж горячо меня любит.

<...>

Принц, я схожу с ума от желания,

Когда он говорит мне, что он только мой.

Он заставляет меня забыть в сладостных чувствах.

Конечно же, мой муж горячо меня любит.

«Плач вдовы», напротив, выражает опустошение Кристины после потери мужа.

Я одинокая вдова в простом черном платье
 С печалью, написанной на лице;
 Глубокая скорбь о невосполнимой утрате
 Убивает меня.

Несмотря на то что в средневековом мировоззрении жена была обузой для мужчины, а непорочность и вдовство считались ближе к святости, чем брак, Кристина Пизанская была рада исполнять обязанности жены и стала глубоко несчастна, «удостоившись» статуса вдовы.

Итальянское приданое

В средневековой Италии бытовали такие же представления, но было несколько принципиальных различий, характерных исключительно для итальянской культуры. Если во Франции и в Великобритании XIII века брачная церемония уже перешла в разряд церковных обрядов, то в Италии такой переход занял больше времени. Брак оставался делом всей семьи, и выгода двух родов по-прежнему была главным мотивом. Выгода могла принимать разные формы: это могло быть большое приданое жены, статус, которым обладал один из супругов и который способствовал росту влияния всего семейства, либо просто приобретение нового родственника, на которого можно было положиться в трудную минуту. Но добровольное желание двух молодых провести жизнь друг с другом никто уж точно во внимание не принимал. *Quelle idée!**

Родители и свахи искали подходящую партию из представителей того же класса: дворяне — среди дворян, купцы — среди купцов, ремесленники — среди ремесленников, крестьяне — среди крестьян. Иногда обеспеченные члены купеческого класса вступали в брак с представителями дворянства и повышали свой статус, но браки между представителями двух

* Что за выдумка! (фр.).

слишком далеких друг от друга сословий считались нарушением общественной нормы.

Как и во времена римлян, девушкам не позволяли выбирать себе будущего мужа и тщательно оберегали от случайных встреч с потенциальным супругом. Писатель Боккаччо (1313–1375) полагал, что некоторых девушек и даже жен не следует отпускать в церковь или на свадьбу, чтобы они не завели ненужные знакомства с мужчинами; самой радикальной мерой был запрет стоять у окна и глядеть на улицу. Окно действительно было источником соблазнов, поскольку в нем молодая женщина могла разглядеть мужчин, проходящих мимо. В большинстве итальянских городов юноши и впрямь имели привычку прогуливаться туда-сюда вдоль окон в надежде привлечь внимание девушки, сидящей перед распахнутыми ставнями.

У свадебного обычая были свои особенности в зависимости от региона, но в целом он состоял из трех отдельных событий: 1) помолвка скреплялась будущим женихом и отцом будущей невесты; 2) жених и невеста высказывали свое согласие на брак, это часто называют «днем кольца»; 3) молодая жена переезжала в дом мужа.

Помолвка сама по себе воспринималась так же серьезно, как и брачная клятва. Во Флоренции XIV–XV веков разрыв помолвки был чреват катастрофическими последствиями: семьи начинали враждовать, а сторона, спровоцировавшая разрыв, могла лишиться шансов на новый брак в будущем. И католики, и евреи облагались значительным штрафом в том случае, если помолвочный контракт расторгался⁴¹.

Вот цитата из дневника тосканского купца Грегорио Дати, который записал все брачные ритуалы в течение трех месяцев: «Тридцать первого марта 1393 года я согласился взять в жены Изабетту, поклявшись в этом под присягой. Седьмого апреля, в понедельник после Пасхи, я дал ей кольцо в присутствии нотариуса, сера Луки. Двадцать второго июня, в воскресенье, в десятом часу, она переехала в дом ко мне, ее мужу, по воле

Бога и Фортуны»⁴². Купец не пишет ничего о священнике. В порядке вещей было заключать брак в доме невесты или кабинете нотариуса, без священника или церковной церемонии. Как и большинство свадеб, эта совершалась в воскресенье — в тот день, когда наибольшее количество народа могло увидеть брачную процессию и проводить невесту до дома мужа.

В Италии брак был обязательным почти для всех, как для мужчин, так и для женщин. Незамужние женщины были либо монахинями, отправленными в монастырь в юном возрасте (иногда в семь лет, хотя они не давали обета до двенадцати или тринадцати лет), либо служанками, которые пытались накопить достойную сумму для приданого. В последнем случае наниматель зачастую обязывался заплатить приданое, когда молодая девушка достигнет совершеннолетия после многих лет службы без другого вознаграждения кроме комнаты и питания.

Тосканские женщины, как правило, выходили замуж в восемнадцать лет или раньше, городские мужчины женились в тридцать, а деревенские — в двадцать шесть. Большая разница в возрасте — в среднем около восьми лет (а в богатых семьях она могла доходить и до пятнадцати лет) — располагала к тому, что мужья ожидали покорности от жен, а жены ждали защиты и опеки от мужей. Трудно предположить, имели ли наши современные представления о поиске взаимопонимания и компромисса какое-то значение в семье, построенной на таком возрастном разрыве и разнице авторитетов.

Как и в Древнем Риме, сохранялась патрилинейная и патрилокальная система: жена всегда переезжала в дом мужа. В Италии муж не мог переехать в дом своего тестя, как это иногда случалось во Франции, особенно если глава семейства имел единственную дочь. Такие неординарные браки называли «замужеством зятя» (*marriage à gendre*). В еврейских семьях тоже были нередки случаи, когда муж переезжал в дом состоятельной супруги, особенно если это была дочь богатого купца, составлявшая счастье сына бедного раввина.

В католической Италии тем не менее жена всегда, так сказать, покоряла незнакому territory.

Система приданого была одной из основ брака на всех уровнях общества. Во Флоренции после 1430 года в системе муниципального управления даже существовал фонд приданого (Monte delle Doti): отец девушки вносил депозит, когда она была еще ребенком (очень похоже на нынешние накопления для колледжа), и приобретенная сумма выплачивалась мужу во время свадьбы⁴³.

Отдавать за дочь долю родительского имущества отцов обязывал закон. Это означало, что каждая дочь получала после замужества определенную сумму денег, а сыновья должны были наследовать то, что осталось от отцовского имущества. Приданое было не просто капиталом, ложившимся в основание семейной жизни, — его величина определяла состоятельность невесты, ее семьи и новой супружеской пары. Его размер был открытой информацией: соответствующий документ составлялся и заверялся у нотариуса, и затем молва разносила эти сведения по всей округе⁴⁴.

Приданным впоследствии распоряжался муж, оно предназначалось для домашних нужд и, если муж умирал первым, для обеспечения вдовы. Как правило, в Европе вдова получала треть всего имущества, а то, что оставалось, переходило в распоряжение наследников. Размер приданого определялся во время помолвки, и оно часто выплачивалось по частям, причем каждую выплату фиксировали нотариально. Начальный платеж совершался, как правило, до того, как невеста переезжала в дом жениха, а остаток суммы продолжали выплачивать годами. Если же родители по какой-то причине не могли или не хотели продолжать выплачивать положенную сумму, в семье мог начаться конфликт. Помимо денежной части, приданое могло содержать ценные товары и личное имущество.

Материальный вклад мужа в домашнее хозяйство (помимо самого дома) облекался в форму «подарков». Ему полагалось

оплатить наряд, который невеста надевала в день свадьбы, что обходилось в немалую сумму, особенно у флорентийцев, уделявших одежде большое внимание. Также ему надлежало обустроить спальню невесты, в которой обязательно должен был находиться так называемый свадебный сундук. Он мог быть украшен тонкой резьбой с изображениями сценок, призванных наставлять молодых супругов, например рассказывать их об их обязанностях, ценностях верности и опасностях соблазнов. Сундук полагалось нести в процессии, сопровождавшей невесту к дому жениха, и затем поместить в изножье брачного ложа.

Такая обязанность распространялась на представителей всех классов, и если состоятельные мужчины могли потратить на подарки сумму, равную размеру приданого, то крестьяне порой оплачивали одежду, предназначенную в дар невесте, из первого брачного взноса ее семьи, и к XV веку эту практику переняли представители всех слоев общества.

В высших кругах вокруг этих подарков плелись настоящие интриги. Юридически за флорентийским мужем признавалось право владения подарками, которые он дарил своей невесте, и все они могли в том случае, если брак будет аннулирован, вернуться к нему. Часто мужья прописывали прямо в завещании, на что могла претендовать жена в случае его смерти, особенно в том случае, если она снова выйдет замуж. Нередко вдове приходилось покинуть дом мужа и оставить там все одежды и украшения, подаренные на свадьбу, а также приданое, которое дети не спешили возвращать. В архивах Флоренции можно найти дела вдов против своих же наследников, которые отказывались возвратить приданое своим матерям и мачехам.

Иногда подарки даже не принадлежали невесте. Жених мог просто одолжить их у друзей и родственников на время свадьбы, пообещав вернуть в течение года. Или же положение дел вынуждало мужа продать подарки профессиональным

арендаторам, с тем чтобы те за отдельную плату могли дать их в аренду другому молодожену.

Дарение кольца было обставлено еще более сложными церемониями. В день свадьбы муж давал жене два или три кольца. Вдобавок во Флоренции либо в день свадьбы, либо на следующее утро отец жениха и члены его семьи дарили невесте кольца, в состоятельных дворянских семьях их количество могло достигать пятнадцати или двадцати. Кольца дарили и женщины из семьи жениха в знак приветствия нового члена семьи. Но и эти дары имели лишь ритуальную ценность; они не принадлежали невесте, как и одежды и украшения, которые дарил ей муж. Со временем они передавались следующей невесте, которая входила в семью.

В течение XIV и XV веков в Италии суммы, которые тратились на приданое, подарки и церемонию, значительно увеличились. Собрать приданое для всех дочерей становилось все сложнее, и многих девушек отправляли в монастырь, поскольку это была более дешевая альтернатива браку (отправить девушку в монастырь стоило примерно вдвое дешевле). В Венето, регионе, граничащем с Венецией, в XVI веке величина приданого стала такой непомерной, что привела к финансовому кризису: упадок торговли в Венеции объясняли тем, что вельможные мужья отказывались расставаться с приданным своих жен.

Женщины становились заложницами приданого: некоторым семьям было трудно собрать его, а сами девушки оценивались на основе его величины, то есть фактически приданое становилось определяющим моментом при заключении брака. Но если за девушкой давали солидное приданое, ее социальный статус возрастал и служил ей долгие годы после замужества⁴⁵

Нам многое известно о свадебной церемонии и атрибутах: приданом, кольцах, контрактах и прочем, — однако такие подробности не позволяют судить о том, как строились

отношения между супругами. Такие тонкие материи всегда тяжело изучать. Семейные воспоминания (*ricordanze*), написанные мужчинами, крайне скупы по части описания эмоций, а женщины вообще редко писали. Но была ситуация, в которой бурное излияние чувств казалось приемлемым: смерть жены. В этом случае мужчина открывал то, о чем жена при жизни могла и не подозревать.

В дневниках мужчин, переживших потерю супруги, встречаются такие слова, как «*dulcissima*» (сладчайшая), «*dilectissima consors*» (самый милый товарищ) и «*dilectio*» (нежность), и это не просто дежурные комплименты, а выражение настоящей признательности. Так, один автор из Болоньи выражал свою скорбь довольно причудливым образом: «Я любил ее больше, чем это казалось возможным, и никогда не верил, что во всем белом свете нашлась бы женщина лучше нее»⁴⁶.

Негативные эмоции получали выход и отражались на бумаге в другом случае — если брак разваливался. Тогда мужья и жены были вправе высказать свое недовольство перед церковными авторитетами, которые располагали правом аннулировать брак или провозгласить развод. Примечательная история Джованни и Лузанны, которая была обнаружена и изучена исследователем Жаном Брукером, позволяет нам приглядеться к тому, как строились отношения флорентийской пары⁴⁷. История, восстановленная по записям судебного нотариуса, рассказывает о сексе, страсти, измене, тайном браке и аннулировании замужества. Эта удивительная история рассказывает о том, при каких обстоятельствах флорентийские женщины XV века соглашались или не соглашались на легальный брак.

История Джованни и Лузанны

Лузанна и Джованни родились в 1420 году во Флоренции, в домах, расположенных в пяти минутах ходьбы друг от друга. Место рождения — единственное, что объединяло их: Лузанна

была дочерью ремесленника, а Джованни — сыном высокопоставленного нотариуса. Семья Делла Каса, из которой он происходил, принадлежала к правящим кругам Флоренции, а семья Лузанни состояла из мелкобуржуазных ремесленников и торговцев. Во флорентийском обществе, где граница между различными общественными группами была четко очерчена, невозможно было представить, что эти двое влюбятся друг в друга.

Когда Лузанне исполнилось семнадцать, пришла пора выходить замуж, и отец договорился о браке с Андреа Нуччи, 29-летним ткачом и сыном преуспевающего пекаря, который жил всего в нескольких метрах. За Лузанной давали солидное приданое в 250 флоринов, что было зафиксировано должным образом в брачном контракте, заверенном местным нотариусом.

Пять лет спустя, посещая одну из близлежащих церквей, Джованни увидел Лузанну. Лузанна, вероятно, была очень хороша собой, и хотя она была замужем, для зажиточного флорентийского купца, ищущего приключений, это не было проблемой. Он недавно разменял третий десяток, но пока не достиг возраста, приличествующего для брака, зато был в подходящем положении и возрасте, чтобы завязывать необременительные интрижки. На протяжении последующих десяти лет Лузанна и Джованни были любовниками. Как член ремесленной гильдии Лузанна пользовалась определенной свободой перемещения, ее не сопровождала дуэнья, которая неотступно следовала за девушками более высокого происхождения. Вдобавок она не была обременена детьми.

Что до законного мужа, мы не знаем о нем ничего, за исключением того факта, что он умер в 1453 году, благодаря чему свадьба между Лузанной и Джованни стала не только возможной, но и крайне желанной для Лузанны. Когда Джованни наконец согласился на свадебную церемонию, брат Лузанны Антонио — теперь он отстаивал честь сестры — потребовал

присутствия нотариуса, который обычно заверял брак и составлял свадебный контракт. Но Джованни колебался и настаивал на том, чтобы брак сохранялся в секрете, поскольку боялся, что если об этом станет известно его отцу, тот лишит его наследства. Джованни предложил, чтобы брак зарегистрировал его друг, францисканский монах Фра Феличе Асини.

Считался ли такой брак состоявшимся? Этот вопрос пришлось решать архиепископу Флоренции в 1455 году. Дело дошло до папы римского, и тот послал письмо архиепископу, в котором содержались следующие опасения: «Наше возлюбленное чадо Господне Лузанна ди Бенедетто, флорентийская женщина, сообщила, что, несмотря на то что был заключен законный брак между нею и неким Джованни де Лодовико ди Бенедетто, тот женился на другой женщине, и сделал это публично, обменялся с нею клятвами и кольцами и должным образом исполнил весь обряд». Письмо предписывало архиепископу разобраться в этом деле и, если обвинения Лузанны правдивы, аннулировать второй брак Джованни и наказать его за двоеженство.

В пользу Лузанны показания дали двадцать свидетелей, включая троих ее родственников и бывшего друга Джованни, Фра Феличе Асини. Из их воспоминаний о свадьбе следует, что на ней присутствовали Джованни и Лузанна, ее брат Антонио с женой, его мачеха и двое друзей. Фра Феличе подтвердил, что после ужина Джованни заявил, что хочет взять Лузанну в жены, и что участники церемонии окружили монаха и молодую пару. Сначала монах спросил одного за другим жену и мужа, согласны ли они связать себя узами брака. Когда оба высказали свое согласие, Джованни снял кольцо с левого пальца и надел его на палец Лузанны. Жених расцеловался с родней Лузанны и подарил всем подарки. Затем молодожены отправились консумировать брак. Такой была эта импровизированная церемония, которую Лузанна считала равной официальному обряду.

После свадьбы Джованни не жил с Лузанной, но лишь периодически проводил у нее ночь. На людях Лузанна продолжала носить платье вдовы, но дома одевалась как замужняя дама. В городе Джованни и Лузанна держали свой брак в секрете, но за городом они наслаждались жизнью пейзажей и возлюбленных. Пятеро крестьян подтвердили, что видели Джованни и Лузанну вместе, и вели они себя как муж и жена.

Спустя восемь месяцев Лузанна обнаружила, что Джованни заключил договор, согласно которому должен был жениться на Мариетте, пятнадцатилетней девушке из знатного семейства. Это случилось вскоре после смерти отца Джованни — события, которое для сторонников Лузанны было поводом раскрыть секрет о браке. Лузанна несколько раз требовала от Джованни разорвать помолвку, но он отказывался. И ей не оставалось ничего иного, как обратиться к церковным властям.

Джованни отрицал, что женат. Он признавал, что имел сексуальную связь с Лузанной с 1443 года, и пытался очернить ее, изображая как развратную женщину с несколькими любовниками. Как говорили его защитники, «движимая похотью, Лузанна возжелала юного и богатого Джованни...» Они апеллировали к хорошей репутации своего подзащитного, а некоторые соседи Лузанны действительно описали ее как женщину низкой морали. Она открыто глазела на мужчин, идя по улице, вместо того чтобы опускать взгляд, как полагалось благодетельной женщине; всем было известно, что она при жизни мужа имела любовника, а может, и нескольких — как можно было верить ее словам?

Процесс тянулся не один месяц, Джованни пытался доказать, что Лузанна была всего лишь его сожительницей, а Лузанна настаивала на статусе законной жены. Джованни делал ставку на огромный разрыв между мужчиной его статуса и возраста и «старухой» (напомним, что они были ровесниками). Защита Лузанны парировала, что довольно часто кравицы из низов выходили замуж за мужчин более высокого

социального происхождения. В конце концов архиепископ разрешил дело в пользу Лузанны. Несмотря на то что церковь стремилась искоренить секулярные брачные церемонии и институт тайного замужества, настаивая на том, чтобы имена вступающих в брак оглашались за три недели до церемонии, обряд все же признавался официальным, если в его рамках обе стороны изъявляли свое намерение стать мужем и женой. Джованни был признан двоеженцем, и его второй брак был аннулирован. Он должен был признать Лузанну своей законной супругой и обходиться с ней подобающим образом под угрозой отлучения от церкви. Кажется, в этом редком случае справедливость оказалась на стороне бедняков.

Но на этом история не закончилась. Джованни подал апелляцию на решение архиепископа. При помощи связей и денег он отменил вынесенное решение. Где-то между 1456 и 1458 годами брак между Джованни и Лузанной был признан недействительным. Джованни все же создал семью с Мариеттой, которая соответствовала ему по статусу и могла родить наследников рода Делла Каса. Всякие упоминания о Лузанне прекращаются после 1456 года.

В конце концов деньги, власть, социальные нормы и желание произвести на свет законных наследников победили. История Джованни и Лузанны демонстрирует вечную проблему сосуществования двух непересекающихся миров. В одном мире любовь, основанная на сексуальном влечении, побеждает любые преграды в виде классовых (расовых и религиозных) различий, а клятвы верности, данные в браке, преодолеваются под напором желания. Любовники, испытывавшие подобные сильные чувства, конечно, поймут, о чем я говорю.

Другой мир зиждется на уважении к закону и семейным, общественным и национальным традициям, а они гласят, что сексуальные отношения должны устанавливаться прежде всего между людьми, состоящими в браке. Мужчины и женщины, даже если они не прочь иметь несколько сексуальных

партнеров, обычно одобряют идею моногамии в качестве социальной нормы.

Возьмем Джованни. В «молодости» он позволил себе завести интрижку с замужней женщиной. Но когда ему пришло время соответствовать ожиданиям общества и семьи, он не стал легализовать свои отношения с Лузанной, женщиной более низкого положения, да к тому же бесплодной. Он сделал то, чего от него ожидали: взял в жены девушку, которая была намного моложе его и равна ему по положению, такую, которая улучшила бы репутацию его семьи и родила ему наследника. С точки зрения социальных договоренностей он «поступил правильно». Но его поступок вызывает вопросы с точки зрения морали.

А что мы подумаем об истории Лузанной? Ее, конечно, никак не назовешь обычной итальянской женой. Подобно Элоизе, от которой ее отделяли 250 лет, она была своевольной и страстной, не боялась рисковать ради своего возлюбленного, несмотря на то что ее поведение вызвало протест. Хотя ей не удалось своими действиями добиться крепкого и продолжительного второго брака, ей все же удалось избежать жестокого наказания за измену — из тех, что были распространены в более раннем Средневековье.

Конечно, церковное право не распространялось на еврейскую общину в Италии; здесь были свои власти, которые определяли, действителен ли брак и что делать, если супружеские отношения переживают кризис. Еврейские средневековые брачные традиции иллюстрирует один случай, произошедший в 1470 году⁴⁸.

Хакким бен Иехиель Коэн Фалкон, держатель постоянного двора из Павии, обратился к еврейским старейшинам за разрешением вернуть свою жену, сбежавшую из супружеского дома. Месяцами она настаивала на том, чтобы он переменял свой образ жизни и ушел из этого дела, но муж, по его собственному

признанию, не обращал на ее жалобы никакого внимания. Рассказ мужчины завершается тем, что однажды жена собрала все свои вещи, серебряную посуду и драгоценности и удалилась в дом соседки-христианки, к которой часто ходила в гости.

Когда муж понял, что его жена укрылась в соседнем доме, он обнаружил ее в компании двух христианок, двух мужчин, викарного епископа и капеллана. Епископ пришел, чтобы уговорить женщину креститься в христианскую веру. Муж стал говорить с ней на немецком, чтобы никто больше не понял их диалог:

Он: Зачем ты пришла сюда и почему не возвращаешься домой?

Она: Я останусь здесь и не вернусь к тебе, потому что не хочу быть хозяйкой постоянного двора.

Он: Я ни в чем не буду тебе препятствовать.

Она: Ты не обманешь меня снова... Ты многожды врал мне, и я тебе не верю.

Епископы заверили мужа, что обряд не будет совершаться в спешке и что у женщины будет сорок дней, чтобы все обдумать. Когда муж, рыдая, ушел домой, жену отвели в монастырь, «где сохранялась очень строгая христианская дисциплина». Она пробыла там день и ночь, но на следующий день поменяла свое решение. Она передала епископу, что хочет вернуться домой, говоря так: «я жена козна, и если я пробуду здесь еще день или два, я не смогу больше вернуться в его дом и мы должны будем развестись». Простые евреи не обязаны были разводиться, если один из супругов сбился с истинного пути, но козны были наследственными священниками и, вероятно, к ним предъявлялись более высокие требования. Когда жена возвратилась домой, «скорбя о своих грехах» и моля простить ее, муж обратился к раввинам: позволяют ли они ему взять жену назад? Что бы они ни решили, он обязан был принять это.

Этот интригующий документ, как и те, в которых дошла до нас история Лузанны и Джованни, не сообщает нам ничего об участии женщины. Было ли ей позволено вернуться к своим супружеским обязанностям? Обязали ли ее жить вместе с мужем, снося упреки от него и от еврейского сообщества? Бросил ли ее муж свой постоянный двор и начал ли заниматься чем-то другим? Побег из дома — мера, к которой прибегали многие и о которой многие задумывались хотя бы раз в своей жизни. Иногда для того, чтобы поправить ситуацию, которую больше не можешь выносить, нужно решиться на эксцентричный поступок.

В средневековой Европе, где для взрослого человека считалось нормой состоять в браке, жены и мужа жили вместе вплоть до смерти одного из супругов. Конечно, учитывая низкую продолжительность жизни (в среднем около тридцати лет) и ту разницу в возрасте, которая предполагалась между супругами, брак редко длился больше десяти—пятнадцати лет⁴⁹. Повторный брак для вдовцов был распространенным явлением — в некотором смысле можно сказать, что здесь ничего не изменилось. Брак длиной в десять—пятнадцать лет? Что ж, возможно, нам стоит считать это время достаточным для отношений и не ждать, что они продлятся до конца жизни, который теперь в среднем наступает у американских мужчин в семьдесят четыре года, а у женщин — в восемьдесят. Возможно, брак длиной в жизнь имел больше смысла, когда человек жил не так долго.

И, безусловно, было легче оставаться в браке тогда, когда этот институт поддерживался церковью, семьей и обществом. Современный брак на этом фоне совершенно лишен такой консолидированной поддержки. С другой стороны, средневековому браку не хватало того, на чем основывается современный союз: любви, свободы личного выбора и равенства между супругами.

Нельзя сказать, что любовное чувство вовсе не было знакомо средневековой женщине. Народные песни и баллады, куртуазная поэзия и предания сохранили для нас свидетельства того, что романтической любви были покорны все социальные группы. Но брак был слишком серьезным жизненным выбором, чтобы руководствоваться исключительно доводами сердца. В конце концов, все семьи строились на сложенных вместе финансах двух сторон. Все признавали, что для того, чтобы содержать ферму, фермеру необходима жена; для бюргера жена была ценным компаньоном и необходимым союзником в ведении дел; а управлять замком и поместьем было нельзя без госпожи.

К концу Средних веков появляются признаки того, что статус некоторых жен возрастает. Женщины из высших слоев общества в таких городах, как Венеция или Париж, английские поместные дворянки, бюргерские жены по всей Европе начинали предъявлять свои права на материальные блага и управление делами. Свидетельством более выгодного положения жен могут служить портреты супругов, где начиная с XV века оба изображаются либо на двух панелях, либо вместе на одной картине. Еще существовали картины наподобие алтаря Мероде (ок. 1425–1430), который хранится в музее Клойстерс в Нью-Йорке, где супруги изображены на боковых створках религиозных триптихов, но многие другие портреты XV века были откровенно светскими и восхваляли семейную жизнь.

Один из самых ранних написанных в этой новой манере — портрет Лисбет ван де Вендур (1430, Рейксмюсеум). Из подписи на обратной стороне портрета мы знаем, что она вышла замуж за Симона ван Адрихейма, рейнского бейлифа, 19 марта 1430 года и умерла в 1472 году. На картине изображено ее нежное обращение к мужу, свиток гласит: «Долго я искала того, кто открыл бы свое сердце». В парном портрете, который был утрачен, муж отвечал: «Мне не терпелось узнать,

кто подарит мне свою любовь». Такие куртуазные проявления взаимной любви делают честь и мужу, и жене.

Автопортрет немецкого живописца, известного как Мастер из Франкфурта, изображает его вместе с женой и показывает их в возрасте тридцати шести и двадцати семи лет соответственно (1491, Королевский музей изящных искусств в Антверпене). На третьем пальце правой руки у жены изображено кольцо, она держит цветок, вокруг нее расположены вишни, хлеб и нож — символы семейного благополучия.

Знаменитый портрет начала XV века «Чета Арнольфини» Яна ван Эйка, столь же известный двойной портрет «Меняла с женой» Квентина Массейса (1514), менее известная гравюра «Alltagsleben» Исраэля ван Мекенема (1490–1503) и многие другие работы фламандских, голландских, немецких и итальянских художников свидетельствуют о повышенном внимании к супружеской паре, особенно если сравнить их с работами более раннего поколения средневековых художников, где брак проигрывает состояниям девственности и вдовства⁵⁰. На протяжении следующего столетия, отмеченного религиозными и социальными переворотами, такой взгляд на брак и на роль женщины будет только укрепляться.

Глава третья. ЖЕНЫ-ПРОТЕСТАНТКИ В ГЕРМАНИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И АМЕРИКЕ. 1500–1700 ГОДЫ

Мудрый муж, ищущий мирной жизни со своей женой, должен соблюдать следующие три правила: часто предостерегать, иногда порицать и никогда не бить ее.

Богоугодный домострой. Лондон, 1614

Нас не должно удивлять, что история замужней женщины так тесно переплетается с историей религии. Даже сегодня во многих странах поведение замужней женщины регулируется религиозным правом. К таким странам относятся, например, Иран, Пакистан и Афганистан: согласно исламским законам, взрослые женщины должны носить закрытый наряд, скрывающий их от посторонних, а измена до сих пор жестоко карается: побиванием камнями или казнью. Западное светское законодательство относительно благоприятнее для женщин, но и оно укоренено в иудео-христианской традиции. Мы часто забываем, что ранняя Новая Англия была теократией, где жизнь граждан строилась согласно религиозным представлениям пуритан. Хотя многие из их убеждений восходят непосредственно к Библии, другие были сформированы в бурный период протестантской Реформации.

В этой главе мы рассмотрим трансформации брака, которые произошли в ходе религиозного переворота в XVI веке и через Германию, Швейцарию и Англию распространились

на Северную Америку. Мы ответим на три вопроса: как высказывания Мартина Лютера о браке и пример его супружеской жизни повлияли на представителей его и последующих поколений? Как реформы Генриха VIII и Елизаветы I отразились на представлениях англикан о священных узах брака? Как английские протестанты и в особенности пуритане создали образ добродетельной американской жены?

Брак в лютеровской Германии

Мало кто так повлиял на институт брака, как монах-августинец Мартин Лютер. Главным содержанием его «95 тезисов», вывешенных в 1517 году на двери Запковской церкви в Виттенберге, была критика церковной практики продажи индульгенций (папских диспенсаций, которые уменьшали или вовсе отменяли требуемое покаяние). Затем он поднял множество других острых тем своего времени, в том числе вопрос о необходимости celibата для священнослужителей. Сегодня индульгенции давно ушли в прошлое, а вот проблема celibата священников до сих пор актуальна. В этом отношении католическая церковь придерживается той же позиции, что и в 1525 году, когда Лютер женился на бывшей монахини Катарине фон Бора.

Лютер оспаривал запрет на брак для священников при помощи цитат из Священного Писания. Он не смог найти в Новом Завете ни единого свидетельства того, что Иисус осуждал брак апостолов: действительно, апостол Петр был женат, и, как считал Лютер, вполне вероятно, что и апостол Павел, и даже сам Иисус уже в молодости имели жен. Апостол Павел допускал, что священник может быть женат (1 Тим. 3:2, Тит. 1:6), и его авторитета было достаточно для Лютера. Более того, поскольку многие служители церкви имели сожительниц и те часто рожали от них детей, он рассудил, что лучше уж им было бы не жить во грехе, а состоять в законном браке.

Он развил эти рассуждения в открытом письме «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства», которое завершалось тремя характерными для его стиля резкими предложениями:

«Во-первых, не каждый священник может обойтись без жены, которая [нужна ему] не только как женщина, но в гораздо большей степени ради ведения домашнего хозяйства... (женщина предстает здесь как источник сексуального удовольствия и незаменимый работник по хозяйству).

«Во-вторых, папа не властен запретить это, точно так же, как не в его власти запретить есть, пить, отправлять естественные надобности или прибавлять в весе» (здесь секс ставится в один ряд с другими естественными человеческими нуждами).

«В-третьих, несмотря на папский закон и вопреки ему, браки все же заключаются, — с его законом уже покончено и он не имеет никакого значения. Ведь заповедь Божья о том, что никто не должен разлучать мужчину с женщиной (Мф. 19:6), намного превосходит папский закон...»* (Божественный закон превосходит папский закон).

В том же году в предисловии к сочинению «О вавилонском пленении Церкви» Лютер заявил, что брак не таинство, он отличается от церковного ритуала и не наделен сакральным значением. Сторонники Реформации уменьшили число католических таинств с семи до трех, оставив лишь крещение, епитимью и евхаристию, поскольку они упоминались в Библии и считались необходимым условием для спасения души. Но это не значило, что брак терял свою значимость в глазах христианина. Опираясь на Писание — высший авторитет в вопросах веры, Лютер рассуждал о том, что брак — благо для любого человека, будь то священник или мирянин. Он также признавал, что развод вызывает у него отвращение, хотя и допускал, что этот вопрос требует обсуждения.

* Пер. Ю. Голубкина.

Несмотря на разрыв с ортодоксальным взглядом на брак, Лютер разделял католический взгляд на женщину как низшее существо, чья главная функция — продолжение рода. Для Лютера, как и для большинства его предшественников и современников, женское предназначение состояло в том, чтобы «служить мужчине и быть его помощницей».

Семья, таким образом, строилась на строгой иерархии: муж был главой семейства, жена стояла ступенью ниже, а долгом детей было подчиняться обоим родителям. Мнение Лютера о браке, пожалуй, наиболее последовательно изложено в «Малом катехизисе» — эту книгу будут читать в лютеранских домах на протяжении последующих веков. Обязанности супругов были обусловлены их полом: мужьям предписывалось обращаться «благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом», а жены должны были повиноваться «своим мужьям, как Господу». И все же Лютер вслед за апостолом Павлом считал, что взаимная любовь между супругами была милостью Божьей.

Лютеране по всему миру, от США до Германии и Скандинавии, верили в то, что брак строится на взаимных чувствах и что отношения между супругами иерархичны. До сегодняшнего дня также сохранилось лютеровское представление о том, что хороший христианин обязан исполнять не только религиозные, но и семейные обязанности.

В 1525 году 42-летний Лютер решил подкрепить свое мнение поступком. Взяв в жены 25-летнюю Катарину фон Бора, он вступил в ряды женатых священников — деятелей Реформации. Это был не первый случай, когда католический священник женился, но уж точно наиболее исторически значимый.

Кто же была та женщина, которая вошла в историю как жена Мартина Лютера? Мы знаем о ней исключительно из записей самого Лютера и его современников; ничего из написанного Катариной фон Бора, даже ни единого письма ее к мужу, не сохранилось. Как жаль, что мы не знаем о ней больше! Однако яркость ее личности передается даже через

фильтр мужского взгляда. Катарина была из благородной, но не слишком богатой семьи. Ее мать умерла, когда она была ребенком, а отец женился во второй раз и отдал девочку в школу при монастыре. В девять лет ей было предопределено стать монахиней саксонского цистерцианского монастыря в Нимбшене, где настоятельницей была ее кузина. В шестнадцать она постриглась в монахини и стала бы невестой Христа, если бы не Реформация.

В 1522 году ее родственник, настоятель августинского монастыря близ Нимбшена, сложил с себя обет и вместе с членами своей братии присоединился к лютеранам. Катарина и ее сестры во Христе были глубоко взволнованы этим решением. Они написали письма своим семьям, прося разрешения также сложить с себя обет. Но их семьи не были заинтересованы в том, чтобы эти женщины вернулись в мир — ведь некоторых из них отослали в монастырь специально, чтобы не пришлось собирать приданое, а некоторые уже внесли некоторый аналог приданого в обитель. К чему их семьям было желать возвращения этих женщин?

Не дождавшись ответа от семей, монахини взяли инициативу в свои руки. Они обратились напрямую к лидеру Реформации Мартину Лютеру и сообщили, что новый взгляд на веру не позволяет им оставаться в монастыре. Но как они могли оставить монастырь в стране, раздираемой религиозными конфликтами? И куда им было пойти?

Катарина и восемь ее сестер предприняли отчаянную авантюру, в которой им помог торговец рыбой. В 1523 году в канун Пасхи женщины спрятались в телеге, груженной бочками с сельдью, и ехали три дня, пока не очутились в монастыре августинцев в Виттенберге, где Лютер по-прежнему был монахом и преподавал библейскую теологию. Он поселил женщин в хороших домах, а некоторых выдал замуж. Вести об их местонахождении распространились стремительно, поскольку один студент из Виттенберга в письме другу писал: «Пару

дней назад в город въехала повозка с непорочными девами, которые пуще жизни хотели выйти замуж. Господь да дарует им мужей, пока не стало слишком поздно!»¹

Катарина провела в Виттенберге два года, постигая премудрости домоводства и ища достойного жениха. Она приглянулась одному образованному молодому человеку из аристократической нюрнбергской семьи, но тот не смел послушаться родителей, не желавших взять в семью беглую монахиню без приданого.

Узнав о ее проблеме, Лютер предложил ей в мужья пастора Каспара Глатца, но Катарине доктор Глатц не понравился. Однако она дала понять, что согласилась бы на брак с другом Лютера, доктором Амсдорфом, или с самим Лютером. Очевидно, она была не робкого десятка. Несмотря на то что за ней не было приданого, Катарина понимала, что может похвастаться благородным происхождением, а также своим прошлым — добропорядочной жизнью в монастыре.

Хотя не каждый мужчина согласился бы взять в жены бывшую монахиню, Лютер постепенно начал склоняться к мысли, что она могла бы составить ему хорошую пару. С благословения своего отца, человека простого происхождения, разбогатевшего на медных рудниках, Лютер взял Катарину в жены. То, что начиналось как удобный брак, со временем превратилось в любовный союз.

Помолвка Лютера и Катарини фон Бора, приравненная к законному браку, состоялась в присутствии четырех свидетелей, а через две недели был устроен большой праздник, на который были приглашены родители Лютера. Несмотря на всенародную известность, за деньгами на устройство праздника Лютеру пришлось обращаться к покровителям. Это была лишь первая в череде многих финансовых проблем, с которыми придется столкнуться супругам.

Каково было Катарине фон Бора переезжать в запущенный виттенбергский монастырь, где спали на засаленных,

набитой соломой матрасах? Что она чувствовала, лежа в постели с полноватым, не слишком привлекательным и не обуцанным манерам мужчиной средних лет? Позднее она будет критиковать его грубый язык и неотесанность, но в первые годы брака она, вероятно, помалкивала. На протяжении всей замужней жизни она обращалась к супругу не иначе как «господин Доктор», подчеркивая разницу в статусе.

Катарина была не из тех, кто бездействует и жалуется на жизнь. Она с самого начала решительно приняла бразды домашнего правления. В августинском монастыре, который сначала был сдан в аренду Лютеру герцогом Фредериком и затем подарен ему на свадьбу новым герцогом, было сорок комнат на первом этаже и кельи. В нем в разное время жили шестеро детей Катарины и Лютера (один из них умер в младенчестве), шесть или семь их осиротевших племянников и племянниц, четверо детей одного из овдовевших друзей Лютера, тетя Катарины Магдалена, воспитатели детей, слуги и служанки, квартирующие студенты, гости и беженцы. Катарина была не просто хорошей *Hausfrau*, она невероятно умело управляла этим разросшимся общежитием.

Из гигиенических соображений она устроила в доме ванную, которая, вероятно, также служила прачечной. Из соображений экономии она завела пивоварню, разбила огород и посадила фруктовый сад, в котором росли яблоки, персики, виноград и орехи. Она пасла, доила, отправляла на убой и на продажу коров и делала масло и сыры. Никто не смел обвинить Катарину в безделии, но ее критики — а их находилось предостаточно — полагали, что она слишком властная и заносчивая. Лютер иногда называл ее «Dominus» («Господином») и даже шутливо рифмовал ее имя, «Kethe», с «Kette» («цепи»). Он, кажется, невзирая на все рассуждения об иерархии мужчин и женщин в браке, довольно легко смирился с ее властью. «В домашних делах, — говорил он, — я полагаюсь на Кете. Во всех остальных — на Господа»².

Как жена, Катарина обращала внимание на все физические и эмоциональные нужды и невзгоды мужа — о его диете, болезнях, приступах депрессии. За этим стояла давняя традиция, согласно которой жена должна была если не исцелять мужа, то по меньшей мере следить за его здоровьем. Как гласит пособие, выпущенное в Германии в 1467 году, одной из обязанностей жены было сопровождать мужа, когда ему вырывали зуб. В пособии приведен рисунок, на котором муж сидит на стуле, держа за руку свою супругу, пока хирург-дантист проводит процедуру³.

Катарина знала секреты лечебных трав и припарок. Она следила за диетой Лютера и делала ему массаж. Когда у него обострялась депрессия — он называл такие приступы происками дьявола, — она неустанно заботилась о нем, чтобы убедиться, что приступ проходит. Иногда это было непросто — к примеру, однажды пришлось снимать с петель дверь в комнату, в которой Лютер сам себя запер. Катарина могла вести себя покорно на людях, но в частной жизни она знала, когда следует вмешаться и сделать по-своему.

Что касается экономических вопросов, здесь она решительно взяла бразды правления. Следовало умерить ту щедрость, которую Лютер проявлял к студентам, нуждающимся родственникам, друзьям и приживальщикам, иначе хозяйство оказалось бы под угрозой. Некоторые недоброжелатели возмущались тем, как Катарина ограничивала щедрость Лютера, а также ее деловым чутьем. Как и многие женщины, бывшие замужем за мыслителями — например, рассеянными профессорами или раввинами, — она была просто вынуждена заниматься экономическими вопросами в доме, хотя в ее случае склонности к этому играли свою роль.

В своих взглядах на родительство супруги, похоже, совпали и считали своих шестерых детей источником радости. Подобно современным родителям, они уделяли большое внимание их отлучению от груди и режущимся зубкам, гордились

их достижениями и тяжело переживали утрату двух дочерей, одна из которых умерла в четырнадцать лет, а другая — когда ей не было и года. Безусловно, в чем-то их подход к воспитанию различен. Катарина вынашивала детей, рожала их в муках, кормила грудью. Она, вероятно, убирала за сыном, который, по словам Лютера, мочился во всех уголках дома. Маловероятно, что она могла бы закричать в сердцах, как делал это Лютер: «Дитя, что такого ты сделал, чтобы заслужить мою любовь? Изгадил все углы и кричал на весь дом?»⁴ В отличие от Абеяра, относившегося с отвращением к крикам детей и их нечистотам, которые они с Элоизой считали несовместимыми с интеллектуальными занятиями, Лютер признавал детей как основу для омоложения своей жизни. Эта деталь открывает один из наиболее кардинальных сдвигов, который повлекла за собой Реформация. Отныне дом пастора, оживленный заботой жены и наполненный малыми детьми, будет новой моделью для протестантских семей по всему миру.

В Швейцарии и Страсбурге («вольном городе» под контролем Австрии) женщины следовали примеру немок и выходили замуж за протестантских реформаторов, которые прежде были священниками. Они разделяли религиозные убеждения своих мужей, столь же рьяно радели за дело, а также делили с ними все горести и опасности, которыми чревата была поддержка Реформации. Подобно Катарине фон Бора, они обеспечивали поддержку и заботу своим мужьям-богословам, ведшим борьбу с прежней догмой, и укрывали у себя беженцев-протестантов. Порой и им самим приходилось сниматься с места, если противники протестантизма усиливали свое влияние.

Вибрандис Розенблатт (1504–1564) побывала замужем за тремя протестантскими реформаторами в Базеле и Страсбурге и каждому мужчине подарила детей, а до того она была женой гуманиста из Базеля Людвиг Келлера, который умер в первые месяцы брака, в 1526 году. Родив дочь от Келлера,

Вибрандис вступила во второй брак со священником, ученым теологом и профессором Эколампадием в базельской Мартинскирхе. Ей было двадцать четыре, а ему — сорок пять, что позволяло некоторым современникам, в том числе Эразму, язвить по поводу их разницы в возрасте. Эколампадий, по всей видимости, был доволен своим выбором. В 1529 году он написал своему сподвижнику Вольфгангу Фабрициусу Капито: «Моя жена — то, о чем я всегда мечтал, и я не мог бы желать большего. Не строптивница, не болтушка и не вертихвостка, но хорошая хозяйка»⁵. Мы не знаем, как относилась к мужу Вибрандис, но за три года брака она родила ему сына и двух дочерей, развлекала протестантских священников и их семьи, переписывалась с женами других реформаторов, делила с мужем радость от побед в религиозных сражениях в Базеле и скорбела, когда в 1531 году он умер.

Вибрандис овдовела в тот же месяц, что и Вольфганг Капито, которому Эколампадий двумя годами ранее так восторженно описывал свой брак. Прошло меньше года, и Капито, вдохновленный похвалами своего покойного друга, посватался к Вибрандис, а она ответила согласием. С детьми от двух предыдущих замужеств она приехала в Страсбург, где Капито был известным пастором и профессором. Вновь Вибрандис стала женой, матерью и домохозяйкой с бесчисленными обязанностями. Своему третьему мужу она подарила пятерых детей. Брак с Капито продлился десять лет. Все девять ее детей дожили до великой чумы 1541 года, которая унесла троих из них — как и самого Капито.

Еще одной жертвой эпидемии стала Элизабет Бутцер, жена реформатора Натаниэля Бутцера. Понимая, что умрет, и зная о потере Вибрандис, она вызвала ту к своему одру. Вибрандис пришла ночью — так велик был страх, что кто-нибудь увидит ее, недавно сделавшуюся вдовой, разгуливающей по улицам. Элизабет попросила ее выйти замуж за Бутцера, когда она умрет. Эта просьба одной обреченной на смерть женщины

к другой многое говорит нам о людях той эпохи: женщина, беспокоящаяся за будущее своего мужа, и вдова, о благочестии и трудолюбии которой шла слава. Вибрандис и Бутцер сочетались браком на следующий год.

Бутцер одновременно скорбел о своей умершей жене и вместе с тем проникался чувством к новой. В письме к другу он выражает оба чувства: «Лучше моей новой жены не представить, она очень нежна и заботлива... Если бы только я мог отплатить ей тем же. Но увы, скорблю по той, кого потерял!»⁶ Новое семейство состояло из матери Вибрандис и ее пятерых выживших детей. Вскоре к ним добавились еще двое (один, правда, умер в младенчестве) и удочеренная кузина. В общей сложности Вибрандис родила одиннадцать детей от четырех мужей.

Дом Бутцеров в Страсбурге, как и дом Лютера в Виттенберге, был пристанищем для беглых протестантов, среди которых был итальянец Вермильи, который так вспоминал свое пребывание в этом доме в 1542 году: «Я прибыл в дом Бутцера и счастливо провел там 17 дней. Это огромный постоялый двор, принимающий религиозных беженцев»⁷. Он не упоминает о Вибрандис, женщине, которой они были обязаны теплым приемом. Действительно, целый год Вибрандис в одиночестве хозяйствовала в страсбургском доме, пока ее муж помогал архиепископу Кельнскому. И несколько раз, пока ее муж отлучался по делам, она держала оборону, заботилась о больной матери, больных детях и справлялась с непрекращающимся потоком беженцев.

В 1548 году Натаниэль Бутцер отправился в Англию по приглашению архиепископа Томаса Кранмера. Он должен был работать над переводом Библии и преподавать в Кембридже. Тем временем в Страсбурге до Вибрандис доносились неприятные слухи о том, что «лучше бы ей приехать к Бутцеру, а иначе как бы он не женился на другой. Герцогиня Саффолкская, например, недавно овдовела и положила на него глаз»⁸.

Наконец Вибрандис приехала в Англию со всей семьей. Но Бутцер, истощенный трудами, умер в феврале 1551 года. Теперь на плечи Вибрандис легла обязанность возратить всю семью в Страсбург. Из уцелевших писем на немецком и латыни можно судить о ее способности самостоятельно улаживать финансовые вопросы. Она написала архиепископу Кранмеру, и тот прислал ей сто марок.

После возвращения в Страсбург Вибрандис с детьми переехала обратно в Базель. Здесь она умерла во время чумы 1564 года и была похоронена рядом со своим вторым мужем, Эколампадием.

Немецкоязычные протестантские жены из Базеля, Страсбурга и Виттенберга внесли серьезный вклад в Реформацию: они обеспечивали достойный быт своим мужьям. Благодаря им возникла новая модель семейных отношений, в которой жена, хотя и прислуживала своему мужу, в воспитании детей и налаживании христианского быта считалась его компаньоном. Благодаря переводу Библии на немецкий, сделанному Лютером, они могли читать Писание и заложили основу традиции семейного обсуждения священных текстов, которая просуществует веками. Слово *Hausfrau* не передает всего разнообразия обязанностей вне дома, таких как написание писем или семейные и деловые поездки, которые позволяли женам стать полноправными участницами более масштабных религиозных и социальных реформ.

Брак в тюдоровской и стюартовской Англии

В Германии и Швейцарии Реформация быстро завоевывала позиции. Ко второй половине XVI века право священнослужителей жениться и несвященный характер брака стали частью протестантской доктрины. Не так обстояло дело в Англии, где оба процесса заняли больше времени. Генрих VIII изначально критиковал Лютера. Это потом его желание

развестись с первой женой, Екатериной Арагонской, приведет к разрыву с папством и к созданию англиканской церкви. Пока же он призывает сжигать книгу Лютера и пишет свою собственную, в которой защищает таинство брака (*Assertio Septum Sacramentorum*, «Защита семи таинств»). Консервативные религиозные взгляды Генриха резко контрастировали с его будущими поступками. В то время как он под разными предложениями, всеми правдами и неправдами жаждал сложить с себя брачные обязательства по отношению к одной жене и взять новую, он и его сторонники охраняли незыблемость религиозного права в отношении брака и противостояли изменениям, идущим из протестантских Германии и Швейцарии.

Тем не менее в конце концов вслед за континентальными протестантскими странами в 1536 году в Англии исключили брак из числа таинств⁹. Парадоксальным образом, как только брак был десакрализован, англиканская церковь начала предпринимать активные усилия, чтобы подчеркнуть его значимость и статусность. Англиканские проповедники напоминали верующим, что «брак угоден Господу Нашему», и разглагольствовали о прелестях супружеской жизни. В новом молитвеннике от 1552 года содержалась брачная служба, аналогичная той, которую мы описывали в предыдущей главе; она отличалась от средневековой брачной церемонии лишь несколькими важными особенностями. Как и раньше, в ней говорилось о том, что основной целью брака является продолжение рода и спасение от блуда; однако больше значения отдавалось «взаимному сожителству, помощи и комфорту». В отличие от средневекового подхода, в котором супружеская жизнь стояла в иерархии добродетельности ниже девства и вдовства, новый подход ставил брак ступенью выше. Со временем брак станет «этической нормой», а также количественной нормой у христиан¹⁰. Более того, уменьшение числа монастырей в Великобритании, Северной Европе и Швейцарии означало, что одной альтернативой для незамужних женщин стало меньше.

Неизменным оставался подход, при котором муж властвовал над своей женой. Жена давала ту же клятву, что и муж: быть вместе в радости и печали, болезни и здравии, в богатстве и бедности, любить и оберегать, но к ней добавлялось еще обещание повиноваться. Эта часть клятвы, которая перешла в британский вариант из средневековой службы на латыни, вызывала бесконечные споры, поскольку противоречила новому представлению о взаимности чувств и духовном равенстве.

Книги по этикету, в которых содержались советы по поводу брака, несли смешанный посыл. С одной стороны, в них подерживалась идея Богом данной мужчине власти над женщиной, которая была высказана в Ветхом Завете; с другой стороны, в них содержались рассуждения о важности взаимности в браке, источником которых был апостол Павел (особенно ярко это выражено в Послании к Колоссянам 3:18–19 и Послании к Ефессянам 5:21–33)¹¹. Этому вопросу касались пуританские священники в своих воскресных проповедях, которые затем часто распространялись в народе в форме публикаций.

Уильям Гуж, влиятельный пуританский богослов, старательно пытался примирить новую идею взаимности с традиционными патриархальными ценностями. Он делал это под влиянием состоятельных прихожанок, возмущенных некоторыми идеями, которые он вкладывал в свои проповеди, — например, тем, что жена не должна распоряжаться семейными средствами без ведома мужа. Этим дамам также не нравились некоторые нормы столового этикета, предписывавшие выражать почтение мужу, когда он вставал из-за стола или уходил, и общее представление о том, что жена должна быть скромной и податливой даже в том случае, если муж несправедливо ее упрекал¹².

В трактате 1622 года о домашних обязанностях Гуж отвечал на возражения прихожанок. Он ссылался на собственный опыт и писал о том, что в браке необходимо идти на уступки, а также советовал мужу допустить жену до «совместного управления семьей»¹³. Метафорически обыгрывая традиционные

представления об иерархии полов, он сравнивал женщину с сердцем, а мужчину — с головой: оба органа поддерживали жизнь организма. Признавая, что «жена и муж не вполне равны», Гуж заключал, что «даже там, где соблюдается общее равновесие сил, полное равенство невозможно, потому что муж стоит во главе любого семейного предприятия»¹⁴. Подобно всем своим коллегам вне зависимости от конфессии, будь то радикальный пуританин или умеренный англиканец, Гуж верил, что патриархальный порядок так же непоколебим, как ход небесных светил.

И все же Гуж и его соратники пуритане были более прогрессивны по сравнению с патриархальными практиками прошлого хотя бы уже потому, что наложили запрет на телесные наказания для жен. Дела о битье жен уже со второй половины XVI века регулярно разбирались в церковных судах, однако, как можно судить по сохранившимся судебным и медицинским отчетам, эта практика не имела большого успеха. Астролог и врач Роберт Нейпир в первые десятилетия XVII века фиксировал случаи избиения жен как само собой разумеющиеся. Например, доведенная до отчаяния жена Стивена Роулинса жаловалась, что она подвергалась побоям и унижениям всякий раз, как ее муж возвращался с попойки. Мужа Элизабет Истон одобряла вся семья, когда он бил жену «как собаку»¹⁵. Несчастные жены мало что могли сделать, чтобы спастись от этих издевательств, поскольку полный развод, предполагавший раздельное ложе и жилье, был очень дорог и хлопотен. В соответствии с новым духом эпохи прогрессивные пуритане и англиканцы боролись против физических наказаний для жен и допускали, что телесные наказания применимы только к детям и слугам. Мужей обязывали мягче относиться даже к провинившимся женщинам, если понадобится, наказывать их словом и ставить превыше всего любовь. Как писал Уильям Гуж, любовь — это «отдельный долг, который ложится в первую очередь на мужа», и она должна проявляться «во всем, что бы ни делал он со своей женой»¹⁶.

Можно считать, что именно в этом веке рождается брак по любви. Историк Эрик Карлсон, изучавший сельские брачные практики в городах и деревнях тюдоровского периода, убедительно демонстрирует, что «ключевым критерием была любовь»¹⁷. Соображения статуса и финансов по-прежнему руководили выбором пары в кругу мелкого и титулованного дворянства, однако представители этих групп составляли лишь 10% населения, и даже там случались браки по любви. В крайнем случае женщины из высшего общества имели право вето в выборе будущего мужа и могли выделить того из кандидатов, кто нравился им больше.

Сельская молодежь была относительно свободна в выборе партнеров и имела множество возможностей для этого. Девушки и юноши могли видаться как во время массовых сборищ, так и с глазу на глаз — в полях, лесах, парках, в хлеву, у источника и на загородных дорогах. Они встречались на рынках, ярмарках, в церкви, а также в пивной после службы. Многие работали вместе, будучи, например, слугами или подмастерьями. Как правило, они уже к пятнадцати годам покидали отчий дом и селились в доме работодателя, а значит, взрослели быстрее и становились независимыми раньше, чем современные подростки, которые и после двадцати обращаются к родителям за поддержкой.

Четыре века назад большая часть английской молодежи работала, чтобы обеспечить себя средствами для проживания и в будущем обустроить свое собственное хозяйство. Мужчины женились между 24 и 30 годами. Женщины выходили замуж между 22 и 27 годами. Около 10% населения вовсе не вступали в брак¹⁸. Средний возраст невесты был 24 года, жениха — на три года больше. Для невест из высшего круга возраст вступления в брак был ниже и равнялся 20 годам. Представители дворянства спешили составить удачные партии своим дочерям, пока те были еще молоды.

Период ухаживания был, наверное, одним из самых беспечных в жизни женщины. Ей могли оказывать внимание сразу несколько ухажеров. Однако это не значило, что родители автоматически соглашались с ее выбором. Они могли выражать неодобрение по-разному: быть с женихом холодными и немногословными, накладывать прямой запрет на встречи, в крайних случаях даже прибегать к телесным наказаниям или сажать дочь под замок. Иногда отец заявлял, что неповиновение дочери отразится на величине ее приданого¹⁹. Поскольку родители по большей части заботились о счастье и благополучии своих дочерей и одним из самых важных шагов в жизни молодых был выбор супруга, им было важно вмешаться до того, как невеста и поклонник поклянутся друг другу в верности. В отличие от множества стран континентальной Европы, в Великобритании согласие родителей официально не требовалось для заключения брака, но на практике церковнослужители требовали его, особенно если молодожены были младше 21 года.

В основе помолвки долгое время оставался древний ритуал соединения рук и произнесения клятв, известных как «обручение» («handfasting»). Эта популярная практика не исчезла и с приходом Реформации и Контрреформации. Действительно, такой обряд встречается и в XVIII, и в XX веке. Обручение изначально было торжественным, неразрывным контрактом и многим людям заменяло свадьбу. Происходило ли обручение в присутствии пары свидетелей, как на том настаивал церковный суд, или с участием священника, на чем настаивала церковь, или же без свидетелей, этот обряд не мог укрыться от Господа. Британцы и британки не давали ветреных клятв, поскольку верили, что делают это перед Богом. Теперь, во времена, когда слова бросаются на ветер и обещания легко нарушаются, нам может быть тяжело поверить, что они давались настолько серьезно.

Единой установленной формулировки для обручальной клятвы не было. Достаточно было пообещать принять другого человека в качестве обрученного или названного мужа или жены. В молитвеннике содержалась версия обручальной клятвы, которую начали использовать некоторые пары, хотя многие по-прежнему предпочитали изобретать собственные формулировки или ритуалы, порой совершая помолвку импульсивно и без свидетелей, что было чревато проблемами в будущем, если один из партнеров пытался отозвать свою клятву.

Более предусмотрительные женщины просили своих отцов, родственников, друзей, начальников или церковнослужителей быть посредниками на публичных церемониях обручения, которые зачастую устраивались в домах или трактирах — словом, в присутствии как можно большего числа свидетелей, которые, если потребуется, смогут дать показания в суде. Как правило, знаком совершившейся помолвки был обмен кольцами или монетами. Иногда пара консумировала брак непосредственно после помолвки. Так поступили в 1598 году Элизабет Конт и Роберт Хаббард, утверждая, что таков обычай их графства²⁰. Сельские жители часто считали себя женатой парой сразу после помолвки и начинали жить вместе.

Общество в целом терпимо относилось к сексу между обрученными, если они успевали сыграть свадьбу до того, как родится ребенок. Возможно, по этой причине было принято откладывать свадебную церемонию не более чем на шесть месяцев после помолвки. Но некоторые не задумывались о свадьбе, пока не беременели, потому что, хотя помолвка и считалась достаточной для скрепления союза, лишь после свадьбы ребенок признавался легальным наследником. По существующим оценкам, 20–30% невест шли к алтарю беременными²¹.

В семьях более высокого статуса и строгих моральных правил, прежде чем заняться сексом и поселиться вместе, молодожены должны были провести церковный свадебный обряд. Помолвленная пара попросту попадала в категорию «между

одинокими и женатыми», между ними допускались некоторые вольности и на них лежало меньше ответственности, чем на супругах²². У различных священников было разное представление о том, сколько должен длиться помолвочный период. Некоторые полагали, что он должен быть короток — около трех или четырех месяцев, чтобы лишний раз не искушать молодых начинать сожителство до свадьбы.

Свадьбы по традиции проходили в приходской церкви, которую посещали один или оба супруга. С середины XVI века «в церкви» значило не на паперти, а непосредственно перед алтарем. Молодые причащались и затем прилюдно произносили свои клятвы. Церемония, которую проводил англиканский священник, во многих словах и символах похожа на современную. Например, в ней уже присутствует обручальное кольцо, символизирующее неразрывные узы брака. Одна из деталей церемонии, которая ушла в прошлое, — поцелуй священника. Впрочем, протестантские священники в США даже в XIX веке еще целовали невест. За поцелуем священника следовали поцелуи родни и снятие подвязки²³.

После церемонии в приходской книге делалась соответствующая запись. Если пара впоследствии переезжала, копия такой записи служила доказательством того, что их союз должным образом оформлен, а дети, рожденные в нем, — законные наследники. Вслед за церковным обрядом шли массовые торжества: толпа сопровождала жениха и невесту в церковь и из церкви, семьи устраивали пир и танцы в доме, в таверне или на свежем воздухе.

Пуритане, в свою очередь, отвергали церковную церемонию и все торжества, которые казались им либо языческими, либо папистскими. Они отделяли себя от англикан, отказываясь от всех ритуалов, которые не упоминались в Писании, например от благословения кольца священником и возложения монеты женихом на церковную книгу, не говоря уже о таких экстравагантных обычаях, прижившихся в массовой культуре,

как уличная процессия и испытания невесты и жениха. Пуритане женились дома, вдалеке от чужих глаз, а церемония подчеркивала взаимные обязательства супругов пред всевидящим взглядом Бога. Наиболее ответственные из молодых даже отказывались от обручального кольца.

Пуритане были наиболее последовательными сторонниками традиционной, прописанной в Библии домашней иерархии: того, что родители стоят над детьми, а мужа — над женами. Пуританские священники призывали детей чтить родителей и доверять им даже выбор супруга. Неоспоримость родительского авторитета, конечно, не была в новинку, но к концу XVI века обсуждение этой идеи предельно накаляется. Хотя многие моралисты занимали сторону родителей, осуждая «появившееся у молодежи стремление следовать своим собственным желаниям и давать волю <...> бушующим страстям», общее мнение начинало склоняться на сторону молодежи²⁴. Все чаще осуждались родители, которые заставляли своих детей жениться из соображений финансовой выгоды. Слова клирика XVI века Томаса Бэкона о том, что некоторые родители злоупотребляли своей властью над дочерьми, выдавая их замуж «ради барышей и большого куша», не утрачивали актуальность на протяжении нескольких сотен лет²⁵. В особенности пуритане, разделяя в целом идею, что дети должны быть послушны воле родителей, не одобряли браков, которые заключались исключительно из соображений выгоды; напротив, они утверждали, что основа прочного союза — духовное согласие и взаимные чувства.

Британцы в целом, по всей видимости, более благосклонно относились к союзам по любви, нежели жители континентальной Европы. Британские книги по этикету начала XVII века гласили, что мужчина должен выбирать жену, руководствуясь «велемием сердца», а женщина, хотя ей и не позволялась такая свобода, как мужчине, имела право отвечать на ухаживания мужчины²⁶. Монтескье в XVIII веке и Энгельс в XIX веке сравнивали свободу британских девушек выходить замуж

«согласно своему предпочтению, не справляясь с родителями» с положением европейцев, которым повиноваться родительской воле предписывал закон²⁷. Таким вольностям сопутствовало по сути менее строгое распределение женской жизни в Великобритании, в противовес их современницам из Европы и особенно из стран Средиземноморья. Британцы также женились позже, и между супругами была меньшая разница в возрасте.

И все же было бы ошибкой предположить, что тюдоровская и стюартовская Великобритания отрицала патриархальный строй. Священники продолжали напоминать пастве, что дети должны почитать родителей и что жены должны быть послушны мужьям. Обе формы повиновения находили отражение не только в трактатах и руководствах, но и в романах, поэмах и пьесах, включая пьесы самого знаменитого элизаветинского драматурга — Уильяма Шекспира.

Снова и снова сюжеты шекспировских пьес вращаются вокруг конфликта между родительской властью и волей молодых влюбленных. Читая «Ромео и Джульетту», «Укрощение строптивой», «Зимнюю сказку», мы слышим отзвуки актуальных вопросов той эпохи. Как родителям найти идеальную пару для детей? Может ли дочь отвергать жениха, предложенного родителями? Позволительно ли юношам и девушкам следовать велениям сердца, если родители против? Где бы ни разворачивалось действие — на сказочной Сицилии или в Богемии, — Шекспир придает театральный блеск переменам, которые происходили в отношении к браку за время его жизни (1564–1616). Главным среди них было растущее убеждение, что молодые люди должны вступать в брак по взаимной склонности, а не по решению родителей.

В «Зимней сказке» есть сцена, в которой явно отражена эта дискуссия. Молодой принц Флоризель сватается к пастушьей дочери Пердите (которая, разумеется, на самом деле оказывается потерянной принцессой). Флоризель просит всех

присутствующих — Пердиту, пастуха, воспитавшего ее, и двух странников, путешествующих инкогнито, — засвидетельствовать его клятвы. Пастух спрашивает дочь, дает ли она свое согласие. Затем пастух обручает Пердиту и Флоризеля, говоря:

Так по рукам!
Свидетели вы, новые друзья:
За дочкой я приданое сравняю
С его богатством*.

Мы узнаем здесь все распространенные составляющие церемонии обручения: молодые берутся за руки, отец передает невесту жениху и обещает приданое, свидетели заверяют клятвы. На основании согласия молодых, выраженного в присутствии свидетелей, обручение считается состоявшимся. В этот момент один из странников — не кто иной, как отец Флоризеля, путешествующий инкогнито, — начинает испытующий диалог с сыном.

Поликсен
Постой, пастух, прошу,
Есть у тебя отец?

Флоризель
Да. Ну, так что же?

Поликсен
Он это знает?

Флоризель
Нет, и знать не должен!

Поликсен
Но, я считаю,
Отец на свадьбе сына — лучший гость
И первый за столом.

* Здесь и далее «Зимняя сказка» цитируется в пер. Т. Щепкиной-Куперник.

Флоризель в принципе соглашается, что при выборе невесты мнение отца учитывать стоит, но в своем собственном случае придерживается иного взгляда: «Но есть к тому, почтенный друг, причины; / Я умолчу о том, что мне мешает / Сказать отцу об этом». Мы видим ясную картину: сын выбирает невесту втайне от отца, поскольку тот, вероятно, не одобрил бы ее низкого положения; молодой человек просто следует велениям сердца. Конечно же, в этой — последней у Шекспира — комедии все разрешается наилучшим образом.

В «Ромео и Джульетте» юная любовь, сопротивляющаяся родительской воле, становится основой для великой трагедии. Эта пара, ставшая символом всех влюбленных, вынуждена противостоять не только родителям, но и целым кланам — Монтекки и Капулетти. Несмотря на итальянские декорации, сюжет пьесы отражает актуальные для шекспировской Англии проблемы, например кровную вражду между знатными родами и практику тайных браков по любви. Так, Шекспира мог вдохновить тайный брак Томаса Тайна и Мэри Марвин, шестнадцатилетних отпрысков двух враждующих аристократических семейств. Брак был заключен в 1595 году — и пьеса была написана тогда же. Шесть лет спустя старшие Тайны все еще не смирились с женитьбой сына. Об этом свидетельствует дошедшее до нас письмо Мэри к свекрови, в котором она выражает надежду, что Господь сможет «обратить ее сердце к невестке»²⁸.

Сюжет «Ромео и Джульетты», хотя и вымышленный, проливает свет на брачные практики елизаветинской знати. Например, Джульетте нет и четырнадцати лет, когда Парис просит ее руки. Сперва ее отец отвечает: «Пускай умрут еще два пышных лета — тогда женою сможет стать Джульетта»*. Таким образом, вначале он считает, что его дочь слишком юна, и предпочитает выдать ее замуж в 15 или 16 лет. Но при этом он полагает, что она уже готова к помолвке, и советует Парису

* Здесь и далее «Ромео и Джульетта» цитируется в пер. Т. Щепкиной-Куперник.

завоевать ее сердце. Согласие отца зависит от воли дочери. Затем — по неизвестным нам причинам — он отказывается от этой позиции и утверждает, что только он решает, за кого выйдет дочь, независимо от ее желаний. Вместе с женой он приказывает Джульетте готовиться к неизбежному браку с Парисом. Отец приходит в ярость, когда Джульетта возражает: «Не выйду замуж...», «Я любви не знаю, / Я слишком молода...» В его понимании отец имеет право сказать дочери: «Отдам тебя ему».

Но, как известно публике, Джульетта ни при каких обстоятельствах не может выйти за Париса, ведь брат Лоренцо уже тайно обвенчал ее с Ромео. Зная это, монах предложил план, который в конечном счете погубил и Джульетту, и Ромео. Напрашивается вывод, что монах — ненадежный человек, любящий вмешиваться в чужие дела. Для начала ему не следовало тайно венчать влюбленных. И уж точно не стоило пытаться защитить их брак с помощью опрометчивого и опасного плана с мнимой смертью Джульетты. Но еще хуже — бескомпромиссная позиция, выбранная старшим Капулетти. Его непреклонность довела всех до беды. Мораль: нельзя заставлять девушку выходить за того, кто ей не по душе. И еще одна мораль: родительские запреты (а равно и религиозные, расовые или национальные) не должны препятствовать естественной взаимной склонности молодых влюбленных.

В комедии «Укрощение строптивой» мы видим еще один брак (Люченцио и Бьянки), заключенный без согласия отца жениха. Но суть пьесы — в истории Катарины и Петруччо, показывающей, как должны строиться отношения между мужем и женой. Пьеса предполагает, что муж должен добиваться от жены полной покорности, по крайней мере на людях.

В шекспировской Англии непокорная жена была одним из расхожих комедийных типажей. Популярная литература давала мужчинам советы, как усмирить строптивых жен, или наоборот — потешалась над мужьями, не умеющими утвердить

свой авторитет. Властная жена и подкаблучник-муж были постоянными персонажами комических памфлетов, листков и гравюр в Англии и Северной Европе²⁹. Сварливые жены не только высмеивались в сатирических текстах и рисунках, но иногда и представляли перед судом за сквернословие и нарушение общественного порядка. Зачастую на них жаловались соседи, которым они мешали своей бранью³⁰.

Известно, что между рекомендуемыми и реальными действиями есть противоречия: люди далеко не всегда ведут себя как положено. «Укрощение строптивой» — хороший пример того, как женщина пытается перевернуть неписанные правила, а мужчина старается восстановить их. Петруччо считает, что хороший брак основывается на полном подчинении женщины супругу. И его задача — внушить эту точку зрения Катарине, закоренелой строптивице. Удастся ли ему это?

В завершающей сцене пьесы Катарина выглядит полностью усмирненной. Она помогает Петруччо выиграть пари, заключенное с двумя другими мужьями, показывая себя самой послушной женой. Примеряя на себя образ терпеливой Гризельды, она обращается к двум другим женщинам с таким монологом:

Муж — повелитель твой, защитник, жизнь,
Глава твоя... <...>
За вашу глупость женскую мне стыдно!
Вы там войну ведете, где должны,
Склонив колена, умолять о мире;
И властвовать хотите вы надменно
Там, где должны прислуживать смиренно*.

Затем она советует женам «склониться к ногам мужей», демонстрируя свою полную покорность Петруччо.

Вопрос, конечно, в том, действительно ли Катарина согласна с Петруччо насчет того, что подчиненное положение жены сулит «покой, любовь и радость». Или она просто умная женщина,

* Пер. П. Мелковой.

которая на людях изображает смирение, а дома диктует мужу свою волю? Или, возможно, они с Петруччо оба разыгрывают свои роли, а потом посмеиваются над этим в постели?

Молодая женщина шекспировской эпохи, которая ходила на такие пьесы, слушала воскресные проповеди и весело болтала с подругами за кружкой эля в пивной, усваивала противоречивые взгляды на свои обязанности матери и жены. Священник велел ей быть покорной родителям и будущему мужу. Спектакли, которые она смотрела, песенки, которые распевала, и книги, которые читала (если умела), советовали слушать свое сердце. Вокруг себя она видела супружеские пары, похожие на ее родителей, чей союз обеспечивал если не гармонию, то по крайней мере стабильность. Также она видела девушек, обольщенных коварными ухажерами, и жен, оставленных мужьями, — несчастных женщин, сделавших неразумный выбор. Или хуже того — женщин, сексуальная распущенность которых стала известна обществу и привела их к публичной порке за блуд. Но почему одних только слухов о сексуальных связях достаточно, чтобы лишить девушку шансов на брак? А как быть с женщинами, родившими вне брака, которые вынуждены не только терпеть унижения, но и в одиночку растить детей? К матерям-одиночкам в те времена было мало сочувствия: считалось, что они бросают вызов общественной морали и, хуже того, приводят к тратам средств, собранных на благотворительность.

Все, что угрожало святости брака, считалось недопустимым. Измены, хотя и широко распространенные, яростно порицались духовенством всех направлений. Пуритане одинаково строго осуждали как женские, так и мужские измены, пытались поменять существовавшие веками двойные стандарты³¹ Вообще говоря, женская измена служила поводом для расторжения брака (в то время как мужская — нет), а на короткий период с 1650 года она стала караться смертной казнью, хотя на практике эта мера применялась только дважды или

трижды³². Даже парам, разошедшимся не из-за адюльтера, запрещалось долго жить раздельно. Пример тому — дело Хелен Диксон, которая отказалась последовать за мужем в «чужие края, где у нее нет ни единой знакомой души». Церковный суд в ультимативной форме потребовал от нее воссоединиться с супругом³³. Подобные назидательные истории заставляли молодых англичанок как следует подумать, прежде чем связать себя узами брака.

В обычном случае брак давал женщине защиту и статус. При удачном стечении обстоятельств она получала кормильца и любящего спутника жизни. Она и ее муж становились, по словам одного вдохновенного пастора, «товарищами... утверждающими свои сердца в доброй склонности друг к другу»³⁴. Она получала возможность заниматься сексом, не чувствуя за собой греха. Она могла заводить законных детей, окружать их любовью и заботой, чтобы они в свой черед помогали ей на склоне лет. Вступая в священное царство брака, в те времена превозносимое выше целибата, она исполняла свое христианское предназначение. В противном случае она могла рассчитывать только на место в конце стола, вместе со старыми девами. (Английское слово *spinster* — старая дева — происходит от слова «spinning» — прясть. Это было одно из занятий, которым незамужние женщины зарабатывали на жизнь.)

Однако брак не был безусловным благом для женщины. Свадьба знаменовала отказ от личной свободы и переход в подчинение к мужу. Она означала покорность его власти, его прихотям и порой кулакам. Всегда была вероятность того, что супруги не будут ладить, и это приведет женщину к постоянному нервному перенапряжению. В записях Роберта Нейпира, физиолога начала XVII века, упоминаются более тысячи женщин, страдавших от психических расстройств на почве подавления их личности мужьями и родителями³⁵.

Также брак открывал пугающую перспективу беременности и родов без обезболивания и антисептиков, неизвестных

до XIX века. Он влек за собой риск умереть в родах, потерять ребенка или однажды остаться вдовой. Несмотря на это, большинство английских девушек выходили замуж, хотя и позже и в меньшем количестве по сравнению с их континентальными современницами.

Пожалуй, главным отличием английского брака того времени от континентального было убеждение, что брак в своем лучшем проявлении — это форма товарищества. Протестанты очень серьезно воспринимали слова из Книги Бытия о том, что «не хорошо быть человеку одному» и что жена — это «помощник, соответственный ему». Две христианские души должны были разделить радости и тяготы земной жизни и рука об руку пройти свой путь к жизни вечной.

Среди удовольствий, которые протестанты допускали и оправдывали, были радости супружеского секса. В частности, пуритане, вопреки распространенному ныне образу закомплексованных ханжей, воспринимали регулярные половые сношения как необходимую составляющую устойчивого брака. Муж и жена должны были стараться доставлять друг другу удовольствие, воздержание в целом осуждалось, особенно если один из партнеров в одностороннем порядке отказывался от секса. В книге Уильяма Уэйтли с наставлениями для невесты (1623) постельные «развлечения для обоюдного удовольствия» поощряются, и жены в них имеют то же право на сексуальное удовлетворение, что и мужчины³⁶. На самом деле, если воспринимать пуританских писателей всерьез, то получается, что гендерные различия, связанные с властью и подчинением, должны были оставаться за порогом спальни. «Жена (как и муж) становится там и служанкой, и госпожой: служанкой — чтобы отдавать свое тело, госпожой — чтобы получать силу его»³⁷

Англиканский священник и поэт Джон Донн (1571–1631) посвятил одну из своих десяти Свадебных песен (Эпиталам) равенству новобрачных (Equality of Persons). Он не только уравнивал жену с мужем в том, что касалось секса, но и размышлял

традиционные гендерные границы в таких строках: «ее сердце любит так же, как и его», «жених как дева, а не как мужчина», «и вот невеста действует как мужчина». Главное в занятии любовью — не строгие гендерные роли, а раскованное удовольствие, получаемое обоими. Здесь женщина иногда может действовать с мужской решительностью, а мужчина — брать на себя пассивную роль, традиционно приписываемую женщине. У Донна с женой было 12 детей, и высшее блаженство семейной жизни он видел в гармонии души и тела. Рассмотрим сцену брачной ночи из стихотворения «Приход жениха»:

И как порою друга давний друг
 Не тотчас признает в наряде странном,
 Их души в облаченье первозданном
 Познать должны друг друга в этот час
 И слиться, как сливались много раз
 Нетерпеливые сердца и взоры томных глаз*.

Эти строки совсем не напоминают средневековую подозрительность к телесному началу и предшествующие религиозные предписания, допускающие секс только как средство продолжения рода. В них отражается новое восприятие физической любви в браке: теперь это не только предосторожность против «блуда», но и благо само по себе.

Изучая поэмы и проповеди времен Стюартов и Тюдоров, мы можем представить себе религиозную и культурную атмосферу, окружавшую женщин в ту эпоху. Но начиная с XVII века у нас появляется лучшая возможность — читать дошедшие до нас письма, дневники, воспоминания и стихотворения, написанные самими женщинами. С этого момента становится проще понять субъективный опыт замужних дам. И хотя этот корпус текстов озвучивает точку зрения только самых

* Пер. М. Бородицкой.

привилегированных женщин, а их мнение по многим вопросам высказывается с осторожностью, это все равно приближает нас к жизни жен прошлого.

Письма семьи Тайн, упоминавшейся выше в связи с «Ромео и Джульеттой», — важный источник информации о двух поколениях представительниц поместного дворянства. В 1575 году по договоренности семейств был заключен брак между Джоан Хэйвайр, шестнадцатилетней девушкой из обеспеченной купеческой семьи, и Джоном Тайном, наследником поместья Лонглиф. Письма Джоан к мужу на протяжении 29 лет их брака показывают, как молодая, исполненная почтения женщина превращается в опытную и умелую хозяйку дома — не только Лонглифа, но и доставшегося ей в приданое замка в Трешире. Ее жалобы на то, что муж слишком много времени проводит в их лондонском доме, поручая сельские владения ее заботам, часто повторяются в письмах других помещиц³⁸.

Второй брак Тайнов, между Томасом Тайном и Мэри Марвин, был заключен в 1595 году по любви. Они прожили вместе 18 лет, прежде чем Мэри умерла в родах в возрасте 34 лет. Несмотря на то что родители Томаса так и не приняли этот брак, он унаследовал поместье Лонглиф после смерти отца в 1604 году и жил там с женой, которая взяла на себя управление хозяйством. Переезд в Лонглиф внес некоторый разлад в жизнь супругов. Письма Мэри показывают, что ее очень задевало, если муж высказывал недоверие к ее деловым решениям и относился «с таким презрением к ее скромному уму». Вторя жалобам собственной свекрови, она переживала, что он оставил ее «здесь, как наивную дурочку», а сам уехал в Лондон. Тем не менее Мэри настаивала, что не уступит никому из соседок «роль доброй хозяйюшки», и продолжала считать Томаса «чудесным супругом».

Личные дневники, которые впервые появились примерно в это время, дают нам превосходный материал для изучения мировоззрения людей той эпохи. Один из самых ранних

и важных подобных документов, написанных англичанками, — дневник пуританки Маргарет Хоби (1571–1633).

Маргарет Дэйкинс Хоби была единственной дочерью крупного йоркширского землевладельца³⁹. Как и было принято для девушек ее происхождения и вероисповедания, Маргарет отдала в дом знатной пуританки, графини Хантингтонской. Под ее покровительством Маргарет освоила управление большим поместьем и в 18 лет вышла замуж за другого протеже графини. Через два года она овдовела, не успев завести детей, вскоре еще раз вышла замуж и вновь овдовела. В 25 лет она стала супругой сэра Томаса Хоби, человека, чье предложение она прежде отвергла — вероятно, из-за маленького роста и непрезентабельной внешности жениха.

В 1599 году леди Хоби начала вести дневник — хронику своей религиозной жизни. Каждый день она начинала с семейной молитвы и чтения Библии, затем вновь молилась в одиночестве, присутствовала на совместной молитве и слушала наставления капеллана поместья, а также, по обычаю пуританских домов, вместе с домочадцами пела псалмы. Перед сном она снова молилась одна, а по воскресеньям Маргарет дважды ходила в церковь. Будучи духовным наставником для всего поместья, она читала вслух жившим в нем женщинам и обсуждала с ними воскресные проповеди.

Также ее дневник рассказывает о многочисленных хлопотах, с которыми приходилось сталкиваться владелице большого поместья. Она зорко следила за хозяйством в имении Хэкнесс, доставшемся ей в приданое. День за днем она приглядывала за работниками, выплачивала заработки, управлялась с расходами, лечила больных. Ее окружали домашние дела: отбеливание льна, взвешивание шерсти, прядение, окрашивание тканей, производство свечей и масла, перегонка спирта, пчеловодство, заготовка припасов. Она следила за посевом ржи и пшеницы, покупала овец и сажала деревья, по-видимому, с удовольствием ухаживала за садом и особенно гордилась

своими розами. Вместе с помощниками она изготавливала большую часть одежды для семьи. Также Маргарет брала на себя заботы о здоровье домочадцев: руководила лечением и сама проводила простые операции.

Когда в гости к ней заезжали соседи, она вела с ними подобающие случаю степенные беседы. Так, 13 марта 1600 года они говорили о «разных делах, которые необходимо было обсудить» — к ним относились выбор невест и женихов для детей и крестины новорожденных в семьях друзей и родственников. В подобных семействах было принято брать детей на воспитание, так же как саму Маргарет приняла в свой дом графиня Хантингтонская. В марте 1603 года она пишет: «Мой кузен Гейтс привез свою тринадцатилетнюю дочь Йен, которую, по его словам, он с радостью отдает мне». Своих детей у Маргарет не было, так что появление в доме девочки-подростка наверняка стало радостным событием.

Ее муж, судя по всему, большую часть времени проводил вдали от супруги. Будучи членом парламента и многочисленных комиссий, он также разбирал дела в мировом суде и по собственной инициативе следил за тем, исправно ли прихожане посещают церковные службы. Таким образом, он в основном занимался общественными вопросами, оставив управление хозяйством и семейными делами супруге. Когда он приезжал в поместье, их основными совместными занятиями становились трапезы, посещения церкви, прогулки и обсуждение дел. Это была упорядоченная пуританская жизнь — стабильное партнерство, если не союз по душевной склонности.

В вопросах собственной духовной жизни леди Маргарет была беспощадна к себе. Она призывала на себя Божью кару за малейшие проступки и часто держала пост в качестве наказания. Вот некоторые упреки, которые она обращала к себе.

10 сентября 1599 года: «Я пренебрегла своим молитвенным распорядком. Да будет Господу утгодно наказать меня за это, как и за другие многочисленные грехи мои».

14 сентября 1599 года: «Господи, ради Христа, прости мою сонливость, которая не позволила мне предаться положенным благочестивым размышлениям».

Июль 1600 года: «Я благодарю Господа за то, что он наполнил сердце мое скорбью за прегрешения, которые я совершила и которые, я уповаю, Господь во имя Сына своего простит мне, как было завещано... Я прочла страницу, которая наполнила меня еще большим уничижением... Я благодарю Господа».

Маргарет Хоби, набожная христианка, далеко ушла от властности и истовых жестов Марджери Кемп, жившей за два века до нее. Ее опыт пуританской рефлексии был более сдержанным, менее публичным, но столь же строгим к собственным несовершенствам, столь же богобоязненным, столь же исполненным надежды на прощение и спасение. Этот пуританский тип сознания распространился и в Америке.

Пуританский багаж

Первой американской поэтессой была Анна Брэдстрит (1612–1672): благодаря ей мы куда лучше представляем себе жизнь замужней женщины в Новой Англии XVII века. Ее история одновременно типична и нетипична для жен-колонисток. С одной стороны, в духе времени она вышла замуж за мужчину своего круга и вероисповедания, имела восьмерых детей и по большей части сидела дома и ждала мужа, пока тот ездил по делам и на светские приемы. С другой стороны, Брэдстрит была невероятно хорошо образованна, особенно для женщины, и ее стихи знали по обе стороны Атлантики. Мы вчитаемся в ее тексты, как делали в случае с Элоизой, Марджери Кемп и Кристиной Пизанской, чтобы понять, чего могла добиться выдающаяся женщина в условиях жестких гендерных ограничений.

Анна Брэдстрит (в девичестве Дадли) родилась в 1612 или 1613 году в британском городе Нортгемптон. Ее отец был юристом и управляющим имением, а мать имела благородное

происхождение. Добропорядочные пуритане при короле Якове I, который был знаменит своей нетерпимостью к любым отклонениям от англиканской веры, подвергались гонениям. Семья была приближена к пуританскому проповеднику Джону Доду, одному из авторов популярного трактата «Богоугодная форма управления домашним хозяйством: о порядке семейной жизни, построенной согласно Божьему слову». В нем Дод воспроизводил представление об иерархичности семейной жизни, которое веками существовало в христианстве: жена должна была подчиняться мужу, дети — родителям, а слуги — господам. Поскольку такой порядок, как верили, шел от Бога, рассчитывать на спасение мог только тот, кто придерживался его и уважал власть тех, кто стоял выше. Но Дод разделял и более современные идеи протестантской теологии, касавшиеся взгляда на супружество как на духовный союз, в котором жена считалась христианской «сестрой» своего мужа, которая вместе с ним унаследует Царство Небесное⁴⁰.

Анна Дадли познакомилась со своим будущим мужем, Саймоном Брэдстритом, когда ей было всего девять лет. В то время он был помощником управляющего имением при ее отце, а затем управляющим имением графа Линкольна. Будучи на одиннадцать лет старше ее, Саймон учился в кембриджском колледже Эммануила, который имел репутацию рассадника религиозного вольнодумства. Там же учился брат Анны. Сама она получала бессистемное образование на дому.

Анна вышла замуж в 1628 году, когда ей было всего пятнадцать или шестнадцать лет. Ее брак считался очень ранним: средний возраст британской невесты составлял 24–25 лет. Саймон и Анна Брэдстрит, а также семья Дадли эмигрировали из Англии в Массачусетс в 1630 году. Они пересекли Атлантический океан на корабле «Арабелла», который был назван в честь давней подруги Анны, леди Арабеллы Джонсон, также эмигрировавшей со своим мужем. «Арабелла» в составе 11 кораблей доставила семьсот пассажиров на берега Массачусетса.

К эмиграции семьи Дадли и Брэдстрит вынудил рост анти-пуританских настроений при Якове I и Карле I. Вслед за пилигримами они считали Новый Свет райским местом, где они смогли бы свободно исповедовать свою религию и построить общество, которое бы соответствовало их представлению о Божьей воле.

Плавание «Арабеллы» продлилось десять-недель. Для таких аристократов, как Дадли и Брэдстриты, путешествие в тесных, дурнопахнущих каютах, должно быть, было нелегким. Женщины и дети спали в отсеке между верхней палубой и крышей трюма, а мужчины в гамаках. Они питались солониной и рыбой с сухарями, единственным источником тепла была плита в камбузе. Большинство пассажиров страдали от холодных ветров, качки и морской болезни, однако единственным несчастьем на «Арабелле» стало то, что одна из путешественниц родила мертвого младенца. В июне они прибыли в Салем и обнаружили, что цивилизация там развита куда меньше, чем они ожидали⁴¹. Многие переселенцы умерли в первые месяцы после прибытия, в их числе и леди Арабелла с мужем. Прежде чем наступила зима, Дадли и Брэдстриты перебрались в близлежащий Чарлстон, а в 1631 году — в Кембридж (который тогда назывался Ньютаун), где в конце десятилетия будет основан Гарвардский колледж.

Как и многим женам иммигрантов, которые прибывали в Америку начиная с XVII века, Анне Брэдстрит пришлось столкнуться с тяготами долгого путешествия и испытать шок разочарования по прибытии. Она, вероятно, переживала, могло ли место, оказавшее им такой безрадостный и скудный прием, стать новым домом для ее семьи. Позднее она писала: «Новый Свет и новые манеры, с которыми мне пришлось столкнуться, приводили меня в негодование»⁴². И все же Анна находилась в более привилегированном положении, чем большинство иммигрантов: ее родители были богаты, с ней были

ее родные, а ее муж стал влиятельной персоной в правительстве колонии Массачусетского залива*.

Беды, с которыми Анна столкнулась по прибытии, усугубились болезнью: свою «слабость, как при чахотке, и хромоту» она объясняла Божьим промыслом и считала, что такая кара послана ей в наущение⁴³. Все христиане, и в частности пуритане, считали болезни испытанием, посланным Богом. На долю Анны выпало множество таких испытаний.

Ко всем расстройством прибавлялось еще и то, что в первые пять лет брака она не родила ребенка. Она вспоминала: «Богу было угодно, чтобы я долго не могла родить, и я скорбела о том, и возносила множество молитв, и проливала множество слез с мольбами о том, чтобы родить...»⁴⁴. Как для европейской, так и для американской замужней женщины не было более тяжелой ноши, чем бесплодие. Детей считали благословением Господним, и особенно его ждали в стране, где территории, чтобы «плодиться и размножаться», было предостаточно и где дети были одними из главных помощников в хозяйстве. Большинство замужних женщин стремились иметь много детей и часто рожали, в вопросах контрацепции полагаясь на возможности организма — например, на то, что в первые месяцы грудного вскармливания нельзя зачать. Анна могла покупать лекарства для увеличения фертильности у акушерки Джейн Хоукинс, работавшей в Бостоне в 1630-е годы, или принимать напиток, приготовленный по популярному рецепту из измельченной сушеной бобровой струи, смешанной с вином, который, как верили, увеличивает вероятность зачатия⁴⁵. Она не оставила об этом воспоминаний.

Но в 1633 году Анна наконец смогла ощутить на себе все тяготы материнства, родив первенца, Сэмюэла. В период с 1633 по 1652 год она родила восьмерых детей — «восемь птиц в одном гнезде», как она пишет в одном из своих стихотворений⁴⁶. Четыре дочери и четыре сына дожили до взрослых лет. В те времена,

* Британская колония в Новой Англии, существовавшая с 1628 по 1691 год.

когда до половины всех детей в семье могли умереть, не достигнув совершеннолетия, везение, выпавшее на долю Анны, могло служить очередным подтверждением благосклонности Господа.

Как и прочие матери-пуританки, Анна кормила детей грудью. В первой половине XVII века в Англии протестанты считали кормление грудью нездоровым и противоестественным, а многие обеспеченные женщины нанимали кормилиц. Пуританки и протестантки, напротив, считали вскармливание детей своим материнским долгом. Наши нынешние нравы кажутся более «пуританскими», если сравнить их с нравами тех времен, когда матери могли кормить детей грудью при гостях и непринужденно обсуждать это. Вот что писала Анна Брэдстрит: «Некоторых детей тяжело отлучать от груди, и даже если намазать сосок горькой мазью или горчицей, они либо сотрут ее, либо будут сосать ее вместе с молоком»⁴⁷. С помощью метафоры отлучения от груди она описывала некоторых христиан, которые «до того по-детски беспомощны, что до сих пор висят и сосут эти пустые груди», не желая перейти к «более серьезной пище» — то есть на более высокие ступени существования, — пока Бог не добавит горечи в их жизнь. В этом образе Анна Брэдстрит совмещает свой материнский опыт и протестантскую концепцию божественного порядка.

Пятая часть всех колонисток умирала при родах, и хотя Анна Брэдстрит радовалась каждому зачатому ребенку, она не могла не испытывать страха перед этим процессом⁴⁸. В «Стихах мужу накануне рождения одного из ее детей» она рассказывает об этих страхах:

Не угадать, когда придет черед
И смерть меня, любимый, заберет.
Но я хочу, прощаясь и любя,
Хотя б в стихе остаться для тебя:
Вдруг оборвется нить судьбы и я —
Вчера с тобой, а нынче — не твоя?*

* Это и следующее стихотворение цитируются в пер. Г. Русакова.

Страхам Анны, о которых говорят эти строки, к счастью, не суждено было сбыться. В этом стихотворении она также называет свой брак «союзом любви, нежнейшей дружбы связью».

Она посвятила браку пять стихотворений, которые свидетельствуют о любви такой силы, какой может только желать любая жена независимо от времени, в которое она живет. Этим чувствам посвящено стихотворение «Моему дороговому и любящему мужу»:

Две наши жизни прожиты в одной.
 Бывал ли кто, как ты, любим женой?
 Найдется ли счастливее жена?
 Не ровня мне средь женщин ни одна.

В 1635 году семейство переезжает в Ипсвич, и Анна пишет «Письмо к ее мужу, отбывшему по долгу службы», в котором рассказывает о союзе духовном и телесном, который сильнее расстояния:

О мое сердце, жизнь, мой рай земной,
 Моя отрада, хлеб насущный мой,
 Две наши жизни мы в одну сплели,
 Зачем я в Ипсвиче, а ты вдали?
 <...>
 Твое с моим навеки сплочено.
 Я здесь, ты там, но вместе мы одно*.

А в другом стихотворении, посвященном мужу, она изображает супругов как пару животных: двух оленей, двух горлиц, двух рыб, — которые «вместе щиплют листву», «гнездятся в одном доме» и «плывут в одной Реке». Такой образ любящей жены противоречит стереотипному представлению о женщине у пуритан, который был сформирован на основе пламенных проповедей, но не учитывал поэмы о супружеской любви.

Безусловно, поэзия не была распространенным увлечением у англичанок и американок XVII века. Больше половины

* Пер. Л. Оборина.

пуританок не умели ни читать, ни писать⁴⁹. И многие колонисты были согласны с первым губернатором колонии Масachusetского залива Джоном Уинтропом, который заявлял, что женщинам не следует «лезть в дела, которые решают мужчины, чей рассудок сильнее». Эта фраза была брошена в адрес Анны Хопкинс: жена губернатора Коннектикута Эдварда Хопкинса страдала психическим расстройством, как уверял Уинтроп, вследствие того, что слишком много читала и писала. В своем диагнозе он опирался на старые представления о том, чем подобало заниматься женщине: «Ибо если бы она занималась домашними делами и всем, что подобает женщине <...> ее рассудок не помрачился бы, и она употребила бы его на богоугодные дела»⁵⁰.

Анне Брэдстрит были хорошо знакомы такие предрассудки. В стихотворении «Пролог» она смотрит на себя глазами своих недоброжелателей: «Я не мила злословным языкам: / Держу в руках перо, а не иглу». Затем, признавая мужское превосходство, она просит, чтобы женщины удостаивались хотя бы небольшого признания своего поэтического дара, продукт которого она называет «грубой работой» в сравнении с «ослепляющим золотом» мужского творчества. Нетрудно понять, почему Анна Брэдстрит хотела защитить себя от пуританского сообщества, в котором изящная словесность считалась исключительно мужским занятием.

Многие пуританские традиции подчеркивали разницу между полами. Мужчины и женщины входили в церковь через разные двери и рассаживались согласно полу и статусу: мужчины с мужчинами, женщины с женщинами, слуги со слугами и дети с детьми⁵¹. Самые высокопоставленные мужчины сидели в самом переднем ряду. Только мужчины могли публично выступать с речами.

Большинство пуританок соглашались посещать церковную службу, не привлекая к себе внимания. Их главной заботой было добраться до церкви. Каждую неделю они преодолевали

две, три или даже пять миль, чтобы попасть к церкви, что было непросто для молодых матерей, не говоря уже о больных и пожилых прихожанках. Возможно, переезд в Ипсвич семей Брэдстрит и Дадли был связан с тем, что им приходилось ездить из Кембриджа в Бостон на службу. Болезненной, обремененной детьми Анне Брэдстрит далеко не всегда было под силу переправиться через реку Чарльз и потратить целый день на посещение церкви.

На протяжении XVII и XVIII веков пуритане постоянно требовали от власти имущих строить новые церкви, объясняя это тем, что их женам и детям нужен приход ближе к дому. Женщины тоже использовали все доступные им рычаги влияния. Ханна Гэллоп писала своему дяде Джону Уинтропу-младшему (сыну первого губернатора Массачусетса, который позднее стал губернатором Манчестера) с просьбой поддержать строительство церкви в городе Мистик, Коннектикут, поскольку матерям, «у коих малые грудные дети», приходится пускаться в дальний путь, и они «чрезвычайно измотаны и изнурены, а многие не отваживаются на путешествие зимой»⁵²

В 1645 или 1646 году Брэдстриты оставляют Ипсвич и вновь переезжают, чтобы окончательно обосноваться в Андовере, где они надеются основать новую коммуну. Согласно городским документам, земельный участок Саймона Брэдстрита насчитывает двадцать акров. Анне вновь приходится собирать в дорогу и затем распаковывать семейные пожитки, налаживать хозяйство в тяжелых условиях, на границе с лесом, кишущим волками и лисицами, и упорядочивать жизнь своих детей и прислуги. Ее старший сын, Сэмюэл, готовился поступать в Гарвардский колледж, а ее младший сын, Саймон, был отправлен в гимназию в Ипсвиче. В Андовере Анна родила еще троих детей и продолжила литературную работу, которая занимала столь важное место в ее жизни⁵³. Здесь Саймону Брэдстриту удалось построить процветающую лесопилку и стать влиятельной фигурой, востребованной по всей Новой

Англии. Брэдстриты добились процветания в Андовере, который и в XX веке не утратил еще своего сельского очарования.

Священником в их приходе был Джон Вудбридж, он был женат на сестре Анны Мерси. В 1647 году Вудбриджи отправляются в Великобританию и берут с собой рукопись Анны, которая, к вящему удивлению поэтессы, будет опубликована в Лондоне в 1650 году под названием «Десятая муза». В предисловии к двухсотстраничной книге Джон Вудбридж описывает Анну как «женщину, которую высоко ценят и чтут на родине благодаря ее доброте, титулованным родственникам, добродетельным речам, почтительному обхождению и прилежанию во всем, что она делает, включая заботу о семье». К этому портрету без изъяна, который изображал благодетельную, преданную своей семье и своему сообществу женщину из хорошей семьи, он добавлял, что «эти сочинения — небрежный плод работы в те часы, которые она отнимала у сна или отдыха»⁵⁴. Он ни в коем случае не хотел изобразить ее литературные занятия как дело, которое она воспринимала серьезно и ради которого пренебрегала домашними обязанностями. Чтобы продемонстрировать, что женские занятия литературой воспринимались в штыки, обратимся к мнению лондонца Томаса Паркера, который в 1650 году опубликовал открытое письмо к своей сестре. В этом письме он прямо заявлял, что «издание книги, вопреки тому, что пристало твоему полу, неприлично»⁵⁵.

«Десятая муза» была единственным прижизненным изданием текстов Брэдстрит, хотя она продолжала писать вплоть до самой смерти в 1672 году. Впоследствии, в 1678-м, была издана книга «Несколько стихотворений, сочиненных с большой мерой остроумия и учености». В Новой Англии в XVII веке было издано всего четыре книги, написанных женщинами; у мужчин вышло 907 книг⁵⁶.

Здесь мы не будем анализировать длинные метафизические поэмы Анны Брэдстрит, ее комментарии к Библии или

научные и алхимические трактаты. Мы лишь отметим, что какими бы строгими ни были ограничения, которые накладывало на девушек и женщин пуританское общество, им по крайней мере не запрещали размышлять о религии и даже поощряли это. Как мужчин, так и женщин призывали читать Библию, особенно Женевскую Библию, которая была подготовлена под покровительством Кальвина и переведена в 1560 году английскими протестантами, живущими в ссылке в Швейцарии. В 1642 году массачусетское правительство издало закон, который обязывал родителей учить детей и воспитанников читать, чтобы они могли ознакомиться со Священным Писанием⁵⁷. Женщины могли обсуждать воскресные проповеди в своем кругу — эту традицию из Европы привезло в Новый Свет поколение родителей Анны Брэдстрит.

Мать Анны Брэдстрит Дороти Дадли была образцом пуританской жены, равно преданной своей семье и делам сообщества. В эпитафии матери Анна перечисляет все, чем та занималась: «И заправляла домом много лет, / Не выбрав часа от своих забот, / Чтоб хоть разок наведаться на сход». Миссис Дадли преуспела как «Хозяйка, мать, покорная жена, / Соседка, друг, опора бедняков, <...> В семье скоро на помощь и совет»*. Для Анны мать была примером беззаветной преданности амбициозному мужу и детям, которые и в Новом Свете продолжали обращаться к ней за заботой и поддержкой.

Отец Анны, Томас Дадли, в письмах к ее сестре Мерси, которые он пишет уже после смерти жены, подтверждает, что она была любящей, послушной, нежной и сострадательной женщиной — хотя, если учесть все обстоятельства, было бы просто жестоко думать иначе. Вероятно, он мог бы прибавить к ее портрету те качества, которые традиционно превозносились в христианских женах: скромность, кротость, сдержанность, смирение и терпеливость. Нам теперь сложно представить, что

* Пер. Г. Русакова.

именно эти качества выше всего ценились в женщине. В условиях суровых зим в Новой Англии жены колонистов для того, чтобы выжить и сохранить семью, должны были демонстрировать крайнюю физическую и психическую выносливость, но на публике они должны были соответствовать принятому в обществе образу послушной и кроткой спутницы. Многие женщины, подобно Дороти Дадли, так глубоко уверовали в протестантские идеи, что не подвергали сомнению представления о женской кроткости и несамостоятельности. Куда реже говорили о том, что мужчина привязан к женщине; а между тем нередко свидетельства того, что мужчины буквально угасали или даже умирали вскоре после смерти жены... или быстро вступали в новый брак. Так поступил Томас Дадли, который, несмотря на преданность жене на протяжении сорока лет, вступил в новый брак через четыре месяца после ее смерти.

Анна Брэдстрит была не менее яркой женщиной, чем ее мать. К унаследованным блестящим умениям справляться с обязанностями жены и матери она добавила писательский талант, с которого началась традиция американской поэзии, продолженная Эмили Дикинсон и Эдриен Рич*.

Было бы ошибкой думать, что все женщины-пуританки были так же счастливы в браке, как Анна Брэдстрит. Ее младшей сестре Саре, к примеру, повезло меньше. Ее брак стал катастрофой и завершился скандалом и разводом. Она отправилась в Лондон с мужем Бенджамином Кином, а в 1646 году вернулась в Массачусетс одна, преследуемая слухами и упреками в том, что вольно рассуждала на религиозные темы и совершала поступки, недостойные порядочной жены. Муж обвинил ее в том, что она заразила его сифилисом, вероятно полученным от любовника.

* Эдриен Рич (1929–2012) — поэтесса, феминистка, политическая активистка, одна из самых популярных поэтесс США в XX веке.

Несмотря на то что отец Анны, который в то время был губернатором Массачусетса, помог Саре оформить развод в суде, ее отлучили от Первой бостонской церкви* за «проповеди» и «скандальное и вопиюще непристойное поведение и <...> связь с отлученной от церкви личностью»⁵⁸. По всей видимости, ей еще удалось легко отделаться, поскольку наказанием за измену, если она была доказана, была порка или штраф, а иногда и то и другое. В Новой Англии и на Юге были распространены следующие формы наказания: уличенного в измене могли заставить пройти через символическую казнь, заставив стоять на всеобщем обозрении с веревкой на шее, или появиться в церкви в белой простыне и с белой палкой и принести извинения всему приходу. Закон о смертной казни за измену был в 1612 году принят в Виргинии, а в 1631 году — в Массачусетсе, но он почти не применялся⁵⁹: на Массачусетс, Коннектикут и Нью-Хэвен приходится только три случая применения такого наказания. Саре позволили выйти замуж во второй раз, несмотря на то что ее первый муж был жив, но она потеряла право опеки над дочерью.

Если в Англии развод был привилегией богачей, то в Новой Англии он был больше доступен для людей обоих полов и всех социальных страт. Поскольку пуритане считали брак не таинством, но просто гражданским соглашением между двумя людьми, его можно было, как и всякое соглашение, расторгнуть. К этой мере прибегали только в крайнем случае и на том условии, что потерпевшая сторона (как правило, женщина) затем вновь вступит в брак и будет тем самым спасена от искушения изменой или внебрачными связями. В Массачусетсе XVII века среди причин развода чаще всего встречаются измена, двоеженство, жестокое обращение, уход мужа к другой женщине, его долгое отсутствие или невозможность обеспечить жену. Более половины всех разводов

* Старейшая церковь в Бостоне, построена в 1630 году.

совершалось по причине измены. Одна женщина подала на развод после того, как муж заявил ей, что «соблазнил другую и намерен впредь поступать так со всякой женщиной, какая посмотрит в его сторону»⁶⁰. Инициатором развода чаще становилась женщина — можно предположить, что женщины в несчастливом браке чувствовали себя хуже, чем мужчины.

Впрочем, в случае с Сарой и Бенджамином Кином все было иначе. Обвинения, выдвинутые в адрес Сары Кин, включают, помимо распутного поведения, религиозные рассуждения. Хорошая христианка, по заповеди апостола Павла и по мнению губернатора Джона Уинтропа, должна была хранить молчание в церкви.

Некоторые замужние пуританки, пренебрегая общественным мнением, считали должным высказать свое мнение во всеуслышание. К их числу принадлежит Энн Хатчинсон — ее религиозные проповеди разожгли спор об антиномизме (это понятие имеет яркую негативную окраску и использовалось в основном противниками таких взглядов). Ее отец был пастором-нонконформистом, которого лишили прихода в Англии; в 1634 году она эмигрировала в Бостон вместе с мужем и детьми (которых у Энн будет пятнадцать). На участке земли величиной в пол-акра, который был выделен Хатчинсонам, Энн продолжала выполнять домашние и общественные обязанности, как и полагается жене преуспевающего купца. Она также врачевала и занималась целительством, принимала роды и готовила лекарства из трав по собственным рецептам.

Но вскоре Энн попробовала себя в новой роли религиозной раскольницы. Она стала последовательницей идеи Джона Коттона, который выдвигал теорию о полной зависимости человека от Божьей воли (а не от собственного праведного труда), и начала собирать женские собрания, на которых обсуждались воскресные проповеди, а она могла упражняться в свободомыслии. Здесь женщины, которым не давали слова в церкви, могли говорить и делиться своими мыслями

в узком кругу. Вскоре на эти собрания стали допускать мужчин, и порой в гостиной в доме Энн собиралось до восьмидесяти гостей⁶¹.

Церковные лидеры, взволнованные популярностью Хатчинсон, недолго думая, записали ее в отступницы от пуританской веры. Она отказывалась молчать и путешествовала по соседним приходам, завоевывая новых сторонников и наживая противников. Ее главным оппонентом стал губернатор Уинтроп, который был убежден, что жены должны подчиняться мужьям и не могут подвергать сомнению установленный порядок. Ее обвиняли в том, что она замахнулась на роль «мужа, а не жены, и проповедника, а не пасты»⁶². В конце концов ее отлучили от церкви и отправили в ссылку: вместе с мужем и группой самых верных сторонников она уехала из Массачусетса и стала одной из первых жительниц Род-Айленда. Спустя четыре года после смерти мужа она поселилась возле пролива Лонг-Айленд, а в августе 1643 года была убита индейцами.

Конечно, большинство пуританских жен не имело поэтических или религиозных амбиций. Женщины погрязали в хозяйственных и материнских заботах. Пуританки выходили замуж в среднем раньше, чем британки: между 20 и 23 годами, — и рожали в среднем по шесть-семь детей. При наилучшем стечении обстоятельств, например как в случае Анны Брэдстрит, они доживали до преклонного возраста и могли видеть, как взрослеют их дети, но в те времена ранняя смерть была более распространена среди женщин и детей. Вдовцы и вдовы, как правило, вступали во второй брак и образовывали новую семью, в которую входили дети от предыдущих браков. Сегодня нередки «сводные» семьи, где за плечами каждого из родителей уже есть один брак, закончившийся разводом, но это не идет в сравнение со «сводными» семьями Америки периода колониализма, которые образовывались после смерти предыдущих супругов. Нередко детям приходилось делить

постель с несколькими своими сводными братьями и сестрами или спать в одной спальне с родителями.

Дом большинства обитателей Новой Англии состоял из одной-двух комнат, на участке отдельно стояли баня и маслобойня. В обязанности жены входило содержать хозяйство в чистоте, готовить, стирать и латать одежду, прясть шерсть, сбивать масло, печь хлеб, делать заготовки, растить детей и учить всему этому дочерей. Матери учили их также, как делать мыло, воск, свечи и метлы. Многие женщины держали огород, кормили кур и свиней и доили коров.

Существовало четкое разделение труда по половому признаку. В число мужских обязанностей входила добыча пропитания: охота, рыбалка и обработка земли. Мужчины строили дома, изготавливали необходимые инструменты, растили и пасли овец, работали с кожей, льном и деревом⁶³. Они были лавочниками, ремесленниками, докторами и адвокатами. А жены нередко становились их помощницами. Считалось, например, что в содержании таверны или торговле спиртным женская помощь была необходима, и это представление было настолько стойким, что кое-где холостякам отказывали в лицензии на ведение дела. Один трактирщик из города Тонтон, штат Массачусетс, похоронив жену, отказался продлевать лицензию на том основании, что «более не способен содержать свое заведение»⁶⁴.

Во всех этих делах взрослым помогали дети и слуги, работавшие по соглашению, или ковенанту. Это были молодые люди в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, которые поступали на службу на несколько лет в обмен на то, что их перевозили в Новый Свет и давали еду и ночлег. Такие слуги были у доброй трети семей колонистов, и все же нельзя сказать, что этого было достаточно⁶⁵. Часто такие слуги завязывали дружбу с хозяйкой дома, и та принимала участие в судьбе молоденьких служанок, ближе к окончанию срока службы подыскивая им достойную пару. Условия такого

рабочего договора включали запрет на брак, если только жених не выплачивал компенсацию за оставшийся срок службы.

Отношения между хозяйкой и прислугой, жившей с ней под одной крышей, редко бывали гладкими и всегда норовили испортиться. Так, например, невестка Анны Брэдстрит — Мэри Уинтроп Дадли — страдала от нахальства служанки и в письмах к мачехе называла ее «большим разочарованием». «Ты бы очень расстроилась, если бы услышала, какие дерзкие замечания она отпускает и какие грубые ругательства посылает в мой адрес»⁶⁶.

Многие слуги были столь же разочарованы своими хозяевами, особенно если те пользовались своим авторитетом и злоупотребляли положением работодателя. Некоторых служанок домогались хозяева. Так было с Элизабет Дикерман, которая пожаловалась в суд округа Миддлсекс на своего хозяина Джона Харриса, объявив, что тот принудил ее к сношению, а «если б она рассказала госпоже <...> лучше бы ей не жить». Суд встал на сторону Элизабет и приговорил Джона Харриса к двадцати ударам бичом⁶⁷. Когда служанка беременела от хозяина или другого мужчины, то ей следовало бояться не только публичного позора, но и того, что ее заставят отрабатывать лишний год в качестве компенсации за время беременности, родов и послеродового отдыха. В законодательстве Виргинии за 1672 год такое требование признавалось незаконным в том случае, если служанка зачинала от хозяина, и было прописано, что в этом случае отработка неприемлема⁶⁸. Интересно, сколько хозяек смотрели на внебрачные приключения своих мужей сквозь пальцы?

Все жены, независимо от того, помогали им слуги или нет, обязаны были вести домашнее хозяйство на должном уровне. Американок буквально подталкивали к тому, чтобы они идентифицировали себя с домашним бытом и оценивали себя по этим умениям, так что они зачастую гордились своим умением готовить, консервировать, плести, шить, вязать

и вышивать. Жизнь замужних женщин XVII–XX веков, будь то колонии, республика или фронтир, имеет запах яблочного пирога и яркие цвета лоскутного одеяла. Эти «домашние» предметы сегодня стали всего лишь романтическими клише, но тогда они служили настоящим мериллом женского успеха. В своей замечательной книге «Хорошие жены» Лорел Ульрих перечисляет изысканные блюда, которые могли готовить умелые поварахи: «жареная свинина или гусь с яблоками... пирог из угрей, приправленных петрушкой и чабрецом... суп из порея или крыжовниковое варенье»; впрочем, повседневная трапеза была гораздо скромнее и состояла из вареного мяса с бобами, пастернаком, репой, луком или капустой⁶⁹. Большинство хозяек просто кидало все в один котел, кипящий на печи.

Каждому времени года соответствовали свои занятия: весной делали сыр, летом занимались посадками, а осенью заготавливали сидр. Каждый, кто когда-либо собирал яблоки и кому знаком запах брожения, может представить трудоемкость и тяжесть труда, чтобы изготовить много галлонов сидра на весь год.

Домохозяйка из Ньюбери Беатрис Пламмер «видела в домоводстве свое призвание», и ее умения по достоинству ценили два первых мужа, однако третий брак оказался неудачен: супруга больше интересовало ее состояние, чем ее умение печь хлеб и готовить бекон⁷⁰. Подписав брачный контракт, по которому все имущество, унаследованное от покойных мужей, оставалось во владении Беатрис, новый супруг вскоре передумал и пытался заставить жену порвать его. Супружеская ссора переросла в судебное разбирательство: благодаря этому мы имеем свидетельства о том, как женщина гордилась своим поварским и домоводческим мастерством, и о том, как скарден и жаден до чужого имущества бывал мужчина. Беатрис не порвала контракт и смогла сохранить за собой имущество. На мужа наложили штраф за грубое поведение, и нам неизвестно, бросила ли она его.

Брачные контракты, в которых прописывалось право жены на имущество от прошлых браков, были редки, но все же встречались чаще, чем в Англии, где их заключали лишь богачи. Контракт, заключенный между женщиной из Плимута, Массачусетс, и ее мужем в 1667 году, гласил, что ей позволялось «распоряжаться всеми постройками и землями, скотом и хозяйством, которое имеется у нее во владении сейчас, по собственному усмотрению»⁷¹.

Если брачный контракт не составлялся, после свадьбы муж по умолчанию получал в распоряжение все имущество жены. Такая система наследовала принципам британского права, согласно которым муж и жена были «союзом» и имущество жены сливалось с имуществом мужа. У него было право распоряжаться всем хозяйством, не считая личных вещей жены: ее платья, белья и прочего личного имущества.

По закону мужчина был в ответе за свою жену, в том числе за ее поведение и за долги, которые она наживала. Если она совершала мелкое преступление, суд взыскивал штраф с мужа, хотя зачастую жене приходилось проходить через какой-нибудь унижительный ритуал. Так, например, женщину, виновную в злословии и сплетничестве, сажали на специальный стул и погрузили на нем под воду.

Если жена хотела засудить обидчика, обычно жалобу подавал муж, хотя она и могла сделать это сама с его согласия. Одинокие, разведенные и овдовевшие женщины — «*feme sole*», если использовать юридическую терминологию — могли судиться, а также совершать сделки и прочие юридические и деловые операции от своего имени, но замужняя женщина не могла заниматься делом, отличным от того, чем занимается ее муж.

Среди прав, которые имела женщина, было право выступать в качестве душеприказчицы своего мужа. По закону жена могла рассчитывать на треть имущества покойного мужа. На практике мужа часто оговаривали в завещании более

крупную долю или особо указывали, что вдова может остаться жить в семейном поместье⁷². Некоторые женщины наследовали фермы или дело своих мужей, которым, как вдовы, могли продолжать управлять. Другие использовали свой статус вдовы, чтобы начать новое дело — например, вдовы в Новой Англии часто держали трактиры и продавали спиртное.

Как и теперь, тогда многие женщины заканчивали свою жизнь вдовами. Причиной была не разная продолжительность жизни (в XVII веке и мужчины, и женщины жили примерно одинаковое количество лет), но то, что жены были младше своих мужей и, следовательно, умирали позже. Хотя статус вдовы предполагал большую свободу и независимость, зачастую вдовы зависели от своих детей, особенно от сыновей, которые могли и прогнать их из семейного поместья или отказать в деньгах. В худшем случае бедные вдовы могли положиться на милость церкви или помощь благотворительного общества.

До недавнего времени исследователи ранней американской истории обходили вниманием женщин. За последние тридцать лет был предпринят ряд успешных попыток возместить это упущение, но новые исследования не дают исчерпывающей или сколько-нибудь последовательной картины жизни замужней колонистки.

Некоторые исследователи, как, например, Лайл Колерс, стремятся подчеркнуть негативные аспекты жизни женщины, несвободной от власти мужчин, и напоминают нам, что, несмотря на те свободы, которыми располагали женщины в Новом Свете, они до сих пор находились в подчиненном положении. Нэнси Волох утверждает, что идеи ущемления женских прав из Великобритании и Европы в целом «без изменений были перенесены в Новый Свет» и что вследствие этого женщины-поселенки были лишены возможности занимать руководящие позиции, а их имена попадали в историю, «только если с ними случалось несчастье или что-то

по-настоящему неординарное — например, их брали в плен индейцы или обвиняли в колдовстве»⁷³. Другие историки, например Лорел Ульрих, не отрицая того, что от женщины требовали покорности, напоминают, что женщина все же могла проявить свою волю в воспитании детей, подменяя мужа на работе, общаясь с соседями; она могла стать акушеркой, заняться благотворительностью или даже покорять новые земли.

Вероятно, статус женщины в американском обществе XVII века был выше еще и по той причине, что среди колонистов было куда больше мужчин, чем женщин. Среди 102 пассажиров «Мэйфлауэра», прибывших в Плимут в 1620 году, было всего 28 женщин. Среди первых поселенцев Джеймстауна, Виргиния, в 1607 году вовсе не было женщин, но в составе группы колонистов, прибывшей в город осенью 1608 года, была госпожа Форрест, жена Томаса Форреста, и ее служанка, Анна Буррас. Госпожа скоростижно умерла, а вот служанка вскоре нашла себе пару, и их свадьба стала первой сыгранной в Виргинии.

В первые годы колониальной истории США женщин среди населения было так мало, что Виргинская компания приняла неординарный шаг и стала отправлять в Америку корабли с незамужними девицами. С 1620 по 1622 год им удалось переправить в Новый Свет 140 женщин. За женщину — точнее, в качестве оплаты за ее перевозку — просили от 120 до 150 фунтов табака⁷⁴. В Чесапике (Мэриленд и Виргиния) в ранние годы на одну женщину приходилось 6 мужчин, а к концу 1680-х — 3 мужчины⁷⁵. То же наблюдаем и в отношении рабов, которых начиная с 1619 года завозили в Виргинию: соотношение мужчин к женщинам было 3 к 2. Если в Великобритании был, так сказать, *переизбыток* женщин — в среднем на 9 мужчин приходилось 10 женщин, — то в Новом Свете они ценились выше, и их брали в жены, несмотря на величину приданого или происхождение. Женщины, приезжавшие работать по контракту, а также состоятельные вдовы

при желании могли найти здесь мужа — и некоторые имели именно такое намерение.

Реклама представляла штат Мэриленд как райский уголок для служанок, которые желали найти себе мужа: «Женщинам, которые приезжают в этот край как служанки, здесь так легко найти себе пару, как нигде в мире; с корабля они сразу идут под венец...»⁷⁶ Следуя примеру Виргинии и Мэриленда, которым удалось привлечь женщин, колония Каролина также указывала в своей рекламе: «Служанка или незамужняя дама, прибыв в сей штат, обнаружит, что тут все как в благословенные старые времена, когда мужчина выплачивал выкуп за невесту; если вы приличная дама моложе пятидесяти, найдется достойный господин, который пожелает сделать вас своей женой»⁷⁷.

Дефицит невест уменьшал конкуренцию: женщина могла выбирать из нескольких мужчин. Например, жительница штата Виргиния миссис Сесилия Джордан, овдовев в 1623 году, тут же обручилась с его преподобием Гревилем Пули, но на том условии, что их помолвка останется пока в тайне, дабы вдова могла соблюсти приличия и посвятить скорби о покойном муже должное время. Однако Пули рассказал о помолвке. В отместку его невеста вышла за другого, и хотя он подал иск о несоблюдении обещания, нашумевшее дело было решено в пользу миссис Джордан⁷⁸.

Другая жительница Виргинии, Элеанор Спрагг, имела двух женихов одновременно и в 1624 году была осуждена общиной «за ее неподобающие действия, а именно за то, что обещалась двоим сразу». Ее наказание было относительно мягким — публичное покаяние, но в будущем церковь обещала наказывать подобные действия штрафами и поркой.

Известно по крайней мере об одной женщине, которая так высоко себя ставила и считала себя настолько хорошей партией, что отказалась от традиционной клятвы покорности. Во время свадебной церемонии, состоявшейся в 1687 году,

священник обратился к Саре Харрисон Блэр с традиционным вопросом: «Клянешься ли ты во всем слушаться своего мужа?» И она ответила: «Подчиняться ему не буду». Священник повторил вопрос дважды, но женщина твердила одно и то же, и в конце концов церемонию пришлось провести, согласившись на ее условия и изменив традициям⁷⁹.

Остается только гадать, почему, если англо-американских женщин было так мало, переселенцы не заключали смешанные браки с индейскими или чернокожими женщинами. Нам известны случаи смешанных браков в Новой Франции, где также существовала проблема дефицита женщин. Один из первых жителей поселения Джеймстаун Джон Рольф не считал ниже своего достоинства жениться на Покахонтас, дочери вождя индейцев Поухатана. Неважно, насколько правдива легенда, согласно которой Покахонтас спасла Рольфу жизнь: этот брак стал важным событием в жизни не только Рольфа и его невесты, крещеной в христианскую веру, но и всего общества, явившись символом мира между народами.

После того как рабы стали работать на табачных плантациях в Виргинии, начали заключаться браки между ними и белокожим населением, о чем свидетельствуют редкие сохранившиеся документы⁸⁰. Похоже, что в начале колониальной истории США, когда статус рабов еще не был закреплен (в конце концов, в Великобритании они не были рабами), с приезжими из Африки обходились как с наемными работниками, и социальная дистанция между хозяевами плантаций и рабами не была очень велика. Но институт рабства развивался, и в рабах видели все меньше человеческого. Установился запрет на сексуальные отношения как с чернокожими, так и с индейцами. Уже в 1630 году некий Хью Дэвис был приговорен к «хорошей порке перед собранием негров и прочих за то, что осквернил свое тело и возлег с негротянкой, в чем он и признался в день субботний и чем навлек на себя гнев Божий и стал стыдом для всех христиан»⁸¹.

В 1661 году в Мэриленде был издан первый закон против смешанных браков, запрещающий браки между белокожей женщиной и чернокожим мужчиной⁸². В 1691 году в Виргинии вышел закон о том, что колонисты не могли вступать в брак с чернокожими или индейцами, а те, кто нарушал его, изгонялись из поселения⁸³. В 1705 году подобный закон был издан в Массачусетсе. В том же году один автор, писавший об обычаях американцев, рассказывал, что примеру Джона Рольфа «последовали бы многие, что было бы лучше для страны», однако американцы боялись, что индейские женщины «вступят в сговор со своим народом с тем, чтобы уничтожить своих мужей». В 1717 году губернатор Виргинии Александр Спотсвуд писал своему другу в Лондон: «Я не знаю ни одного англичанина, который был бы женат на индианке»⁸⁴. Вероятно, он мог бы сказать то же самое и о рабынях, поскольку в промежутке между 1705 и 1750 годами в Пенсильвании, Массачусетсе, Делавэре и в южных колониях вышли законы против смешанных браков⁸⁵.

В американских колониях не существовало специального названия для детей от смешанных браков, наподобие *metis* в Канаде или *mestizos* в Латинской Америке. Тем не менее во Флориде и в Луизиане, где распространялось французское право, мулаты признавались за отдельный класс и обладали многими правами наравне с белыми по крайней мере до XIX века, когда в большей части Соединенных Штатов начал действовать закон, запрещающий смешанные браки⁸⁶.

Поскольку рабыни и представительницы коренных народов не рассматривались в качестве подходящей партии, белые женщины в XVII веке наслаждались отсутствием конкуренции. Суровая жизнь на грани выживания повысила их ценность в глазах семьи и общества. Уже 31 июля 1619 года виргинское законодательное собрание признало, что «неясно, в ком больше нуждаются новые плантации: в мужчинах или женщинах»⁸⁷. Пуританский священник Джон Коттон, «учитель»

Первой бостонской церкви с 1633 по 1652 год, вероятно, выразил общее мнение, когда написал, что «женщины — создания, которые делают жизнь мужчин лучше; в их отношении верны слова, которые говорят и о правительстве: „Лучше дурное, чем никакого“»⁸⁸. Такой сомнительный комплимент отражает значительные изменения, которые произошли со средневековых времен, когда считалось, что лучше не иметь жены вовсе.

Сегодня, смотря в прошлое, мы можем сказать, что современный брак во многом основывается на пуританских идеях. Американский историк Эдмунд Морган отмечает, что взаимные чувства играли большую роль в пуританском браке: «Если жена и муж не любили друг друга больше, чем кого-либо еще, то они не только обманывали партнера, но и выражали неподчинение Богу». Но Морган спешит добавить, что нынешнее представление о любви отличается от того, что бытовало в XVII веке. Его не следует путать с романтической страстью, и оно никогда не затмевало любовь к Богу. Один священник считал любовь «сахаром, который должен был подсластить супружескую жизнь, но не был обязателен». Такая любовь была в идеальном своем проявлении симпатией, которая не вступала в противоречие с долгом и разумом⁸⁹.

Другой историк, Джон Гиллис, убежден, что пуританский брак «был очень близок к современному пониманию супружества как союза двух равных людей, хотя в XVII веке это было равенство с большими оговорками»⁹⁰. В любом случае пуританские жены довольствовались немногим. Они соглашались быть «сердцем» семьи и доверяли роль «головы» мужу. Они садились на предписанную скамью в церкви и удалялись для молитвы. Но если только мы можем судить по Анне Брэдстрит об остальных американских женах, в постели они умели кое-что такое, что могло бы нас удивить.

Глава четвертая. БРАК В США И ВО ФРАНЦИИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ

В XVIII веке к портрету западной женщины добавилась еще одна черта: политическая сознательность. Современницы и свидетельницы революционного свержения монархии в США и во Франции волей-неволей начинали лучше разбираться в вопросах политики. Будь они патриотками или лоялистками, они наравне со своими мужьями, отцами, братьями и сыновьями чувствовали себя участницами событий, которые определяли судьбу их народа. Хотя лишь немногие в буквальном смысле слова «делали историю», женщины принимали самое активное участие в создании республиканских сообществ, которые возникли в годы Революции. Говоря «женщины», мы подразумеваем «замужние женщины», поскольку и в Америке колониального периода, и во Франции XVIII века почти все взрослые женщины состояли в браке.

Брак в Америке колониального периода

На протяжении XVIII века замужняя американка имела три роли: жены, объекта желания и предмета любви; матери, делившей обязанности по воспитанию детей со своим мужем; и домохозяйки, на которой лежал ряд домашних обязанностей, отнимавших большую часть сил.

Почти все женщины посвящали время религиозным занятиям, таким как молитва, чтение Библии, посещение церкви

и обсуждение проповеди в женском кругу. Женщины в больших и маленьких городах ходили друг к другу в гости — они не только общались, но, если возникала необходимость, помогали друг другу, если одна из них заболела или восстанавливалась после родов. Состоятельные дамы могли вместе с подругами предаваться изысканным развлечениям: ходить на ужины и вечеринки и отправляться в путешествия, которые могли длиться пару дней или недель. В свободное время они писали письма и занимались искусствами, например играли на клавесине или фортепиано, вышивали или сочиняли стихи. Как и всегда, наличие денег облегчало жизнь женщины, но большую роль играло и место проживания; например, жительницам городов не приходилось так тяжело трудиться, как крестьянкам, а жительницы Севера могли отправлять своих дочерей на учебу, чего пока не делали на Юге.

Статус жены определялся положением мужа. В народе ее знали как жену кузнеца или министра, губернатора или торговца — за очень редкими исключениями личные заслуги во внимание не принимались, но иногда жена могла прослыть умелой повитухой или обрести последовательниц в религиозной общине.

Выходя замуж, женщина становилась с точки зрения гражданского законодательства, система которого была перенята из Англии, *feme covert* — персоной, находящейся под защитой и покровительством своего мужа. Только он мог участвовать в судах, составлять завещания, заключать сделки и покупать или продавать недвижимость, в том числе ту, которая до брака принадлежала жене. У женщины не было никаких законных прав, а развод получить было сложно, так что женщины были предоставлены на милость своих мужей.

В английских, французских и американских текстах этого периода повторялась одна и та же мысль: женщина — «немогущий сосуд» и «слабый пол», она должна подчиняться воле мужчины, служить мужу и растить детей. В XVIII веке

усилия просветителей были направлены на критику религиозного представления о человеческой истории, и главным авторитетом вместо Бога стала природа, однако женщина по-прежнему сохраняла свой подчиненный статус. В своем романе воспитания «Эмиль», популярном по обе стороны Атлантики, Жан-Жак Руссо писал, что мужчина «должен быть активным и сильным», а женщина — «пассивной и слабой». «Первое и самое важное качество женщины — кротость... <...> она должна с ранних пор научиться терпеть даже несправедливость и безропотно сносить вины мужа»*.

Знаменитые британские и американские писатели обращаются к извечной дискуссии о неравенстве мужчины и женщины. Подчиненное положение женщины объясняют как божьим промыслом, так и отсутствием у нее здравого смысла — так или иначе, колонисты считали, что жены слабее мужей и, следовательно, должны во всем на них полагаться. В этом сходились церковные чины, врачи и моралисты: «Женщина задумана Провидением зависимой и, следовательно, должна подчиняться»¹. В пособиях, таких как, например, книга Джона Грегори «Отеческие наставления дочери» (1774), передавали эту мысль завуалированно, советуя женам не «прислуживать» мужу, а «угождать» ему, но посыл оставался тем же: женщине необходимо покориться, чтобы удостоиться защиты и поддержки мужчины.

Если жена не проявляла должного уважения или вовсе отбивалась от рук, муж мог утвердить свой авторитет при помощи того, что в английском праве называлось «исправлением с применением умеренной физической силы», — то есть побоев

* Цит. по пер. под ред. Г.Н. Джибладзе (Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1).

Хотя принято считать Руссо врагом женщин, не следует забывать, что он с большой симпатией говорил о своих героинях Юлии из «Новой Элоизы» и госпоже де Варен из «Исповеди». Подобно многим великим мыслителям и писателям, Руссо был полон противоречий. — *Примеч. авт.*

или запирания женщины в ее комнате. Такие формы насилия были разрешены, если не приводили к необратимым повреждениям организма или смерти. Мужья, отличавшиеся особой жестокостью, преследовались по закону, и на некоторых подавали в суд их собственные жены при поддержке родных и соседей. Таким образом, некоторым женщинам удавалось разорвать отношения с мужчинами, которые их мучили. Однако большинство, вероятно, терпели, сжав зубы.

Представления о том, что женщина по своей природе хуже и несовершеннее мужчины и что она сама не может отвечать за себя, популярные в народе и закрепленные в законах, должны были влиять на женскую самооценку. Историк Мэри Бет Нортон исследовала множество женских дневников и писем и сделала вывод, что женщины действительно считали себя неполноценными и страдали тем, что мы сегодня называем низкой самооценкой. То, о чем рассказывает Нортон, впечатляет... и приводит в ужас. «Жалкое беспомощное создание», «садовая голова», «идиотка», «бездарная», «недальновидная», «тусклая», «глупая», «странная», «непоследовательная», «унылая», «тупая» и «вечно заблуждающаяся» — вот лишь некоторые эпитеты, которыми награждали себя сами женщины в общении между собой².

Единственной территорией, на которой женщина могла продемонстрировать все свои умения и лучшие качества, был дом, считавшийся ее «естественной средой обитания». Домашнее хозяйство по-прежнему во многом зависело от тех заготовок, которые сделает хозяйка, поэтому жены могли хвастаться тем, насколько эффективно руководят домом. Представительницы среднего класса имели одного или двух слуг и по-прежнему сами поставляли большую часть еды на семейный стол: выращивали овощи и фрукты, производили молочную продукцию; жены по-прежнему пряли и ткали, хотя горюшки уже получили возможность покупать какие-то предметы гардероба; большинство жен по-прежнему обшивали

все семью, включая слуг, хотя состоятельные женщины могли позволить себе нанять швею. Если женщина была избавлена от некоторых домашних обязанностей, она занималась прикладным творчеством: украшала покрывала для кровати и занавески шерстяными ткаными узорами, делала кружевные чепчики и рукава. Не дай Бог, чтобы она проводила вечер, ничего не делая — как высказался один мбралист, «вечернее безделье... не идет женщине на пользу»³. Когда в музеях мы видим эти замечательно украшенные предметы быта, не стоит забывать, что лишь немногие женщины могли себе позволить досуг и творчество.

Состоятельные жительницы Севера просыпались раньше восьми, утром занимались домом, обедали около двух, а вечера проводили с друзьями либо за поездками верхом, чтением и музицированием⁴. Обеспеченные южанки тоже проводили свои дни в домашних делах и развлечениях. Юг славился гостеприимством, и друзья и родственники нередко навывались в гости без предупреждения, ожидая, что их хорошо накормят и приютят⁵.

Но большинство женщин трудились не покладая рук. В городе нанять прислугу было не так дорого, если же денег на это не было, жена — а многие женщины до свадьбы сами работали в качестве служанок, поварих и прачек — вынуждена была взвалить на свои хрупкие плечи целый вал домашних дел. Некоторые жены помогали своим мужьям в работе, а некоторые даже, становясь вдовами, брали бразды правления в свои руки. У деревенских жен дел никогда не убавлялось, ведь в отсутствие рынков и магазинов каждая семья должна была собственными силами производить все, что было необходимо для жизни.

Жены, которые вместе с мужьями переезжали в удаленные поселения в погоне за более просторными земельными участками и карьерными перспективами, зачастую страдали от полного одиночества. В переписке с женой один судья

из Северной Каролины рассказывал, как остановился на ночлег в доме молодой семьи, столь отдаленном, что до ближайшей подруги юной супруги было восемьдесят миль⁶. Женщины, жившие в малонаселенных областях, писали домой родственникам с жалобами на одиночество и трудности, хотя некоторым удавалось, подобно их потомкам-иммигрантам, обратить неприятную ситуацию к своей выгоде.

До недавнего времени многие историки склонны были идеализировать жительниц колоний, ставя их в пример современным женщинам. Как могут женщины сегодня говорить о тяготах родов и воспитания детей, когда у них в среднем по два или три ребенка, а у их предшественниц было шесть или восемь? Как они, вооруженные стиральными машинами и электрическими плитами, могут жаловаться на тяжесть домашнего труда, когда прежде американки все делали сами, в том числе сами варили мыло? Эти «безропотные» жены ставились в пример современным «декаденткам» как образцы трудолюбия и благочестия — сходным образом в Римской империи восхищались римлянками периода Республики.

Но ни римляне периода Империи, ни американские историки не утруждали себя ответом на вопрос о том, что могли сами женщины думать насчет своей жизни. Они никогда не задумывались о том, были ли эти женщины счастливы. Одно дело — судить о том или ином историческом периоде по таким общедоступным источникам, как фасады храмов или правительственные документы, другое дело — смотреть, как сами женщины описывают свой жизненный опыт в поэзии, письмах, дневниках, мемуарах и других источниках.

Одним из свидетельств того, что американки в XVIII веке были не такими образцово-показательными довольными женами, какими их хотят выставить, могут служить объявления в газетах, в которых мужья сообщали о супругах, «тайно бежавших из родной кровати» или «скрытно покинувших домашний очаг»⁷. Эти объявления, помещенные в одном разделе

с объявлениями о потерявшейся лошади, сбежавших рабах или прислуге, свидетельствуют о том, что благополучие семьи не зависело от достатка. С какой целью мужья помещали подобные объявления? Прежде всего, чтобы снять с себя ответственность за долги, которые могла сделать бежавшая жена. Кроме того, они, очевидно, желали унижить беглянку в глазах общества. Бежавших жен могли обвинить в том, что они унесли с собой имущество, им не принадлежавшее: серебряную посуду, деньги или украшения, — или в неверности, как, например, в этом объявлении:

КЭТРИН ТРИН, жена одного из подписчиков, в нарушение данной ею клятвы совершила поступок самый бесчестный и покинула свой дом, чтобы жить во грехе с неким Уильямом Коллинзом, штукатуром, в чьей постели она была давеча обнаружена, несмотря на попытки спрятаться. Ее оскорбленный муж считает за должное предупредить всех заинтересованных лиц о том, что ей нет веры и что он более за нее не ответственен и, после столь убедительного доказательства ее разврата, не намерен оплачивать долги, сделанные ею от его имени⁸.

Иногда жена предпринимала попытку защититься; так, например, следующее объявление было размещено в газете от имени Сары Кантуэлл:

Джону Кантуэллу хватило наглости в прессе ославить меня и предостеречь всех от того, чтобы давали мне в долг; дескать, он не имел никаких долгов до тех пор, пока не женился. Он написал, что я скрылась из его постели и кухни — что ж, смею сказать, ихто у него не было, пока он не взял в жены меня; и никуда-то я не убежала, а ушла от него открыто, после того как он меня побил⁹.

История, которая кроется за любым из таких объявлений, вполне может лечь в основу захватывающего романа.

Эбигейл Адамс, жена и патриотка

История Эбигейл Адамс, жены второго президента США Джона Адамса, — это пример воплощенного идеала замужней жизни. В своих письмах она показывает себя, по выражению автора ее биографии Эдит Геллес, «образцовой женой, матерью, сестрой, дочерью, другом и патриоткой молодой Америки»¹⁰. И все же, несмотря на свою уникальность, ее жизнь также содержит в себе черты, общие для всех жительниц американских колоний.

Одно из самых известных высказываний Эбигейл касается будущего брака. Когда в 1776 году она советовала своему мужу, в то время члену комитета, составлявшего Декларацию независимости, «не забывать о дамах», она имела в виду неравноправные отношения между супругами. Дальше в письме она писала: «Не давай мужьям неограниченную власть. Помни, что всякий мужчина с легкостью становится тираном». Затем она предлагала новую модель супружеских отношений, в которой такие мужчины, как ее муж, «по собственной воле отказывались от роли строгого хозяина ради роли нежного и дорогого друга». Письмо завершилось проникновенным призывом задуматься о женском счастье: «Считайте нас созданиями, которые Божьим Провидением были помещены под вашу защиту, и, подобно Богу, направьте данную вам власть на то, чтобы преумножить наше счастье»¹¹.

Хотя «счастье» еще не стало, как теперь, основным мерилом жизненного успеха, это понятие начинает чаще встречаться в тех случаях, когда герой говорит о себе, и теснит «благочестие» и «добродетельность». В Декларацию независимости вошли слова о том, что каждый человек наделен правом «жить, быть свободным и стремиться к счастью» — и вскоре такое представление укоренилось как в женской, так и в мужской психике. Понятие счастья, каким его себе представляла Эбигейл, базировалось на древней идее о том, что мужчине

Богом предписано быть покровителем женщины и что такое покровительство должно строиться по аналогии с милосердием Господним. Важным нововведением было то, что теперь счастье женщин как отдельной группы должно было охраняться законом. В отсутствие законов, ограничивающих мужскую власть над женщиной, некоторые мужья продолжили бы злоупотреблять своим авторитетом и безнаказанно причинять женщинам страдания.

Безусловно, такие смелые и дерзкие высказывания Эбигейл соответствовали революционному духу эпохи. Она проводит аналогию между британским королем-«тираном», против которого восстали его американские подданные, и мужем-тираном, который привык унижать свою бесправную жену: «Когда же дамам не оказывают должной заботы и внимания, их долг — восстать и сопротивляться тому закону, который пренебрегает их мнением и интересами»¹².

В ответном письме Джон был покровительственным и снисходительным: «Твой изумительный свод законов заставил меня улыбнуться». Признавая, что борьба за независимость затронула многие группы, в частности несовершеннолетних, учеников, индейцев и чернокожих, он видел в ее письме «первый признак того, что племя куда более многочисленное, чем все прочие, начало выражать свое недовольство». Но затем он возвращался к традиционному оправданию мужского авторитета и уверял свою жену, что «деспотизм юбки» ничем не лучше «роли хозяина», которую брали на себя мужья¹³. Словом, предложения Эбигейл он не рассматривал всерьез.

Как отмечает Эдит Геллес, только очень храбрая женщина в этот период американской истории могла вот так критиковать мужскую власть¹⁴. Подобно англичанке Мэри Уолстонкрафт, которая шестнадцатью годами позже, в годы французской Революции, написала эссе «В защиту прав женщин», Эбигейл считала, что женщины также должны использовать

достижения Революции для отстаивания своих интересов. Конечно, Эбигейл, в отличие от Уолстонкрафт, высказывала свои соображения в личном письме, однако она имела все основания ожидать, что муж доведет их до сведения общественности.

Хотя Джон и не уделил инициативе супруги должного внимания, в их семейной жизни он был скорее «другом», нежели «покровителем». В бесчисленных письмах, которые Эбигейл писала из Массачусетса, пока муж по поручениям нового правительства отправлялся из Филадельфии в Нью-Йорк, Вашингтон, Париж и Англию, она называла его «милым другом». Она взяла на себя управление семейными владениями в Брейнтри, Массачусетс, и занималась хозяйственными и юридическими вопросами, которые обычно были вотчиной мужчин. Но Эбигейл Адамс не была единственной женщиной, которая в период Революции взяла в свои руки управление имением: многие жены подменяли мужей, пока те сражались в Континентальной армии или в ополчении. Им приходилось принимать решения, которые прежде лежали на мужчинах. Порой они один на один встречались с вражескими войсками и испытывали на себе все тяготы военного положения: смотрели, как разоряют их дома, разыскивали детей посреди хаоса войны, становились жертвами нападений и изнасилований. Иногда они вынуждены были принимать на постой противоборствующие армии, а такие незваные гости приводили хозяйство в беспорядок. Эти женщины справлялись с голодом, вынужденными переездами и смертельными осложнениями дизентерии и оспы. Безусловно, им требовалась недюжинная сила и смелость, чтобы выжить.

Лишь немногие из них имели такие же преимущества, что и Эбигейл Смит Адамс. Прежде всего, она была из состоятельной семьи. Ее отец, преподобный Уильям Смит, был почетным гражданином Уэймута, штат Массачусетс, а ее мать принадлежала к уважаемому роду Куинси. Подобно многим девушкам из Новой Англии, Эбигейл не получила систематического

образования — в состоятельных семьях его давали только мальчикам, — но она могла пользоваться обширной библиотекой своего отца. В 1759 году, когда она встретила Джона Адамса, ей было пятнадцать лет, а ему — двадцать три, он был выпускником Гарварда и практиковал юриспруденцию в городке Брейнтри.

Читая сохранившиеся письма периода их ухаживаний, трудно представить, что этот кокетливый и ласковый юноша вскоре станет президентом США, известным своей строгостью и суровым нравом. Он называет Эбигейл «мисс Обаяние» и требует «не отвечать отказом ни на одну просьбу о поцелуе или поздней вечерней встрече» (4 октября 1762 года). Она называет его «мой друг» и подписывается «Диана» (11 августа 1763 года) — в то время модно было брать себе псевдоним из древней истории или классической мифологии. Позднее она станет подписываться «Порцией» в честь добродетельной римской матроны и находчивой героини «Венецианского купца».

В 1763 году, когда Джон официально заявил о том, что претендует на руку и сердце Эбигейл, он нежно называет ее «моей спутницей во всех бедах и радостях» и надеется, что вскоре «будет навеки связан с ней сладкими узами брака» (апрель 1764 года). Письма Эбигейл куда сдержаннее и содержат меньше проявлений чувств, хотя она порой демонстрирует большую изобретательность — например, письмо от 12 апреля 1764 года начинается такими строками: «Мой милый друг, я сижу одна в своей келье, примерная монахиня, уверяю вас». Часто в ее письмах читается почтительность к мужчине, который старше ее на восемь лет, и едва ли не раболепие: «Навсегда я сочетаюсь с другом, который служит мне примером безукоризненного поведения, чья доброжелательность позволит ему принять то, что он не может изменить».

Джон продолжает писать, прославляя как Эбигейл, так и всех представительниц ее пола за их доброту, мягкость и нежность (14 апреля 1764 года). Он также составляет шуточный

список недостатков Эбигейл (7 мая 1764 года). В этом очаровательном перечне он указывает равнодушие к картам и пению, «манеру ходить, подвернув кончики пальцев», «манеру сидеть со скрещенными ногами» и манеру «держатъ голову опущенной, как тростинка». Хотя Эбигейл принимает этот список «с такой благодарностью, с какой другая отнеслась бы к списку своих достоинств», она возражает против ремарки о своих ногах: «Полагаю, джентльмен не должен предаваться размышлениям о женских ножках» (9 мая 1764 года). Викторианская эпоха, когда разговор о чьих-либо ножках считался вопиюще нескромным и пуристы драпировали даже ножки рояля, была еще впереди.

В письмах Эбигейл выражала свою симпатию к Джону, но не преступала границ приличия, поставленных для молодой девушки, и в то же время не опускалась до самоуничтожения — очевидно, что они общались открыто и были любящими друзьями. В их письмах со временем только лучше читается взаимное уважение и симпатия. Через несколько недель после свадьбы Джон в соответствии с представлениями своей эпохи выражает Эбигейл свою надежду на то, что она сделает его лучше: «Благодаря тебе моя жизнь и манеры станут более изысканными и утонченными, я избавлюсь от своей замкнутости и всего дурного, что есть в моей натуре, обрету добрый нрав и смогу сочетать глубокую проницательность с безупречной доброжелательностью» (30 сентября 1764 года).

Возможно, современному читателю такие высказывания покажутся безнадежно устаревшими. Ожидаем ли мы сегодня, что супруги благотворно повлияют друг на друга? Представление о том, что муж и жена должны улучшать друг друга, кажется, плохо стыкуется с теми целями, которые декларируют современные члены общества. Многие ли сегодня вступают в брак и выбирают супруга из расчета стать добрее и мудрее? Счастливее, богаче, успешнее — да! Но усовершенствовать свои человеческие качества?..

Надежды Эбигейл и Джона оправдались: они прожили вместе больше пятидесяти лет. Джон стал отцом-основателем нового государства, служил Франции и Англии, был вице-президентом при Джордже Вашингтоне и стал вторым президентом США. А Эбигейл, конечно, была больше всего известна как его жена. Но в одиночку она смогла преодолеть множество испытаний, сама руководила хозяйством в Брейнтри и растила детей, в то время как Джон был в отлучке — четыре года он провел за океаном, а затем на многие месяцы отлучался в Филадельфию и Вашингтон.

Эбигейл и Джон, безусловно, были выдающимися людьми, и их имена вписаны в историю. Они стали примером долгой любви, болезненных расставаний и твердого упорства. Ближе к концу своей жизни Эбигейл заявляла, что разлука с мужем в годы Революции была одним из самых тяжелых испытаний. Революция на долгие годы разлучила ее с тем, кого она называла «моим защитником, другом юных дней, моим соратником и другом, которого я выбрала»¹⁵. Когда в 1818 году она умерла, Джон (которому предстояло прожить еще восемь лет) вспоминал ее как «спутницу всей моей жизни, ту, кто была мне женой сорок пять лет, любовницей — еще дольше»¹⁶. В то время своей «любовницей» мужчина мог называть благочестивую молодую женщину, за которой ухаживал или на которой был женат.

Эбигейл и Джон были воплощением всего лучшего, что было в браке XVIII века. Хотя по обе стороны Атлантики по-прежнему преобладали патриархальные взгляды, уже получал распространение новый взгляд на брак, основанный на взаимных чувствах супругов. Эту идею завезли из Англии титулованные колонисты, и в США она упала на плодородную почву¹⁷. Идея заключалась в том, что брак может быть заключен на основании взаимной любви супругов. Между ними устанавливались отношения дружбы, привязанности, уважения, они разделяли ценности и интересы друг друга.

Подразумевалось, что молодые супруги, придерживавшиеся новых представлений о сожителстве, кардинально отличаются от поколения своих родителей и что на смену «вертикальным» отношениям между родителями и детьми придут «горизонтальные» отношения между мужем и женой. В Нидерландах XVII века и в Англии, во Франции, в Северной Европе и Америке XVIII века отражением новой модели идеальных супружеских отношений стали двойные портреты супругов.

Американская революция и идея супругов-друзей

Вероятно, Революция подстегнула распространение в Америке идеи брака, основанного на дружбе. Хотя гендерная иерархия не ушла в прошлое, считалось, что муж и жена должны придерживаться общих политических взглядов и демонстрировать общие гражданские добродетели. Так, Эбигейл Адамс считала себя не менее патриотичной, чем ее муж, хотя именно он был публичной персоной, а она сидела дома. Ее вынужденное домашнее заточение, пока муж был в разъездах, считалось необходимой жертвой во имя всеобщего блага.

До конца 1760-х годов американские поселенцы считали, что женщине негоже участвовать в разговорах о политике. Но по мере того, как росло недовольство страной-покровительницей, женщины все активнее начинали интересоваться такого рода вопросами. Об этом подъеме политической сознательности среди женщин поэтесса из Филадельфии Ханна Гриффитс рассказывала в письме генералу Энтони Уэйну от 13 июля 1777 года: «Были времена, когда мои познания и интересы в политике ограничивались вопросом того, как верно держать скипетр, но теперь ситуация изменилась, и я полагаю, что всякая женщина с радостью узнала бы больше о нуждах своей страны»¹⁸. В 1776 году Сэмюэл Адамс в письме к жене, Бетси, делился с нею последними военными и политическими новостями, признавая, что «мне непривычно говорить с тобой о войне и политике».

Четырьмя годами позднее он писал уже более уверенно: «Я не вижу причин запрещать мужчине делиться своими политическими взглядами с женой, если он того хочет»¹⁹.

В годы Революции жены следили за развитием событий не менее бдительно, чем мужчины. Они читали газеты и брошюры, были в курсе военных маневров и обсуждали политику как в своем кругу, так и вместе с мужчинами. Историк Мэри Бет Нортон охарактеризовала такой рост интереса к политике со стороны женщин как «знаменательную перемену»²⁰.

Известно об активном участии жительниц Бостона в революционных событиях²¹. Хотя они не могли непосредственно участвовать в заседаниях правительства — занимать должности или голосовать на городских собраниях, — они находили способы участвовать в политической жизни. В годы, предшествовавшие революционным событиям 1776 года, они были не просто наблюдательницами, но участницами восстаний и бойкотов, активно вставали на ту или иную сторону в таких исторических событиях, как Бостонская бойня, Бостонское чаепитие и осада Бостона.

Благодаря участию женщин удался торговый бойкот товаров из Великобритании. Уже в 1767 году инициативная группа женщин отказалась от покупки лент и других импортных изделий из ткани. Чтобы держать бойкот, они должны были сами производить ткань, что особенно тяжело давалось горожанкам, привыкшим покупать зарубежный текстиль. Женщины выражали патриотизм, собираясь вечерами вокруг прялок или жертвуя деньги от продажи шерсти на благотворительность.

В 1770 году таким коллективным действием стал бойкот чая. В феврале того же года газета *Boston Evening Post* сообщала, что «более 300 домохозяек, среди которых дамы, принадлежащие к самому высшему и влиятельному обществу» подписали петицию, призывающую отказаться от покупки чая²². Как главные распорядительницы хозяйства, американские жены начали экономическую блокаду британцев еще за несколько

лет до исторического Бостонского чаепития (акции протеста, состоявшейся в декабре 1773 года, когда мужчины забрались на британские корабли и сбросили в воду ящики с чаем).

В самом начале протестов, получивших название «Бостонское чаепитие», когда британские власти закрыли порт и ввели в Бостоне военное положение, женщины вместе с мужчинами сражались бок о бок. В толпе, мешавшей британским солдатам искать нелегальное оружие и проводить другие карательные операции, были и домохозяйки. А когда в апреле 1775 года войска противника подошли к Лексингтону и Бостон оказался в блокаде, жены-патриотки вместе с семьями покинули город, оставив в нем лоялистов.

Женщин, вынужденно покинувших осажденный Бостон весной 1775 года, поддерживали их соратницы по всему Масачусетсу. Беженцам, оказавшимся в Брейнтри, помогала Эбигейл Адамс, а ее подруга, поэтесса и писательница Мерси Отис Уоррен, из своего дома в Плимуте рассылала письма, стихи и пьесы с обращенными к женщинам призывами участвовать в патриотической деятельности.

Бостон стал городом, где пробудилось женское политическое самосознание, и вскоре женщины по всей стране последовали примеру его жительниц. Например, жительницы Коннектикута повели борьбу с торговцами, которые ради завышения цен создавали искусственный дефицит товара. Так, в Ист-Хартфорде два десятка женщин потребовали, чтобы их впустили в дом торговца, и обнаружили там потайные запасы сахара; взвесив его на собственных весах, они взяли столько, сколько было им нужно, и заплатили ту цену, которую считали справедливой и которая была куда ниже четырех долларов за фунт, требуемых женой торговца.

А вот как поступили женщины Филадельфии. В 1780 году они основали женское общество по содействию военным успехам. В брошюре организации, написанной Эстер Дебердт Рид, патриоток призывали отказаться от нарядной одежды

и изысканных украшений и пожертвовать деньги на благо Революции. Известное как «подношение от дам», это приглашение имело мгновенный успех. В течение трех дней нашлись тридцать три женщины из Филадельфии, которые предложили женам губернаторов собрать пожертвования и выслать их Марте Вашингтон с тем, чтобы она впоследствии направила их войскам. Хотя ключевую роль отдавали женам чиновников, участвовать в акции от своего лица могли все женщины.

Устроительницы акции в Филадельфии разделили город на десять районов и в каждом назначили пару ответственных агитаторок. Среди самых известных женщин, принявших деятельное участие в акции, были Салли Маккин, жена пенсильванского председателя верховного суда, Джулия Стоктон Раш, жена Бенджамина Раша, и миссис Роберт Моррис (и Раш, и Моррис поставили свою подпись под Декларацией независимости). Эти женщины не считали ниже своего достоинства принимать помощь от сочувствующих любого социального статуса, даже от служанок. За месяц они собрали 300 000 континентальных долларов — эта сумма во временной бумажной валюте примерно была равна 7500 чеканным долларам.

В том же месяце газеты по всей стране напечатали обращение Эстер Рид. В Женскую ассоциацию вступили женщины из Нью-Джерси, Мэриленда и Виргинии, они тоже организовали сбор средств и собрали достаточно денег, чтобы приобрести качественную ткань и выткать тысячу рубашек для солдат. Сам генерал Вашингтон похвалил такую форму проявления «женского патриотизма», и многие жены почувствовали, что вносят свой посильный вклад в победу в войне.

Жены лоялистов не ощущали такого подъема духа. Они подвергались нападкам со стороны патриотично настроенных соседей, а порой дело доходило и до рукоприкладства. В 1775 году одна женщина из Массачусетса выразила свою гражданскую позицию, назвав сына в честь британского военкомандующего; толпа женщин ворвалась к ней в дом и едва не вываляла мать

и дитя в дегте и перьях. Женская дружба неизбежно рушилась из-за разницы во взглядах. По вине политических убеждений распадались даже некоторые браки. Например, благополучная жительница Филадельфии Элизабет Грэм порвала со своим мужем-шотландцем Генри Фергюсоном, однако это не спасло ее от того, что правительство Пенсильвании конфисковало ее имущество из-за мужней преданности короне.

Еще одна влиятельная жена лоялиста, Грейс Горуден Галлоуэй, осталась в Филадельфии даже тогда, когда ее муж и дочери отбыли в оккупированный британскими войсками Нью-Йорк. Грейс пыталась дать понять, что не разделяет взгляды мужа, и сохранить недвижимость, доставшуюся ей от отца, чтобы затем передать ее по наследству дочерям, однако ей это не удалось. В конце концов она потеряла и свой особняк в Филадельфии, и все семейные сбережения и в 1781 году умерла, уязвленная тем, что наследство, оставленное ее отцом, должно было искупать поступок ее мужа, а ее собственные взгляды во внимание не принимались²³.

Некоторые лоялистки активно поддерживали «красных мундиров». Они носили через линию фронта письма, шпионили и содействовали британцам, попавшим в плен. Но большинство все же попросту пыталось выжить и сохранить свои семьи. Как и патриотки, матери и жены из числа лоялистов ставили благополучие семьи на первое место. Многие согласились бы с Еленой Кортрайт Брэшер, которая, несмотря на симпатию к революционерам, осудила своего мужа за высказывание: «На первом месте страна, а на втором — семья»²⁴.

Республиканцы и роялисты: взгляд из Франции

Спустя десятилетие после Американской революции пришел черед Франции пережить кровавые потрясения. По разные стороны баррикад оказались роялисты и республиканцы, богатые и бедные, «народ» и знать. Жены представителей обоих

лагерей — но чаще аристократки — видели, как их мужьям рубили головы на гильотине, а иногда такая участь ожидала и их самих. Во время революционных войн также полегло немало мужчин, и во главе тысяч семей оказались вдовы.

До Революции женщины из высших слоев общества (верхи буржуазии и знать) вели жизнь, относительно обособленную от жизни мужей. Браки заключались исходя из финансовых соображений, положения в обществе и знатности родов, и не предполагалось, что у супругов будет глубокое взаимопонимание и общие интересы. Более того, в аристократических кругах было не принято демонстрировать слишком сильную привязанность к супругу. Если женатый мужчина отличался влюбчивостью (а какой уважающий себя француз ею не отличался?), он заводил внебрачную связь. Если те же склонности имела его жена, а муж был готов закрыть на это глаза, она могла завести любовника, не боясь бесчестья.

Небольшое число жен из высшего общества посвящали себя культурным и интеллектуальным устремлениям. Значительную часть литературных салонов устраивали замужние дамы при участии своих мужей — или без него. Среди таких знаменитых дам стоит выделить маркизу дю Шатле — переводчицу Ньютона, почитавшуюся наравне со знаменитейшими учеными той эпохи, и мадам д'Эпине, известную своими трудами по педагогике. Эти две «жены» в первую очередь ассоциируются со своими любовниками — Вольтером и Гриммом соответственно, — а не с мужьями, и это многое говорит нам о разнице между французским и американским обществами.

В более поздний, предшествующий Революции период некоторые жены стали делать существенный вклад в карьеру мужей, например мадам де Кондорсе, мадам Ролан и мадам Лавуазье. На известном портрете четы Лавуазье, написанном Жаком Луи Давидом в 1788 году, ученый сидит за столом с пером в руке, устремив взгляд на жену, а та в свою очередь смотрит с полотна на зрителя. Это заметный контраст

с изображениями многих других пар, где жена с обожанием смотрит на мужа, а тот обращает взор на мир. Портрет Лавуазье показывает новый идеал партнерского брака, превосходящий взаимную привязанность и уважение.

Лавуазье находил в своей супруге не только любовь, но и вдохновение. Ее образ помогал ему создавать прославившие его научные труды. Будучи сама искусной художницей, она поставила свое мастерство на службу исследованиям мужа и осталась в истории как его помощница и муза. Об этом ясно рассказывается в одном из стихотворений Жана Франсуа Дюси, друга четы Лавуазье.

Epouse et cousine à la fois
 Sûre d'aimer et de plaire
 Pour Lavoisier soumis à vos lois
 Vous remplissez les deux emplois
 Et de muse et de secrétaire²⁵.

Одновременно жена и кузина,
 Умеющая любить и угождать,
 Лавуазье покорен твоим законам,
 Ты играешь две роли —
 Музы и секретаря.

Статус музы и секретаря был известен многим женам. После безвременной гибели Лавуазье на гильотине в 1794 году его вдова продолжила заниматься иллюстрированием и публикацией научных трудов покойного супруга. Роль жены как помощницы «великого человека» — если не его ровни в интеллектуальном плане — в Европе XVIII века стала более заметной среди женщин привилегированного сословия.

Но как бы ни были эмансипированы некоторые жены из высших слоев французского общества, мнение, что женщины отличаются от мужчин и уступают им, превалировало в революционной Франции так же, как и в революционной Америке. Сексистская идеология, продвигаемая Жан-Жаком Руссо

и его последователями, определяла женщину как домашнее существо. Ее следовало отдать под руководство мужа и избавиться от общественной жизни. Эта точка зрения доминировала в республиканской политике вопреки противоборствующему дискурсу, отстаивавшему равноправие женщин, который существовал еще до Революции и приобрел большое влияние между 1789 и 1793 годами. Француженки XVIII века гораздо активнее боролись за свои права по сравнению с их американскими современницами. К тому же, как показывает исследовательница Карен Оффен в книге «Европейский феминизм, 1700–1950»²⁶, во Франции были сочувствующие им мужчины, готовые выступить в их поддержку. Например, маркиз Кондорсе, известный математик и мыслитель, еще в 1787 году оспаривал законы, подчинявшие жен мужьям. В ранние годы Революции в Национальной ассамблее он выступал в поддержку «устойчивого равенства между супругами» и, более того, наделения гражданскими правами владеющих имуществом женщин. Но женщины — замужние, одинокие или вдовствующие, владеющие собственностью или нет — не были включены в Декларацию прав человека и гражданина, провозглашенную в 1789 году. Провокативная Декларация прав женщины и гражданки, написанная в 1791 году драматургом и памфлетисткой Олимпией де Гуж, и другие петиции в поддержку прав женщин, обращенные к Национальной ассамблее, пренебрежительно отвергались радикальными республиканцами. Создатели конституции 1791 года «фактически исключили женщин из новых гражданских порядков» и обрекли их на роль жен и матерей²⁷. Если женщина влияла на общественные дела мужа, ей было разумнее скрывать это от окружающих.

Примером тому служит история знаменитой супруги — мадам Ролан, которую многие превозносили как «самую выдающуюся женщину» Революции и которая — единственная, не считая Марии-Антуанетты, — имела неоспоримое влияние

на политику той эпохи²⁸. Между 1791 и 1793 годами, на пике Революции, Жанна Мария (Манон) Флипон Ролан была правой рукой мужа, занимавшего важные правительственные посты. Ей хватало осторожности выступать в традиционной роли скромной жены, а не лезущей в чужие дела гарпии, как ее позже пытались представить враги ее мужа. В воспоминаниях, написанных в тюремной камере в 1793 году, она описывает политические дискуссии, разворачивавшиеся между леворадикальными депутатами, регулярно собиравшимися в квартире Ролана:

Я знала, какая роль подобает моему полу, и никогда не забывала о ней. Встречи происходили в моем присутствии, но без всякого моего участия. Находясь вне круга мужчин за столом, я занималась рукоделием или писала письма, пока они совещались. Но даже если я успевала отправить десять пространных писем — что иногда случалось, — я не упустила ни слова из их обсуждений, а иногда мне приходилось закусить губу, чтобы не вмешаться в разговор²⁹.

Даже на этом этапе Революции, когда ее муж еще не был в центре внимания, она тщательно скрывала свой страстный интерес к политике и свою роль в развитии карьеры супруга. Год спустя, когда ее мужа прочили в министры внутренних дел, депутат Бриссо обратился к ней как к посреднику. Вот ее слова: «Бриссо пришел ко мне однажды вечером... чтобы спросить, согласится ли Ролан возложить на себя это бремя. Я отвечала, что... его рвение и активность не угаснут от этой заботы»³⁰. Софи Граншам, ближайшая в те годы подруга мадам Ролан, позже утверждала, что Манон Ролан жаждала политической власти даже больше, чем ее супруг.

Когда ее муж занял новый пост, мадам Ролан с удовольствием вошла в роль жены министра. Дважды в неделю она устраивала приемы: один раз для коллег мужа, второй — для

других заметных персон из деловых и политических кругов. Однако она не проявляла склонность к экстравагантной роскоши, поскольку это противоречило бы республиканским идеалам.

При этом за кулисами публичной жизни мадам Ролан была куда более энергичным партнером. Она была теневым руководителем Комиссии по изучению общественного мнения, которую возглавлял ее супруг, и автором многих исходящих отсюда документов. Вот как она позже описывала свою деятельность в роли выразителя мыслей Ролана:

Если дело касалось циркуляра, инструкции или важного публичного документа, мы могли обсудить его, основываясь на существующем между нами доверии. Оплодотворенная его идеями и питаемая своими собственными, я бралась за перо — ведь на это у меня было больше времени. Учитывая то, что у нас были общие принципы и одинаковый склад ума, муж ничего не терял, пропуская [свои проекты] через мои руки³¹.

Однако вскоре трения между Роланом и королем, который номинально еще оставался у власти, стали очевидными, и Ролану пришлось уйти с поста. Мадам Ролан пишет, что его письмо об отставке стало плодом их совместного творчества («мы вместе составили его нашумевшее письмо королю»). Затем оно было напечатано и разослано по всем департаментам Франции.

Но в конечном счете Роланы оказались погублены не монархом, а левыми радикалами. После заключения королевской семьи под стражу в августе 1792 года Ролан вновь был назначен депутатом и министром внутренних дел, но его (и его супруги) умеренные политические взгляды оказались неприемлемы для Дантона, Марата и Робеспьера. 25 сентября 1792 года Дантон в Национальной ассамблее оспорил переназначение Ролана на должность министра. Он заявил: «Если вы

приглашаете его [Ролана], пригласите также и его жену, ведь все знают, что он в своем департаменте был не один. Что до меня, то я исполнял свою должность в одиночку»³². Дантон знал, как очернить своего соперника: с учетом распространенного в XVIII веке страха перед вмешательством женщин в политику, государственный деятель, деливший полномочия с супругой, становился легкой мишенью для насмешек. И не стоит думать, что такое отношение осталось в далеком прошлом. Достаточно вспомнить негативную реакцию на занятия Хиллари Клинтон вопросами здравоохранения на заре президентства ее супруга. Ей пришлось уйти из поля публичной политики, и затем она стала считаться хорошей женой, «поддержав своего мужчину» в самый унижительный для него момент.

Мадам Ролан была арестована в ходе организованных Робеспьером чисток вместе с большой группой депутатов, включая и ее мужа. В то время как он сбежал в провинцию, она осталась, чтобы противостоять его врагам, не веря, что они уничтожат ее, «просто жену». Во время пятимесячного заключения она написала мемуары, ставшие самыми известными воспоминаниями непосредственного свидетеля Революции. Когда в ноябре 1793 года она была осуждена и казнена, ее муж, по-прежнему скрывавшийся, совершил самоубийство.

Статус «просто жены» не обеспечивал женщинам никакой защиты во времена Революции. Это касалось и жен республиканцев, преданных новой нации, и супруг аристократов, верных монархии. Нижеследующие истории Элизабет Леба, Мари-Виктуар де Ла Вийруйе и Элизы Фужере де Менервиль показывают, как Революция заставляла замужних женщин становиться героинями, хотя ничто в их предшествующей жизни этого не предвещало.

Элизабет Дюпле едва исполнилось двадцать лет, когда она познакомилась с Филиппом Леба, депутатом Национальной ассамблеи и другом Максимилиана Робеспьера, жившего в доме ее отца. Вместе с сестрой Робеспьера Шарлоттой она посетила

открытое заседание Ассамблеи и сразу оказалась очарована Леба. Симпатия была взаимной, и через несколько месяцев Леба объяснился Элизабет в любви, не забыв при этом убедиться в ее республиканских убеждениях. Он хотел удостовериться, что она будет достойной супругой, готовой отказаться от легкомысленных удовольствий и посвятить себя воспитанию детей. Затем Леба обратился к семье Элизабет. Так как они были убежденными республиканцами, он полагал, что они будут рады видеть его своим зятем. К тому же он был на десять лет старше Элизабет, хорошо образован и занимал видную должность. После некоторых сомнений со стороны матери Элизабет — ведь старших сестер следовало выдать замуж раньше младшей — она и ее супруг дали свое согласие.

Дата свадьбы была назначена. У Элизабет было двадцать дней, чтобы подготовить приданое. Ее отец, владевший несколькими домами, предоставил один из них в распоряжение будущих молодоженов. Но тут вмешались дела государственной важности. Леба был выбран для особого задания и был вынужден в тот же день покинуть невесту. Элизабет была безутешна. Несмотря на увещевания своего друга Робеспьера, она «не хотела больше быть патриоткой»³³. Выбор между нуждами нации и ее собственной тоской по Филиппу был очевиден. В итоге она смогла (с помощью Робеспьера) вернуть Филиппа домой на достаточно долгий срок, чтобы они смогли пожениться. А спустя еще несколько месяцев она забеременела.

Любовь двух пылких республиканцев оказалась прервана политической катастрофой. Когда Максимилиан Робеспьер пал жертвой термидорианского переворота (27 июля 1794 года), Леба погиб вместе с ним*. Элизабет после писала, что была «убита горем и почти обезумела» и, забыв о новорожденном сыне, два дня пролежала на полу. Затем как вдова

* Леба застрелился, решив, что Робеспьер убит.

Леба и мать его ребенка она была помещена в тюрьму Таларю вместе с младенцем. Она вспоминала: «Я стала матерью пять недель назад; я кормила сына; мне не было еще и двадцати одного года; я потеряла почти все».

Элизабет и ее грудной ребенок провели в тюрьме девять месяцев. Каждую ночь она спускалась во двор и стирала в открытые пеленки, а затем сушила их между матрасами. Надзиратели и правительственные агенты убеждали ее выйти замуж за другого депутата и избавиться от «позорной фамилии», но она сопротивлялась этим попыткам. Наоборот, она держалась за фамилию мужа и, выйдя наконец из тюрьмы, сохранила ее до конца своих дней. Воспоминания о годе замужества помогли ей пережить шестьдесят пять лет вдовства. Все это время она продолжала верить в покойного мужа и в революционные идеалы, за которые он погиб.

Истории мадам Ролан и мадам Леба показывают, как сильно женщины-республиканки могли быть вовлечены в общественную жизнь своих мужей и как строго наказывались за их политическую активность. Жизнь была еще более сурова к аристократкам, которые часто отправлялись в тюрьму или на гильотину из-за своего благородного происхождения. Ситуация для жен из знатных родов могла очень сильно разниться и зависела от многих факторов: региона, отношений ее семьи с местным сообществом (которое могло защитить ее, а могло и нет), присутствия или отсутствия супруга. Если муж эмигрировал, чтобы присоединиться к контрреволюционным силам или просто спасти свою жизнь, а жена оставалась приглядывать за семьей и имуществом, ее положение становилось весьма рискованным. Ее могли бросить в тюрьму из-за аристократического статуса или из-за подозрений в нелегальных контактах с находящимся за границей мужем.

Наглядной иллюстрацией всех этих проблем служит история Мари-Виктуар де Ламбийи, графини Ла Вийруйе. Эта

маленькая бретонская женщина двадцати шести лет, ростом в 142 сантиметра, была в октябре 1793 года заключена под стражу на том основании, что была «из знати, жена и сестра эмигранта»³⁴. К тому моменту она уже двадцать месяцев не видела мужа, который покинул Францию, чтобы присоединиться к борцам с Революцией из Германии. Прежде чем оставить свою жену, муж дал ей право распоряжаться всей семейной собственностью. По закону она также отвечала за троих маленьких детей, один из которых родился через шесть недель после того, как муж уехал.

До заточения мадам де Ла Вийруйе жила с детьми у престарелой тетки, но стоило Робеспьеру 2 июня 1793 года объявить всех жен, отцов, матерей, детей, братьев и сестер эмигрантов «подозрительными», ее арестовали и посадили под замок.

От других заключенных мадам де Ла Вийруйе отличало то, что она отказалась молчаливо пережить годы Революции. Сидя в холодной, сырой, неотапливаемой камере, она рассылала сотни писем чиновникам местного и национального масштаба, выступая против своего заключения и тех условий, в которых содержались заключенные. В октябре 1794 года, через год после того, как ее взяли под стражу, Ла Вийруйе написала предельно взвешенное письмо с подробным опровержением всех оснований для ее ареста. По поводу высокого происхождения она писала: «Никто не может быть в ответе за то, чего не выбирал». А по поводу эмиграции мужа: «С июля 1792 года я не получала весточки от мужа <...> и у меня есть все основания полагать, что его больше нет в живых».

Самое интересное в ее аргументации — протест против того, что жену можно судить за действия ее мужа. Она писала: «Пусть даже он эмигрант — неужели можно меня винить за поступки, которые он совершил, и решения, которые он принял? Повсеместно считается, что муж — глава семьи и несет за нее всю ответственность; следовательно, никто не может вменять жене в вину поведение мужа». Для того периода было

ново, что жена декларирует свою независимость, моральную и юридическую, от мужа и требует, чтобы ее не судили по его поступкам. В конце концов усилия Ла Вийруйе не пропали втуне, потому что в январе 1795 года под натиском ее писем ее саму и ее товарищей по заключению освободили.

Во времена Революции многие француженки оказались в сложной ситуации, которая требовала переходить в нападение и вести себя дерзко, подобно мужчинам. Ла Вийруйе, как и мадам Ролан, понимала, что амплуа «женщины-писательницы» делает ее мишенью насмешек; и все же она без колебаний употребила свой писательский талант, чтобы спасти себя и товарищей по несчастью.

Спустя четыре года, в январе 1799 года, она вынуждена была пойти еще дальше. К тому времени она с мужем, который скрывался под вымышленным именем, скромно жила в Париже. Когда его поймали и предъявили обвинение в эмиграции, каравшееся смертной казнью, мадам Ла Вийруйе решила прийти в суд и выступить в его защиту. У нее не было юридического образования, и она не могла быть уверена, что ей позволят выступить на стороне мужа. Но она была столь убедительна, что ей дали слово на судебном процессе, и она смогла убедить семерых судей «в полном облачении, с усами и острыми саблями» в невиновности своего любимого супруга. Ее речь длилась сорок две минуты, впоследствии мадам Ла Вийруйе описала ее в мемуарах, адресованных детям. В ней она продемонстрировала умение найти подходящие юридические аргументы, опровергающие обвинение, а также доводы, взывающие к отцовскому и мужнему чувству судей. Стражи, доставившие господина Ла Вийруйе в зал заседания, даже не попытались остановить его, когда он направился к жене и поцеловал ее в конце ее речи, и судьи вынесли приговор всего за полчаса обсуждения. Мадам Ла Вийруйе сумела с выгодой для себя использовать новизну и пафос этой сцены: жены, защищающей мужа от обвинений.

Еще одной женой-аристократкой, которую Революция вынудила к решительным действиям, была Элиза Фужере де Менервиль. Она родилась в семье влиятельного судьи и в восемнадцать лет вышла замуж за мужчину, который был на тринадцать лет ее старше, имел значительное состояние и хорошую репутацию. Как и полагалось представительнице ее класса, она беспрекословно приняла решение своих родителей. Первые пять лет брака они с мужем жили в семье ее родителей, и она была очень счастлива этим обстоятельством. Но в октябре 1791 года они вместе с мужем и двумя маленькими детьми влились в поток эмигрантов, спасающихся от Революции.

Сперва они жили в Бельгии и Голландии, а затем переселились в Англию. Из Франции приходили все более печальные известия: сначала ее мать и сестер отправили в тюрьму, затем ее отца казнили на гильотине. И чем дальше они с мужем уезжали от дома, тем меньше у них оставалось средств. В конце концов в Лондоне мадам де Менервиль, в первые годы брака имевшая позолоченную карету и украшения с бриллиантами, сделалась работницей. Подобно множеству жен эмигранток, она стала единственной кормилицей в семье. Она рассказывала: «Я расписывала веера для купца из Сити, который затем отправлял их в Португалию. Вышивала гладью по заказу другого купца, который затем отправлял свои товары в Россию. Давала уроки французского <...> Расшивала платья — это было самое прибыльное предприятие...»³⁵ Если высокопоставленные мужчины зачастую не могли найти для себя работы за границей, то их жены были более гибкими. Их не готовили к армейской или юридической службе. Они всего лишь умели шить, готовить, были обучены искусствам, и именно эти навыки имгодились. Революция разрушила многие надежды, но некоторые жены были горды тем, что стали зарабатывать деньги для семьи.

За десять лет, прошедшие с начала Революции до прихода к власти Наполеона (1789–1799), французенки стали как

никогда политически сознательными. Конечно, роялистки вроде мадам де Менервиль были бы рады и дальше обходиться без этой сознательности. Большинство представительниц высшего общества были бы довольны прежним положением дел, когда мысли о политике были уделом их мужей и отцов. Однако Революция вынудила их к тому, чтобы думать своей головой и принимать самостоятельные решения. Хотя у них не было представительства в правительстве, они находили способы влиять на систему, игнорирующую их. Какими бы ни были их убеждения — лоялистскими или республиканскими (за возможным исключением мадам Ролан), их главной заботой была безопасность их семей.

Новые иконы: республиканская мать и мать-учительница

Как лозунг «свобода, равенство, братство» отразился на женщинах после того, как жизнь пришла в норму? Привел ли рост политической сознательности среди женщин и их заслуги перед родиной к немедленным изменениям? Короткий ответ — нет. Ни французским, ни американским женам как особой социальной группе не удалось извлечь из Революции пользу и улучшить свою жизнь. Их мужья стали гражданами в новом обществе, а они так и остались в статусе «жены такого-то».

В Америке не было издано новых законов, которые обеспечили бы женщинам, как чаяла того Эбигейл Адамс, защиту от тиранов-мужей. Избавившись от оков британского правления, американцы продолжали довольствоваться введенной британцами системой гражданского права: жена по-прежнему должна была служить и повиноваться своему мужу. Ее интересы по-прежнему подавлялись и не учитывались отдельно от интересов мужа³⁶.

А во Франции жизнь замужней женщины стала на деле еще тяжелее. Первый реформаторский запал Революции 1789 года

смыло кровью эпохи террора. Гражданский кодекс, принятый при Наполеоне в 1804 году, сводил на нет все предыдущие попытки установить равноправные отношения между мужьями и женами; по сути, он, наоборот, закрепил старый, привычный порядок вещей. Француженки сделались ϵ ложницами своих мужей, в обмен на «протекцию» они должны были продемонстрировать беспрекословное подчинение. По умолчанию считалось, что брак строится на принципе общности владения имуществом, а это значило, что жена не может самостоятельно распоряжаться имуществом, получать доход от него или от его продажи. Всеми доходами и наследством своей жены распоряжался мужчина.

Феминистские мыслительницы, которые в первые годы Революции были исполнены надежд и полны планов, при Наполеоне предусмотрительно хранили молчание. Знаменитую мадам де Сталь император, который не любил, чтобы женщины рассуждали, отправил в ссылку. Труд Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин» (1792), содержавший призыв давать девушкам образование, чтобы они не превратились в «заложниц брака», вышел из моды как в родной для автора Великобритании, так и во Франции и в Америке³⁷.

В годы после Революции предпринималась попытка создать новый образ женщины, обладающей гражданским самосознанием, — Линда Кребер дала ему определение «республиканская мать»³⁸. И американкам, и француженкам вменялось в обязанность растить граждан республики и с должной ответственностью относиться к воспитанию гражданского чувства, а их домашние обязанности наделялись политической значимостью³⁹. Поскольку мальчикам до определенного возраста, как и девочкам, если вообще считали это нужным, давали домашнее образование, на матерях лежала обязанность не только научить детей общей грамоте, но и привить им чувство долга и любовь к родине. В помощь французским матерям предлагались патриотические тексты, построенные

по аналогии с Катехизисом католической церкви, но посвященные республиканским добродетелям. Один из диалогов в книге «Хорошая мать и ее дитя» начинается с того, что ребенок задает вопрос: «Мама, расскажи нам что-нибудь о Республике, о которой мы столько слышали», — и мать отвечает: «Республика, дитя мое, это правление, основанное на принципах равенства...» — и так далее⁴⁰.

Задолго до возникновения системы публичного образования на француженок и американок была возложена задача воспитывать в детях — особенно в сыновьях — гражданские добродетели, которые считались необходимыми для благополучия нации. Именно благодаря тому, что роли республиканской матери, или матери-учительницы, как называли ее во Франции, придавали большое значение, многие француженки и американки впоследствии с легкостью вовлекались в социальную и политическую активность.

Иного мнения придерживается Эдит Геллес, исследующая жизнь американок: образ республиканской матери она рассматривает как шаг назад, откат с позиций, которые заняли жены в годы Революции⁴¹. Материнство останется преимущественно домашним делом, вне зависимости от того, насколько оно связано с идеей общего блага. Подобно женщинам Древней Греции, французские и американские матери были в лучшем случае «пассивными» гражданами — их основным достоинством было то, что они могли передать гражданство своим сыновьям. «Активными» гражданами могли стать только мужчины, и такая привилегия оставалась за ними вплоть до XX века.

Воспитание настоящего гражданина было нормативной конструкцией, которая, вероятно, имела мало отношения к реальной жизни. Много ли француженок и американок действительно видели воспитание достойных граждан своей основной задачей? Вероятно, таких женщин было совсем немного, а большинство по-прежнему предпочитало рассматривать

материнство как часть своих семейных, а не гражданских обязательств — если вообще задумывалось об этом.

На смену военной и революционной суматохе всегда приходит период радения о будущем молодого поколения, который знаменует, что ужас и кровопролитие остались в прошлом. Перифразируя популярное психологическое утверждение, можно сказать, что республиканское материнство было по сути откатом к позиции удовлетворения мужского эго*. Я не считаю, что имел место спланированный заговор против женщин с целью вновь ограничить их сферой материнства и работы по хозяйству, но эта риторика имела именно такой эффект. Предполагалось, что жены и матери, будь они республиканки или кто-либо еще, должны покинуть публичную сферу, оставив ее мужчинам, и посвятить себя проблемам дома и семьи.

И все же существует одно произведение искусства, в котором выражен и передан взгляд на жену как на активную, важную политическую фигуру, — опера Бетховена «Фиделио», чья премьера состоялась в 1805 году. Возвышенный образ женщины в этой опере был продиктован идеями Французской революции, здесь главный героический персонаж, главный спаситель — не муж Фиделио, а жена Леонора. Она спускается в тюрьму, чтобы освободить своего пострадавшего мужа из рук тирана-пленителя. В головокружительную кульминацию («O Gott! o welch' ein Augenblick») Бетховену удалось вложить столь же мощный утверждающий смысл, как и в знаменитую оду «К радости». И в этом случае торжественность момента может быть особенно глубоко прочувствована женщинами.

* Понятие «регресс, служащий эго», к которому я добавила характеристику пола, должно быть знакомо всем, кто имел дело с психоаналитической литературой XX века. — *Примеч. авт.*

Глава пятая. ВИКТОРИАНСКИЕ ЖЕНЫ ПО ОБЕ СТОРОНЫ АТЛАНТИКИ

Но лучшая из всех домашних фей —
Жена с копной золотых волос,
Склонившаяся над креслом мужа — Его
маленькая женщина.

Тэо Гифт. Маленькая женщина

Она доросла до того, чтобы, бросив
Игрушки, что стали ей не нужны,
Принять почетную должность
Женщины и жены*.

Эмили Дикинсон. Жена. Ок. 1863

Участь сродни рабской — быть законной женой.

*Люси Стоун. Письмо Антуанетте
Браун Блэкуэлл. 9 июня 1850 года*

Что такое замужество, я поняла,
и больше ни в жизнь.

*Элиза Холман, бывшая рабыня,
трижды замужняя¹*

Историки общества сходятся во мнении, что современное представление о браке рождается в период между Американской революцией и 1830-ми годами. Именно тогда любовь утверждается в качестве ключевого критерия при выборе супруга, хотя ни достаток, ни происхождение, ни социальное

* Пер. Л. Ситника.

положение не утрачивают своей важности. О настроениях, бытовавших в этот период, можно судить по такой цитате из письма, которое юная американка Элиза Чаплин пишет своей подруге: «Тому, кто просит моей руки, надо сначала завоевать мое сердце»². Многим семьям, особенно в Америке, пришлось смириться с тем, что дети выбирают себе супругов, не спросив родителей. Браки по любви заключались во все времена, но только теперь эта идея стала по-настоящему популярной и распространенной³.

Почему эта перемена произошла именно в начале XIX века? На этот счет существуют разные теории. Было ли это естественным развитием идеи о браке-союзнничестве, распространенной ранее среди буржуазии Великобритании, Северной Европы и Америки? Был ли это общий революционный дух, который помог детям освободиться от опеки родителей и позволил им делать более независимый выбор? Или это была реакция на Век Разума, что позволил страстным потокам Романтизма течь среди читателей любовной поэзии и прозы? А может быть, дело было в возрождении христианства в англо-американском протестантизме, согласно которому брак, благословленный небом, должен быть подобием божественной любви? Или это было результатом зарождающейся индустриализации, которая заставила женщин пойти на заводы и фабрики, оторвала их от домашнего очага и бдительного внимания родителей? Какими бы ни были причины, изменения, пришедшиеся на XIX век, способствовали освобождению молодежи из-под родительской власти и популяризация союза, заключенного по любви.

В этой главе мы покажем, как идеал романтической любви сочетался с соображениями практического толка в Великобритании и Америке. Мы посмотрим, как мужчины и женщины рассуждали о браке в письмах, дневниках, мемуарах, сентиментальных поэмах и любовных романах и какие меркантильные советы давали самопровозглашенные эксперты

по вопросам брака. И мы увидим, что представление о браке по любви было общим для людей всех классов, рас, народов и религий по обе стороны Атлантики.

Любовь, брак и деньги в Великобритании

Для человека Викторианской эпохи признание в любви вовсе не означало, что можно предаваться плотской страсти. Как бы ни было сильно влечение и каким бы интимным ни было ухаживание, от будущих мужа и жены требовалось соблюдать ряд социальных конвенций, в числе которых было воздержание от секса до свадьбы. Многие представители среднего и высшего классов действительно соблюдали этот запрет; впрочем, сохранились и свидетельства того, что многие женщины, в особенности из низших классов, шли к алтарю уже с ребенком под сердцем. Анализ документации ряда британских приходов за период 1800–1849 годов показывает, что примерно одна или две из пяти женщин впервые зачинали до свадьбы. Родить незамужней считалось в обществе позорным и было чревато нищетой, однако таких случаев, особенно среди служанок, было много⁴.

Взаимное чувство было предпочтительным, но не обязательным для заключения брака. Девушки, подобно всему обществу, в качестве будущего супруга хотели видеть человека, разделяющего и уважающего их ценности, взгляды и религиозные убеждения. Современному читателю будет интересно узнать, что писали в своих письмах и дневниках девушки XIX века, размышляя о полученных предложениях и пытаясь понять, выйдет ли из пылкого поклонника хороший муж, или тревожась о том, справятся ли они с ролью примерной жены.

Морализаторский тон, отличавший представителей среднего класса в Викторианскую эпоху, распространялся и на любовные письма. Согласно принятому этикету, юноша должен был начать переписку, а девушка могла лишь ответить

на письмо с позволения родителей. Осмотрительность была в порядке вещей, особенно для девушки: ей не следовало открывать свои чувства до тех пор, пока о них не заговорит мужчина. Такую переписку вели, например, родители писателя Энтони Троллопа: Томас Троллоп в переписке с Фрэнсис говорил, что не знал, «к чему следуёт прибегнуть мужчине, чтобы выразить свою симпатию, к устной <...> или письменной речи». Избрав второй вариант, он писал: «Моя судьба в ваших руках. Я не найду успокоения до тех пор, пока не получу ваш ответ на это письмо». Он догадывался, что для Фрэнсис слова о том, что ему приятно ее общество, «не окажутся полной неожиданностью», и мог надеяться на то, что она «испытывает подобие ответного чувства», однако чтобы позволить девушке рассказать об этом, он должен был сделать официальное предложение. Он полагал необходимым сообщить, что его годовой доход составляет порядка 900 фунтов. Хотя на размышление у Фанни было несколько недель, та ответила на следующий же день. Теперь, когда он сделал официальное предложение, она могла ему открыться: она принимала предложение «с гордостью и благодарностью» и сообщала, что отец дает за нее лишь 50 фунтов в год и что она имеет за собой лишь 1300 фунтов⁵. Несмотря на то что Фанни было почти тридцать, а Томасу — тридцать пять, оба вели себя в строгом соответствии с ритуалами молодых любовников, и Фанни не могла высказать свои чувства до тех пор, пока ее об этом не спросят. Конечно, женщины больше страдали от такого запрета на первый шаг с их стороны, особенно если учесть соотношение полов: на 100 женщин в возрасте от двадцати до тридцати лет приходилось 90 мужчин того же возраста.

Письма должны были держаться в большом секрете и в том случае, если помолвка расторглась, отсылались обратно отправителю. Помолвка, во время которой молодые должны были окончательно определиться, подходят ли они друг другу,

длилась в среднем четыре—восемь месяцев. Более длительная помолвка не одобрялась: считалось, что в таком случае влюбленные могли не устоять перед искушением вступить в интимную связь.

Письма Джона Остина и Сары Тейлор, чья помолвка длилась пять лет, — яркий пример викторианской возвышенной риторики и постоянного контроля над собственным поведением. Сара была живой, кокетливой девушкой, происходившей из семьи известных отступников от англиканской веры и слуг государства. Джон слал ей письма с высокопарными рассуждениями и просьбами оценить свои прошлые поступки, чтобы выявить «мельчайшие пятна» на ее репутации и убедиться, что девушка «действительно готова к духовному союзу»⁶. В письме к кузине Сара сообщала, что надеется через любовь к Джону «обогатиться духовно и обрести цель жизни». Любовь направила ее на истинный путь. Во время помолвки Джон изучал право в Лондоне, а Сара оставалась в Норидже и читала современных авторов и классиков, список которых предоставил ей жених. Об этом периоде она говорила: «На протяжении пяти лет я жила любовью и усердно училась, чтобы стать достойной своего мужа». Она преуспела в этом, и наконец в августе 1819 года они поженились.

Однако этот брак сделало возможным не моральное совершенствование Сары, а то, что отец Джона пообещал давать 300 фунтов в год, а отец Сары также обещал прибавить 100 фунтов. Когда дело доходит до брака, к любви, даже подкрепленной такими благородными духовными устремлениями, добавляются экономические соображения. Мужчина обязан был обеспечивать свою жену. Любовь и деньги были ключевым мотивом в англоязычной литературе от Джейн Остин до Эдит Уортон и одним из несущих столпов общества XIX века. Хотя поэтесса Элизабет Баррет Браунинг в письмах к мисс Митфорд в январе и феврале 1846 года называла браки, заключенные по расчету, «легальной формой проституции»

и «подобием деловой сделки», а Чарльз Диккенс создавал подлинно отвратительных персонажей, которые руководствовались исключительно соображениями выгоды (например, супруги Лэмл в романе «Наш общий друг»), женитьбу, в которой оба супруга лишены средств, называли бы по меньшей мере «неблагодарной».

В современных руководствах молодым советовали не думать о браке до тех пор, пока они не обеспечат себе солидный доход: *The Times* за 1858 год указывала сумму в 300 фунтов в год⁷. Представители рабочего класса, хотя и не рассчитывали на столь значительные суммы, тоже ждали, пока обретут финансовую независимость. По этой причине средний возраст, в котором британцы вступали в брак, был достаточно высоким: для женщины — 26 лет, а для мужчины еще немного выше.

Женщина, думающая о замужестве, прекрасно понимала, что ее благосостояние зависит от финансового положения ее мужа. Она не могла рассчитывать на собственный доход от работы или имущества, поскольку все, чем жена располагала до брака, после свадьбы переходило в собственность мужа.

Кроме того, в семьях среднего и высокого достатка женщина не работала, и глава семьи был единственным, кто обеспечивал семью. Ушли в прошлое времена, когда семейная экономика строилась на труде женщин и детей и respectable жена могла работать на пару с мужем в его лавке. Теперь настоящей леди не полагалось работать по найму. Только рабочий класс и мелкие фермеры по-прежнему рассчитывали на труд жены.

Что же входило в обязанности женщины из среднего класса, которую обеспечивал муж? Все ее дела можно было разделить на три категории: 1) подчиняться и угождать своему мужу, 2) следить за физическим здоровьем и моральным обликом детей, 3) следить за хозяйством (наводить порядок, мыть, готовить и так далее). Большинство обязанностей по хозяйству выполняли слуги, добропорядочная же хозяйка должна

была, как выразилась в своей известной «Книге по домоводству» (1861) миссис Битон, командовать армией слуг. Поместье аристократа могли обслуживать двадцать—двадцать пять слуг, а зажиточная горожанка могла иметь в своем распоряжении до пяти слуг.

Вне дома в обязанности состоятельной жены входило посещение церкви и нанесение визитов, а также благотворительность, которая бурно развивалась на протяжении всего столетия. Благотворительницы помогали учащимся, арестантам, старикам, инвалидам и нищим, матерям-одиночкам и проституткам, ставшим на путь исправления и иногда уезжавшим налаживать новую жизнь за океан. В исключительных случаях женщинам, как, например, Саре Тейлор Остин, позволялось удовлетворять и свои интеллектуальные, культурные и даже политические интересы.

Если до свадьбы влюбленные двигались навстречу браку и рука об руку начинали совместную жизнь, то после свадьбы их дороги расходились. Женщины из среднего класса, как правило, сидели дома, а мужчины ходили на работу. Теоретически каждая из сфер жизни была в равной степени ценной, и неважно, предписывали ли гендерные отношения служить очагу, делу или отечеству. На практике же, как позже объявят феминистки, такое четкое разделение обязанностей на мужские и женские мешало женщинам полностью реализоваться, в то время как мужчины могли равно проявить себя как в домашней, так и в профессиональной сфере и, следовательно, жили более полной жизнью. Но в первой половине XIX века до феминистских протестов было еще далеко.

Пособия для женщин множились, и вместе с ними росло число советов и предписаний, как женщине следует исполнять свои домашние обязанности. В Великобритании и США в 1830–1840-е годы начали активно публиковаться пособия для жен и матерей, и их поток не иссякает до сих пор. Задолго до журнала *Good Housekeeping*, книг доктора Спока и доктора

Рут эксперты по домоводству и семейным вопросам начали убеждать женщин в том, что лишь они одни ответственны за благополучие своих семей. Что они, и только они, в ответе за моральное и физическое здоровье своих сыновей и дочерей. Что они, и только они, способны вдохновить мужчин на великие дела. Из дочерей Евы, причастных к человеческому грехопадению, викторианские жены и матери превратились в духовных наставниц. Романтизм и евангелический протестантизм по-новому оценили женскую склонность к эмоциональным переживаниям и поставили ее на службу обязанностям матери и жены. И все же, как ни был высок их статус в культуре, жены не должны были забывать о том, что они зависимы от мужчин. В своей книге «Женщины Англии» (1839) Сара Стикни Элис называла женщин «зависимыми созданиями». Спустя 135 лет французский историк Франсуаза Бах в исследовании женщин Викторианской эпохи показала справедливость такого определения. Женщина попросту не существовала сама по себе. Согласно викторианскому литератору У.Р. Грегу, «само женское естество» предполагало «мужскую поддержку и наставление». Джон Рескин без тени иронии так описывал парадоксальную природу женской безвластной власти: «Хорошая жена прислуживает своему мужу в доме и безраздельно властвует в его сердце»⁸.

Женщина должна была угождать мужу и в постели, поскольку в Викторианскую эпоху мужчины считались более сладострастными. Женщины же почитались за ангелов, над которыми не властны плотские страсти. Заслуженный британский медик Уильям Эктон полагал, что «женщине не свойственно искать сексуального удовлетворения. Она подчиняется воле мужа исключительно с целью угодить ему»⁹.

Даже медики, признававшие, что женщина способна получать сексуальное удовольствие, советовали прежде всего ублажить мужчину. Вот какой совет дает доктор Огюст Дебэ, автор бестселлера о супружеской жизни, изданного во Франции:

«Жены! Прислушайтесь к моему совету. Подчинитесь требованиям своего мужа... заставьте себя угодить ему, будьте убедительны и сымитируйте судорогу наслаждения; такой невинный обман допускается, если на кону привязанность вашего мужа»¹⁰. Имитация оргазма входила в число жертв, которые следовало принести ради блага семьи.

Более традиционные руководства и пособия по семейной жизни ограничивались менее пикантными вопросами. Жена должна была подавать семье пример добродетельности, соответствовать высокой планке «феи домашнего очага», поддерживать порядок и мир в доме, сделать его открытым для гостей, пропитать любовью к Богу и Отечеству. Трудями британок — консультанток по вопросам семьи, таких как Сара Стикни Элис и миссис Битон, а также их американских товарок Лидии Сигурни и Лидии Марии Чайльд, культ домашнего уюта превратился в нечто вроде светской религии.

Воплощенным идеалом жены и матери стала для своего народа королева Виктория. Изображение Виктории в окружении мужа, принца Альберта, и девяти детей стало настоящей иконой домашнего уюта в Великобритании и по всему миру. Юность королевы пришлась на тот период, когда любовь в брачных делах начала цениться выше. Должно быть, она читала романы Джейн Остин, в которых брак изображался как единственная и главная цель любой незамужней женщины. Она не знала тех сложностей, с которыми пришлось столкнуться героиням романов Остин, вся будущность которых зависела от того, найдут ли они достойного мужа, но она, безусловно, впитала все представления своей эпохи. Счастье в браке было обязательным для каждой женщины, не исключая и королеву. И если судить по письмам, публичным высказываниям и поведению королевы, ее брак был счастливым и омрачился лишь смертью мужа.

Романы Остин, написанные в начале XIX века, рассказывают о брачных играх представителей среднего класса, где и женщины, и мужчины выбирали супругов, руководствуясь

своими чувствами. Хотя оба пола участвовали в этой игре на равных, существовало одно принципиальное различие между героями и героинями ее романов: женщины не могли открыто выразить свои чувства, пока о них не заговорит мужчина. Средневековые пособия по этикету, предостерегавшие женщин от совершения первого шага, по всей вероятности, еще не утратили своей актуальности во времена Джейн Остин.

Несмотря на это, героини ее романов знали, как выразить свои симпатии. Они старались выглядеть привлекательнее, следовать последней моде, вести себя более «женственно» и не жалели ради всего этого усилий. Они пели и танцевали, чтобы поднять себе цену на рынке невест. По крайней мере, в книгах Остин они могли проявлять свой ум. Как говорит мистер Найтли в «Эмме», «Умный мужчина не пожелает взять в жену дурочку». Даже если не все мужчины разделяли это мнение (в романах Остин есть и поразительно глупые жены, например миссис Беннет из «Гордости и предубеждения»), приличное общество начинало склоняться к тому, что «разум» не прерогатива мужчин и что женская начитанность не таит в себе никакой угрозы. Все героини Остин мечтали о том, чтобы найти мужа, и большинство добивалось желаемого... что не противоречило реальности Великобритании XIX века. Тем не менее 10–12% британок так и не выходили замуж, в том числе и сама писательница.

Остин умерла в 1817 году, а поколение спустя другая женщина-романистка, Шарлотта Бронте, также входила в средние лета в статусе старой девы. В молодости она дважды отвергла предложение руки и сердца — в одном случае к ней сватался достойный пастор, но она отказала, потому что не любила его. В письме к сестре она высказывается недвусмысленно: «...хотя я отношусь к нему с симпатией, вызванной его обходительностью и приятным характером, я никогда не испытывала и не испытаю к нему того сильного чувства, которое побудило бы отдать за него мою жизнь; а если я когда-либо и выйду замуж,

то лишь за того, кто заставит меня испытать подобные чувства»¹¹. Конечно, воззрения Бронте на брак свидетельствуют о бурном романтическом воображении, но, положив руку на сердце, насколько ее рассуждения далеки от письма в рубрике «Дорогая Эбби», которое я цитировала в начале книги?

Мужчина, за которого Бронте вышла замуж в возрасте 39 лет, вряд ли отвечал тем высоким требованиям, которые она предъявляла в молодости. Священник Артур Белл Николлс был, судя по всему, довольно заурядной личностью и не ровней писательнице, на тот момент уже снискавшей славу. Вряд ли он был из тех, за кого хочется «отдать свою жизнь». Но, вероятно, к тридцати девяти Бронте надоело ждать. Супруги провели довольно приятный медовый месяц в семье Николлса в Ирландии, и Бронте, возможно, смогла бы полюбить своего супруга, если бы не умерла девять месяцев спустя от болезни, связанной с беременностью.

Судьба героинь ее романов сложилась лучше. В конце своей тяжелой жизни Джейн Эйр могла сказать:

Уже десять лет, как я замужем. Я знаю, что значит всецело жить для человека, которого любишь больше всего на свете. Я считаю себя бесконечно счастливой, и моего счастья нельзя выразить никакими словами, потому что мы с мужем живем друг для друга. Ни одна женщина в мире так всецело не принадлежит своему мужу. Нас так же не может утомить общество друг друга, как не может утомить биение сердца, которое бьется в его и в моей груди; поэтому мы неразлучны*.

Подобно Анне Брэдстрит, жившей двумя десятилетиями раньше, героиня Бронте прибегала к языку Библии, чтобы рассказать об идеальной любви, чувстве гармонии и единения, о котором мечтали многие ее современницы.

* Пер. В. Станевич.

Английские романы этого периода, как правило, кончались замужеством: казалось, будто брак решал все проблемы в жизни. Героиня романа Фрэнсис Троллоп «Жизнь и приключения мудрой женщины» (1864), тридцатилетняя Шарлотта Морис, пишет в своем дневнике накануне свадьбы: «Пока мое сердце не перестанет биться, история не заканчивается, хотя событие, которое подводит черту под жизнью любой женщины, вот-вот совершится»¹². Сама Троллоп на тот момент была женой с большим стажем и матерью шести детей. Она начала писать, чтобы заработать на жизнь, и прекрасно понимала, что реальный брак далек от той идеальной картинки, которую рисуют поэты и писатели.

Брачное законодательство в Великобритании и Америке

Начать следует с того, что по закону у замужних женщин было меньше прав, чем у мужчин. Жены в принципе не являлись субъектом права. Как говорится в книге сэра Уильяма Блэкстона «Комментарии к английским законам» (1754), которые продолжали определять судебную практику в Великобритании и Америке в XIX веке, «закон видит в супругах одного субъекта права; с точки зрения закона женщина после замужества как бы перестает существовать, выбывает из правового поля и становится одним целым с мужчиной, который направляет и контролирует каждое ее действие». Как гласила поговорка, «муж да жена — одна душа, и душа эта — мужнина».

Закон по-прежнему допускал «умеренное наказание» со стороны мужа и позволял бить жену палкой, если она была не толще большого пальца. Хотя британцы из высшего класса утверждали, что телесные наказания распространены преимущественно в низших слоях общества, современные исследования позволяют говорить, что жен били представители всех классов, отнюдь не только простой люд.

Что касается имущества, закон был предельно прямо и прост: «Все имущество, которым женщина располагала до брака, переходит в распоряжение ее мужа». В эту категорию входило и то, чем жена владела до свадьбы, и ее накопления, сделанные в процессе замужества. Муж имел право перед смертью завещать свое имущество кому угодно, оставив лишь треть вдове.

Женщина, которая состояла в несчастливом браке, не могла жить отдельно от мужа, если тот настаивал на обратном. Показателен случай Сесилии Марии Кокрейн, которая в 1840 году сбежала от своего мужа и четыре года жила с матерью в Париже. Муж обманом заманил ее обратно и посадил под замок, но она смогла добиться того, чтобы ее дело рассмотрели в суде. Судья, руководствуясь «общепризнанным, установленным английским законом главенством мужа над женой», постановил, что мистер Кокрейн был вправе «уберечь» свою жену от «неконтролируемых соприкосновений с миром, настаивая на сожительстве в общем доме». Сесилия Кокрейн была обречена на «бессрочное заключение»¹³.

Дети, рожденные в браке, находились на попечении отца. В случае развода, даже если причиной была жестокость или неверность мужа, жене могли запретить видеться с детьми. В первой половине XIX века разводы были чрезвычайно редки в Великобритании, поскольку они могли быть даны лишь решением парламента и стоили невероятных денег: 800 или 900 фунтов — на эти деньги могли год прожить три семьи среднего достатка! Неудивительно поэтому, что лишь 3% разводов происходили по инициативе жен¹⁴. Для того чтобы понять, как эти редкие женщины способны были выплатить такую гигантскую сумму, нужно узнать, каким образом женщины могли зарабатывать. Иногда на помощь приходили друзья и родственники, а некоторые жены «воровали» из семейного бюджета.

Одной из важных причин, побудивших изменить британское законодательство в области развода и опеки над детьми,

стал широко известный в обществе случай Каролины Шеридан Нортон, которой муж, distinguished Джордж Нортон, отказал в свиданиях с ее тремя детьми. После того как в 1836 году миссис Нортон развелась с мужем, тот отказал ей и в содержании, несмотря на то что семейное состояние складывалось в большей мере из собственности, некогда принадлежавшей родителям Каролины. Вынужденная зарабатывать на хлеб, миссис Нортон начала писать и стала зарабатывать достаточно денег, чтобы содержать себя, однако по закону и эти деньги принадлежали мужу, и время от времени он заявлял свои права на них. Миссис Нортон написала полемический памфлет, в котором рассказала о своих переживаниях и о тяжелой доле женщин в сходной ситуации. Этот памфлет способствовал тому, что в 1839 году был принят акт, позволявший матерям все же видеть своих детей. Когда парламент наконец начал рассматривать реформу в сфере бракоразводных дел, миссис Нортон написала «Письмо к королеве по поводу брачного билля лорд-канцлера Крэнуорта» (1855), в котором изложила свою личную историю и следующую шокирующую информацию:

Замужней британке не позволено покидать дом своего мужа. Муж не просто может потребовать в судебном порядке восстановления своих «супружеских прав», он вправе ворваться в дом друга или родственника, где укрылась супруга <...> и насильно забрать ее с собой...

Если жена заявляет о жестокости, по закону это может быть лишь такая жестокость, которая угрожает ее жизни или здоровью...

Если ее муж начнет бракоразводный процесс, ей не дозволено будет защищать себя в суде <...> Ей не положен адвокат, она не является участницей судебного процесса, а дело ведется между ее мужем и предполагаемым любовником как дело о «посесенных убытках».

В Британии, если жену признают виновной в измене, муж вправе развестись с ней, чтобы жениться вновь; жена же лишена такого права, каким бы распутником ни оказался супруг. Ни один суд не может оформить развод. Каждый случай требует издания специального парламентского акта¹⁵.

Другая женщина, которая повлияла на реформу в области брака, — Барбара Ли Смит Бодишон, дочь знатного и богатого члена парламента. В 1854 году она написала брошюру «Краткое описание простым языком самых важных законов, касающихся женщин», который оказался в центре парламентских дебатов в середине столетия. На него обратили внимание не только законодатели, но и решительно настроенные женщины, которые организовали комитет с целью приведения в исполнение реформ и сбора свидетельств о несправедливостях закона по отношению к женщинам. В марте 1856 года в парламент была направлена петиция за 26 000 подписей, среди которых были такие знаменитые писательницы, как Элизабет Баррет Браунинг, Гарриет Мартино и Элизабет Гаскелл. В петиции говорилось, что «в современном мире сфера занятости женщин увеличивается, в связи с этим их материальная зависимость от мужчин падает», и что пришло время «по закону признать за ними право на продукт их труда». Замужние женщины из среднего и высшего классов занимались «литературой и искусством с целью увеличить семейный доход», а женщины из низших слоев устраивались на фабрики и «на прочие самые разнообразные работы». Особенно нуждались в защите закона бедные женщины, поскольку они «могли работать с утра до ночи, только чтобы увидеть, как плоды ее трудов, отобранные мужем, просаживались в джинных»¹⁶. Согласно переписи 1861 года, на тот момент женщины составляли треть от всей рабочей силы, и четверть из них были замужем.

Закон о бракоразводных процессах от 1857 года переводил вопросы развода и разрыва супругов из ведения церковных

судов в ведение новых гражданских судов. Основанием для развода по-прежнему были жестокость и измена, но в то время как мужу достаточно было просто заявить об измене, жена могла требовать развода только в том случае, если измена отягощалась невыполнением обязательств, жестокостью, насилием, мужеложством или скотоложством. Такие двойные стандарты, основанные на представлении, что измена жены была преступлением более тяжким, чем измена мужа, существовали в британском законодательстве вплоть до 1929 года, когда наконец оба супруга были уравнены в праве на развод. Наиболее значительное изменение, которое ввел закон 1857 года, касалось женского права собственности: отныне, получая развод, женщина сохраняла во владении то имущество, которое было за ней до брака. Определенно, это был шаг в верном направлении, хоть он никак и не изменил жизнь замужних женщин, поскольку семейной собственностью распоряжался по-прежнему исключительно муж.

Хотя разводы по-прежнему случались редко и были дороги, женщины постепенно начинали прибегать к ним чаще. Так, нам известно, что в 1869 году миссис Фрэнсис Келли удалось добиться развода на том основании, что муж, преподобный Джеймс Келли, жестоко с ней обращался и «злоупотреблял своим мужним авторитетом». В решении по этому делу заявлялось, что муж заставлял жену страдать, чтобы подчинить ее своей воле. Не опровергая права власти мужа над женой, суд тем не менее устанавливал границы применения этой власти: «Не ставя под сомнение главенство мужа над своей женой, можно тем не менее с уверенностью заявить, что жена не рабыня, чтобы любыми средствами приводить ее к покорности»¹⁷. В западном мире развод будет становиться все более важным вопросом для женщин, однако в Англии XIX века он оставался привилегией высшего класса и пятнал честь не бывшего мужа, а разведенной женщины.

Наконец, в 1870 году парламент принял Акт об имуществе замужних женщин, который сохранял за женщинами право распоряжаться их собственным имуществом и заработком. Важную роль в этом процессе сыграли выдающийся философ Джон Стюарт Милль и его жена Гарриет Тейлор Милль. С 1868 по 1870 год в парламенте велось бурное обсуждение этого вопроса, а Милль опубликовал трактат «Подчиненность женщины» (1869), который стал настольной книгой всех поборников женских прав. Усилия других деятельных мужчин и женщин, таких как миссис Бодишон, были направлены против консервативной партии, приверженцы которой полагали, что если дать замужним женщинам право собственности, они станут независимыми и распутными. Парламентарий Генри Рейкс возмущенно рассуждал, что отныне в супружеской ссоре женщина может заявить мужу: «У меня есть свое имущество, и если ты меня не любишь, я уйду к тому, кто любит». Идея о равном праве на собственность, по его мнению, «внушит ложную, надуманную и противоестественную идею о том, что мужчина и женщина равны»¹⁸. Равенство полов для многих, кто думал так же, как Рейкс, по-прежнему было чем-то противоестественным.

В числе аргументов в пользу реформы приводился пример тех американских штатов, где в закон были внесены поправки, позволявшие женщинам распоряжаться имуществом. Рейкс и его единомышленники противились такой «американизации», однако реформа была проведена, а в 1882 году в Акт об имуществе замужних женщин были внесены новые поправки, согласно которым замужние британки не просто могли сохранять за собой имущество, которым владели до брака, но также могли заключать контракты, судиться и выступать в качестве ответчиц в суде, а также распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению, то есть дарить, продавать и завещать ее.

Новые поправки также касались тех, чьи мужья были уличены в домашнем насилии. Такая женщина могла протестовать о «предписании, которое защитило бы ее сбережения

и имущество». Мужу могли запретить «навещать жену без ее согласия». Жена могла получить опеку над детьми до десяти лет, а мужа могли обязать выплачивать «недельную сумму, достаточную для того, чтобы обеспечить ее и детей». Хотя эти меры и не положили конец избиениям и другим формам насилия над женами, по крайней мере появились законные основания для борьбы с жестокостью мужей.

На протяжении первой половины XIX века американское брачное право в целом не отличалось от британского, но в некоторых штатах были свои нововведения, в том числе направленные на улучшение положения женщин. В 1848 году в Сенека-Фоллз собрались поборники прав женщин, которых возглавляли Элизабет Кэди Стэнтон и Лукреция Мотт. Они издали декларацию, в которой требовали уравнивать права женщин по многим пунктам закона. Этот документ стал известен как Декларация чувств, в адрес всемогущего мужа там выдвигались следующие обвинения:

Взяв ее в жены, он убил ее в глазах закона.

Он отнял у нее даже то, что она заработала собственным трудом...

В бракоразводном законодательстве, которое он составил, так определены причины, достаточные для развода, и правила опеки над детьми, что они совершенно не учитывают интересы женщин. Закон всегда исходит из ложной идеи о превосходстве мужчины и предоставляет всю власть в его руки¹⁹.

Лидеры суфражисток XIX века Элизабет Кэди Стэнтон и Сьюзан Би Энтони сходились во мнении, что вопрос брака является центральным для женских реформ в законодательной системе. В письме от 1853 года Стэнтон (которая была замужем) пишет Энтони (незамужней): «Жизнь женщины не улучшится, пока она угнетаема в браке <...> Мне кажется, что вопрос

о женских правах вращается вокруг отношений в браке»²⁰ По мнению Стэнтон, брак должен был строиться исключительно на любви, понимании и равенстве между полами.

Начиная с 1839 года, когда штат Миссисипи наделил женщин правом собственности, законный статус замужних женщин начал постепенно улучшаться. В период между 1869 и 1887 годами еще тридцать три штата и округ Колумбия позволили женщинам самим распоряжаться своим доходом. Такие штаты, как Луизиана, Техас, Нью-Мексико, Аризона и Калифорния, изменили закон о супружеской собственности таким образом, что муж и жена получили равное право на распоряжение семейными доходами. Кроме того, в Нью-Йорке и еще нескольких штатах в 1860 году женщин уравнили с мужчинами в праве опеки над детьми, а в некоторых штатах, что уже совсем примечательно, опеку над детьми в случае развода присуждали матери; в Айове, к примеру, такое законодательство действовало уже с 1838 года.

Трактаты конца XIX века, конечно, отражали все те изменения, которые произошли в законодательстве за два поколения. Как показал в своей блестящей книге «Мужчина и его жена в Америке» Хендрик Хартог, учебники по праву, изданные в 1890-е годы, совмещали новый тип семейных отношений и старые представления об обязанностях, которые приписывались мужу и жене. Замужняя женщина по-прежнему должна была оказывать мужу ряд услуг, в частности следить за домом и заниматься с ним сексом. Женатый мужчина по-прежнему должен был защищать и поддерживать жену. Несмотря на то что жена теперь могла владеть собственностью, распоряжаться своим доходом и опекать детей, ее замужний статус по-прежнему имел приоритет перед ее автономией. Идея мужнего покровительства и женской покорности продолжала преобладать над законом и его формулировками, несмотря на то что все больше штатов принимали поправки в законодательство, касавшиеся женских прав²¹.

Американские жены

Несмотря на то что американцы использовали в качестве основы британское право, заметные различия в социальном устройстве двух стран отразились и на положении с женскими правами. Путешественниц, таких как миссис Троллоп, которая посетила Новый Свет в 1830 году, поражала «свобода поведения» американских девушек, быстро переходившая в «ношу под сердцем»²². Во время длительного посещения американского Юга английский писатель, путешественник и аболиционист Дж. С. Баккингем отмечал, что девочки, посещающие дневные школы, имеют гораздо «большую свободу», чем их ровесницы в Великобритании. Хотя он с подозрением смотрел на «скороспелость нравов у обоих полов» и на то, как часто происходят браки между очень молодыми людьми, где невесте порой тринадцать, а жениху четырнадцать лет, Баккингем вынужден был признать, что «в целом супружеская жизнь выглядит столь же счастливой, как и в Англии»²³.

В то время как юные британки и их ровесницы с континента из хороших семей должны были соблюдать строгие правила поведения и гардероба, американские девочки были избавлены от такого бдительного контроля со стороны общества и испытывали в основном большое давление со стороны семьи и церкви. Но после свадьбы американки по большей части забывали о свободе. Жены посвящали свою жизнь нескончаемым и утомительным домашним делам, причем возможностей найти прислугу у них было меньше, чем у британок. Подавляющее большинство американок делали всю домашнюю работу в одиночку, привлекая наемных работников только для стирки или сезонной уборки. За исключением южных штатов, где примерно четверть семей имели рабов, только 15% населения могли нанять прислугу с проживанием.

Менее состоятельные американцы могли рассчитывать только на усилия членов семьи. В фермерских семьях жены

плели и вязали, мужья пахали землю и собирали урожай, а дети начиная с шести-семи лет носили дрова и воду. Как отмечал Баккингем, в глубинке штата Теннесси «для того, чтобы подготовить землю и окружить себя самыми необходимыми вещами, требовалось работать на износ и приходилось терпеть лишения. Все члены семьи должны были трудиться в поте лица с утра до ночи, женщины наравне с мужчинами, дети наравне со взрослыми... Дети были, как правило, очень грязные, потому что матери слишком уставали, чтобы мыть их»²⁴

В городах семьи с низким достатком зависели от заработков холостых сыновей и незамужних дочерей. Особенно остро зависели от труда всех членов семьи, мужчин и женщин, семьи иммигрантов. Жены и дочери брали на дом стирку и принимали квартирантов, также дочери могли пойти в служанки. Такие семьи значительно отличались от подобных им британских семей и нередко не вписывались в принятую классовую систему: те, кто относился к «рабочему классу» в первом поколении, в следующем становились средним, а иногда и высшим классом. Экономическая и социальная мобильность американского общества должна приниматься во внимание, когда мы говорим о том, как жили американские жены.

Другой важный фактор — национальное и этническое разнообразие. Статистическое превосходство сохранялось за англо-американцами, но в течение всего XIX века в Соединенные Штаты прибывали иммигранты из Ирландии, Германии, Скандинавии, Восточной Европы и Азии, и каждая группа говорила на своем языке и гордилась своим культурным наследием. Жены иммигрантов часто разрывались между двумя разными моделями поведения, поскольку то, что было принято на их прежней родине, не приветствовалось на новой. Ирландская мать, которую общество принуждало терпеть алкогольный гнев мужа, ортодоксальная еврейка из местечка в Восточной Европе, которая носила парик, вышколенная японка, которая привыкла опускать взгляд в присутствии

мужчин, — все они сталкивались с обществом, которое требовало от них забыть старые предписания.

Чернокожие женщины — совершенно отдельный случай. Вплоть до отмены рабства браки между рабами были запрещены. Поскольку они считались собственностью своих хозяев, им было позволено размножаться — и это даже поощрялось, поскольку в таком случае число рабов умножалось. Но даже религиозная церемония не была препятствием к тому, чтобы разделить пару. Рабовладельцы не задумываясь продавали членов семьи тому, кто обещал заплатить больше, и отцы, матери, дети уходили с молотка к разным покупателям. На Юге и Севере только освобожденные рабы могли жениться. После Гражданской войны чернокожие мужчины и женщины получают право сами распоряжаться своей жизнью и заключать браки в соответствии с законодательством своего штата. В короткий период с 1865 по 1880 год были нередки даже случаи браков между белыми и чернокожими жителями бывших штатов Конфедерации.

Однако наследие прошлого не исчезло в одночасье. На Юге США в школах, публичном транспорте, отелях, ресторанах и досуговых заведениях все еще придерживались принципов сегрегации и превосходства белой расы. В законодательстве сорока одного штата по-прежнему содержались пункты, запрещавшие смешанные браки. Более того, в Северной Каролине официальный запрет на межрасовые браки был снят только в 1999 году, а Алабама провела референдум по вопросу о том, чтобы отменить сходный запрет, только в 2000-м.

Невозможно говорить об американских женах, не делая поправку на размеры страны и разнообразие жизни на территориях США. В первую пару веков своего существования страна располагалась преимущественно на восточной части материка, а теперь раскинулась вплоть до Тихого океана и дальше. Жизнь женщины в Иллинойсе, Юте, Калифорнии и на Гавайях значительно отличалась от жизни женщины в северных или

южных областях страны, поскольку каждый штат имел свое законодательство. Например, в Вайоминге женщинам разрешили голосовать уже в 1869 году, а в 1896 году еще три западных штата сделали то же самое. Одна замужняя дама из Вайоминга, желая опровергнуть миф, что право голоса лишало женщин их очарования, писала в *Woman's Journal*, что мужчины Вайоминга по-прежнему возвращались с работы «к горящему камину и вкусному ужину, сделанному домохозяйкой, опрятно одетой, женственной женой»²⁵. На большей части территории Америки, а также в Великобритании женщины получили право голоса только после I Мировой войны. Географическое разнообразие так же, как этническое и социальное, будет важным в разговоре, который последует далее.

Наконец, важно отметить, что зарождающееся в этот самый момент движение суфражисток также оказало значимое влияние на юридический и социокультурный статус жен в Викторианскую эпоху. Женщины, собравшиеся в Сенека-Фоллз, были по преимуществу замужними дамами, забота которых об улучшении положения их товарок постепенно будет менять положение американской жены. Женщины под предводительством Элизабет Кэди Стэнтон и Сьюзан Би Энтони считали брак кандалами для женщин, чем-то вроде рабства — это сравнение впервые провела британская писательница Мэри Уолстонкрафт в эссе «В защиту прав женщин» (1792). К 1850-м годам среди реформистов стало общим местом сравнивать брак с рабством на основе неравного разделения прав между супругами. В 1855 году одна из первых феминисток Люси Стоун дошла до того, что уговорила священника, который проводил ее свадебную церемонию, заявить на публике, что всякий раз, ведя свадебную церемонию, он «задумывается о несправедливости нашего законодательства в сфере брачных отношений»²⁶.

Если идеальная викторианская женщина была ангелом, то в американском обществе зарождался другой образ жены.

Согласно этому образу, у ангела было не только тело, но и голова на плечах. Романы Джейн Остин и Шарлотты Бронте пересекли Атлантику, и американки вынесли из них урок. Сара Гримке, которая родилась на Юге, но перебралась на Север США, чтобы бороться против рабства, в своих «Письмах о равенстве полов» (1837) критиковала порядок вещей, при котором женщина должна заниматься исключительно домашними делами. Она считала, что женщины, которых заставили думать о себе как о «зависимых созданиях», страдают от недостатка самоуважения, однако это можно поправить при помощи образования, и утверждала, что в конце концов такое образование будет выгодно и мужьям, поскольку они получат более интересных собеседниц в лице жен²⁷. В сходном духе американский священник Джордж Бернап в своих лекциях, изданных в 1848 году, говорил о «красоте упорядоченного рассудка» и привлекательности образованной женщины. Он уверял своих читателей, что «тонкая и умная беседа привлечет внимание образованной особы лучше, чем инкрустированная камнями диадема»²⁸.

В XIX веке о ценности образования заговорило все общество. В 1830–1840-е годы государственные школы со свободным обучением начали появляться на востоке страны, к середине века начали открываться академии и семинарии для женщин, а в годы до и сразу после Гражданской войны в США начали появляться женские колледжи. К 1890 году среднюю школу окончило в два раза больше девочек, чем мальчиков, а к услугам семей, которые могли себе это позволить, было множество как свободных, так и частных школ для девочек²⁹.

В женском образовании тем не менее видели главным образом способ выгодно выйти замуж и ценили за то, что благодаря нему получались хорошие жены и матери. Преподобный Бернап с высоты прожитых лет поучал, что мужчина и женщина «должны вращаться в разных мирах <...> Женщина должна заботиться о доме, заниматься готовкой,

чинить одежду, растить и воспитывать детей»³⁰. Такие авторы, как Кэтрин Бичер в «Трактате о домашнем хозяйстве» (1841) и Сара Джозефа Хэйл, влиятельный редактор «Дамской книги Годи», соглашались, что все прочие формы образования уступают домашнему образованию, поскольку женщина прежде всего — спутница мужчины и должна заботиться о домашнем очаге. Лишь немногие рассматривали образование как способ получить финансовую и социальную независимость. Особенно в южных штатах до Гражданской войны идея о том, что женщина может получить образование, чтобы вырваться из своего «мира», вызывала отторжение. Даже моя альма-матер, колледж Уэллсли в Массачусетсе, основанный в 1870 году, имел в качестве девиза «Non ministrati, sed ministrare» («Не для того, чтобы нам служили, но чтобы служить»), который мы в 1950-е игриво переименовали в «Быть не священником, а женой священника».

Элизабет Кэди Стэнтон: жена, мать, активистка

Элизабет Кэди Стэнтон известна как одна из основательниц движения за права женщин, но немногие знают, что эта решительная женщина почти полвека провела в браке и имела семерых детей. Как же ей удалось одновременно выполнять свой семейный долг и наравне с холостячкой Сьюзан Би Энтони стать одной из самых главных поборниц женской эмансипации? Как и ее предшественница Марджери Кемп, Элизабет Кэди Стэнтон не позволила заботе о детях отвлекать ее от призвания и, подобно Кемп, в возвышенном духе писала о своей миссии в автобиографии, которую сочинила под конец жизни. Хотя ни Марджери, ни Элизабет не были «обыкновенными» женами, их истории позволяют лучше понять не только сюжет их замужества, но также те конвенции относительно женской доли, которые существовали в обществе того времени и той страны.

Книга «Восемьдесят лет и далее: воспоминания 1815–1897» рассказывает о детстве Стэнтон: она была дочерью известного адвоката из штата Нью-Йорк³¹. Она вскользь упоминает о матери, что характерно для автобиографий викторианского периода — лишь говорит, что та была «изнурена необходимостью заботиться о большом семействе, в котором было десятеро детей». Из этих десяти лишь пятеро дожили до взрослого возраста. Элизабет росла вместе с четырьмя сестрами и братом, который был любимчиком, но, к несчастью, умер ребенком. Элизабет чувствовала себя его соперницей, а затем — его заменой.

Она подолгу сидела в кабинете отца, где тот принимал клиентов, беседовал со студентами и обсуждал законы в отношении женщин. Она выросла в сообществе иммигрантов из Шотландии, «многие из которых по-прежнему придерживались старых взглядов и смотрели на женщину как на собственность. Возлежа на смертном одре, отец семейства, как правило, завещал большую часть семейного имущества старшему сыну на том условии, что тот будет давать кров своей матери. Вследствие этого женщины, которые тоже многое привнесли в семью, оказывались в положении приживалок, зависящих от милости невестки и сына-размазни».

«Слезы и жалобы» женщин, которые обращались к отцу за юридической консультацией, тронули сердце Элизабет, она была возмущена «несправедливостью и жестокостью законов», о которых читала в отцовских книгах. Один из студентов-юристов так дразнил ее: «Если <...> когда-нибудь ты станешь моей женой, эти украшения [драгоценности, которые она носила] станут моими; я смогу отнять их, чтобы ты надевала их только с моего дозволения. Хуже того, я могу обменять их на ящик сигар, и ты будешь смотреть, как они превращаются в дым».

Отец дал Элизабет более ценный совет: когда вырастет, она должна «поехать в Олбани и поговорить с законодателями,

рассказать им обо всех страданиях шотландских женщин, обобранных и оставленных на попечении у бесчестных сыновей, которых видела в этом кабинете. Старые законы потеряют силу, если будут приняты новые». Увы, когда Элизабет была готова осуществить эту идею, отец запротестовал, решив, что это недостойное поведение для замужней женщины.

До шестнадцати лет Элизабет училась в академии, где обучались и мальчики, и девочки. Но когда мальчики из ее класса отправились в колледж в Скенектади, она к прискорбию своему обнаружила, что девушек туда не принимали. Вместо этого она отправилась в семинарию миссис Уиллард в Трое, модную школу для девочек, где обучали таким исключительно женским умениям, как французский язык, музыка и танцы. Вырванная из мужского общества, которое стало для нее привычным, она теперь «с большим интересом» начала постигать новую для нее женскую компанию.

Окончив школу, Элизабет вернулась в родительский дом и возобновила знакомства со многими юношами и девушками. Ее жизнь «была насыщена кокетством», но по совету зятя она и ее сестры откладывали «свадебную суету» так долго, как только это было возможно.

Ей было двадцать четыре, когда она познакомилась с Генри Би Стэнтоном, «самым красноречивым и пылким борцом с рабством». Элизабет гостила у родственника, Джеррита Смита, в Петерборо, штат Нью-Йорк — этот дом входил в систему, которая называлась «Подземной железной дорогой»: здесь могли найти убежище беглые рабы на пути из южных штатов в Канаду. А в гостиной собирались «лучшие люди со всей страны». Каждое утро две повозки с леди и джентльменами отправлялись на аболиционистские собрания, которые происходили поблизости. «Горящие глаза людей, красноречие выступающих — благодаря им те дни стали одними из самых прекрасных в моей жизни». Ведя борьбу за новые этические устои, Элизабет и Генри воспылали любовью друг к другу.

Кузен Джеррит, на глазах которого развивался роман, предупредил Элизабет, что отец никогда не согласится отдать ее за аболициониста. «Поскольку наша помолвка состоялась под его крышей, он счел необходимым умыть руки и прочитал мне длинную лекцию о любви, дружбе, браке и всех опасностях такого опрометчивого поступка».

События развивались быстро, несмотря на «сомнения и борьбу», которая происходила в Элизабет. Она боялась, что слишком легко «меняет радости и свободы», которые предоставляет девичество, на неизвестность замужества, которое не одобряет ее семья. Она даже разорвала помолвку «после месяцев беспокойства и неопределенности», но узнав, что Генри Стэнтон отправляют в Европу как делегата Всемирного конгресса против рабства, и поняв, что не хочет быть разделенной с ним океаном, вновь передумала. Свадьбу, которой предшествовала беспокойная семимесячная помолвка, сыграли 10 мая 1840 года.

Спешка вынудила Стэнтонов сыграть свадьбу в пятницу, «этот день считался самым несчастливым». Элизабет особо отмечает, что, поскольку она и ее муж прожили вместе, «не ссорясь крупнее, чем это случается в любом браке, на протяжении половины столетия, нажили семерых детей, из которых все, за исключением одного, живы [в 1897 году] <...> не следует бояться, что свадьба, сыгранная в пятницу, принесет несчастье». В пособиях по этикету XIX века также говорится, что заключению брака не благоприятствует суббота³².

Еще более необычным, чем выбор дня недели, было то, что Элизабет настояла на исключении из брачной клятвы слова «подчиняться». Несмотря на протест священника, Элизабет Кэди вышла замуж за Генри Стэнтон, не поклявшись быть ему послушной (двумя неделями позже этому примеру последовала Амалия Дженкс, которая возьмет фамилию мужа, Декстера Си Блумера, и положит начало реформе женского костюма, введя в моду специальную форму женских штанов-«блумеров»). Элизабет выходила замуж в «простом белом

нарядном платье», в присутствии лишь пары друзей и членов семьи. Затем молодожены отправились в Нью-Йорк и сели на пароход в Европу.

Очевидно, что Элизабет Кэди нельзя считать обыкновенной американкой. Она была из богатой, очень благополучной семьи, ей дали превосходное образование, которое выделяло ее среди сверстниц, и ее стремление бороться с устоявшимся положением вещей было неординарным. Однако ей пришлось ощутить на собственном опыте сначала в Великобритании, а затем на родине, что закон не делал ни для кого исключений и что предрассудки о месте женщины касаются и ее.

Сопровождая своего мужа на съезде против рабства, состоявшемся в 1840 году, она обнаружила, что женщинам выделили отдельное место, на балконе, и таким образом лишили их права голоса. Во вступлении к биографии Стэнтон исследовательница Гэйл Паркер называет оскорбление, которое она тогда почувствовала, в числе основных причин, побудивших Стэнтон заняться правами женщин.

И все же в 1840 году молодая жена наслаждалась своим свадебным путешествием: встречами с выдающимися мужчинами и женщинами, прогулками в компании друзей по Лондону и Парижу и поездкой наедине с мужем по озерам и горам в Шотландии. Лишь Ирландия с ее бедностью вызвала у нее и ее мужа неприятные ощущения.

Вернувшись из Англии, Генри решил начать изучать право под руководством отца Элизабет. Это означало, что она снова будет жить в отчем доме и «два года наслаждаться обществом» своих сестер. Сестры в свой срок тоже обзавелись мужьями и, если верить Элизабет, «были счастливы в браке».

Прежде чем стать активисткой, Элизабет родила первого из семерых детей. Для своего времени она была прогрессивной матерью и отказывалась от таких сомнительных практик, как пеленание младенца по рукам и ногам. Каждый день после того, как сиделка запеленывала ребенка, Элизабет распеленывала

его. Менее просвещенные матери и медсестры продолжали туго пеленать детей до конца XIX века, несмотря на то что медики давно осуждали эту практику. О ее опасности писали даже в популярных изданиях: например, в «Книге о приличиях» издательства Harper & Brothers (1870) пеленание называли «угрозой здоровью и благополучию для целых поколений»³³.

Как и большинство американок, Элизабет кормила ребенка грудью. Северяне не любили прибегать к услугам кормилиц, а кормление из бутылочки получит распространение только в самом конце XIX века, после того как открытия Пастера заставили матерей кипятить бутылочки ради безопасности детей. Элизабет кормила младенца каждые два часа и училась доверять своим «материнским инстинктам».

Материнство фактически считалось профессией. Некоторые американские историки утверждают, что для викторианской жены уже не столь важно было служить подмогой мужу: на первый план выходила забота о детях. В течение XVIII и XIX веков воспитание перешло из сферы забот отца в сферу забот матери, и задача воспитания хороших граждан была возложена на женские плечи. В середине XIX столетия материнство стало восприниматься как смысл жизни и основная доблесть американской женщины. Дом, в котором властвовала женщина, должен был стать бастионом морали для восприимчивых детей и тихой гаванью для уставшего мужа, возвращающегося из сурового внешнего мира.

В 1843 году Генри Стэнтон приняли в адвокатуру, и он открыл свою практику в Бостоне. Только теперь Элизабет обрела свой дом, в котором была полноправной хозяйкой. Позднее она вспоминала: «Новый дом, обставленный новой мебелью, с замечательным видом на бостонскую бухту, был пределом мечтаний. Мистер Стэнтон поспешил объявить мне, что я назначаюсь ответственной за управление домом. Итак, я имела под своим началом двух толковых слуг и двух младенцев, так что мне не приходилось думать, чем занять свое время».

Подобно другим состоятельным викторианским женщинам, Элизабет оказалась в отдельном мире жен и матерей и с энтузиазмом начала его осваивать. Она писала: «Ощущения женщины, вступающей в права хозяйки, должно быть, сродни ощущениям священника, знакомящегося с первым приходом, в котором ему придется служить. Я испытывала смесь гордости и удовлетворения. В жизни женщины это один из самых выдающихся моментов: ощутить себя полноправной властительницей в четырех стенах <...> Я постигала все премудрости домашнего хозяйства и получала от этого наслаждение».

Вскоре появился и третий ребенок, и Элизабет жаловалась только на «нехватку верной, умелой прислуги». В отличие от большинства женщин ее класса, Стэнтон не считала, что слуги — единственные, на кого следует полагаться. Она хотела развить «общее хозяйство» с другими семьями — идея, на которую ее, бесспорно, вдохновили утопические коммуны, появившиеся в Америке и Европе, а также фурьеристская идея фаланстера, с которой она была знакома.

В 1847 году Стэнтоны переехали в Сенека-Фоллз. Там прошли следующие шестнадцать лет их совместной жизни и родилось еще четверо их детей. Сперва Элизабет нашла Сенека-Фоллз удручающим местом: здесь не было ни друзей, ни привычного круга занятий. К их дому на окраине вела грязная дорога без тротуара. Мистер Стэнтон часто уезжал, а у жены было дел больше, чем она могла выполнить. Вот как она описывает эту ситуацию — и эти слова напоминают описание женских трудностей из «Загадки женственности» Бетти Фридан, написанной сто лет спустя:

Держать дом и участок в порядке, следить, чтобы не было недостатка в предметах повседневного использования, чтобы с полдюжины домашних обитателей были одеты подходящим образом, водить детей к дантисту и сапожнику, отправлять в разные школы или искать учителей на дому — все это полностью занимало

не только мысли, но и руки, причем дел всегда было достаточно для любого числа помощников. Ведение домашнего хозяйства перестало быть в новинку и превратилось в рутину.

Впервые в жизни Элизабет почувствовала, что не справляется с ситуацией: с вынужденной изоляцией и привязанностью к дому, с бесчисленными домашними обязанностями, с тоской по друзьям и отсутствием пищи для ума. В этот момент она познала женское отчаяние. «Вести домашнее хозяйство в таком состоянии было невозможно».

К счастью для Элизабет, она смогла уехать с детьми в отчий дом. Там она начала бороться с отчаянием, воспринимая его как естественное ощущение для женщины в подобных обстоятельствах. Как она позднее поняла, «именно то чувство возмущения, которое во мне вызывали размышления о женской доле — о доле жены, матери, домохозяйки, врачевательницы тел и душ, о том беспорядке и неустроенности, при которых, стоит женщине отвернуться, все выходит из строя, — а также взгляды, беспокойные и усталые, которыми отвечали мне соседки, убедили меня в том, что общество, и особенно судьбы женщин, нуждаются в самых решительных переменах». Она поступила так, как поступали многие великие люди: поняла, что ее несчастье — лишь часть общей картины, и постаралась решить не только свои собственные проблемы, но и проблему, которая влияла на жизнь многих. Можно сказать, что Первый конгресс по правам женщин в Сенека-Фоллз в 1848 году и вся последующая история движения за эмансипацию во второй половине XIX века возникли из-за одной недовольной домохозяйки.

Начиная с 1850 года Стэнтон вместе с Сьюзан Би Энтони работала над тем, чтобы познакомить американскую общественность с основными проблемами, которые волновали прогрессивных женщин, в том числе с вопросом о женских правах. Хотя ни одна из них не дожила до 1920 года, когда

американки наконец получили право голоса, в их жизни было немало поводов для торжества. Вероятно, одним из самых счастливых моментов в жизни Элизабет Стэнтон стал тот день 1860 года, когда в штате Нью-Йорк был принят Акт об имуществе замужних женщин, наконец дававший женщинам право распоряжаться своим имуществом и сбережениями. Практически до самой своей смерти в 1902 году Стэнтон в паре с Энтони боролась за полную независимость женщин. Их близкую дружбу, скрепленную общими убеждениями, часто сравнивали с браком. Как показывает историк Кэрролл Смит-Розенберг, женская дружба в XIX веке нередко была настолько глубокой и теплой, что чувства к подруге могли по своей силе спорить с чувствами к мужу³⁴.

В 1892 году Стэнтон, выступая перед юридическим комитетом Конгресса США, произнесла речь, которая стала известна под названием «Одиночество личности». Это было красноречивое слово в защиту прав женщин на образование, работу и политическую активность. И, более того, эта речь стала настоящим криком души об одиночестве, на которое каждый живущий обречен Богом.

В этой речи Стэнтон полностью отвергала представление о женщине как об изначально зависимом существе. Роль матери, жены, сестры и дочери она называла не иначе как «побочной деятельностью»³⁵. Истинная природа женщины, как и истинная природа мужчины, — это «независимость каждой человеческой души и необходимость полагаться лишь на собственные силы». Стэнтон прямо говорит о своих современницах: «Неважно, насколько женщины предпочитают иметь опору, защиту и поддержку или насколько мужчинам хочется, чтобы женщины этого хотели, они должны прожить свою жизнь самостоятельно».

Исходя из собственного опыта жены и матери, Стэнтон предлагает альтернативу идее подчинения мужчине — самостоятельность женщин.

Молодая жена и мать может укрыться от жизненных невзгод у семейного очага, который хранит вместе со своим добрым мужем, может спрятаться за его спиной. Но для того чтобы справляться с делами по дому, иметь больше веса в обществе, быть интересной друзьям и супругу, хорошо управляться с детьми и слугами, ей потребуется сохранять трезвость ума, мудрость и рассудительность, умение разбираться в людях. Для успеха ей необходима такая строгость морали и сила характера, какими обладают самые успешные государственные деятели.

В последние годы своей жизни, «когда восторги юности угасли, дети выросли, женились и разъехались, а жизнь можно считать законченной», Стэнтон очень хорошо понимала, что «как мужчины, так и женщины должны полагаться только на самих себя» и что «мужчина не может прожить за женщину ее жизнь». В этой речи, как и в своей деятельности, Стэнтон опередила свое время.

Женщины на Юге

В середине XIX века движение за женские права, деятельной участницей которого была Стэнтон, затрагивало в основном американский Север, хотя большинство мужчин и женщин из северных штатов либо его игнорировали, либо выступали против него. И большинство жителей Юга противились ему, потому что оно угрожало одному из стержней их мировоззрения: что женщины по природе своей слабы и послушны, что их предназначение — быть под властью мужчин. Раз за разом политики из южных штатов выражали свой страх перед независимой, образованной и не подчиняющейся гендерным стереотипам женщиной. Энергичный противник женской эмансипации (а также сторонник рабства) Джордж Фицхью утверждал, что, поскольку женщина «создание беспокойное, ветреное, капризное, чувственное, робкое и послушное, мужчины будут

поклоняться ей и превозносить ее. Ее сила — в ее слабости, и именно это она должна в себе пестовать». Из этого следовало, что «мы, мужчины Юга, однозначно предпочитаем опекать хрупкую даму, чем позволять командовать собой „синему чулку“»³⁶ (то, что сегодня такое заявление мужчине показалось бы глупым, свидетельствует о масштабе произошедших перемен).

Большинство южанок соглашались на зависимость от мужей. Такие взгляды были навязаны им семейным окружением, религией и средствами массовой информации. В 1855 году Гертруда Томас писала в дневнике, что благодарна Богу за ту мужнюю власть, которая над ней установлена и которая «соответствует женской природе; как истинная представительница своего пола, я нахожу удовольствие в том, чтобы уважать и возвышать кого-либо, и мне нравится чувствовать себя слабой женщиной, находящейся под защитой мужчины, превосходящего меня по силе». Кэтрин Эдмондсон волновалась, что слишком много на себя берет, публикуя свой поэтический сборник, и напоминала себе, что «послушание — главная обязанность жены». Мэри Говард Скулкрафт с гордостью приводила в пример северным штатам Южную Каролину, где женщины не были озабочены борьбой за свои права и «были воспитаны в духе послушания своим мужьям»³⁷.

Воспитание готовило южанок к тому, чтобы стать хорошими женами, матерями и хозяйками дома. Родители, церковь, школа, книги и журналы — все видели цель юной девушки в замужестве. Вирджиния Рэндольф Кэри, которая в 1828 году выпустила книгу советов для девочек, выступала за женское образование, но смотрела на него лишь как на средство подготовки женщин к исполнению их домашней миссии: «Я страстно желаю, чтобы наши женщины обладали высокоразвитым умом и моральным чувством, но притом не пытались вырваться за пределы своих домашних обязанностей»³⁸.

Образование в новых семинариях и колледжах ограничивалось теми предметами, которые, как считали, полагалось

знать девушке из среднего класса на выданье: грамматика, правописание, письмо, арифметика, география, иностранные языки (обычно французский), а также вышивка, рисование и музыка. На Юге в женских колледжах, основанных в 1830-х и 1840-х, образование строилось вокруг идеального в глазах мужчины образа жены. Девушкам постоянно напоминали о том, что, уходя чрезмерно много или желая выйти за пределы предписанного им места, они рискуют утратить часть своего женского очарования. Напутственное обращение в женском колледже в Джорджии в 1857 году гласило: «Мужчина любит и почитает вас как свою спутницу, равную ему во всем. Так будет... если вы не пожелаете иной участи, кроме той, что уготована вам Богом и природой». В другом учебном заведении для женщин напутственная речь включала такие слова: «Женщине не следует говорить когда вздумается, потому что, если молва права, иногда она говорит слишком быстро, иногда слишком много или слишком красноречиво, и если она говорила что-то, что оказывалось ложью, за это по закону или по совести должен отвечать ее муж»³⁹.

До Гражданской войны супружеские пары на Юге (как, впрочем, и на Севере) подчинялись британским правовым обычаям XVIII века в том виде, в котором их кодифицировал Блэкстон. Согласно им, муж действительно был в ответе за поведение своей жены. Если она сболтнула лишнего, мужу приходилось защищать ее от обвинений в клевете — такие жалобы были распространены в Америке XVII–XVIII веков и основывались на викторианском представлении о приличиях. Хотя острых на язык «болтушек» больше не наказывали, сажая на позорный стул, — специальное устройство, которое окунало виновного в воду до тех пор, пока он не брал свои слова назад, — женщины или их мужья могли быть наказаны штрафом. Личность жены, ее имущество и ее дети были во владении у мужа и являлись его сферой ответственности.

Выдающееся исследование женщин штата Джорджия периода до Гражданской войны, написанное Элеанор Мио Ботрайт в 1930 году, но напечатанное лишь недавно, дает полную картину ухаживаний, свадьбы и многих других аспектов жизни южанок. Для большинства женщин на Юге замужество было единственным приемлемым положением. К «старым девам» относились надменно и насмешливо. В лучшем случае они незаметно доживали свой век на попечении родственника. Немногие были достаточно независимы для того, чтобы сознательно выбрать безбрачие, а большинство полагало, что иметь плохого мужа лучше, чем не иметь никакого. Девушки начинали собирать сундук с приданным еще в детстве, а зачатую выходили замуж уже в четырнадцать или пятнадцать лет. Если девушка к двадцати годам еще не нашла себе мужа, ее считали «старой девой». И все же шансы найти мужа были достаточно велики, поскольку в период между 1790 и 1860 годами мужчин было больше, чем женщин, как в Джорджии, так и по всем Соединенным Штатам⁴⁰. (Гражданская война, которая унесет жизни 600 000 мужчин, полностью перевернет эту пропорцию.)

До Гражданской войны от девушки ожидали, что она будет кокеткой, игривой и романтичной, но так, чтобы это не выходило за рамки приличия. На плантациях и в городских домах за юными девицами бдительно следили матери и отцы, и многие из них засиживались допоздна, чтобы удостовериться, что их дочь в гостиной не заходит со своим кавалером дальше словесных нежностей. Романы расцветали в кабинетах, в церкви или под лунным светом. Хотя в методистской, баптистской и пресвитерианской церквях мужчины и женщины все еще сидели отдельно (женщины — в центре, а джентльмены — на боковых скамьях), юноши могли обменяться с девушками парой слов по дороге в церковь⁴¹. Барбекю, танцы, вечеринки, посвященные приготовлению помадки, а также певческие вечера способствовали сближению молодых.

Убедившись, что женщина, за которой он ухаживает, отвечает ему взаимностью, мужчина должен был спросить у отца разрешения на то, чтобы сделать ей предложение. Но этой частью церемониала обычно пренебрегали, поскольку, как правило, возлюбленные проясняли отношения еще до того, как поставить в известность отца. Тем не менее непреложным оставалось правило, что женщина, прежде чем показать свои чувства, должна ждать, пока первый шаг сделает мужчина.

22-летняя Мария Брайан из Джорджии, родившаяся в зажиточной семье, у которой были 1800 акров земли и сотня рабов, в письме к старшей сестре от декабря 1829 года рассказывала о визите ухажера:

...в проеме двери показалась внушительная фигура майора Флойда. <...> Я позволила ему войти и пригласила сесть <...> но вместо того, чтобы опуститься на стул, он взглянул на меня так, как будто я прекраснее всего, что он видел в жизни. Когда же наконец он пришел в себя и занял предложенное место, то тут же разразился целой тирадой <...> Он горячо надеется, что, вопреки моим причудам, так он это назвал, он сможет всю жизнь посвятить тому, чтобы сделать меня счастливой <...> «О, примите ухаживания того, кто любит вас глубоко и всем сердцем»⁴².

Несмотря на категорический отказ Марии, майор Флойд не оставил своих надежд и через несколько месяцев повторил предложение в письме. Мария вновь пожаловалась сестре: «К любви, о которой все только и говорят, я отношусь с презрением. Ты можешь представить, что в моем случае одно это слово вызывает тошноту».

Марии Брайан было почти 24 года, когда она наконец нашла мужчину, в устах которого слово «любовь» не звучало так неприятно. В 1831 году она вышла замуж за двадцатичетырехлетнего военного инженера — вероятно, не получив отцовского благословения. Своей сестре она писала, что самым

тяжелым в предстоящем отъезде было «сознание того, что отца это огорчит». Подобно Элизабет Кэди Стэнтон, Мария Брайан была готова пойти против воли отца, выйдя замуж за того, кого выбрала сама. Трудно судить, как часто браки заключались без одобрения родителей, но создается впечатление, что в большинстве случаев, особенно если речь шла о землевладельцах, на получение отцовского благословения тратились большие усилия.

Те, кто принадлежал к низшим слоям общества: крестьяне, рабочие и те, кого на Юге называли «неимущими белыми», — были меньше обременены условностями. Парочкам не составляло труда уединиться, избежав внимания бдительных родителей или надоедливых друзей. Если в высоких и средних слоях общества женщины блюли целомудрие, то представители низших слоев часто шли под венец с ребенком под сердцем, а порой и вовсе не женились. Один доктор, практиковавший на Юге, считал, что среди бедноты рожденных вне брака детей столько же, сколько детей, рожденных в законном браке⁴³

В низших слоях общества существовала также практика платных объявлений, которые оставляли мужчины; например, так писал один из жителей Арканзаса: «Если ты красотка со своим домом, в ситцевом платье и ловко обращаешься с кофейником и кастрюлей, знаешь, как пошить штаны и охотничью рубашу, умеешь заботиться о детях, то я буду к твоим услугам, пока смерть не разлучит нас»⁴⁴.

Предложение руки и сердца, если оно было принято, накладывало больше обязательств на мужчину, чем на женщину. По законам штата Джорджия и неписаным правилам приличия, расторгнуть помолвку могла только женщина — вероятно, исходили из того предположения, что она потеряет больше, оставшись в одиночестве, чем мужчина. Женские дневники и письма полнятся записями о приятном возбуждении и радости от предстоящей свадьбы, но там также отражаются все тревоги и сомнения невест. Будущие жены четко осознавали,

что замужество — это самое важное решение в их жизни. Спустя пару дней после свадьбы, проходившей в Виргинии, Сара Андерсон писала в своем дневнике: «Соответствует ли доктор Б. идеалу мужа, каким я его представляю? Короче говоря, будет ли он любить меня так, как мне того хотелось бы? Я не ищу абсолютного счастья, но я хотела бы, чтобы муж любил меня всем сердцем <...> ...было бы глупо желать безупречного счастья, но я жду безупречной любви»⁴⁵. Любовь была ключевым элементом брака как для Сары Андерсон, так и для многих викторианских женщин.

К важным составляющим помолвки относилось лоскутное одеяло, сшитое подругами невесты. К середине XIX века этот обычай распространился по всей территории США и превратился в ритуал и настоящее искусство. Сначала подруги вместе определяли внешний вид готового изделия — его размер и цветовую гамму. Затем каждая готовила свой фрагмент будущего одеяла и писала или вышивала на нем свое имя. Сшитые вместе, фрагменты образовывали верхнюю, лоскутную часть одеяла, которую затем накладывали на натянутый тканевый задник, прокладывая ватой. Затем все три слоя сшивали вместе декоративным швом. Такие «свадебные одеяла» делались на века и передавались из поколения в поколение.

Свадебная церемония проходила как в церкви, так и дома; невеста была одета в белое — цвет, символизирующий невинность, — хотя позднее в ходу были платья более практичных цветов. В венке или букете невесты часто присутствовал флердоранж, а после свадьбы королевы Виктории в моду вошла свадебная фата. В конце церемонии священник целовал невесту, и это служило знаком для начала неформальной части праздника с едой, напитками, музыкой и танцами. Если семья и друзья приезжали издалека, праздновали с размахом, чтобы оправдать потраченные на дорогу усилия. Но было ли торжество скромным или шикарным, на нем обязательно подавали свадебный торт, куски которого гости должны были забрать

домой. Выйдя замуж, женщина должна была сменить белое платье невесты и яркие девичьи наряды на одежду более сдержанных оттенков. Матери надевали кружевной чепчик. А вдовам полагалось носить специальный вдовый чепец и траурное черное платье по меньшей мере год после смерти мужа.

Обязанности замужней женщины сильно зависели от ее класса, здоровья и того, где она жила. Хозяйки плантаций в Мэриленде, Виргинии, Джорджии, Северной и Южной Каролине следили за владениями, в которые входили десятки и сотни рабов. Хозяйка фермы в Кентукки и Теннесси чаще всего располагала семью-восемью рабами. В сельской местности мелкие рабовладельцы могли наравне со своими рабами трудиться в поле, а в семьях, которые были слишком бедны для того, чтобы иметь раба, жена помогала мужу по хозяйству. Она также готовила еду, изготавливала хлопковую ткань, шила одежду и носила воду из ближайшего источника.

На плантациях чернокожие и белые женщины жили вблизи друг от друга, хотя разница в условиях жизни была колоссальной. Хозяйка (как правило, жена плантатора либо вдова и очень редко — незамужняя дама) контролировала все, что происходит на плантации. В ее обязанности входило следить за тем, что едят в усадьбе, что носят члены семьи и рабы, она должна была развлекать гостей, которые часто оставались с ночевкой или проводили на плантации несколько дней, и ухаживать за больными. Она, словно главный врач, должна была следить за здоровьем членов семьи и рабов, за роженицами и умирающими. Некоторые хозяйки учили детей-рабов основам грамоты и религии, хотя во всех южных штатах закон запрещал учить рабов чтению. В свое свободное время она могла взяться за шитье или сесть за пианино, но такие минуты наверняка были по-настоящему редки. Какой бы хрупкой и благовоспитанной ни была в теории южанка, на практике она должна была проявить твердость и выносливость. Многим

тяжело давался резкий переход от беззаботной юности ко взрослой жизни, полной обязанностей. В их воспоминаниях можно часто встретить записи о том, насколько шокировала их новая жизнь. Уверенная молодая 17-летняя невеста, которая перед свадьбой решительно была настроена вынести все новые обязанности, которые на нее наложит положение хозяйки дома, была ошеломлена «столкновением с действительностью». Жена плантатора из Южной Каролины в слезах говорила ему, что не знала, как управлять таким количеством рабов. Застенчивой 16-летней девушке понадобилось два года, чтобы наладить управление своей прислугой⁴⁶.

Марли Вайнер в книге, посвященной женщинам на плантациях в Южной Каролине 1830–1880-х, а также Юджин Д. Джезовезе в работе о южных штатах до Гражданской войны описывают сложные отношения, которые существовали между женами плантаторов и домашними рабынями⁴⁷. Чернокожие и белые женщины нуждались не только в помощи друг друга по хозяйству, но и в эмоциональной поддержке. Они доверяли друг другу свои переживания и секреты и установили систему женской взаимовыручки в мире, управляемом мужчинами. Часто функция управления домашними рабами перекладывалась с хозяйки на чернокожую кормилицу: та могла следить за готовкой, уборкой, пошивом одежды и кормлением белых младенцев. Тем не менее многие хозяйки работали плечом к плечу с рабами.

Одной из самых масштабных операций такого рода была заготовка одежды для всего населения плантации, в которой участвовали как сама хозяйка, так и рабыни. Новую одежду шили два раза в год, весной и осенью, и это занятие могло растянуться на пару месяцев. Хозяйка кроила, а рабыни шили. Окончив работу, женщины раздавали одежду и устраивали праздник. В письме мужу, находящемуся в отъезде, Софья Уолтер описывает торжества на плантации в Алабаме: «Чтобы не отвлекать негров от работы, мы подождали, пока

они соберутся на ужин, и начали раздавать одежду — сперва мужчинам, затем женщинам и наконец детям. Все выглядели хорошо и были совершенно довольны своими обновками»⁴⁸.

Но не все рабы были «совершенно довольны». Гарриет Джейкобс, изложившая историю своей жизни в книге «Случаи из жизни девушки-рабыни, написанные ею самой» (1861), вспоминала то раздражение, которое она питала к жене своего хозяина доктора Флинта: «Ее мне следовало винить в убогости своего гардероба. Я живо помню ту грубую шерстяную ткань, из которой были сшиты мои зимние платья. Как я это ненавидела! Платье было для меня одним из знаков рабства...»⁴⁹

Иногда, в случае отъезда, болезни или смерти мужа, бразды правления брала в свои руки хозяйка. Переписка Софии Уотсон с мужем, Генри Уотсоном, который вынужден был уехать на девять месяцев, чтобы разобраться с имущественными делами отца, дает хорошее представление о том, как управлялась плантация. Из писем Софии ясно, что поначалу она не чувствовала себя уверенной при общении с рабами, однако уже через три месяца она писала: «Безусловно, я ожидала худшего, когда ты уезжал»⁵⁰.

Для иных хозяек отдать приказ не составляло труда, а некоторые даже прибегали к телесным наказаниям, не перекладывая эту обязанность на мужей или надзирателей. Освобожденный раб из Техаса вспоминал, что в порке соблюдалось четкое гендерное разделение: «Хозяин бил мужчин, а хозяйка — женщин. Бывало, она секла их крапивой. Удар-то мягче, но зудит и жгет страсть как»⁵¹. Другая освободившаяся рабыня не могла забыть жестокой хозяйки, которая избивала ее плетью из воловьей кожи: «Она пошла передохнуть, а потом вернулась и давай опять меня нахлестывать»⁵². Хотя кнут чаще всего заносил мужчина, некоторые женщины тоже получали садистское удовольствие от избиения прислуги.

Одним из самых тяжелых испытаний в жизни жены плантатора были беременности, которые шли одна за другой.

Не имея надежных способов контрацепции, жены попросту боялись вновь беременеть, выносив шестерых, восьмерых, а то и десятерых детей. Глава семейства из города Клей, Алабама, возвратившийся домой и узнавший, что жена беременна одиннадцатым, вместе с ней испытал чувства «скорби и сожаления». Генерал армии южан в письме жене с фронта называл беременность «девятью месяцами боли и недомогания» и позднее, когда та поняла, что беременна, сочувствовал ей: «Я, правда, полагал, что ты уже вышла из этого возраста, но, дорогая, на то должна быть воля Бога, и не нам сомневаться в ней». Жена плантатора из Северной Каролины в 1867 году жаловалась мужу: «Уиллис, месячные пока не пришли...» — на что получила довольно холодный ответ: «На то, что это твой последний ребенок, мне и не приходилось надеяться, ты слишком молода и здорова, чтобы не забеременеть снова. Так решил Господь, и мы должны подчиниться Его воле». Подчиниться Божьей воле — таков был универсальный ответ на все тяготы жизни, к которому прибегали и тогда, когда изобилие детей начинало приносить жене «трудности и огорчения»⁵³.

В южных штатах рождаемость шла на спад гораздо медленнее, чем в северо-западных и западных штатах. К концу XIX века практически вдвое уменьшилась рождаемость в белых американских семьях. Согласно данным статистики, в 1800 году на каждую мать приходилось 7,04 ребенка, а в 1900-м — 3,56 ребенка⁵⁴. Произошло это не вследствие естественных причин, а, вероятно, благодаря сознательному желанию женщин, практиковавших воздержание, отказ от секса с мужчинами, аборт и контрацепцию (см. главу 8). Историки расходятся в своей оценке того, насколько такие средства и практики были популярны среди южанок до Гражданской войны. Некоторые отрицают, что женщины Юга ограничивали свою фертильность, другие, напротив, утверждают, что они стремились к этому. Еще один фактор, который мог увеличить фертильность южанок, — то, что они пользовались

услугами рабынь-кормилиц. Отказываясь кормить грудью, белые женщины лишались предусмотренной природой естественной контрацепции — лактационной аменореи. Для матерей-рабынь статистика будет выглядеть иначе: в начале века рождаемость среди них была немного ниже, в среднем 6 детей на мать, но к концу века она не показывает такого резкого падения. На это повлияло множество факторов, в том числе снижение возраста сексуальной активности и поощрение со стороны хозяев, которые были заинтересованы в размножении своих рабов (см. ниже).

Несмотря на то что во многом они могли полагаться на рабынь-кормилиц, южанки несли ответственность за благополучие своих сыновей и дочерей. Действительно, общество и семья неустанно напоминали им, что они должны взрастить граждан, достойных не только своей нации или штата, но также прекрасного Юга — чудесного края, населенного красивыми женщинами, храбрыми мужчинами и благодарными рабами. Эта пасторальная картинка истинно христианского благополучия резко контрастирует с воспоминаниями реальных свидетелей, путешественников с Севера и из-за границы, а также тех, кто сам был в рабстве.

Рабыни выполняли на плантациях самую разную работу. Те, кого отправляли в поле, пахали и рыхлили землю, собирали хлопок и даже рубили дрова. Домашние рабыни готовили, шили, занимались стиркой и сушкой, кормили младенцев и следили за детьми постарше, а также выполняли то, что прикажет хозяин или хозяйка. Еще они делали мыло и красители, плели корзины и ходили по поручениям. На то, чтобы заботиться о собственных мужьях и детях, времени и сил почти не оставалось, однако им приходилось выкраивать время и для того, чтобы обустроить собственное хозяйство. Некоторые хозяева давали своим рабам выходной по субботам для того, чтобы они могли навести порядок в своем жилище

и постирать одежду. Но так везло не всем, например, один освобожденный раб вспоминал: «Моя мама стирала белье ночью в субботу, чтобы мы могли ходить в чистом в воскресенье»⁵⁵.

Рабыни могли становиться женами, но в очень специфическом смысле. По закону они не могли состоять в браке, поскольку считались собственностью владельца, но на деле они часто жили как с мужем с тем мужчиной, которого выбирали сами или которого выбирал для них хозяин. Все зависело от воли хозяина, но многие воспринимали рабов как скот, разведением которого нужно заниматься. Бывший раб из Алабамы рассказывал: «Папа и мама не были в браке, тогда было иначе, белые просто сводили мужчину и женщину вместе, как лошадей или коров»⁵⁶. Сара Форд, бывшая в рабстве в Техасе, вспоминала рассказ своей матери о хозяевах, которые «случали мужчину и детородную женщину как мулов. Нравится, не нравится, им это было все равно, женщине лучше было подчиниться, иначе изобьют»⁵⁷. То же рассказывала Бетти Пауэрс из Техаса: «Хозяин говорил, Джим и Нэнси будут жить вместе, и лучше его приказ исполнить. На плантации до женских чувств никому дела нет»⁵⁸.

Роуз Уильямс вспоминала, как ее принудили сожительствовать с рабом по имени Руфус:

...Хозяин подошел и сказал: «Ты будешь жить с Руфусом вон в той хижине. Иди подготовь ее для жизни». А мне всего шестнадцать, я неумеха, дитя неразумное. Я решила, что он мне велел приготовить хижину, чтобы там жил Руфус и другие...

А мне этот Руфус не нравится, он грубиян. Он крупный и поэтому решил, что все должны ему подчиняться. Мы поели, я пошла туда-сюда, начала собираться ко сну и легла в койку. Не успела оглянуться, как и он ложится рядом. Я ему: «Ты чего, дурачье?» А он мне велит заткнуться, говорит: «Это и моя койка тоже».

«Да ты с глузду съехал. Убирайся», — говорю да как пну его ногой так, что он с кровати на пол упал. Он вскочил, рассвирепел.

Как медведь дикий. Только он к койке, как я за кочергой. Здоровенная... как он ко мне потянулся, так я его по голове и огрела. Остановился он тогда? Да, это точно...

...Наутро иду к хозяйке, рассказываю ей, что Руфус хотел со мной сделать, а та говорит, что это приказ. Ты, говорит, крепкая девка, а он крепкий мужчина. Хозяин хочет, чтоб вы родили крепких детишек.

Я вспомнила, что хозяин меня купил вместе с семьей и спас от разлуки с родными, и представила, как меня будут бить кнутом. Ну и вот, что мне оставалось делать? Я решила подчиниться и сделать, как велит хозяин⁵⁹.

На «Старом Юге» владелец мог создавать и разрушать браки между рабами. Он мог решать, будут ли рабы выбирать себе сожителей сами или он будет определять, кому жить вместе. Но и хозяйка могла распоряжаться жизнями домашних рабов и вмешиваться в их романтические отношения. Рабыню могли отчитать за то, что она встречается не с тем мужчиной. Одна бывшая рабыня, например, вспоминала слова своей хозяйки: «Кто этот парень? Что ты с ним якшаешься? Чтобы я тебя с этой обезьяной больше не видела. Если не можешь сделать выбор получше, я рещу за тебя»⁶⁰.

Но были и менее деспотичные хозяйки. Девяностолетняя освобожденная рабыня вспоминала так: «Белые дамы нас спросили, что нам говорят, когда ухаживают. Мы отвечаем, что просто смеемся и болтаем. Ну а парни просят ли поцеловать и зовут ли замуж, спрашивают, а мы им: „Нет, мэм“ Они говорят: „Да вы совсем не умеете кокетничать“ — и научили нас»⁶¹.

«Ухаживания» были знакомы только тем рабам, чьи хозяйки и хозяева относились к ним как к людям, а не как к скоту. Например, Мэнди Эднот, бывшей рабыне из Техаса, повезло, поскольку ее владельцами была бездетная пара, которая вырастила ее как собственную дочь. Она вспоминала: «Когда

мне было 16, у меня появился ухажер. Миссис позволила ему навещать меня прямо в усадьбе. Каждое воскресенье он проходил две мили, чтобы проводить нас в церковь. Потом мы все вместе ужинали». А когда Мэнди решила выйти замуж, ее хозяйка собрала ей в приданое простыни и набор посуды⁶².

Хотя брак между рабами официально не признавался, рабы играли свои свадьбы, где распорядителем церемонии выступал их хозяин. Так, один плантатор из Миссисипи в дневнике рассказывает, как женил сразу семь пар рабов. Он попросил каждого публично выразить свое согласие на вступление в брак и взять на себя исполнение всех обязанностей, которые налагает новый статус. Затем он объявил: «Теперь, когда все улажено, я с полным правом могу провозгласить каждую из этих пар супругами». И распорядился: «Теперь, как велит обычай наших предков, женихи должны поцеловать невест»⁶³.

Как отметил историк Карл Деглер, хотя в основе церемонии и лежал христианский обряд, хозяин не обращался к Богу, чтобы тот благословил союз, и не наставлял супругов, чтобы они хранили друг другу верность. Клятва верности не имела смысла, когда брак можно было разрушить, продав жену или мужа⁶⁴.

Вирджиния Белл, бывшая рабыня из Луизианы, так описывала свадьбу на своей плантации: «Когда кто-то из рабов хотел жениться, хозяин Льюис приглашал их в дом после ужина, приказывал им взяться за руки и читал им вслух из какой-то книги. Наверное, это было Писание. Потом он им говорил, что они женаты, но чтоб завтра с утра не смели от работы отлынивать»⁶⁵. Другой бывший раб из Луизианы рассказывал о чем-то подобном, разве что его хозяин был немного добрее к молодоженам: «Когда чернокожие решали пожениться, хозяин сам их женил в усадьбе. Он делал это в субботу, чтобы в воскресенье они могли взять выходной»⁶⁶.

Нередко случалось и так, что церемонию проводил священник, в усадьбе или в церкви. Бывшая рабыня из Техаса

Нэнси Кинг вспоминала, что ее во время войны венчал белый священник: «Старая хозяйка дала мне ткань и краску для свадебного платья, моя мать покрасила и подготовила ткань, а я сшила платье. Хотя выглядело оно грубо, но по тем временам роскошно. После свадьбы хозяин устроил большой ужин, и мы повеселились»⁶⁷.

Другая бывшая рабыня из Техаса с гордостью рассказывала о своем свадебном обряде и о муже, за которого она пошла по своей воле: «Моего мужа звали Дэвид Хендерсон, мы жили на одной земле и у нас был один хозяин. Нет, сэр, хозяин Хилл нас не сводил. Думаю, это была Божья воля. Мы полюбили друг друга, и Дэвид попросил моей руки у хозяйина Хилла. Свадьбу сыграли дома, нас женил баптистский священник. Я была в белом хлопковом платье, миссис Хилл подарила мне банку муки. Нам выделили свой дом. Мой муж был добр ко мне. Он был заботливый мужчина и не буянил»⁶⁸.

В целом свадебная церемония рабов повторяла обряд, который был распространен среди их хозяев: невеста так же надевала белое платье, так же читали вслух Священное Писание, — однако была и одна специфическая традиция, которая переходила из поколения в поколение: чернокожие жених и невеста переступали или перепрыгивали через метлу. Обычай перепрыгивать через метлу — аналог традиции завязывания узла — был очень широко распространен на Юге, хотя его точное происхождение не установлено. Бывшая рабыня из Луизианы Мэри Рейнольдс так вспоминала этот обряд: «Хозяева поженили нас таким же манером, как и всех рабов. Мы стояли снаружи, а они — внутри дома и держали метлу поперек дверного прохода, а мы через нее переступали. Вот и вся свадьба»⁶⁹. Бывший раб из Алабамы Като Картер иронизировал по поводу свадеб: «Рабы просто перепрыгивали через метлу и оказывались в браке. Иногда им немножко читали из Писания, чтобы они хорошенько усвоили, что они теперь муж и жена»⁷⁰.

Женившись, рабы одного хозяина обычно жили вместе в своей бревенчатой хижине или лачуге. Но если у них были разные хозяева, жить вместе было сложнее. Одна бывшая рабыня из Техаса вспоминала, что ее отец мог навещать мать только в среду и субботу вечером. Другая рассказывала, что ее муж после свадьбы должен был вернуться к своим владельцам, но ему позволили приходить к ней вечером в субботу и оставаться до воскресенья⁷¹. Некоторым мужьям позволяли навещать семью только раз в две недели, но, как вспоминала одна женщина, «он навещал нас чаще, когда только мог, приходил к нам тайком»⁷². Как и свободные люди, рабы считали, что брак накладывает определенные обязательства. Как показал автор исследования жизни рабов на плантациях в Южной Каролине Герберт Гатман, рабы могли жить в браке двадцать или больше лет, если тому не препятствовала продажа или смерть одного из супругов⁷³.

Трудно сказать, многие ли рабыни выходили замуж, уже будучи беременными или имея детей. По свидетельствам белых, девушки-рабыни вели активную половую жизнь уже в пятнадцать-шестнадцать лет — у американок XIX века это период первой менструации. Но в работе Гатмана предлагается другой взгляд на вопрос сексуальной жизни женщин-рабынь. Он разделяет беспорядочные половые связи и такую сексуальную жизнь, при которой, стоило девушке забеременеть, она выходила замуж за отца ребенка, — этого порядка придерживались многие развивающиеся аграрные сообщества. Основываясь на данных специальной Комиссии по делам вольноотпущенников за 1863 год, он пришел к выводу, что «после вступления в брак мужчины и женщины должны были хранить верность друг другу»⁷⁴. Нам неизвестно, какое количество рабов действительно придерживалось такого поведения, однако мы знаем, что и сами рабы, и их церковные авторитеты, и порой их владельцы внушали представление о том, что стоит придерживаться моногамных отношений. Бывший рабовладелец

Фрэнсис Батлер Ли вскоре после 1865 года писал, что «рабы не считали беременность незамужней девушки чем-то постыдным, но нетерпимо относились к неверности жен»⁷⁵. Мужчины также не должны были изменять, но если они ослушались этого предписания, стыдили их меньше.

Истории рабов, записанные или изложенные ими устно, указывают, что отношения между супругами от брака к браку были различны, и они менялись не только под действием внешних обстоятельств, но и вследствие изменений межличностных отношений. Были крепкие семьи и нестабильные семьи, отношения, построенные на любви и на ненависти, хорошие браки и плохие браки, браки, где супруги безразличны друг другу. Жены по-разному отзывались о своих мужьях, рассказывали о любви и благодарности — или о ненависти и отвращении. И у детей оставались различные воспоминания об их родителях, хотя позитивные чувства, особенно в отношении матерей, преобладали. Зачастую дети просто не знали своих отцов; рассказывая о своей жизни, они часто говорили: «Я ничего не знаю о папе», — поскольку отца продали, когда ребенок был еще очень мал. Когда же отец присутствовал в жизни ребенка, он был главой семьи и требовал повиновения от жены и детей, как это было и в семьях белых.

Рассказывая о своей жизни, рабы в целом чаще упоминали матерей, что не удивительно. Для большинства рабов, как и для их хозяев, именно мать была главным родителем, и семья строилась вокруг нее. По крайней мере в Виргинии, а можно предположить, что и в других штатах также в переписи рабов, составляемой рабовладельцем, ребенка определяли по имени матери и очень редко добавляли имя отца⁷⁶. Конечно, в первые годы своей жизни ребенок не мог обойтись без матери: все матери кормили грудью, даже если им приходилось совмещать кормление своего младенца и младенца хозяйки. Одна такая кормилица вспоминала: «Иногда у одной груди я держала белого, а у другой — чернокожего младенца»⁷⁷

Но лишь от прихоти хозяина зависело, оставлять ли кормящей матери время для того, чтобы регулярно ухаживать еще и за собственным младенцем. Одна рабыня, которую отправили работать в поле, с тоской вспоминала: «Мой младенец плакал во дворе»⁷⁸. Многим везло больше — как, например, Шарлотте Беверли из Техаса. В ее рассказах фигурирует добрая хозяйка, у которой не было своих детей и которая следила за тем, чтобы все младенцы ее рабынь получали должный уход в специальных яслях: «По временам там бывало пятьдесят колыбелей с крошечными чернокожими младенцами, а миссис присматривала за ними. Она сама укладывала их и меняла пеленки... Утром и после полудня я трубила в рог, извещая матерей, что им нужно оставить дела в поле и покормить младенцев»⁷⁹.

Замужние или незамужние, с детьми или без, рабыни часто становились объектом сексуальных домогательств со стороны хозяина и надзирателей. Об этом прямо говорит Бетти Пауэрс из Техаса: «Надзиратели и белые мужчины получали от женщин все что хотели. А женщина и пикнуть не смей, а то выпорют»⁸⁰. Анна Кларк, бывшая рабыня из Миссисипи, рассказывала, не вдаваясь в подробности: «У моей матери было двое белых детей от хозяина, их продали как рабов»⁸¹. Тетушка Томас Джонс, которой было всего два года, когда ее мать освободили из рабства, в детстве частенько слушала рассказы про бывшего хозяина матери. У майора Одома не было жены, и он «жил с черной женщиной, ее звали тетка Филис, и имел от нее нескольких детей». О майоре говорили, что он хорошо относится к своим рабам, и не только к своим пяти «практически белым» сыновьям от тетки Филис, но и к «черному» ребенку, который был у нее от другого мужчины. «Когда она была пьяна или зла, она говорила, что черный ребенок для нее пригожей, чем все остальные»⁸².

Рабыни, которые смели оказать сопротивление своему хозяину, могли навлечь на себя беду похуже изнасилования.

Такую историю рассказывала Фанни Берри, бывшая рабыня из Виргинии, о другой рабыне по имени Сьюки. «Старый хозяин обхаживал Сьюки и лип к ней». Однажды, когда она варила хозяйственное мыло, он пошел в наступление. «Сьюки оттолкнула его, да так, что он сел в котел с раскаленным мылом. Мыло почти уже вскипело, и он чуть насмерть не сварился... Больше рабынь хозяин не домогался». Но через пару дней Сьюки выставили на продажу⁸³.

Если рабыня отваживалась пожаловаться хозяйке, последняя могла заступиться за нее перед обидчиком, но многие просто не смели перечить своим мужьям и были слишком запуганы, чтобы защищать девушку, подвергавшуюся оскорблениям. Бывшая рабыня Вирджиния Хейз Шепард сообщила, что когда рабыня по имени Диана попросила у хозяйки защиты от хозяина, желавшего ее изнасиловать, та посочувствовала девушке, но боялась перечить мужу, поскольку тот побивал ее и «таскал за волосы»⁸⁴.

Гарриет Джейкобс в подростковом возрасте так домогался ее хозяин доктор Флинт, что миссис Флинт прослышала об этом и позвала девушку к себе в комнату для разговора. Заставив рабыню поклясться на Библии, миссис Флинтскомандовала: «Теперь садись на тот стул, смотри мне прямо в глаза и расскажи, что происходит между тобой и твоим хозяином». Когда Гарриет рассказала о том, как хозяин неустанно пытался ее соблазнить, на глазах у хозяйки выступили слезы. «Она поняла, что ее брачная клятва была осквернена, ее достоинство уязвлено, но она не испытывала никакой жалости к жертве домогательств мужа»⁸⁵. Несмотря на то что миссис Флинт обещала защитить девушку, вскоре она ополчилась на нее вместе с мужем.

Самым страшным кошмаром для рабыни было, если ее мужа или детей продавали отдельно и семья разрушалась. Одна бывшая рабыня из Мэриленда пришла в ужас, когда ее сравнительно мягкий хозяин решил показать ей, «как

жестокие хозяева разлучают отцов и мужей с их матерями, женами и детьми. Он подвел нас к высокой платформе, на которую белый мужчина вывел раба и начал приглашать делать ставки. Вид у раба беспомощный, и когда кто-то покупает его, вся семья начинает причитать и рыдать»⁸⁶. Другой раб вспоминал, как разлучили его родителей: «Однажды утром нас всех собрали, и мама в слезах рассказала, что мы идем в Техас, но папу взять не можем. Его не купили. Больше мы папу не видели»⁸⁷.

Фанни Кембл, английская актриса, которая стала женой весьма состоятельного плантатора, очень трогательно описала попытку уберечь от распада одну семью рабов. Зимой 1838–1839 годов она приехала на Юг вместе с мужем, Пирсом Мизом Батлером из Филадельфии, которому принадлежали большие рабовладельческие хозяйства на двух островах Джорджии, и двумя маленькими дочками. На протяжении всей поездки, которая продлилась четыре месяца, она вела дневник, который в 1863 году был опубликован. Вот одна из содержащихся в нем сцен:

В помощь мне и в няньки детям была отряжена <...> девушка по имени Психея. <...> Ей, вероятно, было немного за двадцать, сложена отменно, обходительная и внимательная, и если бы не цвет ее кожи (темная мулатка), она была бы красавицей. <...> У нее двое прелестных детишек, которым я дала бы от силы шесть лет <...> Эта бедняжка — жена одного из рабов мистера Батлера, приятного, умного и деятельного молодого человека⁸⁸.

Как оказалось, Психея и ее муж принадлежали двум разным хозяевам: Джо принадлежал мистеру Батлеру, а Психея и ее дети — надзирателю. Фанни Кембл с ужасом узнала, что ее муж «отдал раба Джо» в качестве подарка уволившемуся администратору, который уезжал в Алабаму. Неудивительно, что Джо был на грани помешательства: «Из его речи, прерываемой

рыданиями, едва можно было понять, что он давал пламенные обещания никогда не покидать родную плантацию, ни за что не ехать в Алабаму и не оставлять своих бедных стариков и жену с детьми».

Фанни просила своего мужа «не брать грех на душу и не совершать такую жестокость». И хотя казалось, что он не внимал ее горячим, убедительным мольбам (а ведь она была знаменитой актрисой!), история закончилась довольно благополучно: Джо не пришлось ехать в Алабаму, а мистер Батлер выкупил Психею и ее детей у надзирателя, и семья сохранилась. Но Фанни Кембл осознавала, что концовка могла бы быть иной «на плантации, где нет безумной британки, готовой разразиться мольбами, воплями и причитаниями, и где хозяин не привык прислушиваться к чужим просьбам».

Однако супругам, которым удалось спасти брак двух рабов, не удалось сохранить свою собственную семью: спустя десять лет после описываемой истории Фанни Кембл и Пирс Батлер разошлись с громким скандалом. Они не сошлись во взглядах не только на институт рабства, но и на институт брака. Мистер Батлер утверждал, что семья распалась по причине «взглядов, которые исповедовала миссис Батлер, считавшая, что <...> брак должен быть союзом двух равных личностей». В подтверждение своих слов он обнаружил одно из писем жены, в котором та не соглашалась беспрекословно во всем слушаться мужа. Мистер Батлер считал равенство супругов заблуждением, что было свойственно жителям южных штатов этого периода⁸⁹. Когда в 1849 году пара развелась, опеку над детьми в соответствии с нормами англо-американского права получил муж.

Пример Фанни Кембл позволяет судить о примитивном понимании брака на Юге. Это история о том, как попытка пойти против системы стоила женщине детей и мужа: О том, как переплетены судьбы белых женщин и их рабынь. И о том, как брак превращается в битву между супругами,

придерживающимися разных убеждений, — сегодня такое тоже случается нередко.

Сколько браков в Викторианскую эпоху разрушилось в результате таких непримиримых противоречий? Даже сегодня, когда многие пары уже не стесняются выносить сор из избы, трудно измерить уровень несогласия между супругами. В своей классической книге «Южанка» Анна Фирор Скотт перечисляет основные причины для недовольства у женщин, среди которых — частые роды, груз домашних обязанностей, к которым относится и необходимость надзирать за рабами⁹⁰.

Некоторые южанки дерзнули даже покуситься на институт рабства. В феврале 1839 года Savannah Telegraph опубликовал петицию, обращенную к законодательным органам штата Джорджия. Подписанная 319 женщинами, она призвала отменить рабство по всей территории штата. Законодатели Джорджии назвали документ «недопустимым вмешательством в вопросы, которые подобает обсуждать отцам, мужьям и братьям этих дам» и рекомендовали женщинам «лучше послужить своему обществу, обратив все свои силы на поддержание очага, и перекраивать не законы, а одежду своих мужей и детей»⁹¹.

И в обществе, и в семейном кругу южанки были лишены права высказывать свое мнение, и степень патриархальности общества покажется нам теперь едва ли терпимой. Но было бы ошибкой думать, что брак был для женщин исключительно источником несчастья. В дневниковых записях, письмах и воспоминаниях, которые приводит Скотт, довольно часто можно найти свидетельства о счастливом браке. Фэнни Мур Вебб Бампас сделала у себя в дневнике такую запись от 9 марта 1842 года: «Как удобно! Как замечательно иметь спутника, товарища в радости и печали, на которого всегда можно положиться». Сюзан Корнуэлл Шумейк писала 1 марта 1842 года: «Завтра исполнится тринадцать лет с того момента, как я замужем. Как незаметно бежит время, и как счастливо

пролетели эти годы». Жена плантатора из Джорджии была благодарна за долгое замужество: «Благослови Господь моего прекрасного мужа и позволь нам быть вместе так долго, как только возможно <...> Мы старимся, но с годами наша любовь лишь растет. Мы делим радости и невзгоды уже двадцать три года»⁹². Конечно, теперь, как и тогда, семейное счастье зависело от отношений между супругами.

В рассказах рабов от первого лица, как правило устных, также встречаются упоминания о долголетнем супружестве. И хотя язык их более груб, среди них попадаются по-настоящему впечатляющие истории. Так, например, Минерва Венди из Алабамы рассказывала о мужчине, за которым была замужем 59 лет: «Мы поженились в июне, 59 лет назад. Старый белый священник Блекшир сказал, что мы с Эдгаром Бенди [Венди] теперь вместе, и с тех пор мы неразлучны»⁹³

Грубо говоря, в период до Гражданской войны белую замужнюю южанку от северянки отличало большее число детей, возможность использовать труд рабов, а также «южное гостеприимство», которое превратилось в культурное клише. И все же, помимо различий, у Юга и Севера было немало общего. На обе эти территории распространялось британское право, предписывавшее жене повиноваться мужу. И там и там большинство людей исповедовали христианство, а белые англосаксонские протестанты и там и там свысока смотрели на недавних иммигрантов из Ирландии и других католических стран. Состоятельные южанки посещали курорты на севере страны, такие как Саратога-Спрингз, и заводили друзей среди северянок, а иногда даже выходили замуж за их сыновей и братьев. Связи между семьями с Севера и семьями с Юга были прочными, пока их не разорвала Гражданская война.

Многие пары как на Севере, так и на Юге жили в уже сформировавшихся сообществах: в крупных или развивающихся городах, в маленьких деревенских общинах, между которыми существовало транспортное и почтовое сообщение. Но по

мере того, как американцы продвигались на запад, они сталкивались с более суровыми условиями, которые становились настоящим испытанием для человека, а от женщины требовали таких качеств, которые жительницам востока страны не были ни знакомы, ни близки. Хрупкой, изнеженной женщине было просто не выжить на ферме в Индиане или, того хуже, на Орегонском маршруте. Физическая выносливость, твердость духа, отвага, изобретательность и даже независимость в некоторой мере требовались от женщин-первопроходцев.

Глава шестая. ЖЕНЩИНЫ ФРОНТИРА В ВИКТОРИАНСКУЮ ЭПОХУ

История первопроходцев, населивших американский Средний и Дикий Запад, чрезвычайно мифологизирована; те, кто сумел уцелеть, приправляют свои рассказы порядочной долей вымысла, так что порой исторические факты сложно отличить от фольклора. Больше всего информации о жизни замужних женщин мы можем почерпнуть из личных дневников, путевых заметок, писем и воспоминаний — тех разнообразных рукописных документов, которые сохранились в архивах по всей стране и лишь недавно начали привлекать внимание исследователей¹.

Интересно, что во многих аспектах жизнь покорительниц Запада напоминала жизнь первых иммигранток — к примеру, в том, что касалось соотношения мужчин и женщин. Мужчины из восточных штатов, Канады и Европы числом превосходили женщин, и им очень не доставало женского общества. Они привозили своих жен и возлюбленных и энергично приглашали незамужних женщин, которым хватило бы смелости на такую авантюру.

Юноша, в семнадцать лет покинувший Швейцарию ради того, чтобы наладить ферму в Миннесоте, спустя несколько лет отправил на родину письмо с просьбой как можно скорее прислать ему жену. Ей следовало быть выносливой и знать, как ухаживать за коровами, свиньями и курами, следить за бревенчатым домом, который он построил, пока он сам будет занят «мужской работой». Еще два года он переписывался

с женщиной, которую выбрали ему его родители, и впервые встретился с невестой в Сент-Поле 4 июня 1858 года. Девушке пришлось преодолеть путь длиной в пять тысяч миль. На следующий же день они сочетались браком².

На письма одиноких покорителей Запада отвечали тысячи женщин, но немногие могли похвастать такой решимостью, как одна женщина с востока, которая в 1860 году разместила в газете города Ватерлоо, Айова, следующее объявление:

Девушка, проживающая в одном из городков в сердце штата Нью-Йорк, желает вступить в переписку с юношей с Запада с намерением впоследствии выйти за него замуж. <...> Ей 24 года, она порядочная, однако ее не назовешь красоткой; у нее добрый нрав, отменное здоровье, она неплохо образована и посвящена в таинства домашнего труда³.

Вероятно, хорошие навыки ведения домашнего хозяйства должны были компенсировать недостатки внешности.

Брошюры, призывавшие переселяться в отдаленные места на западе страны, ориентировались и на женскую аудиторию. В одной из таких брошюр отмечалось: «По законам Айовы в части владения и использования собственности не делается никаких различий между мужем и женой. В случае смерти мужа треть его недвижимости переходит жене, и она может распоряжаться ею по своему усмотрению»⁴. Брошюра была выпущена в 1870 году (тогда же, когда в Великобритании издали Акт об имуществе замужних женщин) и отразила последние изменения в законодательстве, которые уравнивали женщин и мужчин в праве на владение собственностью. Такой закон принимал штат за штатом, и брошюра очевидно обращалась к женщинам, знакомым с последними законодательными инициативами. Однако традиционное представление о том, что вдова может претендовать лишь на треть семейного имущества, еще не ушло в прошлое.

Независимо от того, в какой местности они селились, многие женщины были поражены тяжелыми условиями, в которых им предстояло жить. Вероятно, с этими жалобами одной из поселенок Иллинойса согласились бы многие ее современницы: «Когда мы прибыли на свою новую землю, в землю обетованную, мы испытали разочарование и тоску по дому, но мы уже сделали первый шаг и теперь должны были создать все возможные удобства»⁵. Переселенцам приходилось часто менять временное жилище, они жили в крытых повозках, палатках, шалашах, хижинах, землянках; на них обрушивались песчаные бури, проливные дожди, циклоны, наводнения, саранча; им приходилось существовать в грязи; на них нападали змеи, койоты, волки и медведи; они жили в постоянном страхе нападения индейцев и белых головорезов; в их краях не было церквей, школ и других признаков цивилизации — вот лишь самый короткий перечень тех невзгод, о которых рассказывали переселенки. Очень немногие были довольны своим новым жилищем. Керри Лассел Детрик вспоминала отчаяние своей матери, когда та увидела их первый дом в Канзасе: «Когда наша крытая повозка остановилась перед дверью крошечного дома, сделанного из дерна, отец помог матери спуститься, и я не забуду то выражение лица, с которым она озидала это убогое хозяйство. Затем она обвила руками его шею и разрыдалась — это был единственный раз на моей памяти, когда она дала волю отчаянию»⁶.

Почему же вообще эти женщины покидали свое привычное окружение, оставляли семью и друзей, предпочитали неизвестность стабильной и привычной жизни? Ответ очень прост — в большинстве случаев они делали это не по собственной воле. Решение о переезде принимали их мужья. Поскольку муж по закону мог определять, где будет жить его семья, жена не могла отказаться последовать за ним, особенно когда муж апеллировал к экономической выгоде.

Мэри Джейн Хейден вспоминала, как, воодушевленный новостью о золотых приисках Калифорнии, ее муж единолично

принял решение о том, что отправится туда в компании мужчин из Новой Англии. Когда она спросила, что тот собирается делать с ней и их двухмесячным младенцем, он ответил: «Будешь жить у матери до моего возвращения». Сперва повисло молчание, а потом миссис Хейден «с сердцем, обливающимся кровью» не сдержалась:

Я сказала: «Мы поженились, чтобы жить вместе <...> и я хочу следовать за тобой хоть на край света, где, как ты считаешь, тебя ждет удача. Ты, конечно, волен отправиться туда, куда мне вход закрыт, но в таком случае можешь не возвращаться, потому что для меня ты умер».

Он ответил: «Что ж, если ты так считаешь, я не поеду». Ни слова не было сказано в злобе, ведь за те два года, что мы прожили вместе, мы вообще ни разу не поссорились. Было решено, что на следующий год мы вместе отправимся на золотые прииски Калифорнии⁷.

Миссис Кэтон встретила единоличное решение мужа переехать в Канзас в 1879 году со сходными эмоциями: «Мое воображение рисовало разруху, рыскающих головорезов и гуляющий ветер. В отличие от мужа, я не могла поверить, что этот край когда-нибудь станет процветающим, но голос мужчины возобладал»⁸.

В стихотворении «По земле 1852» показывается такой пространственный спор между мужем и женой:

Ему на Запад путь лежал,
Он был не домосед,
Как раз не вызрел у нас урожай,
И денег почти что нет.
Рыдала я и падала
С мольбой к его ногам,
Но он сказал: идем все равно,
И лучше не медлить нам^{9,*}

* Пер. Л. Оборина.

Когда изнурительное путешествие завершилось и семья получала какое-никакое пристанище, начиналась борьба за существование, в которой участвовали оба супруга. Им не на кого было рассчитывать, кроме самих себя, и потому строгое разделение труда на «мужской» и «женский» было немыслимо. Жены зачастую вынуждены были участвовать в традиционно мужских видах работ, таких как посадки, сбор урожая, выпас скота, и даже в охоте, — что, вероятно, способствовало установлению более равноправных отношений между супругами. Но по большей части жены занимались домашними делами, которые мало различались в зависимости от территории: готовкой, шитьем, штопкой, стиркой и глажкой, наведением чистоты и украшением дома с учетом скудных средств. Уцененное кресло-качалка или деревянная коробочка для чая могли стать украшением интерьера. И почти всегда женщина либо кормила грудью, либо вынашивала ребенка.

Дети воспринимались как дополнительная пара рабочих рук, и потому семьи, как правило, были большие. Изучение показателей рождаемости в Миссури в описываемый период позволило исследователям утверждать, что новый ребенок появлялся в семье в среднем раз в два или три года; другое исследование показало, что стандартная фронтирная семья насчитывала десять детей, хотя по более консервативным оценкам число детей в этих семьях лишь ненамного превышало среднее значение по стране¹⁰.

У швейцарской пары, о которой мы уже писали ранее, — Теодора и Софи Бост — в 1859 году, на следующий год после свадьбы, родилась дочь. Сообщая эту новость родителям, гордый отец описал, как проходили роды в Миннесоте:

Дорогие родители, рядом с Сосо лежит сейчас наша малышка Жюли Адель, обе, Слава Богу, в добром здравии. Схватки начались в пятницу 19-го, в три часа ночи, а разрешилась она вчерашней, 20-го, в десять часов утра. Роды были тяжелые. Она была

против того, чтобы я звал доктора, и, вопреки моему желанию, роды принимала повитуха, живущая по соседству. Но в 2:30 ночи я послал за доктором, который... решил позволить природе сделать свое дело и явился только к десяти. К этому моменту стало ясно, что усилий одной природы недостаточно, и он заставил Сосо пострадать еще с полчаса, прежде чем, наконец, появилась наша Мадемуазель¹¹.

Не всем женщинам везло так же, как Софи. Вдали от Миссисипи повитуху, а тем более доктора отыскать было сложно. Роженицы не всегда могли рассчитывать на помощь другой женщины, мужа или старшей дочери. Иногда, в том случае, когда муж отлучался из дома и не было возможности позвать доктора, повитуху или соседа, женщина рожала в одиночестве — тяжелое переживание даже для самых стойких.

Женам фронта приходилось сталкиваться не только с болезнями и суровыми бытовыми условиями. В письмах и дневниках они писали об одолевавших их одиночестве, изоляции, тоске по дому, беспокойстве, отчаянии и дурных предчувствиях. Молли Дорси Сэнфорд, чью историю мы еще расскажем позже в этой главе, писала 22 октября 1860 года из Колорадо: «Мне стыдно за то, как сильно я грущу по дому. Конечно, я не говорю всего, чем я делюсь с дневником. <...> Ради Би [мужа Молли] я стараюсь не унывать, я не хочу, чтобы он думал, будто с ним я несчастна. Он не был так привязан к семье, как я, и не понимает моих чувств»¹². Сознание того, что мужу, даже любимому, нельзя доверить свои печали, должно было лишь усугублять ощущение одиночества.

Женщины скучали по оставленным семьям и испытывали острую нехватку женского общества. Они использовали любую возможность, чтобы наладить общение с другой женщиной, и нередко пускались в долгое путешествие ради того, чтобы вместе сшить стеганое одеяло, посетить свадьбу или помочь в родах. Так, одна пожилая жительница Орегона вспоминала

про существовавшую в ее молодости систему женской взаимовыручки: «Когда я была молодой, к больной женщине не вызывали сестру милосердия. К ней приходили ее соседки, они выполняли работу по дому, брали к себе переночевать ее детей, приносили ей свежесдобитый хлеб, варенье и другие вещи...»¹³. В этом покорительницы Запада были схожи с первыми колонистками.

Но было и одно важное отличие: если первые колонистки были англо-американками, то женщины, населявшие дальние западные земли, прибывали из Канады, Мексики и других частей США, из всех стран Европы, а позже, к концу века, среди них появились и китайки, и японки. В прериях селилось множество женщин из скандинавских стран, и они легче осваивались там, чем британки или южанки — вероятно потому, что скандинавки были привычны к суровым условиям. Иммигрантки из Ирландии, Шотландии, Уэльса и Германии тоже довольно быстро привыкали к новым условиям, но, конечно, все зависело от того, какой образ жизни эти женщины вели у себя на родине. Жена немецкого бюргера, вероятно, будет тосковать по былому уюту, а девушка из ирландской деревни, пошедшая в служанки и нашедшая жениха в Америке, наверное, будет рада собственному дому, как бы беден он ни был.

Женщины, населявшие Дикий Запад, принадлежали к разным нациям, говорили на разных языках, придерживались разных религиозных убеждений. Протестанты, католики, реже — евреи формировали закрытые сообщества, что позволяло женщинам говорить на своем родном языке, придерживаться старых убеждений и вести себя так, как они вели себя на родине. Представления об уходе и браке тоже зачастую оставались прежними, невзирая на более свободные американские нравы. Европейки, которых к переезду по другую сторону Атлантики вынудила бедность их родителей, которые не могли собрать им приданое, были рады положиться на помощь других представительниц иммигрантского круга,

например замужних дам, которые помогали найти достойного мужчину. Так, на Среднем Западе русские иммигранты по-прежнему заключали договорные браки, и пожилые женщины оценивали невест, «щипая их за крепкие плечи и оценивая до блеска надраенную кухню». В отличие от русских, итальянцы быстро отошли от традиции договорных браков и, подобно американцам, начали заключать браки «по любви», но все же сохраняли свою приверженность католической вере и соблюдали все запреты, которые она накладывала: не занимались сексом во время поста, по праздникам и во время беременности¹⁴.

Европейские мигранты неминуемо испытывали на себе влияние англо-американской культуры. Даже если воскресенье и субботы они проводили в своих диаспорах, детей они отправляли учиться в смешанные школы, открывавшиеся в прериях, где была только одна общая классная комната. Если не ровесницы-американки, то собственные дети учили их языку и традициям новой родины.

Но с кем европейские женщины, обживавшиеся в Америке, были знакомы меньше всего, так это с представительницами индейских племен. Жены покорителей Запада чаще встречали индейцев-мужчин: те приходили и просили еды, как правило, когда хозяин отлучался из дома. Если верить записям в дневниках, письмам, воспоминаниям и романам, индейцы почти всегда интересовались исключительно едой: приготовленным обедом, свежеспеченным хлебом или домашними заготовками. Вопреки сложившемуся стереотипу, индейцы редко были заинтересованы в снятии скальпов или в том, чтобы захватить женщину в плен (хотя есть и такие свидетельства), и женщины не боялись, что их изнасилуют¹⁵. Участницы таких инцидентов были испуганы, но тем не менее им удавалось побороть страх, накормить незваного гостя и совладать с гневом, если тот уносил драгоценную пищу. Такое поведение считалось благоразумным.

Иногда жены первопроходцев, жившие на границе с индейскими племенами, например в Северном Шайенне в Монтане, начинали проникаться симпатией к своим соседкам, хотя крепкая дружба между представительницами двух народов была невообразима. О жизни племени с точки зрения индианки мы можем узнать лишь по немногим уцелевшим историям, записанным или рассказанным самими женщинами.

Принцесса Сара Уиннемакка Хопкинс в подростковом возрасте училась в школе для белых и имела двух белых мужей (первый брак закончился разводом). Но, кажется, ни один из них не заставил ее бросить то, чему она посвятила свою жизнь, — историю племени пайютов, к которому она принадлежала. В 1883 году она написала автобиографию, в которой рассказала американцам о тех притеснениях, которые терпели пайюты от белых людей¹⁶. Сперва они под натиском приехавших иммигрантов вынуждены были перебраться из Невады в Калифорнию; позже их вытеснили в резервации, где их обирали нечистые на руку администраторы. Нынешнему униженному и жалкому положению пайютов она противопоставляла их идиллическое прошлое. А еще она подробно описывала ритуалы сватовства и свадьбы:

Девочкам разрешалось выходить замуж, только когда они достигали зрелости, и этот период считается священным <...> Девушка под присмотром двух старших подруг на двадцать пять дней селится в маленький вигвам, типи, в котором хватает места только для них троих <...> Она должна выполнить определенную работу, которая, как полагали, укрепляет ее <...> Три раза в день она собирает хворост, чтобы сделать из него пять как можно более высоких вязанок. Получается пятнадцать вязанок в день. Раз в пять дней под вечер подруги отводят ее на реку для купания. Она воздерживается от мяса все эти дни, а дальше — на протяжении пяти дней каждого месяца. По окончании двадцати пяти дней она возвращается в семью, а всю одежду отдает подругам как плату за их заботу...

Итак, всем становится известно, что еще одна женщина достигла брачного возраста, и молодые люди начинают интересоваться ею или желать заключить с нею союз. Однако сватовство это очень отличается от того, что принято у белых людей. Жених никогда не заговаривает с девушкой и не приходит к ее семье, но пытается привлечь ее внимание, показывая, как он умело держится на коне и т. п.

Такие ухаживания, при которых молодые не разговаривают друг с другом, продолжаются год или больше. Даже когда жених наконец отваживается прийти в типи, где живет семья девушки, он не заговаривает ни с ней, ни с ее бабкой, рядом с которой девушка спит. Если девушка в разговоре с бабкой подтверждает, что юноша ей нравится, с ним говорит отец девушки, он спрашивает, действительно ли тот любит его дочь, и задает тот же вопрос дочери. Он напоминает молодым об их супружеских обязанностях. «Она должна прибираться в вигвам, готовить пищу, чистить шкуры, шить мужу мокасины, причесывать его волосы, приносить хворост — в общем, выполнять всю работу по дому».

Когда пара решит жениться, «строится типи для подарков, которые стекаются отовсюду», и начинается подготовка церемонии.

Пища для свадебного угощения готовится в корзинах. Девушка сидит возле юноши и подает ему корзину с едой, которую приготовила сама. Правой рукой он сжимает запястье девушки, а левой берет корзину. Вот и вся свадебная церемония, после которой отец объявляет молодых мужем и женой. Они отправляются в свой вигвам и живут там до тех пор, пока не появится первый ребенок. По этому случаю тоже устраивают праздник. Отец и мать воздерживаются от мясного, а отец на протяжении двадцати пяти дней собирает хворост и выполняет всю женскую работу по дому <...> Молодые матери часто собираются, чтобы

обсудить, насколько их мужья внимательны и заботливы; они выясняют друг у друга, проводят ли те время с детьми и берегут ли здоровье жен.

Конечно, эти воспоминания не позволяют судить о том, как обстояло дело в других племенах, но они позволяют понять значимость ритуалов, которыми сопровождались такие важные события, как половое созревание, помолвка, брак и рождение ребенка. Кроме того, они свидетельствуют о разделении обязанностей между мужьями и женами: индейские женщины, как и простые американки, должны были выполнять «всю работу по дому» за исключением, что крайне любопытно, 25-дневной передышки сразу после родов. А если муж не следовал ритуалу, его осуждала по меньшей мере женская часть населения.

В племенах индейцев, как правило, дарение подарков было частью сватовства. Смелый юноша мог молча положить тушу оленя у входа в жилище невесты. Принимая подарок, семья одобряла и его ухаживания. Женихи дарили подарки (меха, перья и скот) всем членам семьи девушки и выплачивали «цену невесты», равнявшуюся пятидесяти лошадям и стопке одеял. Индейцы племени карук не признавали брак, которому не предшествовала подобная выплата, а в некоторых племенах Тихоокеанского побережья детей пары, образованной без церемонии ухаживания, считали незаконнорожденными¹⁷

Брачные ритуалы у индейцев различались от племени к племени. Где-то молодым позволялось жить вместе до свадьбы, где-то — нет. В некоторых племенах были приняты моногамные отношения, а в других — полигамные. В полигамном племени сиксики первую жену называли «сидящей-позади-него», она главенствовала над остальными женами. В племени меквоки младшая сестра невесты оставалась в ее новой семье и, повзрослев, становилась второй женой ее мужа. В племенах

с матриархатом женщина могла пожить с несколькими мужчинами и выбрать себе одного, с которым хотела бы быть постоянно.

Как правило, в индейских племенах супругам надлежало быть верными, а в случае измены жену подвергали телесным наказаниям или изгоняли. У апачей изменнице отрезали нос и уши. Но существовал и обычай делить жен. В племени пуэбло, например, это считалось вежливым, особенно в период религиозных обрядов.

Браки с белыми мужчинами не поощрялись, но и не были запрещены. В начале XIX века охотники и торговцы часто брали в жены индейских женщин: те исполняли обязанности переводчиц, могли остановить набеги, быстро приготовить обед, помогали в охоте, консервировали шкуры и чинили инструменты.

Хотя многие белые мужчины не утруждали себя тем, чтобы легализовать такой союз, некоторые все же прибегали к услугам протестантских или католических священников. Легендарный охотник Эндрю Гарсия женился на своей индейской невесте с участием католического священника, когда ему было двадцать три, а его невесте — девятнадцать лет¹⁸. Они спали порознь до тех пор, пока, к удивлению своих товарищей-охотников, он не надел ей на палец кольцо, пообещав быть образцовым мужем. Эти ранние смешанные браки напоминают нам о том, что американская история, с тех пор как на континент ступила нога белого человека, была историей сосуществования и смешения множества культур.

Нет в американской истории более грандиозного сюжета, чем путешествие мужчины и женщины на Дальний Запад страны сквозь прерии, равнины и горы. Ученые подсчитали, что около 350 000 первопроходцев прошли Орегонским и Калифорнийским маршрутами в период с 1841 по 1867 год¹⁹. Орегонский путь также называют «семейным путем», поскольку его выбирали

замужние пары с детьми. Холостые мужчины предпочитали путешествовать по южному маршруту в Калифорнию, влекомые духом авантюризма и ожиданиями золотых гор.

В Орегон!

В 1838 году в Орегон с миссионерскими целями отправились первые четыре семьи. В их числе были Елкана Уокер и Мэри Ричардсон Уокер. Письма и дневники, которые писала Мэри, соединяются в увлекательную историю²⁰. Во-первых, брак Елканы и Мэри был организован Советом миссии после того, как ее просьба разрешить ей отправиться в миссионерское путешествие самостоятельно была отклонена. К своим пятнадцати она уже имела за плечами три года учебы в Уэслейской семинарии в штате Мэн, но незамужних девушек не отправляли в заграничные миссии, и она могла добиться желаемого, лишь став женой миссионера. Мэри рассматривала несколько предложений (и был тот, кто нравился ей больше прочих, но ей пришлось его отвергнуть, потому что он был «безбожником»), но вскоре остановилась на Елкане Уокере, стеснительном, высоком, неловком семинаристе. Ей легко удалось с ним договориться, и после того, как он окончил учебу, они поженились и, покинув родной Мэн, отправились в Миссури, а оттуда — через земли индейцев в Орегон. Для того чтобы они могли путешествовать по чужой территории, в Военном министерстве им выдали паспорта.

В Миссури к их свадебному путешествию присоединились еще три пары, и их караван насчитывал двадцать пять лошадей и мулов. Из провизии у них были мука, рис, сахар, перец и соль, которыми они должны были питаться, пока не доберутся до края буйволов, где смогут есть их мясо. К тому времени, как они достигли этого пункта путешествия, Мэри была измотана и разочарована. Вот одна из записей в ее дневнике: «Мне хотелось бы написать так много. Но я очень устала.

У нас две палатки размером восемь на двенадцать футов. Семьи отделены друг от друга занавеской <...> Чета Смит храпит так, что их слышно на всю палатку. Мистер Уокер лежит рядом и говорит, что я уже достаточно написала».

К абсолютной усталости и нехватке личного пространства прибавлялся сложный характер мужа. Мэри жаловалась в дневнике: «Мне бы было гораздо лучше, если бы мистер У. проявлял хоть толику нежности. Ему так сложно угодить, что я почти бросила и пытаться. Если я сучусь, он говорит, что мне не хватает рассудительности. Если я спокойна, он говорит, что мне не хватает живости. Я продолжаю попытки понравиться ему, но иногда мне кажется, что они бессмысленны». Вскоре после этого она «долго рыдала», и это, кажется, произвело на Елкану впечатление, поскольку Мэри отмечала, что весь день он был очень обходителен.

Во все время путешествия длиной в три тысячи миль, растянувшегося на шесть месяцев, Мэри испытывала телесные и душевные муки, которые, вероятно, были отчасти связаны с беременностью, хотя, как истинная осмотрительная викторианка, она умолчала об этом даже в дневнике. Через несколько месяцев после того, как караван прибыл в Орегон, она родила первого из своих семерых сыновей и, как и всякая мать, испытывала по этому поводу незамутненное счастье. В своем описании родов она раскрывает полную палитру чувств: страх, боль, стойкость, облегчение и радость:

«Около десяти боль стала достаточно сильной. Я чувствовала себя потерянной, практически жалела, что вообще вышла замуж. Но отступить было некуда. Я должна была через это пройти. К одиннадцати я начала чувствовать еще большее отвращение. <...> Но как только я подумала, что, наверное, худшее еще впереди, я услышала крик своего младенца и возглас: „Сын!“ Радость материнства затмила все мои прежние горести. Тем вечером сердце моего мужа смягчилось, и он осыпал меня и сына поцелуями».

Мэри Ричардсон Уокер была женой миссионера и помогала ему распространять слово Божье в индейских племенах от сиу в Дакоте до не-персе на северо-западе и виннебаго и кикапу на Дальнем Западе. Пресвитерианская церковь в период с 1838 по 1869 год отправила в земли, населенные индейцами, 270 миссионеров, и только один из них был холостяком. Церковь настаивала на том, чтобы миссионер был женат, поэтому отсутствие жены для того, кто желал стать священнослужителем, было недостатком. Один миссионер из Орегона жаловался, когда ему отказали в приходе на Аляске: «Уже в третий раз я упускаю хорошую должность лишь потому, что у меня нет жены»²¹.

История жизни Мэри Ричардсон Уокер стала широко известна лишь благодаря тому, что она была женой одного из первых христианских миссионеров на северо-западе. Но женщин, имена которых забыты, не оставивших после себя никакого свидетельства (либо лишь незначительные и разрозненные свидетельства), было очень и очень много. Такова была и Киттура (Кит) Пентон Белнап, крестьянка со Среднего Запада, которая вместе с семьей отправилась в Орегон и оставила несколько страниц дневниковых записей. Прежде чем покинуть Айову, они с мужем Джорджем нажили четверых детей и трех из них потеряли. Их выжившему сыну был один год в октябре 1847 года, когда Кит писала: «У нас остался лишь один сынок. И те немногие силы, что у меня сохранились, я потрачу на то, чтобы подготовиться к переходу через Скалистые горы»²².

К путешествию Кит должна была сшить «четыре муслиновые рубашки для Джорджа и два комбинезона для мальчика Джесси», а также «льняной навес для повозки и несколько мешков». В том, что женщина шьет рубашки для мужа, детскую одежду и мешки для еды, нет ничего удивительного, но то, что она управляет с навесом для фургона, заставляет задуматься! Из скупого описания становится ясно, что муж

находился в это время рядом: «Верчусь круглыми вечерами, пока муж читает мне». Упоминания о том, что супруг читает жене и детям, часто встречаются в воспоминаниях покорителей Запада. Из беглой заметки Кит можно сделать вывод о том, что супруги состояли в теплых отношениях; по крайней мере, Кит не называла своего мужа «мистер Белнап», как это делали многие женщины среднего класса в своих письмах, дневниках, воспоминаниях и даже в устной речи.

Белнапы пустились в путешествие вместе с пятью другими семьями, у каждой был один или два фургона, запряженных восемью волами. Каждый фургон не превышал размером четыре на десять футов и должен был содержать провизию на все шесть месяцев пути. Кит наполнила матерчатые мешки и деревянные ящики (которые позднее будут служить столешницами и сундуками) пшеничной и кукурузной мукой, «сушеными яблоками и персиками, бобами, рисом, сахаром и кофе». Она была настроена оптимистично, поскольку стремилась заполнить все свободное пространство: «В углу осталось место для корыта, а в корыто поместится корзина для обеда. Посуду, которой мы будем пользоваться, сложу в корзину. Сначала будем есть из хорошей, а если она побьется, заменим оловянной. Сшила четыре миленькие скатерти, так что жить буду так же, как дома».

Но изматывающее путешествие стало тяжелым испытанием для деятельной Кит. Если судить по воспоминаниям, которые оставила она и которые оставляли многие другие мужчины и женщины, дорога меняла всех. Смерти попутчиков (особенно младенцев и матерей в родах), инфекционные заболевания (тиф, дизентерия, оспа, ужасная холера), ураганы и песчаные бури, кожные инфекции и сломанные кости, засуха и голод под безответными небесами, душераздирающие расставания с теми, кто не мог поспевать за ритмом каравана и умирал в пути, — ни одно из этих переживаний не проходило бесследно.

Когда ее сын «тяжело заболел колорадской лихорадкой», Кит Белнап испугалась, что может потерять свое последнее дитя. С дневником она делилась своим самым худшим кошмаром: «В ночи я думала, что нам придется оставить малыша тут, и решила, что в таком случае я останусь с ним». К счастью, новый день принес «новые силы».

Продолжая движение и выхаживая больного ребенка, Кит умалчивала, что вновь была беременна. О своей беременности писали немногие женщины; даже в письмах к родне они сообщали об этом в такой завуалированной форме, что современный читатель может вовсе ничего не понять. Хотя Кит Белнап перестает писать воспоминания на Орегонском пути, нам известно из других источников, что ее семье удалось добраться до Орегона, там она благополучно родила, а впоследствии они с мужем воспитали пятерых детей; он умер в 1897 году, а она — в 1913-м.

В «Записках на обочине Орегонского пути» Лидия Э. Радд рассказывает о том, что на всем протяжении путешествия присутствие болезни и смерти ощущалось постоянно. 9 мая 1852 года она писала: «Проехали мимо свежей могилы, 4 мая здесь похоронили мужчину из Огайо. Встретили мужчину, который повернул назад; он похоронил свою жену. Она умерла от кори»²³. Без жены этот мужчина, вероятно, не находил сил продолжать путешествие. Подобным образом поступали многие путешественники, потерявшие кого-то из близких в пути.

23 июня умер один из попутчиков Лидии. «Мистер Гифтман умер вчера ночью, около одиннадцати. У него не было родных, и осталась только жена, но в караване есть двое мужчин, которые хорошо знали ее мужа, и брат, который позаботится о ней». Молодая вдова не испытывала нехватки в кавалерах.

Вновь и вновь в своем дневнике Лидия рассказывает о новых заболевших или умерших. Она довольно точно подмечает:

«Болезнь и смерть — тяжкое испытание в Штатах, но ничто не может сравниться по тяжести с болезнью и смертью на равнинах».

Нередко случалось так, что тяготы пути, которые приходилось нести первопроходцам, не заканчивались, когда они достигали конечной точки путешествия. В воспоминаниях Элвины Апперсон Феллоуз рассказывается о тяжелой доле молодой невесты в Орегоне²⁴. Ее мать потеряла мужа при пересечении Орегонских прерий и столкнулась с проблемой: «как прокормить девять голодных ртов в придачу к собственному». По прибытии в Портленд она начала брать на дом стирку в доках, а потом открыла пансион. Но как ни тяжела была жизнь этой женщины, ее дочери пришлось еще хуже, когда она в первый раз вышла замуж. Так миссис Феллоуз вспоминала эти годы:

В 1851 году мать с ног сбивалась, чтобы заработать нам достаточно на проживание, так что когда мужчина по имени Юлиус Томас, повар в ресторане, предложил взять меня в жены, она решила, что это хорошая идея, и я согласилась. Ему было 44, а мне — 14.

В 1851 году, семьдесят лет назад, на Юге еще были чернокожие рабы, а по всем Соединенным Штатам было женское рабство. <...> Как могла четырнадцатилетняя девочка защититься от сорокалетнего мужчины, который почти всегда был пьян? Я по-прежнему содрогаюсь, когда вспоминаю о годах своего детства, проведенных в этом браке. Напившись, он нередко хотел убить меня, и он побивал меня, пока я не решила, что пора положить этому конец.

Однажды я укрылась от него в доме моей матери. Когда он пришел за мной, я заперла дверь. Он попытался влезть через окно, но я заперла и его. Он пришел в такую ярость, что достал пистолет и выстрелил в меня. Пуля прошла чуть выше моей головы, на меня посыпалось стекло, и я так испугалась, что упала

в обморок. Он заглянул, увидел, что я лежу на полу, и, подумав, что убил меня, засунул дуло пистолета в рот и нажал на курок. Так я сделалась вдовой.

В конце концов в свои двадцать лет Элвина стала женой «добротного человека» Эдварда Феллоуза, инженера на пароходе, и прожила с ним всю оставшуюся жизнь.

Романтика Запада

Дневники, которые с 1857 по 1866 год вела Молли Дорси Сэнфорд из Небраски и Колорадо, пожалуй, в числе самых жизнеутверждающих документов, оставленных женщиной фронтира²⁵. В марте 1857 года, когда ей было восемнадцать лет, ее семья решила перебраться из Индианаполиса в Небраска-Сити. По ее записям видно, что Молли — высокодуховная, умная девушка, получившая достойное образование и христианское воспитание. Она прямо писала: «Мы счастливая семья», — и действительно, то, что она пишет о своей матери, отце и семерых братьях и сестрах, говорит в пользу того, что члены семьи были достаточно близки друг другу.

Семья Молли поездом добралась из Индианаполиса до Сент-Луиса, а потом на лодке — до Небраски. Путешествие заняло две недели, а Молли завела множество знакомств. Среди ее попутчиц были «очаровательная» молодая невеста, которая ехала в Калифорнию, и Либби, девушка, вызывавшая у Молли, как та сама писала, восхищение. Когда Либби сошла с лодки, Молли призналась дневнику: «Она знает, что я люблю ее. Она самая интересная девушка из всех, кого я встречала». У викторианских девушек было в порядке вещей горячо выражать чувства друг к другу, целоваться и обмениваться другими знаками внимания.

Летом семья добралась до Небраски и начала обустриваться на своей новой ферме. В жизни Молли это был идил-

лический период. Не замечая ни ветров, ни пыльных бурь, ни бедности своей жизни, она писала в основном о восхитительных закатах, ветвистых вязах и «широкой душе прерий». Также ее дни скрашивали визиты будущего мужа.

Подруга посоветовала Молли хорошенько приглядеться к мистеру Би Сэнфорду, который только недавно приехал в Небраска-Сити из Индианы. 5 мая она написала в дневнике об их первой встрече: «Я увидела его, когда выходила из магазина. Довольно симпатичный». Затем она рассуждала: «Не знаю, смогу ли я когда-нибудь полюбить мужчину так сильно, чтобы выйти за него замуж. Если к тому времени, как мне исполнится двадцать один год, я найду понимающего мужчину, который не будет говорить всякие благоглупости, пожалуй, я смогу отдать ему свое сердце <...> Сентиментальные мужчины наскучивают мне очень быстро».

Период ухаживаний длился три года и прошел удивительно гладко, благодаря как сходству двух характеров, так и более свободной атмосфере фронтирного общества. 29 июня 1857 года Молли писала: «Поистине приятно встретить такого человека среди льстивых щеголей. Замечательно, насколько свободными и открытыми становятся люди в этом краю». 15 октября, когда Би стал героем в глазах ее вновь прибывших дедушки и бабушки, оказав им помощь после несчастного случая, Молли размышляла: «Бабушка уверилась в мысли, что я влюблена в него... я и сама в это верю. Сегодня, увидев его после долгой разлуки, я поняла, что много думала о нем. Он сидел со мной и с девушками в пустой повозке с навесом, мы разговаривали и пели песни до полуночи, вдруг он нашел мою руку и долго, нежно держал ее в своей руке. Никто об этом не догадался, если только мое лицо меня не выдало».

Спустя четыре месяца Би смог сорвать поцелуй с ее губ. Молли писала об этом так: «Би вновь меня навещал. Он выглядел великолепно, и я была невероятно рада ему. Однажды вечером мы пошли навестить деда. Мы шли и любовались

звездным небом. Он указал мне на одну звезду, а когда я повернулась, чтобы рассмотреть ее, он поцеловал меня в щеку! Невероятно дерзкий поступок! Я попыталась изобразить оскорбленные чувства. Он сказал, что понял свою ошибку и просит прощения, но почему-то я не могу выкинуть это из головы, и поцелуй все еще горит на моей щеке». Такое викторианское ухаживание было лишено внешних ограничений, но имело внутренние, которые не допускали большей телесной близости.

1 марта 1858 года Молли получила от Би первое письменное признание в чувствах, о чем сразу же поведала дневнику. «Больше никаких сомнений. Я получила письмо, письмо особого толка. <...> Би любит меня всем сердцем и душой и просит ответить тем же. Теперь я знаю, что могу вручить ему себя и что рука об руку мы сможем вместе идти по жизни в радости и печали. Я доверяю ему больше, чем кому-либо на свете. У меня нет ни тени сомнения, я так ему и сказала. Нас не захватила безумная страсть, как, мне всегда казалось, должно случиться, но мы постепенно погружались в это чувство. Надеюсь, что это будет залогом постоянства нашей любви».

В июне возлюбленные обручились, но «без четких планов на будущее». Похоже, что Би перепробовал множество способов заработка — он работал извозчиком, инвестировал в землю. Молли несколько месяцев проработала швеей под началом замужней дамы из Небраски. С присущей ей рассудительностью она писала 1 июня 1859 года: «Я не выйду замуж, пока мне не исполнится двадцать один год, а до тех пор мы подготовим все для того, чтобы завести собственное хозяйство. Мы оба работаем с этой целью».

Примечательна запись, которую она делает 15 февраля 1859 года: «Я получила валентинку от Би и еще две или три из других источников. Иногда мне хочется, чтобы Би более открыто проявлял свои чувства, был чуточку нежнее. Он очень деловой, и мне кажется, что если бы он был немного

более сентиментальным, то вскоре надоел бы мне. Знаю, что он любит меня, и этого здравомыслящей девушке должно быть достаточно». Валентинки уже вошли в моду в Англии и Америке, их посылали не только возлюбленным, но и едва знакомым девушкам, чтобы продемонстрировать свою заинтересованность.

Весной того же года Молли открыла небольшую школу на двадцать учеников от шести до девяти лет от роду. Каждое воскресенье она встречалась с женихом, а 15 мая написала: «Он выглядит великолепно, и я люблю его все сильнее и сильнее». Несмотря на внимание со стороны еще нескольких мужчин, которые имели лучшие финансовые перспективы, Молли оставалась верна своему возлюбленному.

Наконец в 1860 году Молли и Би стали мужем и женой. 13 февраля Молли взволнованно записала, что Би с братом отправился «в Текумсе, окружной центр, за лицензией, которая необходима для заключения брака. <...> Я испекла свадебный пирог и подготовила все, чтобы сыграть свадьбу завтра в два часа дня». Однако рассказ о ее свадьбе, который она записала через несколько дней, очень хорошо показывает, как нестабильна была жизнь на границе:

Наша свадьба прошла не так тихо, как я ожидала. Во вторник утром я готовилась к ужину, встречала и развлекала гостей, а это непростая задачка, учитывая, какое скромное у нас жилище. Мы ждали Би с минуты на минуту, но после десяти часов я начала волноваться. <...> Двенадцать! Час! Два! Пробило три, но жених не появлялся. Я услышала много шуток в свой адрес. Меня одолевали то надежда, то страх, но я не сомневалась, что он просто задержался в дороге. <...> К трем часам гости проголодались, и мы решили пить, есть и веселиться. <...> Мы поужинали, наступил вечер, а я с трудом могла сдерживать чувства. Уединившись, я рыдала и молилась, но потом выходила к гостям с улыбкой.

Лишь в ночи Молли услышала, как подъезжает ее запоздавший жених, и поторопилась проводить своего «промерзшего до костей» возлюбленного в дом. Катастрофу удалось обратить в шутку: молодые тайно надели свои свадебные наряды и внезапно появились перед притомившимися гостями. О завершении этого дня Молли вспоминает с радостью:

Мы встали под дверь, ожидая сигнала от дяди Мильтона. Тетя вышла к гостям и сказала: «Довольно ждать мистера Сэнфорда. Выходите к молитве». Все чинно проследовали в кухню. По сигналу двери распахнулись, мы предстали перед гостями, и церемония немедленно началась, а Байрон Н. Сэнфорд и Мэри Э. Дарси стали мужем и женой. Все кинулись к нам с объятиями, поздравлениями и возгласами удивления. Самые лакомые части ужина мы сохранили, и вскоре самые стойкие гости смогли насладиться свадебным ужином в компании законных супругов.

Нас поженили на кухне! Ну и что, отвечу я всякой, кто вздумает что-то сказать на этот счет. Вуаль и флердоранж, богатый и обставленный по последней моде дом не сделают ваши клятвы крепче, а ваше сердце не может ликовать сильнее, чем у меня, в скромной кухне деревянного сруба, затерянного где-то посреди Небраски. Со временем, возможно, у меня будет более привлекательное жилище, и я буду вспоминать о своей свадьбе с улыбкой. Я лишь надеюсь, что мой любимый останется таким же отважным и верным и таким же счастливым, как теперь.

Но на ее долю выпадет еще множество испытаний.

Не прошло и двух месяцев со свадьбы, как Молли и Би переехали из Небраски, где жили их любимые семьи, в Колорадо, где, как говорили, предприимчивая молодежь могла рассчитывать на лучшую жизнь. Это была изнурительная поездка, путешественники преодолевали по двадцать миль в день, будь то зной, дождь, ветер. Они переносили болезнь и горечь потерь на ногах. 14 июня Молли писала: «Четыре месяца с нашей

свадьбы, но я слишком устала, чтобы думать об этом. Стоит ужасный зной, мы все в пыли и грязи. Все мы скоро сляжем с болезнью. Даже скот и пони осоловели. Мы решили взять день отдыха. Отдых? Когда же мы найдем покой».

Путешествие Молли и Би длилось десять недель, и, конечно, это не могло сравниться с пяти- и шестимесячными переходами от Миссури к берегу Тихого океана, однако и оно было изматывающим. Прибыв в Денвер, чье население в тот момент насчитывало 5000 человек, Молли и Би поселились с другими переселенцами из США. Би вновь начал работать извозчиком, а также разрабатывал «какую-то штуковину, которая работала на гидравлической тяге и перемывала каменную породу, чтобы добыть золото». Молли принимала заказы на шитье и брала за свои услуги «очень выгодную цену». Она держала кур и обменивала яйца на мясо, овощи и молоко. Молодые во всем могли полагаться лишь на себя, им нужно было проявлять всю свою изобретательность и крепость духа.

Вскоре пара переехала в одну из горных хижин в Голд-Хилл, небольшом шахтерском поселке к северо-западу от Боулдера. Какое-то время Молли готовила еду шахтерам, но считала, что это был большой шаг назад, ей было «стыдно за то, как она тосковала по дому». 17 декабря ей исполнилось двадцать два года, и главное, за что она благодарила судьбу, — за то, что осталась в живых. 14 февраля была годовщина их свадьбы, а она сидела одна в хижине и «грустила о том, что Би далеко». Наконец, как и в день свадьбы, Би явился поздно вечером. «Он в одиночку прошел десять миль, только чтобы отпраздновать со мной годовщину свадьбы, и если кто-то мог считать его черствым прежде, то этот поступок говорил сам за себя. Теперь он отдыхает, а я так счастлива, что не могу не поделиться с дневником».

Злоключения Молли и Би продолжались несколько лет. Главной трагедией стала смерть их первенца, «прекрасного мальчика», которого Господь быстро «принял в свое стадо».

Вновь Молли чувствовала, что ей повезло избежать смерти. С началом Гражданской войны Би записался в добровольцы и пара переселилась в армейские бараки. Во вторую годовщину свадьбы Молли писала:

Два года в браке! Весь вечер мы говорили о прошлом, делились воспоминаниями о совместных моментах жизни с тех пор, как мы познакомились. За короткие два года замужней жизни мы вместе пережили множество горестей, напастей и неурядиц, но они лишь заставили нас стать ближе друг другу. Мы любим друг друга всем сердцем.

Это была история настоящей любви, воплотившая идеалы своего времени и к тому же имевшая счастливый конец. В сентябре 1862 года Молли родила еще одного мальчика, «диво что за красавчика», а затем девочку. Би устроился в Монетный двор США в Денвере и проработал там следующие сорок лет. Оба супруга дожили до XX века, Би умер в восемьдесят восемь, а Молли — в семьдесят шесть лет. Семья называла ее «своей опорой».

Замужняя жизнь на юго-западе США

Благодаря письмам, дневникам и воспоминаниям первопроходцев, которые шли на запад по так называемому Калифорнийскому маршруту, мы можем составить представление о повседневной жизни замужней пары из среды золотоискателей юго-запада США. Пока мужчины мыли золото, их жены занимались самой разнообразной работой: держали постоянные дворы, работали прачками, становились поварихами, вязали шерстяные носки для горняков и приглядывали за чужими детьми. Женщины получали больше возможностей зарабатывать, чем когда-либо прежде.

В письмах, которые Мэри Балу писала своему сыну из лагеря старателей в Калифорнии, можно найти живописные

описания тех роскошных трапез, которые устраивали на временной кухне в самом бедном постоялом дворе. В октябре 1852 года она писала: «Попробую описать тебе, что представляет собой моя работа в этом грязном месте. Кухня, на которой я готовлю, являет собой четыре опоры, вбитые в землю, между которыми натянут кусок грубой материи. Пол земляной»²⁶. На этой кухне ей удавалось готовить удивительно разнообразные блюда:

...я стряпаю пирожки с начинкой, шарлотки и тыквенные пироги. Иногда жарю пирожки с мясом или пончики. Пеку печенье, время от времени делаю индейские лепешки или пудинги с изюмом на скорую руку, делаю пудинги из кукурузной муки или старые добрые плампудинги, потом начиняю окорок или кусок свинины, за который тут просят сорок центов за фунт. <...> Три раза в день я накрываю на стол длиной в тридцать футов и слежу за всякими мелочами вроде того, чтобы перечницы, баночки с уксусом и чашечки с горчицей и маслом были наполнены. Иногда я отлучаюсь, чтобы покормить кур, а еще приходится выгонять с кухни свиней и отваживать мулов, которые приходят к столу.

Список блюд этим не ограничивался: «Сегодня на ужин я приготовила черничный пудинг. Иногда я варю супы и делаю пироги с клюквой, запекаю цыплят по четыре доллара за штуку и готовлю яйца по три доллара за дюжину. Иногда варю капусту и репу, жарю котлетки в масле или мясо на открытом огне... <...> а еще я готовлю беличье мясо».

Вдобавок к этому: «Иногда я сижу с детьми и присматриваю за младенцами, и беру за это пятьдесят долларов в неделю». Мэри также изготавливала товары на продажу: мыло, матрасы, простыни и флаги (одни для партии вигов, другие для демократов). Она мыла полы, чистила подсвечники, занимала ссорящихся мужчин. Оставив своих обожаемых детей, чтобы сопровождать мужа в его путешествии на Запад, миссис

Балу чувствовала себя «уставшей и почти больной» в этом калифорнийском Вавилоне «среди французов, голландцев, евреев, итальянцев, шведов, китайцев и индейцев — каждый со своим языком и обычаями». Видимо, не желая слишком волновать своего сына, она добавляла: «Но ко мне здесь все относятся с уважением». В этой предприимчивой, ироничной, необразованной женщине, кажется, воплотился дух чосеровской Батской ткачихи, несмотря на тысячи миль, разделявшие Кентербери и Калифорнию. Представьте себе, на что была бы способна эта женщина, будь у нее кухонный комбайн!

Сохранились и более рафинированные литературные мемуары, демонстрирующие, что жизнь женщины на Западе могла быть устроена ничуть не хуже, чем жизнь женщины на востоке страны. Пятнадцатью годами позднее миссис Балу в горнопромышленном городе Аврора в Неваде жила Рэчел Гаскелл, жена сборщика пошлин. Иногда она могла позволить себе такую роскошь, как нежиться в постели воскресным утром, потому что оба священника заболели. В полдень она завтракала, мыла своих сыновей («хорошенько терла их с ног до головы»), а затем ложилась на диван читать книжку. Ее муж, которого она неизменно называла «мистер Г.», разогревал ужин на плите, а она мыла посуду. Затем она «приходила в гостиную и садилась на стул возле пианино, пока Элла (ее дочь) играла, а вся семья пела хором. Потом раздвигала стол напротив плиты и продолжала чтение „Света“, пока дети с ясными счастливыми лицами играли друг с другом. Поиграв на полу с младшими, мистер Г. ложился читать на диван». Эта идиллическая сцена семейного счастья словно бы сошла прямо со страниц «Дамской книги Годи».

По понедельникам миссис Г. давала Элле уроки музыки и разучивала с сыновьями таблицу умножения. По вторникам пекла хлеб, «приводила в порядок полки Джона» и варила ужин. В среду она встречалась с друзьями в городе.

«Надела шелковую сорочку и красный пояс, шляпу и красную шаль. По снегу дошла с трудом. Навестила миссис Леви, очень приятную собеседницу, она показала мне свое большое семейство — кажется, у нее девять сестер — и портреты своих родителей из Страсбурга. Потом зашла к миссис Пурс и застала миссис К. Они пригласили меня остаться до вечера. Я отправила весточку мистеру Г., чтобы тот ужинал без меня, и мы прекрасно просидели допоздна». У миссис Купер были и другие гости, «было много шуток и громкого смеха». Вернувшись домой, мистер и миссис Г. увидели, что старшие дети позаботились о младших, а «Джон задремал, держа Мэни на руках». У горняков дружба играла серьезную роль, поскольку все поселенцы жили в отрыве от семей. Белые поселенцы, если только они не были совсем нищи или не обладали слишком уж вздорным нравом, могли рассчитывать на теплый прием, к какой бы национальности или вере они ни принадлежали. К примеру, миссис Леви была одной из еврейских поселенок, к которым обычно на юго-западе относились с некоторым предубеждением.

Только одно волновало миссис Гаскелл: ее муж нередко проводил время в городе в компании других мужчин. Один раз она записывает в своем дневнике: «Мистер Г. снова встретился со своей компанией и вернулся поздно. Я заснула на диване, пока ждала его, потом проснулась, но он все еще не вернулся. Легла в кровать и снова заснула. Это стало уже настолько привычно, что волнение не пересиливает усталость, но в душе я страдаю». Другая запись начинается так: «Проснулась с чувством одиночества и озлобленности в сердце» и заканчивается фразой: «Мистер Г. сегодня как будто более ласков».

Несмотря на опасения, которые Рэчел Гаскелл испытывает по поводу своего мужа, кажется, что между ними установились теплые отношения, основанные на глубокой привязанности, они любили друг друга, своих детей и друзей. Вдалеке

от развитой цивилизации и крупных городов, таких как Бостон и Чарлстон, эти женщины, похоже, находили удовольствие в том, чтобы выполнять свою роль жены, матери, хранительницы очага и подруги.

Продвигаясь на запад, в Калифорнии, Нью-Мексико и Техасе колонисты встречались с испанскими переселенцами. Многих протестантов очень интересовали испанские католические традиции, так разительно отличавшиеся от их собственных. Девушки в Калифорнии находились под бдительным надзором матрон в пестрых платьях и с гребнями из черепахового панциря в волосах, а замуж выходили, как правило, между тринадцатью и пятнадцатью годами. Большинство браков заключались по договоренности, и молодые следовали обычаям своего народа. Девушки собирали сундук с приданым в соответствии с доходами своей семьи, женихи платили выкуп (иногда это была стопка золотых монет), а священники проводили брачный обряд. За обрядом следовало празднование с угощениями, выпивкой, музыкой, танцами и всеобщим весельем²⁷.

Но не всем девушкам по душе было выходить замуж так рано. В 1870-е годы Хьюберт Хоув Бэнкрофт записал рассказы жен, в которых те осуждают «ненавистный» обычай, заставлявший девушек исполнять супружеские обязанности, когда они не были к этому готовы. Мария Иносент Пико де Авила из зажиточной семьи Пико из Лос-Анджелеса с горечью вспоминала:

Многие девушки даже не успевали закончить свою скудную учебу: матери забирали их из школы, чтобы выдать замуж. Существовал скверный обычай выдавать девочек замуж очень молодыми, когда за них сватались. Я ходила в школу только до четырнадцати лет, потом мать забрала меня на ферму, чтобы научить работе, а в пятнадцать лет и восемь месяцев я уже имела мужа²⁸

По мере того как все больше американцев переселялось на юго-запад, число смешанных союзов увеличивалось. Многие из них были своеобразной формой «гражданского брака» между американскими поселенцами и представительницами рабочего класса из испанской или индейской общины. Солдаты американской армии иногда подписывали брачный контракт с прачками, приписанными к их лагерю, но если по увольнению они решали бросить свою гражданскую жену, никто не мог им этого запретить.

У представителей испанской элиты ухаживание и женитьба были окружены изощренными ритуалами, и джентльмены американского и испанского происхождения нередко соревновались за руку девушки. Джеймс Генри Глизон в письмах, которые он посылал сестре на восток, рассказывал о попытках жениться на богатой испанской красавице, которые в конце концов увенчались успехом²⁹.

Монтерей. 30 мая 1847 года

11 часов ночи

Моя любимая сестра <...>

Я сделал предложение прелестной Катарине Уотсон, ее родители просят меня подождать 18 месяцев и затем вновь посвататься к ней, потому что сейчас она слишком юна, чтобы выходить замуж — ей всего четырнадцать лет. Она говорит, что не желает никого другого, только меня. <...> Состояние ее отца насчитывает около 40 000 долларов. Сегодня счастливейший день в моей жизни <...>

Монтерей. 15 ноября 1849 года

Доне Франческе Глизон в Плимут.

Моя дорогая сестра,

Что ж, Фанни, я женат. Сейчас моя милая Кейт положила голову на мое плечо. <...> Свадьба состоялась 7 октября в три часа дня. После полудня отец устроил праздничный ужин у себя в доме, а вечером были танцы. Все стоило, наверное, около тысячи долларов...

Сан-Франциско. 31 марта 1850 года

Моя дорогая сестра,

Жена просит меня написать, потому что сама она не умеет писать по-английски. Она просит прощения, и в знак своей глубокой признательности... она посылает шарф из манильской пеньки... здесь такой стоит 125 долларов. А вместе с ним — дагеротип, на котором она изображена в свадебном платье и с арфой, так же как была накануне свадьбы...

Сан-Франциско. 1 июля 1850 года

Моя дорогая сестра Фанни,

...Я оставил свою жену в Монтерее в добром здравии. Если ничто не помешает естественному закону природы, через несколько месяцев я стану отцом. После этого я вернусь домой — отчасти для того, чтобы повидаться со старыми знакомыми и родственниками, а отчасти — чтобы быть подальше от хныкающего младенца. Я очень люблю детей, но только когда они уже достаточно взрослые...

Дорого бы я дала, только чтобы узнать, что думала Катарина Уотсон Глизон в то же время! Даже если она была очарована своим спутником, не доводилось ли ей пожалеть, что она вышла замуж за человека, которого, очевидно, привлекала ее красота и богатство, но который не стеснялся своей неприязни к плачущему младенцу?

Браки между американцами и испанцами во всех классах общества продолжали заключаться на юго-западе с самого момента аннексии. Таким межэтническим бракам мы обязаны тем латиноамериканским населением, которое теперь столь распространено в США.

История отважных мужчин и женщин, которые дерзнули отправиться в опасное путешествие на север и юго-запад страны, стала важной частью американской культуры. А как же

те невесты и жены, которые остались дома и ждали, пока их вызовут на новое место? Что нам известно о них?

Ожидая возвращения своего жениха, Джона Брюса Белла, который отправился в Орегон в 1850 году, Мэри Карпентер Пикеринг из Огайо шила одеяло, которое стало красноречивым символом нелегкой женской доли. Как уверяет исследователь, изучавший историю лоскутных одеял, Мэри Байуотер Кросс для создания такого одеяла с тонким шитьем и аппликациями в виде цветочных корзин понадобилось бы по меньшей мере четыре года³⁰. Джон провел на Западе восемь лет, и пара поженилась в сентябре 1864 года, когда он вернулся. К тому времени Мэри уже исполнилось тридцать лет. Они поселились сперва в Огайо, но в 1864 году переехали на Запад, в Айову.

Оставшаяся с сыном в Дублине, штат Нью-Хемпшир, Мария Эбигейл Генри Адамс ждала, пока муж вернется из Калифорнии, и за это время исписала двадцать семь страниц дневника. С января 1860-го по июль 1861-го она скрупулезно вносила в него все погодные изменения («приятный день», «дождь», «снег», «буря», «очередной пасмурный тоскливый день»), а также отмечала все мелкие детали размеренной жизни в Новой Англии (церковные службы, свадьбы, похороны, сбор черники, сушка яблок, все болезни, какими кто-нибудь заболел, и посещения друзей и родственников).

Но между строк в этих холодных заметках читается тоска по мужу. «Ах, если бы только сегодня я могла его увидеть. Как мне одиноко. Чувствую себя так, как будто у меня нет ни одного друга в целом мире» (15 апреля 1860 года). «Сегодня мне было так тоскливо, вот бы Чарльз был здесь» (16 мая 1860 года). «Ах! Как бы мне хотелось быть с ним рядом, но я не могу» (21 июля 1860 года). «Прошло два года с тех пор, как я в последний раз видела Чарльза» (21 февраля 1861 года).

Что стало с этой любящей женой, едва вступившей в третий десяток, которую разделяли с мужем три тысячи миль?

Ее дневник вместе с портретом Чарльза и Марии Адамс хранится в архиве Калифорнийской исторической ассоциации, так что можно предположить, что она все-таки проделала долгий путь от берегов Атлантического океана к Тихоокеанскому побережью и наконец воссоединилась со своим мужем.

Многоженство у мормонов

Рассказ о женах на западе США не может обойтись без упоминания мормонов, которые отличались от всех остальных тем, что практиковали полигамию. Вопреки распространенному представлению, не все мормонские семьи были полигамны — по примерным оценкам, таких было лишь 15–20%³¹ В большинстве таких семей было всего лишь две жены и лишь в одной трети — три. Больше жен могли позволить себе только крупные церковные авторитеты, для которых количество жен и детей было свидетельством их приверженности мормонскому учению.

Согласно вере мормонов, чем больше у мужчины жен и чем больше у женщины детей, тем выше будет их награда после смерти. Браки, которые мормоны заключают в церкви, имеют силу и после смерти. Полигамия, или многоженство, была одной из главных догм для мормонов в период между 1852 (когда они поселились в Юте) и 1890 годами, когда президент церкви согласился подчиниться американскому законодательству, запрещавшему такую практику. По меньшей мере на протяжении сорока лет даже те жены, которые признавались, что сами предпочитают моногамные отношения, защищали многоженство, потому что это было предписано церковью и, как сказала одна жена, «это был единственный путь к спасению». «Если так повелел Господь, мы должны придерживаться полигамии», — утверждала другая³².

Типичная полигамная семья начиналась с того, что мужчина в возрасте около двадцати трех лет брал в жены девушку,

которая была младше его на три года; этот брак считался его единственным законным браком. Спустя десять лет он брал вторую жену, которая была на десять лет младше первой. Третья жена тоже была двадцатилетней девушкой. Независимо от того, состояли они в полигамных или в моногамных отношениях, мормонские женщины, как правило, имели большое потомство, около семи или восьми детей³³.

В зависимости от возможностей и желаний мужчины он мог поселить жен в разных комнатах дома или в разных домах, которые могли стоять довольно далеко друг от друга. Мормонским женам зачастую приходилось учиться жизни сообща, помогая и поддерживая других жен и детей своего мужа, которые родились от них. Иногда в таких семьях между женами устанавливались близкие, сестринские отношения, в особенности в тех случаях, когда мужчина брал в супруги двух сестер, но случалось, что женщины жили в разладе и вражде.

Если жена жила отдельно от своего мужа, она порой обладала невиданной независимостью. Она могла воспитывать детей так, как считала нужным: ее отношения с детьми были крепче отношений с супругом, потому что его она делила с другими женщинами и нередко он жил в другой семье или отлучался по делам церкви. Женщины у мормонов часто не были домохозяйками, и церковь одобряла для них поиск работы и приобретение финансовой независимости. В отличие от викторианских представительниц среднего класса, мормонки не были привязаны к домашнему очагу, они могли работать фермершами, швеями, заниматься бизнесом, некоторые становились медсестрами и врачами. Многие были задействованы в работе Общества милосердия — организации, основанной в 1842 году, деятельность которой была направлена на поддержание различных религиозных, благотворительных и культурных инициатив. В период между 1872 и 1914 годами наиболее прогрессивные мормонки учредили

газету *Woman's Exponent*, на страницах которой обсуждали самые разные вопросы, в том числе связанные с появлением на рубеже столетий типажа «новой женщины». Очевидно, что полигамные семьи мормонов — это отнюдь не просто «гаремы», служащие удовлетворению мужских желаний, какими они часто предстают в массовом сознании.

Воспоминания, которые оставила своим потомкам Мэри Энн Хэфен, живописуют жизнь женщины в полигамной семье в Юте и Неваде³⁴. Ее первый супруг, для которого она была второй женой, погиб, и родители заставили ее принять предложение Джона Хэфена. Однако у него уже тоже была жена, Сюзетта, не одобрявшая затею своего супруга. Зная о недовольстве Сюзетты, Мэри Энн долго не хотела давать свое согласие на брак, но, скрепя сердце и пролив немало слез, все же сделала это. Джон Хэфен впоследствии взял себе еще пару жен, а от Мэри Энн Хэфен у него было семеро детей.

Когда в 1891 году у нее родился шестой ребенок, Мэри Энн переехала в Неваду, оставив в Юте мужа и остальные его семьи. Так она сама рассказывает об этом:

В Санта-Кларе (Юта) было очень много поселенцев и не хватало земли. Так что мы решили, что будет лучше, если я со своей молодой семьей перееду в Банкервилл (Невада), где только недавно образовалось поселение и земля стоила дешевле <...>

Я понимала, что мне предстоит столкнуться с теми же трудностями, с которыми я сталкивалась в детстве; что мои дети вырастут в чужой земле и рядом с ними не будет их родных и что им тоже придется справляться с трудностями, сопряженными с переездом в другую страну...

Так скоро, как только смогли, мы высадили в поле кукурузу, сахарный тростник, хлопок, кабачки и дыни, а возле дома посадили овощи. Плетеный забор едва ли мог защитить огород от вторжения какого-нибудь отбившегося от стада теленка. Тем не

менее мы собрали довольно богатый урожай в этот год. Альберт [сын Мэри Энн] выкопал три тутовых деревца и посадил их вокруг нашего дома, где не хватало тенька.

Поначалу Мэри Энн скучала по своей семье в Санта-Кларе и навещала ее каждый год. Сперва муж регулярно приезжал к ней. «Но, будучи священником в Санта-Кларе и имея еще три семьи, он не мог подолгу у нас задерживаться. Так что семерых детей я воспитывала одна», — рассказывала Мэри Энн. Мэри Энн родила «крепкого мальчугана весом шесть килограммов», а во время родов ей помогала жена местного мормонского священника, которая, как и полагается, приходила ухаживать за ней в течение первых десяти послеродовых дней. Где был в это время ее муж? Он приехал, лишь когда ребенок уже родился. Мэри Энн с простодушной гордостью пишет: «Доктора не было ни на одних моих родах, и я не обращалась к нему и впоследствии. Никогда я не платила больше пяти долларов за услуги акушерки».

Затем Мэри Энн продолжает рассказывать о своей роли, по сути, главы семейства:

Я не хотела быть обузой своему мужу и пыталась сама обеспечивать себя и свою семью. Я участвовала в сборе хлопка, чтобы заработать дополнительные деньги; младенца я брала с собой в поле, а остальных детей отправляла в школу, я старалась не отвлекать их от учебы, если в этом не было срочной необходимости. Уборка хлопка — очень утомительное занятие, у меня болела спина, но зато я могла одевать своих детей.

Я всегда держала огород, чтобы у нас была свежая зелень. Прополка сорняков и полив два раза в неделю давались нелегко. У нас была пара свиной, корова и куры, и мы неплохо справлялись...

Эта незатейливая история демонстрирует, сколь самостоятельными могли быть мормонские жены. Мэри Энн не жалеет

о своей судьбе и лишь изредка оговаривается, что полигамные отношения для обоих супругов могли быть тяжелым испытанием. В воспоминаниях других женщин больше ревности и боли. Например, одна из жен в полигамной семье Энни Кларк Таннер писала в своей автобиографии:

Я уверена, что женщина никогда бы по доброй воле не одобрила многоженства, если бы это не предписывала религия. Для женщины такой шаг означает огромную жертву. В союзе мужа и жены есть нечто священное, и третий человек разрушает надежность и крепость их отношений³⁵.

В сходной манере высказывалась Джейн Снайдер Ричардс, жена апостола мормонской церкви Франклина Д. Ричардса. Она вспоминала, как тяжело ей было, будучи первой женой, приветствовать еще десятерых супругов. Рассказ миссис Ричардс в 1880 году записала по просьбе своего мужа-историка миссис Хьюберт Хоув Бэнкрофт; она заключила, что мормонки воспринимали полигамию как «религиозный долг или епитимью и заставляли себя преодолевать отторжение»³⁶.

Бригам Янг, религиозный лидер, при котором мормоны поселились в Юте, признавал, что «женщины говорят о своем несчастье» и что некоторые мужчины понимают, что вторая жена сделала их первые отношения менее счастливыми. Однако Янг настаивал на том, чтобы мормоны «принимали Евангелие во всей полноте», включая многоженство³⁷. В противном случае они могли развестись. В Юте закон о разводе, принятый 4 февраля 1852 года, был одним из самых либеральных во всей стране и особенно благосклонным к женщинам. Помимо традиционных оснований для развода, в Юте суд мог одобрить процедуру «в том случае, когда будет очевидно, что стороны не могут мирно сожительствовать и что им на благо пойдет жить раздельно»³⁸. Если условия брачной жизни казались им неприемлемыми, женщины часто подавали

на развод, а мужу, не заручившись согласием жены, получить его было сложнее. С другой стороны, он всегда мог завести другую жену.

Похоже, любовь у мормонов не играла важной роли при выборе супруга. Если романтические чувства и присутствовали, женщины в своих воспоминаниях их не подчеркивают. Мормонкам советовали выбирать мужа, руководствуясь соображениями семейной совместимости, финансовой ответственности и блага для всего сообщества в целом. Здесь установки мормонов расходились с установками американского большинства на романтическую любовь и обособленность семейной жизни.

Случай Ханны Кросби олицетворяет мормонскую философию брака. Девушка из семьи мормонов, не практиковавшей многоженство, в Юте в 1870-е она решила стать частью полигамной семьи, и поначалу родные отнеслись к этому со скептицизмом. Она признавала, что не испытывала к своему будущему мужу тех чувств, «которые испытывают любящие друг друга люди, но я любила его жен и атмосферу их дома». Действительно, в браке она всегда выше всего ставила по-сестрински близкие отношения между женами. Она писала: «Мы, жены, так хорошо распределяли работу и так ладно ее выполняли, что могли свернуть горы. Одна руководила готовкой и работами по кухне, другая заправляла постели и подметала, третья умывала и причесывала детей. В семь тридцать все было готово к завтраку».

Во время беременности и послеродового отдыха «все помогали друг другу и выполняли чужие обязанности». «Мы жили так много лет, — писала Ханна, — работали бок о бок, готовили у одной большой плиты, в огромных котлах, ели за одним длинным столом и не обижали друг друга». Она очень мало упоминает своего мужа, его словно бы вовсе не существует, однако он был главной персоной, вокруг которого строился весь семейный мир. И все же, рассуждая о мормонской вере, она

говорила лишь о своих отношениях с другими двумя женами: «Мне радостно думать, что вместе мы заложили основы новой жизни, живя во множественном браке. Мы любили друг дружку сильнее, чем сестры, и так, рука об руку, войдем в вечность».

Ханна Кросби открыто выступала в защиту многоженства. Она заявляла, что «никто не может рассуждать о достоинствах или недостатках этого образа жизни, пока сам его не попробовал. В нашей жизни было много преимуществ, которых лишены одиночные браки»³⁹.

Несколько осторожных выводов

Принимая во внимание, насколько разнообразна была жизнь женщин в Викторианскую эпоху, любые обобщения, подобные тем, что я сделала в начале предыдущей главы, должны всегда сопровождаться оговорками. Действительно ли идея о том, что мужчина и женщина живут в разных мирах, властвовала над умами от Лондона и Вашингтона до Айовы и Калифорнии? Действительно ли она структурировала жизнь поборницы женского равноправия из Нью-Йорка, хозяйки плантации из Джорджии, поварихи на приисках в Калифорнии и жены сборщика пошлин из Невады? Очевидно, что идея о мужском и женском мирах, согласно которой женщине предписывалось быть домохозяйкой, не получала одинаковое развитие в различных классах или частях страны. Чем беднее и ниже социальным статусом был человек, тем менее он был склонен разделять женский и мужской труд. В том случае, если от этого зависела их жизнь, женщины, замужние или нет, брались за любую работу, которая позволила бы выжить им и их семьям. Так, по мере продвижения на запад страны, чаще можно было встретить жену, которая трудилась наравне со своим мужем, по крайней мере в первые годы после переселения. В Канзасе мужья и жены бок о бок работали на фермах, в Вайоминге — на ранчо, в Калифорнии — на постоянных дворах. Вольный

дух Запада способствовал тому, что среди первопроходцев гендерные роли были менее четко определены.

Тем не менее представления о двух мирах и культ домашнего очага не сдавали своих позиций. Даже у переселенцев работа распределялась по гендерному принципу: мужчины пасли волов и занимались ремонтом, женщины готовили, стирали, шили и растили детей⁴⁰. Женщинам часто приходилось выполнять неожиданные обязанности (например, собирать помет буйволов на растопку), но несмотря на это, от них ждали, что они будут выполнять все традиционные для жены обязанности, не ожидая помощи от мужчин. Каждый день они должны были «наскоро состряпать завтрак», а каждый вечер — приготовить «достаточно еды, чтобы продержаться до следующего вечера»⁴¹.

Если жены и выполняли в путешествии мужскую работу, это не означало, что их слово приобретало такой же вес. Следующий случай, рассказанный Лавинией Портер, демонстрирует, с какими сложностями приходилось иметь дело женщине, когда она пыталась оспорить мужской авторитет. Муж Лавинии отказался по ее просьбе забрать на полмили вправо, чтобы та могла вместо навоза собрать хворост в ближайшей роще. В порыве обиды она забралась на повозку и сказала мужчинам, что «если те хотят вечером разжечь костер, могут сами собирать навоз и ужин готовить сами». Затем она разрыдалась и заснула. И хотя муж попытался исправить положение и разбудил ее, принеся ужин, который приготовил сам, отношения между супругами неделями оставались натянутыми. Как замечают Джон Фарагер и Кристин Стенсел, когда разбирают эту историю, брак в Викторианскую эпоху по-прежнему строился на традиционном разделении сфер труда и власти, несмотря на то что гендерные роли к западу от Миссисипи перекрещивались⁴².

Женщина, отправившаяся покорять Запад, выходила замуж, имея те же представления о браке, что и ее товарка

с Восточного побережья. Так, достаточно богатая четырнадцатилетняя невеста Бефания Оуэнс-Эдейр 4 мая 1854 года шла под венец, имея в своем приданом «четыре одеяла <...> муслин для четырех простыней, две пары наволочек, две ска-терти и четыре полотенца». Отец подарил ей «объезженную кобылу», корову, теленка, крытую телегу и упряжь. Мать подарила «хорошую перину, подушки, соломенный тюфяк, пару покрывал и еще два лоскутных одеяла». Кроме того, вечером, уже после свадебной церемонии, она приобрела на деньги отца полный запас продуктов, кухонной утвари, маслобойку, корыто и стиральную доску, бадью и черпак. Все богатство ее мужа сводилось к коню, седлу, ружью и тесной деревянной избушке двенадцать на четырнадцать футов с земляным полом и без дымохода — сюда он привел молодую жену⁴³.

В поселениях на фронтире жена в первую очередь должна была заниматься домом и детьми, какие бы еще обязанности к этому ни добавлялись. Муж мог иногда приготовить что-нибудь, но никто не ждал, что он будет заниматься хозяйством даже в том случае, если его жена болела или оправлялась после родов. Если же это становилось неизбежным — например, если жена умирала, — первой мыслью вдовца было жениться снова. Другой вопрос — это связь супружеских отношений с двумя столпами патриархального общества — законом и религией. Они также сильно разнились. Некоторые женщины — в первую очередь южанки — утверждали, что текущее положение, при котором они подчинены мужчинам, их устраивает, но с ними были не согласны другие, и в том числе жительницы Юга. Многие жены умели подчинить себе волю мужа, открыто или исподволь.

Одна невеста с западных рубежей так оценивала свое положение: «У меня уже были свои соображения по поводу того, что муж глава дома. Я уже потихоньку выяснила, что ему не нравится слово „подчиняться“ в брачной клятве. Так или иначе, это слово следовало оттуда выкинуть. Я уже была

послушной хорошей дочерью для своих родителей. Теперь я женщина и способна разделить заботу о семье с мужчиной. Его и мое мнение должны обладать равным весом»⁴⁴. Можно предположить, что так считали многие женщины, которые вышли замуж по любви и надеялись на равенство в браке.

Хотя мы располагаем множеством свидетельств о счастливых браках от жительниц самых разных уголков континента, немало и более печальных историй, которые завершались побегом или разводом. Мужья бросали жен и детей из-за выпивки, депрессии, безволия или ради другой женщины. Иногда из семьи уходила жена — о таких случаях сообщают газетные объявления в разделе с пропавшими людьми. Она могла и не убегать, но подать на развод, что особенно часто случалось в только осваиваемых и заселяемых землях, поскольку законодательство там было относительно мягким.

Зачастую муж и жена просто расходились и не начинали трудоемкий бракоразводный процесс, пока один из них не собирался вновь вступить в брак. Но даже если такое желание возникало, в такой огромной стране, как США, легко было попросту затеряться и создать новую семью, уже имея одну. Двоебрачие «было довольно распространено в США в XIX веке»⁴⁵.

Лишь немногие женщины могли вернуться в лоно семьи и прибегнуть к ее поддержке. К счастью, так смогла сделать Бефания Оуэнс-Эдейр, оставив своего никчемного мужа в Орегоне. Четыре года проведя в браке, восемнадцатилетняя Бефания с младенцем на руках вернулась в родительский дом и подала на развод. Когда женщина постарше спросила ее, почему она решилась на такой поступок, Бефания ответила: «Потому что он нещадно сек моего ребенка, бил и душил меня». В это тяжелое время ей казалось, что беды захлестнули ее с головой: «К мужу я потеряла последнюю любовь и уважение; развод стал клеймом на всю жизнь, а мой двухлетний сын часто хворал»⁴⁶.

И все же ее ждала выдающаяся жизнь. Сперва она вернулась в школу и закончила образование. Затем она взяла себе шестнадцать учеников, с которыми занималась три месяца и брала по два доллара. Она съехала из родительского дома, зарабатывая учительством, стиркой и сбором черники. Несколько лет она шила платья и шляпы. И в 1870 году она смогла оплатить своему сыну учебу в Калифорнийском университете в Беркли.

И в этот момент ее жизнь кардинально изменилась. Она решила изучать медицину. Одолжив у врача учебник анатомии Грея, она изучила процессы, происходящие в человеческом организме, и смогла поступить в Школу эклектической медицины в Филадельфии*. Поскольку женщин не принимали в наиболее авторитетные медицинские школы и полагали, что медицина — мужская профессия, семья Бефании почувствовала себя «опозоренной». И все же ей удалось завершить свое образование в Филадельфии и продолжить его в Мичигане в одном из первых университетов, который начал выпускать женщин-врачей. В 1880 году в возрасте 40 лет она получила свой диплом и вернулась в родной Орегон, где стала широко известна как «леди-врач» и проработала еще двадцать пять лет.

Бефании Оуэнс-Эдейр посчастливилось жить в то время, когда патриархальные порядки, регулировавшие жизнь американских и британских женщин, начали давать слабину. Законы, принятые в Великобритании с 1857 по 1882 год, а в Америке — в начале 1840-х, подарили женщине более широкие возможности. Одиноким и разведенным женщинам теперь могли получить образование или развивать карьеру, если им претило становиться домохозяйками.

* Эклектическая медицина — распространенное в США рубежа XIX–XX-веків течение в медицине, в основе которого — использование лекарственных растений.

Глава седьмая. ЖЕНСКИЙ ВОПРОС И НОВАЯ ЖЕНЩИЦА

В третьем акте пьесы Генрика Ибсена «Кукольный дом» герои — муж Хельмер и жена Нора — ведут необычный спор. Он говорит ей: «Ты прежде всего жена и мать». Она отвечает: «Я в это больше не верю. Я думаю, что прежде всего я человек, так же как и ты, или, по крайней мере, должна постараться стать человеком»*.

Премьера пьесы, состоявшаяся в декабре 1879 года в Королевском театре Копенгагена, окончилась скандалом. Зрители были глубоко возмущены тем, что главная героиня слагает с себя роль жены и матери, оставляет детей и мужа и начинает независимую жизнь. В Норвегии, где пьеса была опубликована за несколько недель до датской премьеры, на Ибсена обрушились консервативные критики. И хотя Ибсен, как правило, относился к такого рода нападкам с юмором, в этот раз он решил уступить и прислушаться к своим хулителям по всей Скандинавии. В той версии постановки, которая показывалась в Германии, он изменил концовку. Если в первом варианте пьесы Нора уходила из дома, хлопнув дверью, то в новой редакции Хельмер заставлял ее взглянуть на спящих детей, она опускалась на пол, выкрикивала: «О, хотя это преступление против себя, я не могу их оставить!» — и занавес падал.

* Пер. А. и П. Ганзен.

Конечно, похвалу со стороны прогрессивного сообщества заслужила оригинальная версия ибсеновской пьесы. Подобно тому как многие женщины пытались стать полноправными гражданками своих государств, главная героиня Нора пыталась освободиться из «кукольного дома», где она была не более чем куклой-женой (а до того куклой-дочерью для своего отца). Нора моментально стала символом борьбы за независимость для женщин, даже если эта независимость давалась ценой отказа от роли жены и матери.

Как и любая литературная классика, «Кукольный дом» — это одновременно выразитель веяний эпохи и собрание универсальных жизненных ситуаций. Нора — это и женщина из высшего норвежского общества, связанная множеством условий, присущих ее времени и стране, и символ любой женщины, которая ищет самореализации. Ее история могла произойти только в эту конкретную эпоху, и все же это история каждой женщины.

К слову об эпохе. Во второй половине XIX века Скандинавия, как и вся остальная Европа, была взбудоражена так называемым «женским вопросом». Тема исключительности мужских привилегий затрагивалась в произведениях норвежской романистки Камиллы Коллетт (1813–1895) и шведской романистки Фредерики Бремер (1801–1865). Должна ли незамужняя женщина ждать инициативы от мужчины, никак не проявляя свои чувства до тех пор, пока он первым не заговорит о них? Обязательно ли брак должен быть патриархальным институтом, вынуждающим женщину обменивать независимость на защиту? Справедливо ли, что перед лицом закона жена менее значима, чем муж, и выступает его подопечной? Должна ли женщина отказываться от всех экономических прав и принимать на себя единственное обязательство — заботиться о домашнем очаге? Обязана ли она вообще выходить замуж?

В Швеции и Норвегии, которые на тот момент составляли Объединенное королевство, жаркие дебаты о женском вопросе

привели в 1874 году к принятию закона, который переопределял права женщины. Впервые замужняя женщина получала контроль над своим личным имуществом. Как правило, наследницами крупного состояния или владелицами солидного приданого были представительницы высшего класса, и они выходили замуж за мужчин того же статуса; и все же, несмотря на это, до 1874 года они не имели права распоряжаться теми богатствами, которые приносили в брак. Те изменения, которые произошли в Скандинавии в 1870-е годы, позволили Норе из «Кукольного дома» без ведома мужа взять заем в банке — ее наперсница с изумлением относится к этой затее (а уж как она удивилась бы, если бы узнала, что Нора сумела сделать заем, подделав подпись умирающего отца на векселе!).

Закон 1874 года также определял, что у жен могли быть собственные сбережения, что имело особенно большое значение для женщин из рабочего класса: многие из них до замужества могли полагаться только на свой заработок. Часто эти женщины откладывали свадьбу, чтобы накопить на приданое и оплатить ее — полагалось, чтобы эту дорогостоящую церемонию оплачивала невеста или ее семья. Помолвка у представителей рабочего класса в Швеции могла растянуться на годы, и все это время женщина могла сожительствовать с мужчиной, даже родить ребенка, что было абсолютно недопустимо для женщин из среднего и высшего классов. Сожительствовали до брака около 40–50% всех пар из рабочего класса, так что специально для обозначения мужчины и женщины, живущих вместе без церковного или гражданского обряда, появилось обозначение «стокгольмский брак»¹.

Общество принимало женщин, состоявших в «стокгольмском браке» (как и жен священников в Средние века), несмотря на осуждение со стороны духовенства (в основном протестантского). Иногда, особенно в случаях переписи населения, такие пары стремились скрыть свои отношения и представлялись квартиросъемщиками в доме, принадлежавшем

их родителям. В конце концов такие пары преимущественно регистрировали брак, а дети, рожденные до него, получали статус законных наследников.

Из того, что мы знаем о «стокгольмском браке», можно заключить, что женщины были в нем довольно независимы. По закону они не были замужем и, следовательно, не зависели финансово от мужа: они сами могли распоряжаться своим заработком и не находились под финансовой опекой родителей. История показывает, что женщины становятся более независимыми, когда получают доступ к деньгам, которые либо наследуют, либо зарабатывают сами. Такая независимость всегда вызывала беспокойство у мужчин. Тем, кто сегодня продолжает считать, что все беды в современном обществе идут от того, что жены работают вне дома, следует присмотреться к спорам, которые разворачивались в конце XIX века вокруг женского вопроса. Все эти проблемы уже поднимались в них.

В поддержку женских свобод высказывались такие знаменитые европейские литераторы, как Генрик Ибсен и Бьерн-стjerne Бьернсон в Норвегии, Фредерика Бремер и Эллен Кей в Швеции, Мария Башкирцева, родившаяся в России и жившая во Франции, французские активистки Мари Можере и Нелли Руссель, южноафриканская романистка Оливия Шрайнер, ирландский драматург Бернард Шоу, австрийская пацифистка Берта фон Зутнер. В числе их противников были не менее значимые фигуры: немецкий философ Фридрих Ницше, шведский драматург Август Стриндберг, русский писатель Лев Толстой, а также всевозможные французы. Но, вероятно, самым влиятельным оппонентом женской независимости был папа Лев XIII — он был убежден, что замужня женщина должна оставаться в клетке патриархального брака, что такое положение было ей уготовано судьбой. Выпущенная им в 1891 году энциклика гласила, что «женщина по природе приспособлена для работы домашней, которая лучше всего охраняет ее скромность и способствует доброму воспитанию детей и благу семьи»²

Ева слушает змея, Адам в задумчивости чешет голову.
Лукас Кранах Старший. Адам и Ева. 1528

Галерея Уффици, Флоренция / Galleria degli Uffizi, Firenze

Кетуба, или еврейский брачный контракт, устанавливал размер приданого невесты и ее права, если она разводилась или становилась вдовой. Кетуба из Анконы (Италия) 1805
 Нью-Йоркская публичная библиотека, США / NYPL, USA

Могильная стела из Афин,
ок. 400 в. до н.э. Установлена
в память о муже и жене
Музей Пола Гетти, Лос-Анджелес /
J. Paul Getty Museum, Los Angeles

Портрет мужа и жены. Фреска с Виллы в Боскореале
(окрестности Помпей), ок. 50–40 гг. до н.э.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк / The Metropolitan Museum of Art, New-York

Немецкий средневековый манускрипт изображает христианскую иерархию женских добродетелей согласно степени сексуального воздержания: девственницы на верхней ступени, вдовы посередине, а жены ниже всех. Чем ниже сексуальная активность, тем выше награда — снопы пшеницы, символизирующие божественную благодать. Страница из *Der Jungfrauspiegel*, конец XIII — начало XIV вв.

Рейнский краеведческий музей, Бонн / *Speculum Virginum*, LVR-LandesMuseum Bonn, © Photo: Jürgen Vogel

Катарина фон Бора (1499–1552), жена Мартина Лютера.
Лукас Кранах Старший. 1520
Национальный музей Швеции, Стокгольм / Nationalmuseum, Stockholm

Генрих VIII и шесть его жен.
Карикатурная гравюра Джона Роджерса, начало XIX века
Музей Виктории и Альберта, Лондон / © Victoria and Albert Museum, London

Американская дубовая колыбель. Середина XVII века
Музей Метрополитен, Нью-Йорк / The Metropolitan Museum of Art, New-York

Matoaks als Rebecka daughter to the mighty Prince Powhatan, Emperour of Aanoughkomouck als Virginia converted and baptized in the Christian faith and Wife to the worth Mr Tho: Rolfe.

1906. POLAHONTAS.

COPYRIGHT, 1906, BY DETROIT PUBLISHING CO.

POCAHONTAS MEMORIAL ASSOCIATION

WASHINGTON, D. C.

Покахонтас (1599–1617), дочь вождя индейцев Поухатана и жена виргинского поселенца Джона Рольфа. В 1616 году вместе с мужем она отправилась в Англию и произвела сенсацию в лондонском обществе. Умерла на обратном пути в Америку в возрасте восемнадцати лет. Открытка 1906 года, Детройт Нью-Йоркская публичная библиотека, США / NYPL, USA

*Elizabeth Cady Stanton and
her daughter, Harriet.
from a daguerrotype 1856.*

Элизабет Кэди Стэнтон
с дочерью Гэрриет. 1856
Библиотека Конгресса США /
Library of Congress, USA

Пожилая
афроамериканская пара,
штат Виргиния. 1899
Фото Фрэнсис Бенджамин
Джонстон. Библиотека
Конгресса США / Library
of Congress, USA

Антуан Лоран Лавуазье (1743–1794) и его супруга
(Мария-Анна Пьеретта Польц, 1758–1836).
Лавуазье, основатель современной химии, смотрит на жену в поисках
вдохновения. Портрет кисти Жака-Луи Давида, 1788
Музей Метрополитен, Нью-Йорк / The Metropolitan Museum of Art, New-York

Свадебные платья тонкой работы на цветной гравюре со страниц Godey's Lady's Book — издания, пользовавшегося большим успехом у женщин. Ноябрь 1861

Брачный сертификат. Литография Керриера, 1848.
 Список «Обязанностей мужа» и «Обязанностей жены» составлен из цитат из Библии и комментария литографа. Муж должен любить жену, заботиться о ней и не покидать ее. Муж, который не может обеспечить свою жену и детей всем необходимым, считается хуже еретика
 Библиотека Конгресса США / Library of Congress, USA

«Железный век. Чего хотят от мужчины». Карикатурная литография, изображающая возможные последствия деятельности Национальной ассоциации суфражисток, основанной в 1869 году

Библиотека Конгресса США / Library of Congress, USA

Участницы общества Дочерей американской революции закладывают первый камень здания Мемориального центра в Вашингтоне. 19 апреля 1903 года

Фото Фрэнсис Бенджамин Джонстон.

Библиотека Конгресса США / Library of Congress, USA

Реклама домашней швейной машинки. Ок. 1882
Библиотека Конгресса США / Library of Congress, USA

Семья бедного крестьянина Бада Филдса
в годы Великой депрессии. 1935

Фото Уокера Эвачса. Библиотека Конгресса США / Library of Congress, USA

Агитационный плакат, призывающий домохозяйек самим выращивать еду и продавать ее излишки, чтобы помочь победить в войне. 1940

Фото Рассела Ли. Библиотека Конгресса США / Library of Congress, USA

COSMOPOLITAN

April, 1967 • 50¢

Sex and the
Japanese
Single Girl

A Secretary
Tells How a
Con Man
Took Her Money

Vanessa Redgrave—
Zap!

The Unfaithful Wife
—A New Study

Here Comes Twiggy!
Britain's New, Super Model
by John Fowles

Mystery Novel—Complete
by Patricia Highsmith

Фотомодель Твигги на обложке журнала Cosmopolitan — типичного нового журнала для женщин, в котором открыто обсуждалась интимная жизнь. 1967

Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар. Ок. 1945
Bridgeman Images / FOTODOM

Хиллари Клинтон, к которой американцы поначалу относились с недоверием, в конце 1990-х — после скандала с Моникой Левински → вызвала их сочувствие и одобрение своим достойным поведением, а ее политическая карьера пошла в гору. На фото: Клинтон в 1993 году представляет свой план реформы здравоохранения
Фото Морин Китинг. Библиотека Конгресса США / Library of Congress, USA

Карикатуристы упражнялись в остроумии, изображая «новую женщину» и ее забитого мужа. Они следовали традиции изображения мужа-подкаблучника и безжалостно искажали идею перераспределения ролей в браке. Американская вариация на эту тему изображает суфражистку, изящно одетую женщину, садящейся в карету, которой правят еще две женщины, а позади кареты остается муж, который следит за младенцем и стирает. Немецкая карикатура 1900 года «Современный брак» (*Moderne Ehe*) показывает женщину, одетую в штаны, которая гневно потрясает туфлей, а рядом стоит ее муж, выряженный в платье и домашние тапки, в одной руке он держит ребенка, а в другой — бутылочку. Подпись под рисунком гласит: «Она носит штаны» (*Sie hat de Hosen an*).

«Новая женщина» в Великобритании

В Великобритании обсуждение женского вопроса в 1880–1890-е годы достигло высшего накала. «Новую женщину» — так с 1894 года стали называть этот получивший распространение феномен³ — обсуждали на страницах газет и журналов, в романах и пьесах, в публичных речах и в беседах в узком кругу. «Новую женщину» отличали образованность, независимость, пренебрежение традиционными семейными ценностями и размывание границ между моделями поведения, приписываемыми мужчинам и женщинам. Для своих последовательниц она была долгожданной освободительницей, которая наконец восстановит справедливость в отношениях между полами и отвоюет привилегии для женщин в семье и в обществе. Хулители же считали ее не более чем возмутительной хабалкой, ошибкой природы, которая силится разрушить установленный свыше гендерный порядок и посеять хаос в таких священных гражданских институтах, как брак и материнство.

Скандалные дискуссии о «новой женщине», без сомнения, росли из беспокойства о будущем брака. Пока такие проблемы,

как женская сексуальность, образование, труд и избирательное право, поднимались все чаще, в феминистских протестах видели попытку уничтожить «истинную женственность» — то есть идеал самоотверженной, заботливой супруги и матери. Во что превратится семья, если замужняя женщина будет состоять в по-настоящему равном союзе со своим мужем?

Первой в публичном пространстве этот вопрос подняла англичанка Мона Кэрд. Ее статья «Брак» была опубликована в августе 1888 года в журнале *Westminster Review*, и когда *The Daily Telegraph* предложила своим читателям высказать свое мнение на этот счет, меньше чем за два месяца в редакцию пришло около 27 000 писем.

Что же такого написала Кэрд в своей статье, что вызвало такую острую реакцию, и что позволило одному из ее современников говорить о «величайшей газетной полемике современности»? По большому счету она, опираясь на опыт таких феминистских мыслителей, как Мэри Уолстонкрафт и Джон Стюарт Милль, заявляла, что мужчины веками держали женщин в подчинении ради удовлетворения своих потребностей и что брак — один из главных механизмов их закрепощения. Кэрд писала, что современная концепция «взятия в жены» ведет свое происхождение от древней практики покупки невесты и что этой процедуре фактически соответствует современное положение вещей, когда викторианская невеста продает себя самому достойному покупателю.

Кратко и вольно очерчивая историю института брака, Кэрд особое место отводит Лютеру. Именно он, по ее мнению, отринув священную значимость брака, превратил его в коммерческое соглашение и «низвел его до положения узаконенного греха». Она сразу же отклонила и мнение о том, что в протестантизме, дескать, брак облагородился, и назначила реформаторов Лютера и Меланхтона ответственными за то, что до сих пор викторианское общество считает основной задачей женщины рождение детей, даже если от этого она может умереть.

Кэрд считала брак «заблуждением». Поскольку жена по-прежнему оставалась чем-то, что можно было приобрести, ей приходилось в своих представлениях о морали ориентироваться на идеал «служения мужчине». Интеллект, образованность и скромность жены даже для нее самой имели значение только в связи с мужем. Кэрд красноречиво говорит об этом: «Женщина должна развивать себя только как собственность мужа». Следуя той же логике, если добродетели жены принадлежат мужу, то ее проступки «порочат» его. Идея того, что мужская честь страдает от неверности жены, по мнению Кэрда, — «самое наивное проявление собственнической теории». Неверность была причиной для начала бракоразводного процесса, и во многих судах жену рассматривали как часть имущества, но Кэрд поднимает более философский вопрос: «Как кого-то могут опорочить чужие поступки?» (этот вопрос можно задать персонажам «Кукольного дома», где Хельмер волнуется, что преступление жены опорочит его честь).

Кэрд в статье предлагает ряд радикальных мер, которые помогли бы покончить с таким «тлетворным заточением». Можно было отрицать брак в принципе. К такому шагу склонялось «все больше женщин <...> отказывающихся от брака, который позволил бы облегчить их существование, не желая терять своей свободы».

Но Кэрд не отвергала брак полностью. Она желала не уничтожения его, а перерождения, достичь которого позволило бы развеивание определенных заблуждений — например, уход от обязанности жить вместе, которое распространялось даже на тех супругов, что несчастливы в браке. На протяжении XIX века доказанная измена была единственным легальным основанием для развода, а стоимость этой процедуры делала ее невозможной для большинства британцев. Кэрд выступала за более мягкое законодательство в этой области, а также за лучшее образование для женщин, которое позволило бы им обеспечивать себя самим и не спешить выходить замуж ради денег. Она верила,

что это превратило бы брак в сознательный выбор, построенный на любви и привязанности, а не на чувстве долга. Эти изменения могли бы поддержать люди обоих полов, которые, по мнению автора, не были удовлетворены своим положением. Кэрд полагала, что моральное возрождение не заставит себя ждать, и считала, что об этом свидетельствует «волнение умов в последние годы, знаки и чудеса, предшествующие пробуждению». Она приглашала своих читателей к дискуссии.

В подборке, опубликованной в *The Daily Telegraph* в связи со статьей Кэрд, были письма от замужних женщин, женатых мужчин, одиноких дам, холостяков, вдов и вдовцов, священнослужителей, буфетчиц, врачей, моряков, медсестры, художника, врача, актрисы, меховщика, нескольких секретарш и т. д. Авторы писем были по большей части представителями среднего класса, хотя встречались ответы и от представителей рабочего класса. Они либо были безоговорочно солидарны с Кэрд, либо категорически не соглашались с нею. Они рассказывали свои личные истории, радостные и несчастные, предлагали свои причины того, почему стоит отказаться от современного брака, или делали предложения, как его улучшить. Многие давали советы авторам писем, которые были опубликованы ранее. Эта переписка позволяет понять, что представлял собой брак в Великобритании в конце XIX века, и содержит множество любопытных частных случаев. Ниже я позволила себе рассортировать письма по двум категориям: 1) истории женщин, которые считали свой брак неудачным; 2) истории женщин, которые считали свой брак удачным.

Случаи несчастливого брака

Должна сказать, что я согласна с тем утверждением, что процедуру развода нужно облегчить. Расскажу вам свою историю. Мой муж — прожженный пьяница. Да, он неплохо зарабатывает

и я ни в чем не нуждаюсь, но справедливая ли это цена за то, что мне приходится пять дней в неделю иметь дело с таким пьянчужой? (Луcreция. Уэстборн-Парк. 20 августа).

Я одна из тех страдалиц, для которых брак стал главной ошибкой в жизни. Меня выдали замуж совсем девочкой, а через пару лет я по сути стала вдовой и, ввиду жестокости мужа, принуждена была искать развода. Но наше законодательство, по которому я вынуждена была жить с мужем, рискуя жизнью, смилостивилось надо мной только после того, как я потеряла глаз... (М. С. Брэдфорд-стрит. Стрэнд. 21 августа).

Буду безмерно признательна миссис Моне Кэрд или кому-либо еще, кто объяснит, как спасти положение двум супругам, которые несчастливы в браке. В моем случае брак был прискорбной ошибкой, потому что мы с мужем не подходим друг другу. Нашу несовместимость доказали четырнадцать лет совместной жизни, которые прошли в постоянных склоках и препирательствах... Мы нарушили все клятвы, которые давали в день свадьбы, кроме одной; придерживаясь морали, мы вынуждены поддерживать свой союз, каждый день ощущая себя несчастными, омрачая и опечаливая жизнь детей, которым приходится жить в доме, где нет ни любви, ни радости... (Уставшая жена. Фельфем близ Богнора. 21 августа).

Я сама — покинутая жена, мой муж никогда не проявлял ко мне и толики должного уважения и доброты, но я с гордостью могу сказать, что ревностно блюду супружескую клятву, и если мой муж завтра велит мне вернуться к нему, я сделаю это и вновь стану ему верной и любящей женой. (Жена городского торговца. Уэртинг. 10 сентября).

Я неразумно вышла замуж за мужчину, которого не люблю. Я думала, что, возможно, смогу привить себе теплое чувство, но этого не произошло <...> Я считаю, раз я его жена, я должна оставаться с ним, но все мое естество противится тому, чтобы

быть подле мужчины, которого я никогда не любила и который в своих вкусах, повадках и стремлениях представляет полную мне противоположность. Мне кажется, я была бы лучшей женщиной, если бы мной руководила любовь, а не чувство долга... (Нарушительница брачных законов. Норвуд. 20 сентября).

Мой супруг и я страдаем от несовместимости характеров. Мы не ссоримся, но между нами нет и доли симпатии — лишь абсолютное отторжение каждой мысли и чувства. <...> Мне кажется, что в мире было бы меньше недовольных, сварливых и сломленных женщин, если бы мужья видели, что те интересуются и занимаются чем-то помимо домашних дел. <...>

Еще одна причина брачных неудач — в том, что мужья противятся женской независимости в финансовых вопросах. <...> Немногие из них понимают, какое это унижение для женщины независимой — постоянно кланяться деньгам и к какой горечи и возмущению это может в конце концов привести... (Пропавшая жена. Дарент, Кент. 26 сентября).

В этих и других письмах недовольные своим браком женщины считают основной причиной неудач мужа, грубого, несокомерного или склонного к пьянству. Как правило, автор письма сообщала, что перепробовала все средства, чтобы стать «идеальной женой», воспитать в себе «преданность и самоотверженность», и все же обстоятельства брака полностью раздавили ее, и теперь единственное, чего она хотела бы, — избавления от брака, которое могло быть признано законом ее страны и ее религией. И все же никто из женщин не хотел идти на измену, чтобы дать достаточное основание для развода.

Некоторые жены признавали, что основная проблема их брака — несовпадение характеров. Они считали себя виноватыми в той же степени, что и своих мужей. Одна женщина даже попросту заявляла, что «не создана для брака». Подобно авторам других писем, она протестовала против закона, который не позволял жене и мужу расходиться.

Случаи благополучного брака

Позвольте ли сказать слово женщине, которая уже двадцать лет состоит в браке? <...> По моему скромному мнению, замужество было придумано в интересах слабой части человечества, то есть женщин и детей, и более служит им на благо, чем наоборот. Мужчина, возможно, мог бы обойтись без брака — и многие мужчины так и поступают, довольствуясь свободными, временными отношениями. <...> А женщина, как мне кажется, по природе должна быть в подчиненном положении. «И он господствовать будет над тобою» — такая доля была уготована первой грешнице, Еве. <...> Я высказываю только женскую точку зрения; готова признать, что замужество нередко вызывает чувство разочарования, но его нельзя назвать ошибкой, если оно служит продолжению рода и если оно наделяет женщину высоким — и почти святым — статусом верной жены и достойной матери. (Вера и надежда. Брайтон. 10 августа).

Если вы чувственная, умная и тактичная женщина и не ждете от своего мужа слишком многого, вы будете счастливы в браке <...> Представителя мужского пола, которому подарите свою любовь, выбирайте, прислушиваясь исключительно к собственному мнению. Кроме того, помните, что все мы не без греха, так что будьте терпеливы; и если вы найдете достойного мужчину, он будет любить и уважать вас за это. Если видите, что муж отбился от рук и поздно приходит, выдайте ему ключ от двери; свобода, на которую не покушаются, скоро ему приестся. Не дожидайтесь его допоздна. Идите себе спать, а его встречайте с милой, непритворной улыбкой и не задавайте ему неудобных вопросов о том, где он прошлялся до утра. <...> При таком поведении, я вас уверяю, мужчина потеряет всякий интерес к ночным гуляниям и меньше чем через месяц вновь станет возвращаться домой вечером в разумное время. Стинет ли ваш брак ошибкой, зависит в том числе и от вас. (Эмили Коффин. Лондон. 14 августа).

Накануне свадьбы я дала себе три обещания: никогда не злить мужа, никогда не иметь от него секретов и не совершать ничего настолько бездумного или эгоистичного, что могло бы привести его к банкротству. Через пятнадцать лет брака я рассказала ему об этом, и хотя вот уже десять лет как я вдова, я не могу сдержать слез, когда вспоминаю его полный нежности ответ... (Та, кто верит в святость брака. Линкольн. 20 августа).

Позволите ли вы жене рабочего сказать несколько слов по поводу вопроса о браке? <...> Мне сорок лет, и я замужем; мой брак до сих пор крепок, значит, кое-что мои слова да значат. Я считаю, что брак — не заблуждение, и вот почему.

Пятнадцати лет, когда я подвизалась в мастерской, я влюбилась в своего мужа. Он был подмастерьем и на четыре года меня старше. Мы были очень счастливы — вели себя как влюбленные голубки, хотя никогда не спрашивали мнения родителей и полностью полагались на свой выбор, нам нравилось кокетничать друг с другом втихаря, и мы с нетерпением ждали, когда сможем пожениться. Как только его учеба в мастерской закончилась, мы назначили дату, и в один прекрасный день, получив выходной, отправились напрямик в церковь, взяв в свидетели пару ребят, с которыми работали. Нас поженил добрый человек, которому, кажется, в радость было сделать такую симпатичную и счастливую пару мужем и женой. Моим приданым стала моя любовь. Он располагал только теми средствами, какие мог заработать своим ремеслом. У нас не было счета в банке, мы имели лишь скромные пожитки, но мы поженились и были так счастливы, что нельзя себе представить. В тот же год я родила первого сына. Затем у него появились восемь братьев и сестер, и семерым из них удалось дожить до взрослых лет. <...> Зачем Бог создал нас мужчинами и женщинами? Очевидно, чтобы мы становились спутниками друг друга и чтобы мы исполняли Божественное повеление «плодиться и размножаться». Бог послал нас на землю не для одного развлечения, но для труда. Женская работа — быть матерью, воспитывать детские

умы и сердца. И если она настоящая женщина, она исполняет свою задачу с радостью. Какая награда может быть выше, чем, когда волосы покроются сединой, а походка замедлится, увидеть, как дети возвращают тебе любовь и заботу, которую ты им дала, и что этот доход стабильно растет? Я бы не променяла любовь сыновей и дочерей и свое укромное место у камина ни на какие богатства Ротшильдов... (Жена рабочего. Плимут. 6 сентября).

Мы поженились через три года после знакомства, и я хорошо знала своего мужа; в какой-то момент мы решили, что понимаем друг друга достаточно хорошо, чтобы потом счастливо жить вместе. Но спустя некоторое время я поняла, что он ускользает от меня. <...> Друзья советовали мне, чтобы, если он решит пойти своей дорогой, я шла своей. Но я понимала, что так мне его не вернуть. Так что, потерпев его причуды несколько лет, я придумала, как мне вернуть его. <...> Я всегда встречала его сама как ни в чем не бывало и оказывала ему все те же мелкие знаки внимания, как в то время, когда мы еще не были женаты. Я старательно изучила всех его друзей и взяла за привычку пару раз в неделю приглашать кого-нибудь из них на ужин. <...> Так постепенно я отвадила его от дурной компании, и последний год мы живем очень счастливо. (Женщина из среднего класса. Кройдон. 12 сентября).

Если Богу будет угодно, мы надеемся справить золотую свадьбу, и мы все еще не устали друг от друга. Но я совершила множество ошибок...

Теперь я знаю, как управляться со своим мужем, и я научилась приумножать его удовольствия, коих не так уж много, — разделяя их с ним... (Винни Джонс, Сваффхем. 17 сентября).

В целом счастливые жены не были так категоричны, как несчастные. Они считали, что брак предполагает терпимость по отношению к недостаткам супруга и даже подчинение его интересам. Они верили в то, что задача сохранения брака

лежит на их плечах, а не на плечах мужей. Одна жена дала в канун свадьбы три обещания, о которых рассказала мужу только через пятнадцать лет; вторая исправила ошибки молодости и со временем научилась «управляться» со своим мужем; третья постепенно отвадила своего мужа от «дурной компании»; четвертая дошла даже до того, что выдала своему мужу ключ от входной двери, чтобы тот мог возвращаться домой так поздно, как пожелает, пока ему не наскучит вседозволенность. Все они разделяли ту точку зрения, что дом должен быть убежищем, где муж может укрыться от напастей внешнего мира, будь то агрессивная рабочая среда или распутство и выпивка. «Настоящая женщина» была предана своей миссии хозяйки дома, жены и матери.

В некоторых письмах ощущается сильное влияние традиционных религиозных взглядов, согласно которым женщина была немощным сосудом и Бог предназначил ей повиноваться мужу и рожать детей. Наиболее необычным кажется письмо жены рабочего, которая ясно сознает свои классовые различия с большинством других корреспонденток и так уверенно довольна своей долей. Примечательно, что эта жена, которая была замужем сорок лет, и жены более старшего возраста были самыми счастливыми. Они преодолели трудный период притирания друг к другу, деторождения, стесненности в средствах и в поздние годы начали осознавать, насколько им повезло. Даже эта небольшая выборка может служить подтверждением слов многих современных психологов о том, что пожилые люди, сумевшие сохранить свой брак, переживают на старости лет расцвет отношений⁵.

Развитие дискуссии в Великобритании и Европе

Статья в *The Daily Telegraph* не положила конец спорам по женскому вопросу. В Великобритании поборницам женской независимости Моне Кэрд, Саре Гранд и Оливии Шрейнер

противостояли противницы реформ — например, Элиза Линн Линтон, миссис Хэмфри Уорд и популярная романистка Уида. Мужчины-писатели также не скрывали своего отношения к женскому вопросу. В отличие от более ранней прозы Остин, Бронте, Гаскелл и Диккенса, романы 1880–1890-х годов уже необязательно завершались свадьбой: теперь брачная церемония могла расположиться в начале или середине романа, а следом могло идти описание проблем, которые она за собой повлекла. Или же в романе могло и вовсе не быть свадьбы⁶.

Впрочем, британские романисты были на шаг позади своих коллег с континента: те уже в первой трети XIX века отказались от того, чтобы заканчивать произведение счастливой свадьбой, и начали описывать любовь, секс и замужество в более мрачных тонах. Уже в 1832 году вышел шокировавший читателей роман французской писательницы Жорж Санд «Индиана», где описывалась история жены, спасавшейся от своего насильника-мужа. В той части «Человеческой комедии», что была написана в 1830–1840-х, Бальзак рассказывает о сумасбродных мужьях и отцах, сделавших своих жен и дочерей несчастными. В «Воспоминаниях двух юных жен» Бальзак предлагает будущим невестам две модели брака: традиционный брак, заключенный по уговору, и романтический брак, совершенный в порыве страсти. Две подруги, выпустившись из школы при монастыре, сделали выбор в пользу разных моделей: одна нашла мужа, руководствуясь интересами семьи, другая — велением собственного сердца. Несмотря на свой романтизм, Бальзак оказывается на стороне женщины, выбравшей быть хозяйкой и матерью, а та героиня, что предпочла страсть, теряет своего первого мужа в чаду безудержной страсти (!) и умирает во втором браке, не сумев совладать с собственной ревностью и тем самым выступая предупреждением другим.

Но образ несчастной жены *par excellence* создал писатель следующего поколения — Гюстав Флобер в романе «Госпожа

Бовари». Она была всего лишь провинциальной глупышкой, впитавшей романтические иллюзии своего времени; но Флобер превратил ее в великую изменницу, к решению которой — отказу сохранять супружескую верность занудному провинциальному врачу — можно относиться скорее с сочувствием, чем с осуждением. В 1857 году консервативное правительство Наполеона III пыталось возбудить иск об оскорблении морали против Флобера и его издателей, но вынуждено было отступить перед красноречием судебного защитника и прогрессивного судьи, а также перед общественным мнением, которое стояло на стороне романа.

Наконец, Лев Толстой в романе «Анна Каренина» (1875–1877) описывает по-настоящему отчаянную героиню-изменницу. Красивая, страстная, аристократичная Анна оставляет своего холодного мужа и любимого ребенка ради привлекательного офицера, графа Вронского. В итоге все несчастны. Как и госпожа Бовари, Анна Каренина кончает жизнь самоубийством, бросая и незаконного ребенка от Вронского, и сына, рожденного в браке. Несмотря на то что и Флобер, и Толстой сочувствуют своим героиням, они все же заставляют тех поплатиться за измену. Женская измена, оставшаяся без наказания, все еще была немыслима.

К 1880-м годам и британские романисты начали вслед за своими коллегами с континента писать о сложностях брака. Среди тех, кто видел в современном брачном институте собрание потенциальных проблем, был Томас Харди. Главный герой романа «Мэр Кэстербриджа» (1866) оказывается виновен в том, что в молодые годы продал свою жену и сына моряку — это открылось, когда он был уже стар и знаменит, и повлекло за собой падение и смерть героя. В «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» рассказывается о сельской девушке, соблазненной и забеременевшей от своего высокопоставленного нанимателя; затем она выходит замуж, но, узнав о ее прошлом, муж бросает ее. В завершении Тэсс закалывает своего первого

мужчину и, прежде чем попасть под арест и отправиться на виселицу, проводит несколько блаженных дней с мужем, которого она никогда не переставала любить. В «Джуде Незаметном» (1894) язвительная критика в адрес британского классового общества сочетается с пессимистическим взглядом на гетеросексуальные отношения. Провинциальный каменщик Джуд рано женится, и этот неудачный брак заканчивается тем, что жена от него уходит. Затем он влюбляется в свою кузину и несколько лет противозаконно живет с ней. Когда все три их ребенка трагически погибают, они расстаются, и Джуд умирает несчастным. Это самый печальный из романов Харди, и он пользовался наименьшей популярностью у читателей.

Многие британские писатели критиковали институт брака и высказывались по женскому вопросу. Так, например, Джордж Гиссинг в романе «Лишние девы» пишет о старых девах, которые оставались незамужними потому, что в викторианской Англии женщин было больше, чем мужчин. Все четыре героини романа Гиссинга не замужем, две из них — Рода Нанн и Мэри Бэрфут — не вступают в брак сознательно, чтобы помогать другим незамужним. Они открывают школу, чтобы учить женщин секретарской работе и сделать их более самостоятельными. В книге содержатся все доводы за и против традиционного брака и традиционной женской роли, хотя симпатии самого автора — на стороне «новой женщины».

Рода Нанн (ее фамилия не случайно созвучна «nun» — по-английски «монашка») — образец независимой, гордой, образованной женщины, которая посвятила себя «величайшей реформе своего времени — борьбе за равенство полов»⁷. Но чтобы мы не вообразили себе мужеподобную бой-бабу, Гиссинг заставляет ее ответить на чувство настойчивого ухажера — Эварда Бэрфута. В своих беседах они приводят современную им критику брака (общественную «повинность», от которой не отказались лишь по соображениям юридическим

и экономическим) и самые смелые рассуждения о свободном браке (неузаконенных отношениях, которые основываются на страсти и интеллекте). Эвхард говорит как поборник сексуальной эмансипации, когда делает Роде предложение:

Ты знаешь, какую жизнь я хочу с тобой разделить. Ты знаешь меня достаточно хорошо и можешь быть уверена, что своей жене — если использовать это устаревшее слово — я предоставлю ту же свободу жить, как ей хочется, что и самому себе. Как и прежде, единственное, чего я прошу, это любовь. <...> Любовь двух тонко мыслящих людей — возможно, самое дорогое, что может предложить им жизнь⁸.

Но в конце концов Рода Нанн отказывается стать женой Эвхарда Бэрфута, поскольку выясняется, что он все-таки придерживается более традиционных взглядов на брак.

Две другие героини романа выходят замуж и олицетворяют две крайности брака. Фанни Миклтуэйт делает это после помолвки, которая продолжалась целых семнадцать лет! Проявив стойкость и доблесть самопожертвования, она живет в согласии и счастье со своим мужем, несмотря на бедность. Другая героиня, Моника Уиддоусон, принимает предложение от мужчины, который вдвое старше ее. То немного, что она о нем знает, не вызывает у нее никаких теплых чувств — она выходит за него только затем, чтобы избежать той нищеты, в которой живут две ее незамужние старшие сестры. У мистера Уиддоусона были мещанские представления о том, что позволено мужчине, он патологически ревновал свою молодую жену. Супруги говорили на разных языках — все это просто толкало женщину в объятия любовника. Вопреки своему желанию, Моника не совершает измены (виной тому — малодушие любовника), но муж продолжает питать подозрения даже после того, как она умирает при родах. Такова участь жены в романе Гиссинга, написанном в конце XIX века.

В свою очередь, защитники традиционного брака не отступали от своих убеждений. В 1891 году Элиза Линн Линтон опубликовала серию статей о «разбушевавшейся женщине», где представляла семейный очаг как особый мир, в котором царит любовь и умиротворение. Она придерживалась убеждения, распространенного в викторианском обществе, что «в то время как мужчина должен трудиться вне дома — управлять страной, обрабатывать землю, — женщина должна взять на себя заботу о семье и обществе внутри страны. Чем более развито общество, тем дальше разведены две эти сферы»⁹. Несмотря на то что подобные представления о разделении труда на мужской и женский переживали нелегкие времена, Линтон упрямо их придерживалась.

Больше всего Линтон возмущала идея о том, что женщины должны принимать участие в политической жизни. Она вопрошала: «Как тут сохранить мир в доме, если женщины, беря пример с мужчин, ринутся в пучину политической борьбы?» Возражая поборницам женских прав, Линтон выдвигает аргумент, который будут использовать на протяжении следующей четверти века: если за женщиной признают право политического голоса, это плохо скажется на браке, поскольку к причинам для разногласий между супругами прибавится еще одна. Она просила читателей «вообразить тот дом, в который возвращается муж, уставший деловой человек и к тому же страстный политик, когда его жена отдала свой голос другому. <...> Мы все знаем случаи, когда жена публично и целенаправленно восставала против своего мужа». Консервативные современники Линтон — от ревностных католиков, протестантов и иудеев до сторонников евгеники и социалдарвинизма — приветствовали ее борьбу за сохранение идеи о разделении сфер труда. В «новой женщине», жаждавшей образования и экономической независимости, отказывавшейся от принудительного замужества и желавшей рожать поменьше детей, видели угрозу основам привычного миропорядка.

Женский вопрос в Америке

В Америке, как и в Европе, к концу XIX века появились сотни, если не тысячи «новых женщин» — женщин, которые стремились к большей самостоятельности либо в браке, либо в его отсутствие. Реформистка Эбба Гулд Вулсон, заявляя в 1874 году: «Я... не только жена, не только мать, не только учительница, но прежде всего женщина, и я имею право существовать как таковая», высказывала смелую для своего времени идею, к которой тогда приходили лишь редкие женщины, в то время как викторианское общество в целом предпочитало ее игнорировать¹⁰. И все же в последней четверти XIX века американки начали прислушиваться к идеям о независимости и равенстве с мужчинами. У них появлялось все больше сомнений в необходимости брака; новые возможности для заработка позволили некоторым из них вовсе не выходить замуж. Работа по дому оставалась основной сферой, в которой были заняты женщины (согласно переписи 1870 года, половина работающих женщин выполняла работу домашней прислуги), но их все чаще брали на фабрики, в швейные и шляпные мастерские, а те, кто был более образован, могли зарабатывать преподаванием, конторской работой, писательством или прикладным творчеством. Женщинам, желавшим построить успешную карьеру, по-прежнему приходилось выбирать между работой и браком. Как писала Анна Ли Мерритт в своем «Письме к художникам, в особенности к женщинам-художникам» (*Lippincott's Monthly Magazine*, 1900), «главное препятствие на пути к успеху для женщины заключается в том, что она никогда не может иметь жену».

Некоторые женщины, особенно те, кому удавалось сделать карьеру, или те, кто имел в распоряжении собственные средства, могли позволить себе «жену», то есть состоять в так называемом «бостонском браке» — длительных союзных отношениях двух незамужних женщин¹¹. Такие женщины, как

правило, боролись за свое право на профессию и поддерживали взгляды и карьерные устремления друг друга. Писательница Сара Орне Джуэтт и ее овдовевшая подруга Энни Филдз состояли в таких отношениях почти тридцать лет. Первая женщина — студентка Университета Брауна в 1891 году, Мэри Эмма Вулли, будучи президентом колледжа Маунт-Холиоок, жила вместе с Джаннет Маркс. До того как в США стали популярны идеи Фрейда, такие отношения не казались «извращением» — их считали асексуальными. Общество было терпимо к лесбийским союзам, если те не подразумевали, по крайней мере внешне, интимную близость.

Даже состоя в традиционном гетеросексуальном браке, многие молодые американки стремились к большей власти, чем женщины предыдущих поколений. Довольно часто викторианской жене приходилось в борьбе за власть иметь дело с предубеждениями не мужа или общества, но с собственными. Желая иметь больше прав в принятии решений, касающихся ее самой и ее семьи, она в то же время не хотела походить на «бесполох мужланок» с журнальных иллюстраций и карикатур. Добропорядочная женщина из среднего класса верила в институт брака, не одобряла развод и никогда не опозорила бы своего мужа на людях, но наедине она умела приобрести власть над детьми, деньгами и множеством других семейных решений. Поехать летом на побережье или в гости к родителям? Вложить ли мужу деньги в рискованное деловое предприятие? Будут ли они еще раз переезжать туда, куда ему захотелось? Есть ли у них деньги, чтобы нанять еще одну прислугу? Должна ли их дочь получать образование, как сын? Могла ли она вступить в женский клуб, одна поехать на курорт или навестить подругу в другом городе? Возражал ли муж против того, чтобы она зарабатывала деньги писательством или выпечкой тортов? Оставаясь с мужем наедине, американки из среднего класса проявляли меньшую покорность, нежели их предшественницы.

Вайолет Блэр Джанин, чью жизнь восстановила по письмам и дневникам Вирджиния Лаас, представляет собой пример женщины с необычайно сильной волей, которая отвергала повиновение в браке и жила со своим мужем Альбертом в удивительно «современном» союзе¹². На протяжении нескольких сезонов Вайолет Блэр была первой красавицей в вашингтонском обществе и отвергла двенадцать ухажеров (это довольно впечатляющее количество, даже учитывая то, что она была красива, умна и имела солидное состояние). В 1874 году — как раз когда Вулсон опубликовала свой текст о том, что женщина имеет право существовать вне какой-либо отведенной ей роли, — Вайолет вышла замуж за Альберта Джанина.

Шестью годами ранее, в возрасте двадцати лет, Вайолет Блэр записала в своем дневнике: «Я никогда не полюблю и никогда не выйду замуж, — никогда мужчина не будет властвовать надо мной, — я никогда не поклянусь служить кому-либо». Через год, вспоминая о своем десятом ухажере, она задавалась вопросом: «Что мне делать? Я так переживаю по поводу всех этих мужчин, которые влюбляются в меня; я не могу угодить всем сразу и не хочу выходить замуж ни за одного». В дневнике за 1870 год она пишет о тех же переживаниях: она признается самой себе, что не представляет, что полюбит кого-то, и заключает, что не хочет служить мужчине.

И в то же время она обнаруживает, что ей нравится Альберт Джанин, образованный юрист из Нового Орлеана, который придерживается прогрессивных взглядов. Он поощрял ее интерес к женским правам и даже приносил ей книги и брошюры на эту тему. Он уважал ее неординарные убеждения и внушительные знания нескольких языков и, что важнее, не возражал против того, чтобы она принимала решения. 27 октября 1871 года она удовлетворенно записывает в дневнике: «Он меня слушается». В этом же году она приняла его предложение.

Помолвку по ее просьбе держали в секрете; она продолжала заигрывать с другими ухажерами, и это расстраивало жениха.

В одном из писем он дал волю отчаянию: «Меня приводит в отчаяние мысль о том, что я могу потерять тебя. Я живу тобой; без тебя я стану ничем. Сейчас я одинок и расстроен, но я все равно считаю себя счастливейшим из мужчин, когда думаю о том счастье, которое меня ждет...». Это был один из многих кризисов в их период ухаживаний. Хотя викторианские девушки часто испытывали своих женихов, Вайолет, по ее собственному признанию, была действительно очень своевольной. «Ах, Бerti! — писала она в 1872 году. — Я могу превратить твою жизнь в кошмар. Из испорченной красоти не выйдет хорошей жены». Наконец, проявив настойчивость и терпение (он был, как писал один из друзей Вайолет, «почти так же верен, как Иаков»), Альберт осенью 1872 года повел свою невесту к алтарю.

Но это не значило, что Вайолет была готова принять традиционную модель брака и подчиниться мужу. Она поставила перед Альбертом условия: «Меня удовлетворит только абсолютная покорность. Сейчас я управляю своими любовниками, и если ты думаешь, что я хочу выйти замуж и отказаться от своей власти, ты сильно заблуждаешься! Ни за что! <...> Я была рождена, чтобы командовать, а не покоряться». Альберт согласился на все, в том числе позволил Вайолет распоряжаться своим имуществом и жить в Вашингтоне даже тогда, когда он на несколько месяцев отлучался в Новый Орлеан. Ее слова о раздельном проживании звучат очень современно: «Ты не обязан все время жить в одном городе со мной. <...> Ты можешь сам решать, куда тебе поехать, а я — где следует быть мне». Через три года после того, как она дала свое согласие на брак, Вайолет стала миссис Альберт Си Джанин.

Брак продлился сорок четыре года. Как и полагается длительным отношениям, они проходили различные стадии — от абсолютного счастья до такого же глубокого несчастья. В первые годы брака Вайолет открыла в себе поразившую ее способность любить. Когда Альберт был в отъезде, ее письма

были исполнены страсти: «Ах, если бы только ты был здесь, чтобы обнять меня. Я так скучаю по тебе. Мое сердце томится без тебя, любимый». И в другом письме: «Мой дорогой муж, не знаю почему, но у меня сегодня романтическое настроение, и я хочу сообщить тебе об этом». И все же она придерживалась тех договоренностей, что они заключили. Она четко давала понять, что любила его «как мужа и друга, но не как господина».

Они легко пришли к договоренности по финансовым вопросам. Она могла распоряжаться своими деньгами так, как ей представлялось нужным, а он своими — так, как ему казалось правильным. К сожалению, Альберту недоставало прозорливости в денежных вопросах. Он вложил в несколько деловых и политических предприятий, которые лишь пошатнули финансовое благополучие их семьи. В довершение к этим неприятностям, беременность Вайолет была неудачной, ее дочь родилась до срока и не прожила долго.

К 1880 году супруги большую часть времени жили раздельно, Альберт — в Новом Орлеане, Вайолет — в Вашингтоне. Когда он предложил, чтобы жена приехала к нему, Вайолет огрызнулась: «Ты не можешь меня обеспечить. <...> Как ты хочешь заставить меня жить с тобой в Новом Орлеане?» После этого письма они не виделись больше года.

В 1880-е Альберт работал, чтобы выбраться из долгов, а Вайолет, чтобы заработать, брала у родственника документы на перевод. Она все больше времени посвящала работе в Национальной ассоциации женщин-суфражисток, в Обществе по борьбе с жестоким обращением с животными и в организации «Дочери Американской революции». Оба супруга вели очень насыщенную жизнь в отрыве друг от друга. В 1891 году Вайолет записала в дневнике: «Интересно, есть ли в этом городе еще одна порядочная женщина, которая состоит в столь же необязывающем браке. <...> По крайней мере, мы не досаждаем друг другу и не скандалим».

Однако был период, когда Вайолет была на грани того, чтобы спровоцировать скандал. В 1883 году она познакомилась с австрийским графом Вильгельмом Липпе-Вайсенфельдом и несколько лет состояла с ним в самой тесной дружбе. Она была в восторге от этого аристократа и никак не скрывала своих чувств, в том числе и от мужа. Но она держала в тайне то, что дважды в неделю он навещал ее, и в 1886 году признавалась в дневнике: «Если бы люди узнали об этом, мне пришлось бы прекратить». Осенью 1887 года Липпе было приказано возвратиться в Австрию. Хотя в их отношениях не было интимной близости (по крайней мере если верить дневникам Вайолет), на эмоциональном и интеллектуальном уровне они были очень яркими. Вайолет очень тяжело переживала разлуку, а Липпе так никогда и не женился.

Лишенная общества Липпе, Вайолет начала выражать все большее недовольство своим мужем, который был финансово несостоятелен и с середины 1890-х годов зависел от своей жены. Рассуждая о финансовых неудачах мужа и неудачах брака, она так подводила итоги года 31 декабря в 1897-м: «Мой брак не был счастливым, но как честная женщина я вынуждена нести эту ношу». Две недели спустя она добавила пару строк: «Берт, по крайней мере, не тащит меня в постель».

Когда Вайолет уже перестала надеяться на что-либо, Альберт, ко всеобщему удивлению, удачно распорядился частью семейного имущества — Мамонтовой пещерой в Кентукки: благодаря его усилиям она стала очень популярной достопримечательностью. Хотя Вайолет продолжала существовать на собственные средства и супруги по-прежнему жили раздельно, им удалось прийти к гармонии и даже вновь проникнуться чувством друг к другу в старости. Альберт нежно писал Вайолет в 1905 году: «Ни одна девушка или женщина, кроме тебя, не заставляла меня думать о том, чтобы сделаться ее спутником жизни. Ты красивее и умнее всех, кого я встречал». Вайолет признавала, что тоже зависит от своего супруга, когда

писала ему в 1916 году: «Мне кажется, с течением времени мы все больше нуждаемся друг в друге. Когда ты приедешь?»

В старости Альберт очень сильно сдал и сделался раздражительным. Тем не менее Вайолет взяла на себя многомесячную заботу о муже в Кентукки и продолжила ухаживать за ним в последние годы его жизни в Вашингтоне. После того как в мае 1928 года он умер, она продала Мамонтову пещеру за 446 000 долларов и большую часть этой солидной суммы перевела Вашингтонскому кафедральному собору. Она умерла в январе 1933 года. Брак Альберта и Вайолет был, мягко говоря, неординарным. И все же, по словам биографа Вайолет, во многих смыслах это была «очень характерная для своего времени история». Этот пример показывает, как напряженно сосуществовали два представления о браке: одно — основанное на новой идее женской независимости, другое — на традиционном представлении о роли женщины, по-прежнему бытовавшем в конце XIX века и на сегодняшний день себя уже изжившем.

К 1890-м годам стало невозможно игнорировать те изменения, которые происходили в роли как одинокой, так и замужней женщины в городском среднем классе. Появление женских колледжей, таких как Смит, Маунт-Холиоук, Брин-Мор, Уэллсли и Вассар, возникновение женских клубов и организаций, принятие того, что одинокая женщина и даже в некоторых случаях женщина замужняя может работать, распространение представлений, что брак не кладет конец женскому увлечению литературой, музыкой или спортом (женщины чаще всего занимались теннисом или велосипедной ездой), — все это способствовало тому, что перед женщинами открывались новые свободы и возможности.

Главным символом женской эмансипации был велосипед. В журналах и на плакатах можно было часто встретить рекламу велосипедов, а бренды соревновались друг с другом за звание велосипеда, «наиболее приспособленного для женщин».

Компания Victoria Bicycles рекламировала «откидное седло» для «тех, кто испытывает трудности при посадке», а Duplex Saddle Co., играя на женских предубеждениях по части анатомии, объявляла, что, по сообщению Бостонского общества родовспоможения от апреля 1895 года, «женщине ни в коем случае не следует ездить с обычным велосипедным седлом!» — она должна купить специальное «безопасное седло», оборудованное подушкой, так что передняя лука «даже не касается тела». Журнал Ladies' Home Journal давал своим читательницам, уже умевшим или еще не попробовавшим кататься на велосипеде, советы, как скроить своей дочери специальный костюм для езды.

Ladies' Home Journal и Good Housekeeping возникли в середине 1880-х и держали своих читательниц в курсе последних мод и веяний. Если в 1884 году автор первого еще утверждал, что «счастливее всех те женщины, которые ведут обычную семейную жизнь», то десятилетием позднее он соглашался со стремлением замужних женщин жить все менее обычной жизнью. Традиционные советы по домоводству и наведению домашнего уюта начали перемежаться материалами с такими названиями: «Какая работа подходит женщине», «Мужчины как любовники» и «Женщина и скрипка» (1896).

Это не значит, что консервативный по сути своей Ladies' Home Journal перестал превозносить жену, мать и домохозяйку. Он просто вынужден был отражать меняющиеся нравы, зачастую с сожалением. Так, в нескольких статьях с горечью отмечали постоянные разговоры «о женщине, которая не выходит замуж», скандальную открытость обсуждений разводов и остервенелую активность женщин вне дома. В своей колонке «Консервативная женщина» публицистка Рут Эшмор воскрешала викторианский идеал жены и матери:

Она лучший товарищ своему мужу и сыновьям. Она, не заботясь об этом специально, создает вокруг себя одухотворенную атмосферу, которая приносит отдых усталым членам семьи,

и особенно уставшим мужчинам. <...> Самая достойная задача для женщины — сделать так, чтобы в сердце мужчины всегда теплилась духовность, которая помогала бы ему поддерживать свое существование и противостоять суетности мира (февраль 1896 года).

В сходной манере колумнистка миссис Лайман Эббот, отвечая на письма своих читателей, придерживалась мнения о том, что брак — это священное обязательство, данное на всю жизнь, а развод — это «зараза», которая из высших слоев общества распространилась на людей со средним достатком (март 1896 года). Даже рассуждая о вопросах, не относящихся к сфере домашнего быта, миссис Эббот находила возможность упомянуть о женских обязанностях. Например, в одном из номеров журнала она поместила письмо, касающееся налоговой реформы, сочинительница которого заявляла, что хотя и «не может назвать себя новой женщиной», но считает, что женщины должны интересоваться подобными вещами, потому что «на общественное мнение лучше повлияют серьезные, умные женщины, любимые своими мужьями и почитаемые как матери, жены, сестры, возлюбленные или знакомые, нежели женщины, идущие на избирательные участки». Такой образ женщины соответствовал консервативным представлениям миссис Эббот.

Редакция Ladies' Home Journal прикладывала серьезные усилия к тому, чтобы сдерживать прогрессивные изменения в отношении женщин. Журнал порицал «ошибочное стремление молодых девушек заниматься бизнесом и торговлей» и восхвалял любое стремление «относиться к ведению хозяйства как к науке» и «вывести домоводство на более высокий уровень» (февраль 1896 года). На его страницах одобряли тех, кто решил переехать за город, особенно «если это молодая пара, которая переезжает в пригород и строит простой и опрятный дом в самом начале своей семейной жизни.

<...> Чем больше наши девушки дышат чистым воздухом, этим божьим даром, который в городах был отравлен мужчинами, тем лучшие выходят из них женщины: тем меньше мы увидим озабоченных матерей» (декабрь 1898 года). Как мы знаем теперь, жизнь в пригороде не стала спасением для американских матерей и жен.

И все же в этих журнальных текстах конца XIX века можно найти что-то созвучное нашим современным тревогам, и это не позволяет вовсе списать их со счетов как сборище ретроградных мыслей. Возьмем, к примеру, статью «Спешка новой женщины», опубликованную в январе 1899 года. Текст начинается с заявления о том, что «чувство спешки возобладало над американской женщиной» и это вредит семейной жизни. «Для многих наших жен и матерей внешние интересы вытеснили домашние обязанности <...> Женские клубы и организации в этом отношении причиняют только вред». Автор статьи напоминает своим замужним читательницам, что работа по дому оставляет очень мало свободного времени, и завершает покровительственным предписанием:

Самое время нашим женщинам начать вести более спокойную жизнь и отдалиться от того, что сегодня называют «прогрессом», это отнимает их время и занимает их мысли, не позволяя подумать о здоровье и душевном спокойствии. В наших домах должно быть больше покоя, и наши жены не должны вовлекаться в лихорадочную гонку и очаровываться ложными амбициями и глупыми идеями о том, чего ждет от них мир.

Прибавьте сюда размышления о женском наемном труде, и все эти же аргументы вы сможете найти в речах современных консерваторов. Да, мы согласны, что пора бы женщинам начать вести более спокойную жизнь. К сожалению, большинство женщин сегодня не могут позволить себе быть домохозяйками, даже если хотят этого, и мало существует

альтернатив тому, чтобы работать сорок часов в неделю вне дома плюс двадцать часов посвящать домашнему хозяйству. Большинство мужей по-прежнему не занимаются домашним хозяйством наравне со своими женами, большинство семей не могут позволить себе оплачивать услуги помощника по хозяйству, а общественных услуг, которые помогли бы сделать быт семьи менее стрессовым, существует не так много. Если верить газетным материалам столетней давности, тогда многие женщины из среднего класса, которые могли оставить домашние дела на попечении слуг, предпочитали суету внешнего мира размеренности домашней готовки и уборки, не принимая во внимание то, как это скажется на их семьях и душевном спокойствии.

Пока консервативные авторы в 1880–1890-е годы критиковали неутомонных новых женщин, отказывающихся поддерживать домашний уют, прогрессивные мыслители и активисты отстаивали право отвергать устоявшиеся гендерные роли и боролись за бóльшую независимость. Они подчеркивали, что женщине необходимо иметь возможность зарабатывать себе на жизнь, и преподносили женский труд не как угрозу браку, а как возможность покончить с разлагающей женщину практикой «брачного рынка»¹³. В известнейшем труде «Теория праздного класса» (1899) экономист Торстейн Веблен рисовал неутешительный портрет замужней женщины из среднего класса, для которой отсутствие работы было свидетельством высокого социального статуса ее мужа. Веблен ввел понятие «демонстративное потребление», для того чтобы описать эпоху консюмеризма, в которой жена воспринималась как покупательница предметов домашнего хозяйства и личного обихода, потребных только для того, чтобы продемонстрировать обеспеченность семьи.

Одним из самых проницательных авторов, проблематизировавших положение замужней женщины в капиталистической

Америке, была Шарлотта Перкинс Гилман. В революционном труде «Женщины и экономика» (1898) она писала, что главная причина второстепенного положения женщин — их финансовая зависимость от мужчин; в этом она на полвека опередила Симону де Бовуар. Гилман понимала, что та экономическая реформа, о которой она говорит, уже совершается на ее глазах, и ставила перед собой задачу не только проанализировать происходящие перемены, но и стимулировать их.

Согласно дарвинистским представлениям Гилман, женский исход из дома был естественным следствием индустриализации XIX века: в сельском хозяйстве женщин заменяли машины, и у них больше не было необходимости все свое время посвящать домохозяйству¹⁴. Работа вне дома представлялась ей тем, что освобождает женщину, расширяет ее горизонты и позволяет занять равное с мужчиной положение. Гилман не выступала против брака — только против такого брака, который ограничивал и принижал женщин. Она писала, что в традиционном браке «женщину ограничивает дом, а мужчину ограничивает женщина»¹⁵.

Гилман признавала, что женский домашний труд «обладает настоящей экономической ценностью», поскольку «он позволяет мужчинам приумножать свои богатства с большей эффективностью». Однако экономическая значимость такого труда не признавалась обществом, и он не вознаграждался. «Женщины, которые больше всех трудятся, получают меньше денег, а те, у кого больше денег, трудятся меньше»¹⁶. Она не предлагала платить женщинам за работу по дому и уход за детьми, будь это плата в форме ежемесячного содержания, которое давал муж, или правительственной выплаты за каждого ребенка, как в некоторых европейских странах, но считала, что женщинам нужно самим добиваться экономической независимости.

Хотя Гилман делала акцент на экономической составляющей женской независимости, она также разделяла взгляды,

которые высказала ее предшественница Эбба Гулд Вулсон: женщина имеет право жить полной жизнью вне заранее определенной роли. Для нее работа была еще и средством самореализации: «созидательный труд не только приносит глубокое удовлетворение, он также необходим для здорового развития личности. За малым исключением, современные девушки проявляют тягу к такой форме самовыражения»¹⁷. Современная женщина, утверждающая свое право на индивидуальность, с неизбежностью выростала из старой уравнивающей модели брака.

В разделении труда Гилман видела благо для семьи. По ее мнению, не всякая женщина должна была совмещать роли поварихи, уборщицы и няни. Вместо этого, по мере притока женщин на рабочие места, многие традиционные обязанности по домашнему хозяйству можно будет делегировать специальным работникам. И здесь Гилман смотрит далеко в будущее, воображая многоквартирные дома для семейных женщин-профессионалок, где уборкой занимались бы специальные службы, где были бы оборудованы общие столовые, «зимний сад, ясли и детский сад, где дети находились бы под присмотром обученных медсестер и учительниц»¹⁸. О да, работающие матери тогда, как и теперь, должно быть, мечтали жить в подобных домах.

Гилман была одновременно тонким исследователем общества и визионером-утопистом. В 1903 году она говорила публично: «У нас будут более счастливые браки, более счастливые дома, более счастливые мужчины и женщины, когда люди обоих полов поймут, что они прежде всего люди и что перед человечеством стоят более серьезные задачи, нежели удовлетворение своих желаний или налаживание семейных отношений»¹⁹.

Жизнь Гилман демонстрирует, как идеальные представления расходятся с действительностью. Она дважды была в браке. Ее первым мужем был художник Чарльз Уолтер Стетсон, она

вышла за него замуж в 1884 году в возрасте двадцати четырех лет. Через год она родила дочь, Кэтрин, и это событие одновременно вызвало у нее сильную радость и глубокое отчаяние. Это было больше чем обычная послеродовая депрессия — Гилман только и делала, что плакала, испытывала постоянную усталость и в итоге оказалась на грани психоза. Невролог С. Вир Митчелл прописал ей постельный режим и запретил заниматься интеллектуальным трудом, но это только ухудшило ее состояние. В автобиографическом рассказе «Желтые обои» (1892) она объясняла свою депрессию желанием убежать от брака и материнства, которое растревали своим покровительственным отношением мужчины²⁰. В конце концов она развелась с мужем, но в 1900 году вновь вышла замуж, на этот раз за своего кузена, юриста Джорджа Хоутона Гилмана. Этот брак оказался более удачным, потому что муж не препятствовал Гилман в занятиях литературой и в чтении лекций.

К тому времени как она вышла замуж во второй раз, она уже приобрела известность в обществе. Ее знали как автора «Женщин и экономики», и за этой публикацией последовали еще несколько книг, десятки статей и множество публичных лекций. В период между 1909 и 1916 годами она издавала ежемесячный журнал *The Forerunner* и писала большую часть материалов. Гилман была в меньшей степени женой и матерью и в большей степени — публичной фигурой. Она даже отдала свою дочь Кэтрин на воспитание в семью своего бывшего мужа и его новой жены и не забирала ее, пока та не выросла. С новым мужем и взрослой дочерью она жила в Нью-Йорке, и эта жизнь, по всей видимости, была для нее более счастливой, вероятно потому, что Джордж, который был семью годами младше Шарлотты, подчинялся сильной воле своей жены.

Одним из свидетельств ее сильной натуры было то, как под конец жизни она боролась с раком груди. В эпоху, когда о подобных заболеваниях не принято было распространяться,

Шарлотта Перкинс Гилман встретила его отважно и непоколебимо. С 1932 года, когда у нее обнаружили рак, и до 1934 года, когда неожиданно скончался ее муж, она продолжала читать лекции и писать. Затем она переехала в Калифорнию к дочери и в 1935 году, зная, что лучшие медики ее времени не способны побороть болезнь, приняла дозу хлороформа, оставив записку: «Я предпочла хлороформ раку». Эта записка опубликована в автобиографии «Жизнь Шарлотты Перкинс Гилман» (1935), которую напечатали после ее смерти.

Вайолет Блэр Джанин и Шарлотта Перкинс Гилман — два крайних примера замужней новой женщины. Обе женщины смогли позволить себе вести такую жизнь благодаря тому, что у женщин из среднего и высшего классов появились новые возможности для самореализации. Джанин диктовала свои условия мужу, жила отдельно от него в другом городе, сама распорядилась своими деньгами и участвовала в деятельности различных клубов и организаций. Только к концу жизни, когда муж состарился и ослабел, она стала для него заботливой женой.

Шарлотта Перкинс Гилман тоже не была предназначена для роли домохозяйки. Она развелась с мужем, доверила воспитание дочери другим людям, зарабатывала писательством и вступила в равный брак с мужчиной, который был на несколько лет моложе ее. Подобно своей британской современнице Сесили Гамильтон, написавшей популярную книгу «Брак как торговля» (1909), Гилман понимала, что брак по-прежнему будет оставаться обязательным карьерным шагом для женщины, если ей не откроются другие возможности.

До нее никто так подробно не объяснял, зачем замужним и одиноким женщинам оплачиваемое рабочее место. Она отмечала, что к концу XIX века три миллиона американок уже работали. Согласно переписи 1900 года, в сельском хозяйстве было занято около миллиона женщин: 500 000 (преимущественно

чернокожих) работали в поле, 300 000 руководили фермерскими и садовыми работами. К 1910 году больше миллиона замужних женщин работали на фабриках, в офисах, лавках, школах, книжных лавках и бухгалтерских конторах, распоряжались бизнесом и преподавали в колледжах²¹. Гилман не ошиблась в том, что женщины, в том числе замужние, хлынут на открывшиеся им рабочие места, хотя ее пророчество в полной мере осуществится только в самом конце XX века.

Но слова Гилман о том, что для женщины возможность найти работу приведет к тому, что «браки, дома, женщины и мужчины станут счастливее», остаются под вопросом. Подобно многим утопистам, она не смогла предугадать тех проблем, которые повлекла за собой реализация ее мечты.

Глава восьмая.

СЕКС, КОНТРАЦЕПЦИЯ И АБОРТЫ В США. 1840-1940 ГОДЫ

Мы часто говорим о тех драматических переменах, которые пришлось на вторую половину XX века, как о «сексуальной революции», однако, как и всякая революция, она долго, на протяжении десятилетий, зрела, прежде чем стремительно ниспровергнуть старую мораль. Поборники сексуальной свободы, таблеток и легализации аборт в 1960-е и 1970-е годы, сами того не зная, отстаивали взгляды и применяли практики, которые существовали за сто лет до них. Давайте вернемся к той ранней эпохе перемен и посмотрим, какие потрясения в сфере сексуальности, контрацепции и абортов происходили в то время и как они предопределили стандарты современного сексуального поведения.

Идеология и опыт

Викторианских женщин часто описывали как «ангелов домашнего очага», бесплотных созданий без чувств и сексуальных потребностей, менее страстных и более возвышенных, чем мужчины. Такой образ жены появлялся не только в романах, описывающих невинных невест и добродетельных жен, но и в медицинских трактатах, которые отказывали женщине в сексуальных желаниях. Прославленный британский доктор Уильям Эктон, которого мы уже цитировали ранее, был

убежден в том, что «многим порядочным матерям, женам и хозяйкам не известно о сексуальных излишествах. Единственная страсть, которую они испытывают, — любовь к дому, детям и домашним обязанностям». И Эктон не был одинок в своих взглядах¹.

В 1870-е и 1880-е годы женский вопрос все шире обсуждался по обе стороны Атлантики, и популярность набирал новый подход к проблеме женской сексуальности. Авторы обоих полов допускали, что женщина не так сильно отличается от мужчины в том, что касается силы желаний. В «Злоупотреблении браком» (1875) американка Элизабет Эванс высмеивала тех, кто считал, что «женщина куда меньше подвержена страстям, чем мужчина», и настаивала на том, что все различия происходят от «воспитания» и «сдерживающих обстоятельств». Оспаривая общепринятую мудрость викторианского общества, она приписывала женскую добродетельность «силе общественного мнения»². А доктор Джордж Нэпьюс, ранее считавший, что все женщины, включая жен, фригидны, пересматривал свою точку зрения и теперь писал: «Ошибочно и противостоит естественности считать, что страсти подобного рода у женщин свидетельствуют об отклонениях». Он полагал, что желаниям равно подвержены как муж, так и жена, и заключал: «Должно не наслаждаться страстями одному, но разделять их»³.

Его коллеги считали, что знание анатомии сделает секс лучше, и описывали женские половые органы, уделяя особое внимание клитору. Они понимали, что он играет важную роль в процессе женского возбуждения и, в отличие от Фрейда, не делили оргазмы на «клиторальные» и «вагинальные». Эта ошибка, сделанная знаменитым психоаналитиком, стоила нервов многим поколениям женщин, считавшим, что они лишены возможности испытать «правильный» оргазм. В 1880-е годы такие доктора, как Эдвард Блисс Фут (убежденный защитник контроля за рождаемостью в США), с пониманием вопроса писали о «клиторе и эректильной ткани

вагины» как о том, что «вызывает сексуальное возбуждение» и способно вызвать у женщины оргазм⁴.

Но каково было мнение самих женщин на этот счет? Изображали ли они в спальне такую отрешенность, о которой пишут некоторые викторианские доктора? Или же они осознанно соглашались с новым взглядом на женскую страсть? Мы не можем ответить на этот вопрос, потому что ни одна женщина не оставила личных свидетельств о своих сексуальных чувствах и опытах. Согласно представлениям того времени, нечто столь интимное нельзя было доверять бумаге. И все же мы можем по некоторым источникам получить представление о женской сексуальной жизни.

Во-первых, у нас есть заявления замужних женщин, состоявших в Женском христианском обществе трезвости, в которых они рассказывают о ненасытных сексуальных аппетитах своих мужей и о своем высокомерном безразличии к плотским желаниям. Возможно, отказ от секса был способом избежать очередной беременности, а может быть, они действительно боялись своих пьющих мужей. В пособиях по непорочной жизни советовали завести отдельные спальни и воздерживаться от секса на всем протяжении беременности и периода лактации, и некоторые жены могли ссылаться на них, если им нужно было контролировать сексуальную жизнь. В одном из отчетов приводится такой рассказ жены: «В ранние годы замужества мы с мужем научились жить в непорочных отношениях, как то завещал Бог. Из любви ко мне муж согласился, чтобы мы жили порознь все то время, что я вынашивала нашу маленькую дочь и кормила грудью <...> Мой муж и я никогда не жили так нежно, полюбовно и гармонично и никогда не были ближе друг к другу, и никогда моя любовь не была к нему так сильна, как в эти благословенные месяцы»⁵. Слова этой женщины очень похожи на слова Марджери Кемп, которая убеждала своего мужа принять обет воздержания.

Самым информативным источником наиболее положительных отзывов о сексе для нас служит исследование, которое между 1892 и 1920 годами проводила доктор Клелия Мошер. Ее респондентками стали сорок пять американок, повзрослевших и вышедших замуж в конце XIX века⁶. Мошер была гинекологом и профессором в университете. Она попросила своих респонденток заполнить подробную анкету, посвященную истории семьи, здоровью и сексуальной жизни. Среди ее респонденток были преимущественно представительницы высшего класса, отучившиеся в колледже. Ряд вопросов был посвящен сексу: как часто они им занимались, как часто испытывали «венерин оргазм», нравилось ли им это, использовали ли они средства по контролю за рождаемостью и что они считали «истинной целью» полового акта.

Большинство женщин сообщали, что занимались сексом раз в неделю, от двух до восьми раз в месяц. Немногие рассказывали о том, что занимались сексом чаще (три раза в неделю или каждую ночь), особенно если речь шла о первых годах брака. Некоторые упоминали о периодах длительного воздержания во время беременности и кормления грудью или когда они старательно избегали беременности, некоторые отмечали, что их брачные отношения со временем претерпевали ущерб. Одна женщина, которая была замужем пятнадцать лет и указывала, что в первые годы замужества имела сексуальные отношения дважды в неделю, говорила о том, что «за последние шесть лет это случилось четырежды». Также некоторые женщины говорили о том, что с возрастом желание идет на спад — так, например, писала замужняя респондентка пятидесяти трех лет: «Хотя мое желание спало и я не всегда испытываю оргазм, я по-прежнему допускаю сексуальную близость».

Примерно три четверти женщин в браке испытывали оргазм, и около трети утверждали, что испытывают его «постоянно» или «регулярно». Одна женщина указала «никогда», другая — «разве что раз или два в жизни». Еще одна «не испытывала

оргазма первые пять или шесть лет замужней жизни», а потом испытывала его «в половине случаев». Историк Карл Деглер (он натолкнулся на записи Мошер в архиве Стэнфордского университета) отмечает, что такая частота оргазмов «положительно соотносится» с отчетами Кинси за 1953 год⁷. Респондентки Мошер, конечно, принадлежали к очень узкой прослойке, и их сексуальный опыт нельзя произвольно распространять на женщин из всех слоев поздневикторианского общества.

Сорок одна из сорока пяти респонденток в той или иной степени использовала меры по предупреждению беременности. Мужчины прибегали к воздержанию или использовали презерватив (его называли «тонким резиновым покрытием» или «резиновым покровом»). Женщины полагались на спринцевание («инъекции мыльной воды», «чистая вода и клизма», «промывание бихлоридом», «промывание маслом какао и холодной водой») и различные барьерные формы контрацепции («резиновое кольцо Goodyear», «резиновый колпак вокруг матки», «защита для женщин — маточное кольцо, прописанное доктором»). Как мы еще покажем в этой главе, для женщин из среднего и высшего классов не составляло труда приобрести такие средства контрацепции у доктора или фармацевта.

Большинство женщин считали основной целью полового акта зачатие, разделяя христианские убеждения или позицию социальных дарвинистов, которые полагали, что продолжение рода является обязанностью человека. Некоторые видели в беременности единственную цель, оправдывающую соитие, и писали, например, так: «Соитие один раз в оговоренный промежуток времени до беременности, затем воздержание вплоть до окончания периода кормления грудью»; «Соитие... пока не наступит зачатие. Никакого соития в период вынашивания ребенка и кормления». Одна тридцатидесятилетняя дама описывала идеальный порядок вещей, при котором соблюдается «абсолютное воздержание, а секс бывает исключительно с целью зачатия».

Даже воспринимая секс в свете своей обязанности продолжения рода, женщины относились к нему положительно, считая, что он позволяет установить особую духовную связь между мужем и женой. Они сами писали об этом, без какого-либо поощрения со стороны. «Это кажется мне естественным и телесным воплощением духовной близости, подтверждением свадебных обещаний». «Брачные отношения должны быть наделены особой близостью. Половой акт — средство, позволяющее воплотить эту близость». «По моему опыту, телесное выражение любви оказывает глубокое психологическое воздействие и позволяет развить душевную привязанность и укрепить духовный союз, благодаря чему поддерживается брак, из которого с годами уходит былая страсть». «Брачные отношения, когда чувства взаимны, основываются на крепких связях любви и привязанности, которые можно видеть только в счастливых союзах». «Интимность и близость — это то, что может дать только женщина».

Некоторые из женщин видели прямую связь между хорошей психологической атмосферой и регулярным сексом: они находили, что это делает брак «более стабильным», а супругов «более нормальными». С рациональностью, которая будет присутствовать впоследствии специалистам по здоровому образу жизни, одна из жен писала: «Умеренное желание и знание, как найти ему верное применение, делают людей более здоровыми».

В 1893 году одна женщина написала своё сексуальное кредо — текст, который звучит очень современно: «Главной и высшей целью полового сношения мне представляется взаимное желание мужа и жены выразить свою близость. Желание произвести потомство, по-моему, вторично; это, конечно, достойная цель, но ее осознание само по себе, в отсутствие взаимного влечения, не приведет к хорошим сношениям. <...> Мы с мужем считаем, что сношение нужно ради сношения: мы хотим его и чувствуем его нехватку не на физическом, а на духовном уровне, поскольку это наивысшее и наиболее полное

выражение нашего единства». На протяжении XX века осознание самоценности секса будет становиться все более и более распространенным.

Контрацепция

Но многие американцы не разделяли взгляды этих женщин и тех респонденток, кто использовал методы контроля рождаемости. Как правило, непреклонными противниками любых видов контрацепции были те, кто верил, что Бог или природа предполагали соитие с единственной целью — производство потомков, и сожалел о том, что рождаемость уменьшалась (в 1800 году на одну белую женщину приходилось в среднем семь детей, а в 1900 году эта цифра уменьшилась в два раза).

Информация о контрацептивных средствах просачивалась в американское общество начиная с 1820-х годов благодаря британским общественным кампаниям за увеличение контроля над рождаемостью. Свою озабоченность перенаселенностью Великобритании высказывал Роберт Мальтус (1766–1834), а Фрэнсис Плейс (1771–1854) пыталась просвещать в этой области широкие слои общества, и первые американские борники контроля рождаемости вдохновлялись их примером.

В 1839 году в Америке была опубликована первая врачебная брошюра о вопросах контрацепции — «Плоды философии, или Личный поверенный молодых супругов» Чарльза Нолтона. Нолтон рекомендовал посткоитальное спринцевание раствором из следующих веществ: алюминия, сульфата цинка, гидрокарбоната натрия, уксуса и жидкой соды. По мнению Нолтона, этот метод был надежным, дешевым и безопасным, не вызывал бесплодия и не мешал соитию. Кроме того, контроль находился в руках женщины, что считалось плюсом.

Один из последователей Нолтона, Фредрик Холлик, популярно писал о спринцевании и методе «безопасного периода», хотя медики на тот момент еще не имели полного знания

о периодах фертильности и нефертильности в менструальном цикле. С тех пор число книг, брошюр, трактатов и статей с советами мужчинам и женщинам о том, как избежать нежелательного зачатия, возрастало и особенно резко выросло после 1850 года.

В выдержавшей несколько переизданий «Книге природы» (1860) Джеймс Эштон перечисляет пять наиболее популярных методов контрацепции: «воздержание, спринцевание, вагинальная губка, презерватив и календарный метод»⁸. Он с необычайной откровенностью описывал каждый из них и рассуждал о преимуществах и недостатках этих методов для представителей обоих полов.

С распространением средств контрацепции и информации о них начало набирать обороты так называемое «движение за чистоту». Его активисты из Америки и Европы во второй половине XIX века стремились обуздать сексуальные желания нации, выступали против мужского блуда и проституции, рассказывали о распространении венерических заболеваний и рисках, которым подвергалась благочестивая жена, если ее муж шел вразнос. Они боролись с распространением средств контрацепции, так как полагали, что эти средства слишком прочно ассоциировались с проституцией и потому могли нести порок в дом.

Общества, агитирующие за «искоренение порока», были популярны во многих городах, в том числе в Бостоне, где их поддерживали такие представители аристократии, как Кэботсы или Лоджи. В Нью-Йорке их штаб-квартирой была организация YMCA, а поборники морали, в числе которых был фанатичный Энтони Комсток, устроили против «порока» настоящий крестовый поход. Усилиями Комстока в 1873 году Конгресс принял закон, согласно которому почта отказывалась доставлять любые «приспособления и предметы, потребные на то, чтобы прервать беременность или защитить от зачатия». Сам Комсток был назначен специальным агентом Почтовой

службы с правом просматривать и уничтожать незаконные почтовые отправления — свои обязанности он с наслаждением выполнял вплоть до самой смерти в 1915 году.

Одной из первых жертв закона Комстока был врач Эдвард Блисс Фут, выступавший в защиту контрацепции и посвятивший этому несколько книг, брошюр («Медицинский здравый смысл», «Откровенный разговор о домашних делах», «Домашняя энциклопедия», «Жемчужные слова») и статей для журнала Health Monthly (1876–1883). В январе 1876 года Окружной суд Нью-Йорка признал его виновным в распространении по почте информации о контрацепции и назначил ему штраф в 3000 долларов. Когда он обратился за финансовой поддержкой к своим читателям, три сотни человек перевели ему деньги, что свидетельствует о солидной поддержке либералов. Попав под обвинение, Фут стал вести себя осторожнее⁹

Прежде чем были введены законы Комстока, товары для контрацепции свободно рекламировались в газетах, брошюрах и журналах о здоровье. Начиная с 1830-х росла популярность презервативов: открытие вулканизированного каучука (сделанное Чарльзом Гудьиром) позволило отказаться от презервативов из овечьей кожи, которыми пользовались в основном для того, чтобы защититься от венерических заболеваний. В 1840-е годы также вошли в широкое обращение вагинальные губки — их рекомендовали к использованию не только такие сомнительные советчики, как реклама и коммивояжеры, но и уважаемые врачи и аптекари. Такая губка, смоченная в спермицидном растворе и снабженная шнурком, который позволял легко извлечь ее после полового акта, была одним из наиболее эффективных средств контроля рождаемости.

Хотя изобретенная в 1882 году немецким врачом Вильгельмом Петером Менсильей диафрагма поступит в США только в 1920-е годы, американки и ранее могли пользоваться сходными приспособлениями американского производства. В 1846 году

в США было запатентовано похожее на диафрагму устройство под названием «Защитник жен», а в 1860–1870-е годы в ценовой категории от 2 до 6 долларов можно было приобрести широкий ассортимент pessaries (резиновых маточных колец)¹⁰.

Джон Д'Эмилио и Эстель Фридман в своей книге «Дела интимные» приводят несколько примеров из переписки замужних дам, которые делятся знаниями по поводу контрацепции. В 1876 году Мэри Хэллок Фут пишет своей подруге Хелене Гилдер про «надежный метод удержать разрастание семьи»: ее муж должен «сходить к врачу и взять специальные барьеры. Их также продают в некоторых аптеках. Звучит, конечно, как бунтарство, но нужно же иметь управу на беспощадную природу»¹¹.

В 1885 году Роуз Уильямс с Территории Дакота* писала в Огайо своей подруге Аллиетте Мошер: «Я не знаю, можешь ли ты достать такие у себя. Их называют pessaries или женскими контрацептивами. Они стоят один доллар, сестра достала их еще до того, как мы все перебрались в Дакоту. Она заплатила за них пять долларов. Инструкция к ним прилагается»¹². Как свидетельствуют эти два письма, женщины, получившие хоть какое-то образование, делились со своими подругами прогрессивной информацией о том, как избежать беременности. Исследование Мошер показывает, что к концу XIX века большинство супругов, принадлежащих к среднему классу, были знакомы с той или иной формой контрацепции¹³.

Наиболее распространенным аргументом в пользу контроля рождаемости было то, что это идет на пользу и матери, и ребенку. Например, доктор Нэпьюс писал о губительном эффекте «рождения чрезмерного количества детей». С пылом, достойным проповедника, он говорил о «вреде слишком

* Организованная инкорпорированная территория США, существовавшая с 1861 по 1889 год, впоследствии была разделена на штаты Северная и Южная Дакота.

частых беременностей» и о том, что это сказывается на здоровье отпрысков. С ним был согласен доктор У.Р.Д. Блэквуд, который с сочувствием относился к чаяниям женщин: «Разве хорошо, разве человечно и правильно то, что многие замужние женщины не прерываясь беременеют, вынашивают и кормят грудью? <...> И думать нечего, это не так! И я с осуждением смотрю на тех негодующих моралистов, которые нетерпимы к любым средствам контрацепции»¹⁴.

В популярной книге «Что должна знать женщина» (1873) Элиза Даффи критиковала «насильственное деторождение» и отстаивала «ограничение числа отпрысков» в интересах матери. За сто лет до того, как появилось движение за репродуктивный выбор (Pro-choice), она писала: «Конечно, деторождение относится к числу тех вопросов, в которых человек должен иметь право самостоятельно принимать решение. Женщина терпит боль, на ней лежит ответственность за то, что происходит до и после беременности, и она лучше сможет рассудить, есть ли у нее силы и возможности для того, чтобы перенести очередную беременность»¹⁵.

Аборты

Несмотря на то что Даффи поддерживала право женщин на самостоятельное решение, она безоговорочно осуждала аборты. Подобно многим своим современницам, она ставила под сомнение бытовавшую ранее идею о том, что человеческая жизнь начинается с того момента, как женщина почувствовала первое шевеление плода. На протяжении XVIII и XIX веков такова была официальная медицинская позиция, а также позиция закона; в соответствии с этими представлениями аборт, сделанный до этого срока (то есть примерно в первые четыре месяца беременности), не считался криминальным деянием. Если на этом сроке беременность прерывалась, об этом говорили без особых подробностей: плод просто «выходил»¹⁶.

Домашние средства для аборта передавались в семье из поколения в поколение, некоторые привозились из Европы, некоторые предлагали повитухи и индейские целители. Чтобы спровоцировать выкидыш, часто использовали настой из корней руты или листьев пижмы и другие слаблящие и отравляющие вещества, такие как каломель, алоэ, спорынья, синильная кислота, йод и стрихнин. На Юге женщины, которые желали прервать беременность, пили чай из семян хлопчатника. В семейных медицинских руководствах часто такие сведения проходили под видом советов о том, как восстановить «прекратившуюся менструацию» с помощью кровопускания, ванн и отваров из железа и хинина и прочих слабительных средств¹⁷. Врачи часто оказывали женщинам услугу по «возобновлению цикла», а общественное мнение в целом не порицало тех женщин, которые, желая избежать осуждения за рождение незаконного ребенка, делали аборт. По закону наказывались лишь аборты после первых движений плода, и даже такие случаи сложно было точно определить.

Но в 1830–1840-е годы в некоторых штатах, таких как Нью-Йорк, Коннектикут, Миссури, Иллинойс, ввели ряд более строгих мер насчет аборта и, в частности, начали подвергать сомнению то различие, которое проводилось между жизнью эмбриона до и после первых движений. Считать ли началом жизни момент зачатия или момент первых шевелений? Те, кто придерживался точки зрения о том, что жизнь зарождалась в момент зачатия, считали аборт на любой стадии беременности преступлением. Те же, кто верил, что жизнь начинается с первых движений плода, не считали прерывание беременности до того, как чувствовались движения плода, преступным. В 1888 году бостонский врач заключал, что ясность относительно того, считать ли «уничтожение чада» до срока, когда плод начнет шевелиться, нарушением закона, отсутствует¹⁸.

В период между 1860 и 1880 годами было издано более сорока указов, направленных против абортов, некоторые из

них — в штатах, где раньше не было запрета на аборт. Законодатели ссылались на тех медиков, которые были озабочены ростом числа абортов и деятельностью шарлатанов. Но были также и другие, не менее серьезные поводы для беспокойства. После 1840 года все более очевидным становилось то, что аборт превращаются не просто в крайнюю меру для одиноких матерей. Среди женщин, идущих на аборт, появлялось все больше «замужних, коренных уроженок, протестанток, нередко принадлежащих к среднему или высшему классу»¹⁹. Как отмечает историк права Лоуренс М. Фридман, аборт для замужней женщины шел вразрез с представлениями о святости материнства, особенно если эта женщина была белой и принадлежала к среднему классу²⁰. Активисты, выступающие против абортов, называли «противоестественным» стремление некоторых женщин к тому, чтобы избавиться от плода, и винили распространение абортов в падении уровня рождаемости среди белого населения.

Врачи, в середине века выступавшие против абортов, силились оправдать запретительные меры. Они высказывали свое расстройство по поводу того, что к абортам все чаще прибегают «замужние женщины, у которых нет оснований стыдиться беременности и которые лишь не хотят брать на себя бремя материнства» (*Boston Medical and Surgical Journal*, 1854)²¹. В середине 1850-х годов один из самых пламенных борцов с абортами, доктор Горацио Сторер, собрал благодаря своим коллегам солидную информацию об этой процедуре, мертворождении и смертях матерей. Один врач из Миннесоты писал ему: «Практика абортов у нас встречается часто, нередко за такой услугой обращаются замужние представительницы высшего класса, а необходимые лекарства они приобретают у обычного врача»²². На основании полученных данных Сторер сумел убедить Американскую медицинскую ассоциацию в том, что нужно официально осудить аборт на том основании, что они небезопасны с медицинской точки зрения.

Несмотря на то что врачи осудили аборты, многие их коллеги по всей стране не стали отказываться от этой процедуры даже после того, как она оказалась вне закона. В 1888 году в *Chicago Times* вышел большой репортаж, рассказывающий о том, что многие врачи в Чикаго, где располагалась Медицинская ассоциация, по-прежнему не отказывали в помощи замужним и одиноким женщинам, которые хотели прервать беременность²³. Для Ассоциации этот репортаж был крайне неприятным, поскольку показывал, что, включившись в кампанию по запрету аборт, они не могли заставить собственных членов отказаться от проведения этой процедуры.

Одним из открытий *Chicago Times* стало то, что аборты были востребованы не только у одиночек. Замужние женщины из среднего и высшего классов выступали за аборты более активно, чем одинокие женщины из низшего класса — это подтверждали сами врачи. Доктор Оделия Блинн, например, свидетельствовала, что среди тех, кто просил ее об аборте, большинство составляли находящиеся в браке женщины. В отличие от тех, кто критиковал таких женщин за то, что они избегают своих женских обязанностей и бесстыдно совершают большое злодеяние, доктор Блинн оборачивала критику против мужчины, который нес равную, если не большую, ответственность за беременность своей жены.

К концу столетия то, что аборт используют в качестве меры, направленной на регуляцию размеров семьи, стало секретом полишинеля²⁴. Однако так поступали не только богатые «светские дамы», о чем свидетельствует случай Фрэнсис Коллинз. Ее историю рассказывает Лесли Рейган в книге «Когда аборт был преступлением»: миссис Коллинз принадлежала к рабочему классу, она была матерью двоих детей. В апреле 1920 года в возрасте тридцати четырех лет она пошла в офис к доктору Уорнеру в Чикаго, чтобы тот «раскрыл ей утробу». Доктор ввел инструмент в ее чрево, и она вернулась домой и пожаловалась мужу, что плохо себя чувствует. Позднее у нее

начались вагинальные кровотечения, озноб и рвота, и лучше ей не становилось, несмотря на то что доктор Уорнер навещал ее на дому. В конце апреля миссис Коллинз увезли в больницу по настоянию другого доктора, того, кто помогал при рождении двух ее детей и отговаривал ее от прерывания беременности. Вскоре после этого женщина умерла. Мистер и миссис Коллинз, как и многие другие семьи из рабочего класса, просто видели в аборте приемлемую меру для того, чтобы предотвратить рождение ребенка — до тех пор, пока это не закончилось трагедией²⁵.

Маргарет Сэнгер и движение за контроль рождаемости

В 1869 году 21-летняя Энн Перселл вышла замуж за Майкла Хиггинса в штате Нью-Йорк. И муж, и жена происходили из бедных семей ирландских иммигрантов, и хотя формально оба были католиками, только Энн действительно серьезно относилась к своей вере. Вероятно, по этой причине она отказывалась от любых форм контрацепции, которые можно было приобрести в то время, но которые особенно строго осуждались католической церковью. Энн Перселл родила одиннадцать детей и умерла, полностью истощенная и обессиленная, в 1899 году. Среди ее детей была Маргарет Сэнгер²⁶.

Безусловно, воспоминания о тяготах матери были главной причиной, по которой Маргарет Сэнгер стала бороться за то, чтобы легализовать средства контрацепции и сделать их доступными для замужних женщин. Маргарет Сэнгер училась на медсестру и в 1902 году в возрасте 23 лет вышла замуж за молодого архитектора. За восемь лет в браке она родила лишь троих детей. В 1910 году ее семья переехала из Гастингса в штате Нью-Йорк в сам город, где она устроилась на полставки медсестрой в одном из иммигрантских районов в Нижнем Ист-Сайде. Глядя на страдания женщин, которые,

как и ее мать, истощали себя постоянными беременностями, она решила начать бороться за перемены в обществе.

Ее очень глубоко тронул вид женщин с накинутыми на голову платками в очереди к кабинету дешевого врача, делающего аборт, и еще глубже — вид пациенток, сделавших аборт нелегально, за которыми она ухаживала. Ей особенно запомнилась одна ее пациентка, Сэди Сакс. Она была классической иммигрантской женой и умерла от сепсиса после самостоятельного аборта. Врач сказал этой женщине, что единственное надежное средство контрацепции — «отправить мужа спать на крышу».

В 1911 году Сэнгер начала выступать с публичными лекциями о вопросах секса и деторождения, которые она проводила при покровительстве социалистической партии, а в 1912 году стала вести еженедельную колонку под названием «Это должна знать каждая девушка» для социалистической газеты *The Call*. В своей колонке она обсуждала такие запретные темы, как менструация, мастурбация, беременность, контрацепция и аборт, — и каждый текст провоцировал волну общественной реакции как со стороны ее единомышленников, так и со стороны противников. Статья о венерических заболеваниях вызвала гнев главного ее противника и оппонента, Энтони Комстока, который в 1913 году объявил ее колонку вне закона. Попытки Комстока вовсе пресечь распространение информации о сексуальной жизни были обречены на провал, но он и подобные ему, безусловно, затруднили ее продвижение.

Отныне у Сэнгер начались серьезные проблемы с законом. Ее арестовывали, она убегала от арестов, ее судили и штрафовали. Когда в 1917 году ее судили за распространение информации о контроле рождаемости и соответствующих средств через клинику, которую она открыла в Бруклине, в суд пришли тридцать ее клиенток и привели с собой своих детей, вероятно желая предоставить наглядное свидетельство того, что средства ограничения рождаемости необходимы. Сэнгер

признали виновной и дали выбор — либо заплатить 5000 долларов штрафа, либо отсидеть тридцать дней в тюрьме; она выбрала последнее.

На этом ее судебные мытарства не закончились, и в январе 1918 года суд штата отклонил ее апелляцию. Судья, однако, постановил, что контрацептивы можно использовать для защиты от венерических заболеваний и при других медицинских показаниях, определявшихся очень расплывчато. Такая формулировка позволила Сэнгер и другим активистам, агитировавшим за контроль рождаемости, вздохнуть свободнее.

В результате такой нервотрепки брак Сэнгер затрещал по швам. В отличие от своей предшественницы, Элизабет Кэди Стэнтон, Сэнгер не планировала воспитывать выводок детей, содержать несостоятельного мужа на заработок от лекций и публикаций и сохранять верность. Времена изменились, и бойкая ирландка могла вести довольно активную жизнь, вращаясь в кругах левых активистов и наслаждаясь свободной любовью богемы по обе стороны Атлантики. Достаточно будет назвать имена двух ее любовников — сексолога Хэвлока Эллиса и писателя Герберта Уэллса. Оба помогли ей приобрести хорошую репутацию: Эллис написал введение к ее первой книге «Женщина и новая раса», Уэллс — введение ко второй книге «Поворот цивилизации». Вместе эти два труда разошлись полумиллионным тиражом в 1920-е. Как и в других своих текстах, Сэнгер продвигала здесь не только идею контроля рождаемости как неотъемлемого права любой женщины, но и идею новой сексуальной морали, которая вызревала в это десятилетие. Освободившись от бремени деторождения, жена получала больше возможностей участвовать в общественной жизни и помогать решать насущные проблемы мира, нищеты и классовых конфликтов. Хотя некоторым надеждам Сэнгер еще только предстояло сбыться, она внесла неоценимый вклад в историю как основательница движения за контроль рождаемости в США.

Несмотря на противостояние недругов, движение нашло множество союзников в самых удивительных местах, например среди прогрессивных церковнослужителей. В 1930 году священник англиканской церкви в Лондоне, выбирая очень осторожные выражения, высказал свое принципиальное согласие на использование контрацепции супругами, когда те чувствуют, что обязаны ограничить количество детей. Год спустя Совет церковей Христа в США под председательством теолога Рейнгольда Нибура, представлявший 22 миллиона протестантов, формально разрешил осуществлять контроль рождаемости по причинам медицинского и экономического характера. Повторяя те аргументы, которые уже звучали пятьдесят лет назад, Совет называл контроль рождаемости защитной мерой для здоровья женщин и их детей, а также мерой против нищеты и перенаселенности. Но такую позицию не разделяли безоговорочно все протестанты; методисты, пресвитериане и лютеране выразили свое несогласие и пересмотрели свою позицию на этот счет только в 1950-е годы.

Католическая церковь по-прежнему не одобряла любые средства контрацепции. В энциклике 1930 года *Casti Connubii* («О добродетельном браке») папа Пий XI объявил, что любое человеческое усилие, направленное на то, чтобы лишить брак «его естественной функции продолжения рода, нарушает законы Бога и природы, а те, кто поступает подобным образом, совершают смертный грех». Однако в чем-то эта энциклика была полезна, поскольку проясняла отношения между супругами, а именно объявляла, что в сексе между супругами нет ничего неудобного Богу. Подчеркнуто объявляя продолжение рода основной целью секса и подчеркнуто осуждая контрацепцию, папа тем не менее подтверждал и важность таких вещей в браке, как «взаимная поддержка, вынашивание взаимной любви и усмирение страстей». В свете этого папа также признавал право супружеских пар на продолжение сексуальных отношений после менопаузы.

Хотя церковь официально противостояла контролю рождаемости, некоторые католики все же предлагали календарный метод в качестве приемлемой меры по контролю зачатия для верующих. Этот метод описали уже в середине XIX века, но только в 1929 году ученые наконец окончательно поняли механизм его действия: овуляция происходит за 6–12 дней до менструации, и женщина должна воздерживаться от полового акта по крайней мере восемь дней до овуляции и три дня после (и даже при соблюдении этих условий такой метод ни в коем случае нельзя считать полностью надежным). В 1932 году при поддержке авторитетных католических кругов Чикаго была издана книга «Ритмы неплодородности», в которой женщинам советовали вести календарь и ограничивать время сексуальной активности рамками периода стерильности. Для того чтобы официально признать календарный метод и его значимость по медицинским, евгенистическим и экономическим причинам, понадобилось еще двадцать лет — это сделал папа Пий XII в «Моральных вопросах, касающихся замужней жизни».

Новая сексуальность

И появление движения по контролю рождаемости, и смягчение нравов большинства иудейских и христианских конфессий к середине XX века совпали с популяризацией нового взгляда на брак, который вызревал десятилетиями. Все больше американцев видело в браке не средство продолжить род, но союз, основанный на взаимной любви, уважении, наслаждении сексом, а общество в целом стало делать больший акцент на «потреблении, удовлетворении и наслаждении»²⁷. Идея, что секса и сексуального удовольствия не нужно стыдиться и что сексом должны наслаждаться оба партнера, стала движущей силой в процессе движения к эгалитарному браку.

Американцы могли усваивать позитивное отношение к сексу из фильмов, художественной литературы и популярных

научных трактатов. Этому способствовало и знакомство с трудами европейских авторов, например с работами Зигмунда Фрейда и Хэвлока Эллиса, которые считали главной причиной несчастья подавление сексуальных желаний. Если Фрейд соглашался со многими своими современниками в том, что женщина должна быть избавлена от стресса и работы вне дома, а ее долг состоит в том, чтобы заниматься семьей, то Эллис отстаивал женскую сексуальность и право женщины вращаться не только в семейном кругу, но и в обществе.

Но каким образом эти свежие теории и движения отразились на том, как американские жены осмыслили свою сексуальность, и на том, как они ее выражали? К сожалению, в женских письменных свидетельствах стремление к выражению сексуальных желаний не стало ярче по сравнению с викторианским периодом: по крайней мере, этого нельзя заметить в текстах, которые были предназначены для чужих глаз, таких как автобиографии, стихи и художественная литература. Женщины в англо-американском мире попросту не пишут о таких вещах вплоть до конца XX столетия. Да, конечно, были примечательные исключения — как, например, южанка Кейт Шопен и ее повесть «Пробуждение» (1899) или британка Рэдклифф Холл и ее «Колодец одиночества» (1928). Героиня Шопен чахнет в браке, ее жизнь отличается от жизни тех замужних женщин, которые «посвящают себя своим детям, поклоняются своим мужьям и уважаемы за то, что безупречно умеют держаться в тени»²⁸. Холл писала о еще более шокирующем предмете — лесбийской любви. Эта тема считалась настолько табуированной, что ее книги были запрещены в Англии, хотя продавались во Франции и в Америке. Шопен писала об удушающем браке, который, безусловно, был знаком многим женщинам рубежа веков, а Холл рассказывала о новой сексуальной свободе зарождающегося века эмансипации. И хотя обе писательницы говорили об опыте, который разделяли многие женщины, они были далеки от мейнстрима.

Большинство американцев до сих пор были уверены в том, что женщина должна сохранять чистоту до брака, а после брака довольствоваться ролью жены и матери. Лишь редкие роковые женщины и коварные соблазнительницы — персонажи из раннего кинематографа — не попадали под этот идеальный образ спутницы жизни²⁹. Если добропорядочная женщина находила удовольствие в супружеском сексе, как ей и полагалось, для нее по-прежнему считалось неприличным говорить или писать о секретах, которые хранила спальня.

Наиболее интересные сведения о женской сексуальности этого периода можно найти в свежих исследованиях, посвященных сексуальной тематике, например в напечатанных в 1929 году трудах Кэтрин Бемент Дэвис («Факторы сексуальной жизни у 2200 женщин») и Гилберта Гамильтона («Исследование брака»). Из этих работ можно сделать вывод, что сексуальная революция, которая произошла в 1960-1970-е годы, подготавливалась уже тогда.

Если викторианцы считали, что сексом могут заниматься только супруги и что его главная цель — создание потомства, то американцы в период после I Мировой войны либеральнее относились к сексуальным отношениям, не направленным на зачатие. Хотя викторианцы полагали, будто мужчины гораздо более страстные, чем женщины, уже к 1920-м годам распространилось мнение, что женщины тоже испытывают влечение, сравнимое по силе с мужским, даже равное ему. И если в исследовании Мошер, проведенном на рубеже веков, говорится о начале перехода от идеалов Викторианской эпохи, где секс видится как средство размножения, к новому идеалу секса между супругами без какой-либо «более высокой» причины, то в трактатах Дэвис и Гамильтона содержатся подтверждения того, что этот переход по сути уже совершился: секс начали широко признавать как благо для брака вне зависимости от того, приводил он к зачатию или нет.

При внимательном чтении исследования Дэвис можно заметить, что большинство жен занимались сексом каждую неделю, а 74% использовали какое-либо средство контрацепции. Хотя четверть женщин сообщала, что их первый сексуальный опыт в замужестве не был приятным, более половины затем начинали получать удовольствие от секса по мере того, как укреплялись супружеские отношения. 30% жен оценивали свое желание заниматься сексом как сравнимое с желанием их мужей³⁰.

Исследование Дэвис также сообщает нам интересные подробности о сексуальной активности вне брака: 7% жен признавались, что занимались сексом до замужества, 40% замужних женщин и 65% одиноких женщин говорили, что занимаются мастурбацией, а многие незамужние выпускницы колледжа признавались в том, что имели гомосексуальный опыт. Информация, которую приводит Дэвис, свидетельствует о том, что теперь тема секса — даже в самых его «аморальных» и «противоестественных» формах — могла подниматься по крайней мере в научных исследованиях.

В другом исследовании, которое датируется 1929 годом, доктор Гамильтон пытался проследить взаимосвязь между сексуальной удовлетворенностью и счастьем в браке. Подобно многим своим современникам, он считал, что секс укрепляет брак и что, напротив, сексуальная неудовлетворенность приводит к серьезным проблемам в браке. Следуя Фрейдю, он интересовался в основном «недостатком оргазмов» среди женщин. Поскольку опросник был направлен на поиск проблем в браке, неудивительно, что их он и выявил. 35% опрошенных замужних женщин с отвращением вспоминали первый коитус в браке. Многие из них никогда не испытывали оргазма, и пятая часть из них была «в серьезном психоневротическом расстройстве». Все они, за исключением тех, кто был бесплоден или желал забеременеть, пользовались средствами контрацепции³¹.

Исследование Дэвис и Гамильтона в некоторых вопросах противоречат друг другу. Дэвис делает вывод, что жены

преимущественно были удовлетворены своей сексуальной жизнью. Гамильтона же интересуют сексуальные проблемы, и вместе с другими медицинскими экспертами своего поколения он породил новую форму беспокойства по поводу женской сексуальности. В середине XIX века жены могли переживать из-за того, что испытывали сильное влечение, так как общество внушало, что им не положено его испытывать. Век спустя жены переживали из-за того, что они не испытывали влечения и удовлетворения. Гамильтон и другие последователи Фрейда допускали, что это может произойти только в случае «вагинального оргазма» и только с женщиной. Исследования Дэвис и Гамильтона сходны в том, что подчеркивают важное место секса в супружеских отношениях и значимость использования контрацепции в браке.

Изменение сексуального поведения и взглядов в начале XX века следует рассматривать в контексте других важных трансформаций, которые произошли с женщинами. К 1920 году движение за женскую независимость добилось значительных успехов, все больше женщин получали высшее образование и находили работу, религия начинала прислушиваться к аргументам ученых, а образ «новой женщины» был широко распространен. Альфред Кинси, автор исследования женского и мужского сексуального поведения, о котором мы подробнее расскажем в десятой главе, считал «ревушие двадцатые» переломным периодом в истории американских взглядов на секс.

Новый подход к сексу транслировался через американские журнальные заметки, рекламу, книги и фильмы. Популярностью пользовалась книга «Гигиена брака» (1932) Милларда Эверетта из Центрального колледжа YMCA в Чикаго³². Прямота, с которой он говорил о женских и мужских половых органах, венерических заболеваниях, деторождении и контроле рождаемости, соответствовала настроениям в либеральных кругах Америки. Секс с целью продолжения рода уступил место

сексу ради секса, «одному из ключевых компонентов счастливой жизни». На этот счет Эверетт высказывался довольно бескомпромиссно: «Продолжение рода не единственная и не главная цель брака... <...> мы убедимся, что его главная цель — желание разделить сексуальное удовольствие».

Представления Эверетта об идеальном браке согласовывались с убеждениями респонденток в исследовании Мошер и с видением многих наших современниц. Эверетт признавал важность романтических чувств на ранней стадии отношений и считал их необходимыми для того, чтобы установить более доверительное взаимодействие в сексе. Кроме того, он выступал за равенство между мужьями и женами во всех сферах. Он рекомендовал мужчинам и женщинам «вступать в брак, имея равнозначный опыт во всех областях». Женщинам советовал «обрести финансовую независимость не только потому, что это поможет партнерам сблизиться <...> но также потому, что это сделает их более свободными и не позволит отношениям скатиться к неравенству и перевесу в сторону мужчины». Также он предлагал мужьям и женам, «если они не сделались рабами средневековых предрассудков» (так он называл католичество), принимать во внимание контрацепцию. И он ждал того дня, когда «мужчина и женщина смогут существовать на равных; когда женщина не будет лишь на том основании, что должна выносить ребенка, пропадать из мира и прекращать плодотворную, способствующую общему благу деятельность <...> и когда ни мужчина, ни женщина не будут „главой семьи“, но брак превратится в союз на равных».

Такая прекрасная картина равного брака, безусловно, не отвечала представлениям большинства американцев — современников Эверетта, однако примечательно, что он получил одобрение УМСА — организации, защищающей интересы белого протестантского населения среднего достатка. Женщины, принадлежавшие к этой части населения, отныне наделялись правом на сексуальное удовольствие; они верили, что работу,

брак и заботу о детях можно совместить, и ждали, что вскоре наступит абсолютное равенство супругов.

Однако в последующие годы произошел откат с этих позиций. Такие проблемы, как свобода сексуальности, равенство супругов и работа, попросту потеряли свою значимость для замужних женщин перед лицом экономической депрессии. Большинство семей благодарили судьбу, если хотя бы один член семьи, как правило муж, устраивался на работу. Общественное мнение винило жен в том, что они отнимают работу у мужчин, и на законодательном уровне даже был принят ряд мер, ограничивающих замужних женщин в праве на труд³³. И те жены, что ходили на работу, и те, что занимались домашним хозяйством, как могли, старались уменьшить количество расходов и размеры своих семей.

Контрацепция и аборт в годы депрессии

Хотя федеральные законы Комстока запрещали пересылать по почте информацию и приспособления, необходимые для контрацепции, и около половины штатов имели собственные законы против предохранения от беременности, росло число граждан, которые разделяли взгляды Маргарет Сэнгер. Они требовали легализации противозачаточных средств и открытого доступа к ним для замужних женщин. На протяжении депрессивных 1930-х годов сторонники контроля рождаемости подчеркивали важность этой меры и необходимость контрацепции, особенно для тех семей, которые не могли обеспечить уже имевшихся детей. Страх того, что они сами не смогут прокормить свое потомство или что забота о бедных многодетных семьях ляжет на государство, подтолкнул многих американцев к тому, чтобы считать контрацепцию приемлемой и необходимой мерой.

Благодаря нескольким судебным победам строгие запреты Комстока на контрацепцию были смягчены. К середине 1930-х миллионы презервативов производились и продавались

в самых различных местах (в аптеках, на заправочных станциях, в парикмахерских) мужчинам всех слоев общества, а другие средства контрацепции, такие как диафрагма, становились все более доступны как бедным женщинам, так и представительницам среднего класса.

Прогресс в использовании контрацептивных практик главным образом произошел благодаря заслугам клиник по контролю рождаемости. Они были устроены по образцу той клиники, что Сэнгер открыла в Нью-Йорке, и открывались теперь по всей стране. В 1930 году насчитывалось пятьдесят пять таких клиник, расположенных в 15 штатах и финансирующихся Американской лигой по контролю за рождаемостью. К 1938 году их количество выросло до пяти сотен. Анализируя исследование Кинси о женском сексуальном поведении в указанный период, Д'Эмилио и Фридман отмечают разницу между контрацептивными практиками двух поколений женщин³⁴. Старшее поколение полагалось в основном на презервативы (40%), затем на диафрагму (31%), еще меньше — на спринцевание и воздержание. В отличие от них, молодые девушки доверяли в основном диафрагме (61%), чуть меньшим доверием пользовались презервативы, а спринцевание и воздержание были почти полностью изжиты. Сторонники контроля рождаемости, считавшие диафрагму самой надежной формой контрацепции, имели повод для радости.

К концу 1930-х годов, вероятно из-за депрессии, эффективные средства контрацепции стали более популярны во всех слоях общества. Общественное настроение сместилось от безоговорочного осуждения к сомнениям в моральности такого поступка, а впоследствии к его принятию. В 1937 году Американская медицинская ассоциация официально прекратила борьбу с контрацепцией. В 1938 году опрос в *Ladies' Home Journal* показал, что 79% женщин положительно относились к контрацептивам.

Если контрацепция становилась все более популярной идеей в обществе, то проблема аборт по-прежнему

замалчивалась, даже несмотря на резкий рост числа аборт-ов во время депрессии. В 1931 году доктор Фред Джей Тосиг в *The American Journal of Obstetrics and Gynecology* писал о стабильном росте числа аборт-ов, особенно среди матерей, у которых уже было по три-четыре ребенка. Он называл цифру в 700 000 аборт-ов в год, при 15 000 летальных случаев³⁵

Многие медицинские исследования называли в качестве причины резкого роста аборт-ов экономические трудности, которые испытывали во время депрессии как незамужние, так и замужние женщины. Замужние женщины прибегали к аборт-у не только в том случае, когда это был уже четвертый или пятый ребенок, но и когда это была первая беременность. Одна женщина-доктор по результатам опроса тысячи женщин, обратившихся в Нью-Йоркскую городскую клинику по контролю рождаемости в период с 1931 по 1932 год, утверждала, что в основном женщины шли на аборт тогда, когда они были кормилицами семьи и не могли позволить себе потерять работу или попросту были неспособны прокормить еще один голодный рот. Число аборт-ов значительно выросло даже среди представительниц белого среднего и высшего классов³⁶

Среди чернокожего населения число аборт-ов в годы депрессии также возросло. В 1932 году хирург-афроамериканец из Кливленда рассказывал, что «среди замужних женщин наблюдался заметный всплеск числа подпольных аборт-ов». Количество аборт-ов среди белых и черных замужних женщин одного достатка примерно было равным. Но белые незамужние женщины прибегали к аборт-у чаще, чем черные, вероятно потому, что в черной среде внебрачные дети вызывали меньше общественного осуждения.

На протяжении первой половины 1930-х к врачам и в больницы начало обращаться больше женщин с последствиями неумело сделанных аборт-ов. В 1935 году в Гарлемском госпитале в Нью-Йорке открыли специальную палату для таких случаев, а в 1939 году в госпитале округа Кук в Чикаго наблюдалось

более тысячи женщин с осложнениями после аборта. Хотя некоторые врачи были настолько обеспокоены этим обстоятельством, что высказывались за легализацию абортов, общество предпочитало не замечать и не обсуждать эту проблему³⁷. Сторонники Сэнгер также не желали поддерживать легализацию абортов, поскольку боялись, что их деятельность начнут ассоциировать с криминальными практиками.

Несмотря на публичный запрет на аборты, находилось немало врачей, которые оказывали такую услугу из денежных соображений или по убеждениям. Историк Лесли Джей Рейган рассказывает о докторе Джозефине Габбер, которая имела свою клинику, где в период с 1932 по 1941 год было сделано 18 000 абортов. Большая часть пациенток — примерно 80% — были замужем. Это соответствует последним исследованиям, согласно которым подавляющее большинство женщин, сделавших аборт, в период до II Мировой войны состояли в браке³⁸. По сохранившейся информации о семидесяти пациентках Рейган делает вывод, что большинство из них были домохозяйками и примерно четверть работала вне дома.

Женщин направлял в нужную клинику другой врач, либо они узнавали имя нужного врача через личные связи — от подруги, парикмахерши, аптекаря или медсестры. Большинство обращалось за помощью на ранних стадиях беременности, что облегчало процедуру и делало ее более безопасной, чем если бы они пришли на втором или третьем месяце. Аборты, которые Габбер проводила в своей клинике, проводились так же, как и любая другая хирургическая процедура. Пациентки получали специальные инструкции, в том числе указание звонить в офис в любое время, если они почувствуют себя плохо, и приглашение на повторный прием либо на следующий же день, либо в ближайшие недели.

В других городах, таких как Нью-Йорк или Балтимор, умелые врачи тоже проводили аборты. Рейган сообщает, что «тысячи женщин обращались за абортom к врачу и производили

его в безопасных медицинских условиях, не испытывая впоследствии никаких осложнений»³⁹.

Но те, у кого не хватало денег, или те, кто не знал, к кому обратиться, были не так удачливы и не могли получить грамотную медицинскую помощь вовремя. Ужасные истории о подпольных операциях, которые проводили шарлатаны, об абортах, которые женщины делали себе сами при помощи острых предметов, например вешалок, о спринцеваниях хлорной известью вышли на свет во время кампании за легализацию аборт в 1970-е годы. Между второй половиной 1920-х годов, когда число аборт начало расти, и 1973 годом, когда аборт были декриминализованы, тысячи женщин каждый год обращались за экстренной помощью вследствие нелегально проведенной процедуры.

Перед II Мировой войной сексуальные и контрацептивные практики замужних женщин претерпели ряд серьезных изменений. К 1930-м годам большинство либерально мыслящих женщин считали само собой разумеющимся то, что они имеют право на сексуальное удовольствие в браке и на регуляцию рождаемости. Эти два вопроса были связаны. В риторике реформистов часто всплывало утверждение, что женщина способна получить наслаждение от секса, только если она может полагаться на средство контрацепции. И, сходным образом, только жена, которая может контролировать число детей, согласуясь с физическими и экономическими нуждами семьи, могла воспитать достойное потомство. В 1942 году возникла Ассоциация планирования семьи, и большинство американцев поверили в то, что контроль рождаемости помогает построить счастливый брак. Хотя аборт еще не был узаконен, женщины, вступавшие в брак, уже имели куда больше возможностей отделять секс от продолжения рода, чем их предшественницы на любом этапе истории.

Глава девятая. ЖЕНЫ, ВОЙНА И ТРУД. 1940–1950 ГОДЫ

Нам нужна ты, миссис!

Women's Home Companion, июль 1942 года

Я горжусь тем, что моя жена трудится.

McCall's, сентябрь 1943 года

Я не стыжусь... мой муж хочет, чтобы я внесла
свой вклад.

Плакат времен II Мировой войны

Эвелин Гатри, жена офицера морского флота, вместе с мужем Хэлом поехала на Гавайи, где его расквартировали в 1941 году. Пока Хэл был в заграничных плаваниях, Эвелин трудилась в моторизованной бригаде Красного Креста в Гонолулу — возила на прогулки пациентов из военных госпиталей и помогала новобранцам военно-воздушных сил из Австралии и Новой Зеландии.

Супруги Гатри предчувствовали, что начнется война, и готовились к ней. В своих неопубликованных мемуарах Эвелин писала: «Пятого декабря мы с Хэлом отправились к нотариусу и подписали завещание. <...> Я отвезла его в Перл-Харбор, и его корабль вышел из порта шестого декабря в 12.01, как я узнала впоследствии, чтобы доставить самолеты морякам в Мидуэй»¹.

Утром 7 декабря, когда она выходила из квартиры, ее окликнула хозяйка и сообщила, что Перл-Харбор обстреливают.

Эвелин быстро переделалась в форму Красного Креста, схватила аптечку и побежала к машине. По дороге она подобрала пару морских офицеров, которые тоже спешили добраться в Перл-Харбор. Когда наконец они прибыли на место, то увидели перед собой «неописуемый ужас... <...> Некоторые корабли горели. В воде были люди, они пытались плыть сквозь горящие пятна бензина».

Шокированная зрелищем неожиданного нападения, миссис Гатри едва успела спастись сама. На ее глазах японский самолет спикировал над линкором «Пенсильвания» и сбросил бомбу на миноносец, пришвартованный впереди линкора. «Взорвался нос миноносца, и взрывная волна отшвырнула мой автомобиль». Когда Гатри удалось вернуть контроль над машиной, она направилась в Главный штаб моторизованных войск, взяла с собой нескольких членов Красного Креста и поехала с ними в Штаб гражданской обороны.

Здесь все оказались при деле. Грузовики всех моделей и размеров приспособляли для нужд скорой помощи, потому что из Хикэм-филдс приходили отчаянные призывы о помощи. Нам сказали, что помощь нужна в армейском госпитале Триплера. Вчетвером на моей машине мы добрались до Триплера и сообщили, что готовы приступить к своим обязанностям. У всех, кого на носилках приносили с Хикем-Филдс, мы разрезали одежду вокруг ран, и их относили прямо в операционную. Затем мы разделились и разошлись по палатам, где помогали раненым, как могли.

<...> Медсестры или доктора заходили их проведать, но они мало что могли сделать. Все, кто потерял ногу или руку, в тот же день умерли. Начиная с десяти часов утра, когда я приехала в госпиталь, и до вечера, когда приехали дополнительные сестры-волонтерки, я чувствовала себя абсолютно беспомощной. Я могла лишь держать умирающих за руку, подавать стакан воды или помогать санитарам вытирать пол от крови, чтобы никто не поскользнулся.

Следующие несколько дней миссис Гатри перевозила медицинское оборудование между различными флотскими и армейскими госпиталями. Еще одной ее постоянной заботой стала помощь гражданским госпиталям, куда люди после обращений по радио приходили сдавать кровь. На ней также лежала «печальная обязанность возить флотского священника, который хоронил погибших». Поскольку у жен военнослужащих супруги были в море, они вызывались подменять «гражданских жен», чтобы те могли побыть со своими семьями. Три недели миссис Гатри не знала ничего о своем муже. Затем к ней домой пришел солдат и сообщил, что ее Хэл здоров, но слишком занят, чтобы позвонить жене. «Перед самым Рождеством лайнер компании „Мэтсон“ вошел в порт, чтобы эвакуировать женщин и детей военнослужащих. Теперь его не встречал оркестр, играющий „Aloha“, и люди не спускались с венками цветов».

Спустя несколько месяцев, когда было эвакуировано большинство женщин с детьми и гражданское население, было решено, что все жены военнослужащих тоже должны быть эвакуированы, если только они не заняты на правительственной службе. Чтобы остаться, миссис Гатри устроилась цензурировать письма в почтовый офис в Гонолулу. В день она проверяла 130 писем и вычеркивала все, что могло бы дать ценную информацию врагу.

Иногда в этой работе случались и забавные моменты, как, например, этот: «Однажды мне попались два письма, которые один мужчина написал жене и, по всей видимости, любовнице. К письму любовнице он прикрепил облигацию военного займа, и я с трудом удержалась, чтобы не переложить ее в письмо, адресованное жене».

На протяжении почти ста дней она не знала, где находится ее муж. В мае его корабль пришел на Гавайи после битвы в Коралловом море, и на берег спустился сильно похудевший мужчина. Он провел в порту всего несколько дней, а затем

корабль вновь вышел в море. Эвелин Гатри справляла двадцатую годовщину брака в одиночестве.

Спустя месяц он вернулся с битвы за Мидуэй еще более исхудавший. Друзья «поздравляли Хэла — но не с праздника-ми, а с тем, что он жив». Пока он восстанавливал силы, она продолжала работать цензором. В начале декабря, год спустя после атаки на Перл-Харбор, по телефону ей сообщили, что у ее матери случился сердечный приступ, от которого та могла уже не оправиться. «Я была единственным ребенком и единственным ее родным человеком, поэтому должна была возвратиться на Большую землю. Покинув Гавайи, я уже не могла вернуться. <...> Я попрощалась с Хэлом, не зная, увижу ли я его еще когда-нибудь».

К счастью, вскоре и ее мужа отправили на материк, повысив в должности и поручив ему новое задание. Оба супруга выжили в войну и прожили долгую жизнь вместе. Будучи женой военнослужащего, она и сама отслужила свое.

Одним из ключевых событий в жизни миссис Гатри стало то, что она, вероятно, была единственной женщиной, присутствовавшей в 1941 году во время судьбоносной атаки на Перл-Харбор. Как и многие жены военных, она работала волонтером в Красном Кресте и служила с отличием. Но немногие женщины ее класса шли на оплачиваемую работу, которая требовалась в военное время. Помимо нее, многие тысячи женщин из разных слоев общества повышали процент занятости среди замужних: в 1940 году их было 15%, а в 1945 году — 24%².

Можно утверждать, что II Мировая война всего лишь ускорила процесс поиска работы для женщин. Можно также утверждать, что II Мировая война повлекла за собой кардинальные изменения в этой области, и особенно это коснулось замужних женщин. С начала войны на работу устроились 6 500 000 женщин, из них 3 700 000 состояли в браке. Впервые

за всю историю США количество замужних женщин на рабочих местах превысило число одиночек.

Одной из причин такого перевеса стало то, что в военные годы спешили расписаться до того, как мужчин призовут в армию. Число бракосочетаний увеличилось почти на миллион по сравнению с нормой довоенных лет. Одна женщина, вступившая в брак в 1942 году, вспоминала: «Мы бы, вероятно, не поженились так быстро, если бы не война»³. К 1944 году замужних женщин в стране стало на 2 500 000 больше, чем в 1940-м.

Изначально Военная комиссия по труду была против того, чтобы призывать домохозяек выходить на работу, и, наоборот, подчеркивала их ответственность перед семьей. Но многие патристические организации и журналы поощряли то, что женщины идут на оставленные мужчинами рабочие места или занимают новые рабочие позиции, образовавшиеся с приходом войны. Государственные типографии печатали плакаты на эту тему — так, например, один из них обращался к мужчине напрямую с вопросом: «Должна ли твоя жена пойти работать во время войны?» На плакате был изображен мужчина, читающий жене газету, и несколько снимков женщин за швейной машинкой или за станком. Ниже располагался и ответ на вопрос: «Каждая женщина старше 18 лет, здоровая и не имеющая детей младше 14 лет, должна быть готова отправиться на работу».

По радио крутили одноминутные ролики, в которых женщины из разных уголков страны рассказывали: «Я, такая-то, обращаюсь непосредственно к домохозяйкам такого-то города. Я тоже домохозяйка. <...> Прежде я никогда нигде не работала, кроме как по дому. Но мне показалось, что я могу сделать больше, чем готовить семье еду и покупать облигаций военного займа. Так что я устроилась на работу и, помимо восьмичасового рабочего дня, успеваю сделать все дела по хозяйству. <...> Мой муж мною гордится... и я никогда не чувствовала себя счастливее. Я чувствую, что действительно приближаю конец войны»⁴.

Если во времена Великой депрессии работающая жена вызывала неодобрение общества, потому что «отнимала работу у мужчины», то теперь, в связи с сокращением числа рабочих силы, ее обхаживали и хвалили. Клепальщица Розы, домохозяйка, которая пошла работать на фабрику, стала национальной героиней. Ее отвага заключалась в том, что, подобно Молли Питчер, которая наряду со своим мужем участвовала в Войне за независимость, Розы выполняла мужскую работу. Однако, как напоминает нам исследовательница военной пропаганды Лейла Джей Рапп, подобная трансформация должна была носить лишь временный характер. Все понимали, что, как только война закончится, жена вернется к своим прежним обязанностям матери и хранительницы домашнего очага⁵.

Занятость замужних женщин представляла собой то, что историк Уильям Чейф называл «радикальной переменной в риторике бизнеса и правительства»⁶. Предыдущие запреты на трудоустройство жен были упразднены, как и трудовая политика, которая дискриминировала при найме на работу женщин после тридцати пяти. Эти женщины старшего возраста, в большинстве своем замужние, представляли собой новую рабочую силу. Их дети ходили в школу или уже были совершеннолетними, и они были рады возможности обменять горшки и кастрюли на ведение картотеки или клепку машин. Не слишком обремененные домашними обязанностями и заботой о детях, они пополняли ряды женщин-работниц⁷. Количество работающих женщин старше тридцати пяти за годы войны увеличилось в геометрической прогрессии.

Другой переменной стало увеличение занятости женщин с маленькими детьми. Поначалу Военная комиссия по труду считала, что основной задачей матери было оставаться дома со своим семейством, но очень скоро она переменяла свои взгляды: труд каждой женщины, имела она детей или нет, был необходим для победы. Тем не менее в ответ на общественное беспокойство по поводу детского воспитания Комиссия

поручила правительственным агентам «разработать, внедрить и скоординировать работу федеральной программы по дневной заботе о детях работающих матерей»⁸.

К тому времени страна уже располагала системой детских садов под эгидой Управления общественных работ США, где в 1942-1943 годах содержалось порядка 180 000 детей дошкольного и раннего школьного возраста из малообеспеченных семей. В июне 1943 года этот проект Управления был приостановлен, и в соответствии с положениями Акта Ланэма был начат новый проект по опеке над детьми, чьи матери работали в оборонной индустрии. На пике развития этой программы, финансируемой из федерального бюджета, туда входили 3000 центров, где содержалось 130 000 детей. В то же время существовали и другие программы на государственном, региональном и частном уровнях по всей стране, однако их никогда не было достаточно, чтобы позаботиться о двух миллионах несовершеннолетних, которым, согласно подсчетам Управления общественных работ США на 1943 год, нужна была та или иная форма опеки.

Причиной тому была не только государственная политика. Американки изначально отнеслись к идее коллективной заботы о детях с подозрением и предпочитали, когда это возможно, оставлять детей на попечение членов семьи, соседей и друзей. В книге «Папочка ушел на войну» Уильям Таттл перечисляет различные варианты ухода за детьми, к которым прибегали матери⁹. Некоторые работали в ночную смену и оставляли детей под присмотром отца, отработавшего днем, бабушек, дедушек, других старших родственников, братьев и сестер — или предоставляли их самим себе. Одна девочка, выросшая в годы войны, вспоминала, что ее мать работала в ночные смены, а невестка в дневные, чтобы обе могли по очереди присматривать за ребенком. Некоторые матери работали днем, а их дети после школы были предоставлены сами себе.

Такие «независимые» дети вызывали беспокойство американского общества. «Кто позаботится обо мне, мама, если

ты устроишься на завод?» — спрашивал светловолосый мальчик в 1943 году в майском номере журнала *Better Homes and Gardens*. В патриотичной рекламе для *ADEL Precision Products* светловолосая девочка спрашивала у матери, одетой в рабочий комбинезон: «Мама, когда ты снова будешь сидеть дома?» А мать оптимистично отвечала: «В один торжественный день мама снова вернется домой, к работе, которую она любит больше всего, — домашним делам и уходу за тобой и папой, вернувшимся с войны. Она знает, что все водяные вентили, крепежи и колодки, а также противообледенительное оборудование, которое *ADEL* поставляет для самолетов, помогают приблизить этот день».

Несмотря на благородный ответ матери с плаката, повод для волнения имелся. Так, в прессе рассказывали о детях, которые росли без материнского внимания. Зачастую женщины приходили домой утомленные и могли позаботиться лишь о самых насущных нуждах своих детей. Страдала и рабочая дисциплина; матери часто пропускали работу, оставаясь с больными детьми, или вовсе бросали ее.

Оборонные предприятия изобретали самые разные меры, чтобы удержать своих работниц на местах. Например, авиационные компании в Лос-Анджелесе подали городу петицию с просьбой не распускать школы на летние каникулы, поскольку многим работающим матерям нужно будет на это время оставаться дома с детьми. Более предусмотрительный план придумала компания *Kaiser* в Портленде, штат Орегон: она открыла два круглосуточных центра для детей от восьми месяцев до шести лет прямо на двух своих фабриках. На предприятии было занято порядка 25 000 женщин, и начальство фирмы придерживалось прогрессивных взглядов. Служба по уходу за детьми фирмы *Kaiser* «до сих пор является примером того, как частный производитель мог облегчить тяготы работающих матерей и действительно помочь им в заботе о детях»¹⁰.

Несмотря на эту и прочие инициативы предприятий или сообществ жителей, спрос на услуги по уходу за детьми превышал предложение. США не последовали примеру Великобритании, где работающим женщинам предоставляли широкий спектр услуг: детсады, помощь на дому, столовые, кулинарные полуфабрикаты и один свободный вечер в неделю для похода за продуктами¹¹. Кроме того, в Великобритании была разработана система частичной занятости для замужних женщин, позволявшая им работать на полставки, — мера, отвечавшая как интересам промышленности, так и интересам работающих жен.

Выходя на смену на фабрике или в офисе, в рабочих комбинезонах или чулках и перчатках, с ланч-боксами под мышкой, американки все так же несли на себе бремя домашнего труда. Как и теперь, во время войны женщины попросту брали одну работу в довесок к другой и старались не сломиться под тяжестью обязательств. Почему же женщины были готовы работать всю пятидневную или шестидневную рабочую неделю, трудиться в выходные и в ночные смены — вдобавок к домашним обязанностям?

Многие из них руководствовались чувством патриотизма. Другие проводили мужей и возлюбленных на войну и верили, что их труд поможет приблизить победу и окажет прямое влияние на участь тех, кто находится на чужбине. Они верили лозунгам с плакатов: «Тоска по милому не поможет ему вернуться скорее... Найдите себе военную работу!» и «Помоги сделать то, что он не закончил».

Была и экономическая причина. Жены военных зачастую получали крошечное пособие от государства и едва сводили концы с концами. В Атоле, Массачусетс, одна жена, беременная вторым ребенком, жаловалась на то, что, по ее подсчетам, после того как она заплатит за квартиру (20 долларов), электричество (3 доллара 75 центов), телефон (два доллара), молоко (шесть с половиной долларов), стирку (четыре доллара), продукты (30 долларов), страховку (2 доллара 95 центов)

и масло (2 доллара 80 центов), у нее останется всего восемь долларов из восьмидесяти, которые она получает в месяц, на «одежду, лекарства, отопление в зимние месяцы, газеты, журналы, развлечения и прочее»¹². К 1944 году из почти четырех миллионов жен военных 1 360 000 женщин, чьи мужья были в армии, работали, чтобы прокормиться¹³.

С мужьями в армии или на гражданке, женщины и целые семьи перебирались в новые индустриальные центры в поисках работы. С Аппалачей и с Юга, с Великих равнин они переселялись на запад, на Восточное побережье и в район Великих озер. Они перебирались с ферм в разрастающиеся города, такие как Детройт, где был построен самый большой завод в мире, Willow Run, который производил бомбардировщики с огромной скоростью и в огромных количествах. Они ютились в комнатухах и трейлерах и посылали деньги домой, чтобы родственники и друзья могли к ним присоединиться¹⁴.

В военное время зарплаты были неплохими, больше, чем когда-либо до этого в американской истории, и теперь женщинам предлагали занять те ставки, на которые прежде принимали мужчин. Жены, прежде зависевшие от своих мужей, теперь могли вносить свою лепту в семейный бюджет — на их средства приобреталась мебель, одежда, даже дома. Многие гордились тем, что впервые сами приносили деньги в дом и определяли, как ими распорядиться. Те, кому это было по средствам, покупали фарфор и серебро в рассрочку, посылали подарки родителям и приобретали облигации государственного займа, а также копили деньги на колледж детям. Многие из них были просто рады оказаться вне дома. Как рассказывала одна работница военно-морской верфи Пьюджет-Саунд, «куда милее кухни мне была суета на верфи»¹⁵.

Война кардинально поменяла расстановку сил в женской трудовой занятости. До войны работали в основном одинокие девушки; после большинство составляли замужние женщины среднего возраста. В 1940 году 6 380 000 одиноких

женщин и 4 680 000 замужних женщин были трудоустроены на выгодных условиях. Десять лет спустя пропорция изменилась: 5 270 000 одиноких женщин против 8 640 000 замужних¹⁶. В целом жены поколения II Мировой войны имели больше рабочего опыта, чем жены поколения 1920–1930-х, и часто продолжали работать после замужества даже несмотря на то, что уровень женского труда упал сразу после окончания войны¹⁷.

В следующие полвека количество работающих женщин взлетит до небес. Женщина, рожденная в 1950-е годы, когда только одна из четырех женщин работала, имеет совершенно иное представление о женской доле, нежели наша современница, родившаяся в обществе, где три из пяти женщин трудоустроены в самых разных областях. В следующем разделе я расскажу о женщинах, которые во время II Мировой войны, работали в самых разных областях и в самых различных регионах страны.

Судостроительницы

Во время II Мировой войны судостроительная индустрия, одно из самых высокооплачиваемых производств в стране, начала принимать на работу женщин — замужних и одиноких, молодых и старых, с детьми и без. Посмотрим, например, на компанию Commercial Iron Works в Портленде, штат Орегон. В 1942 году компания открыто заявляла, что не нанимает на работу женщин. Но уже в марте 1943 года она наняла 500 женщин в качестве промышленных рабочих. Одной из них была Беренис Томпсон; ее ребенок вырос, но муж все равно возражал против того, чтобы она выходила на работу. «Я была очень бедной, — вспоминает она, — и к тому же мне важно было почувствовать себя небесполезной. Мой муж из Кентукки. Он считал, что женщины вообще ничего не умеют. Я ему доказала, что это не так». В конце концов мужу пришлось смириться с новым статусом своей жены, когда она стала приносить в дом деньги¹⁸.

Муж Розы Диксон, также работавшей на верфи, считал, что это неподходящее место для женщины. Жена пересказывала его возражения: «Но ты не можешь трудиться на верфи. Работники там слишком грубые и ругаются направо и налево». Поиски работы на других предприятиях, где ставка была куда ниже, она сказала: «Что ж, на такую работу я не пойду, потому что на верфи платят больше». У нее было пятеро детей, и о троих из них все еще нужно было заботиться, так что она устроилась сварщицей на небольшую верфь близ Портленда, затем стала помощницей слесаря-трубопроводчика и работала то тут, то там до самого конца войны. На свой доход Диксоны смогли позволить себе купить дом, в котором прожили до конца жизни¹⁹.

Помимо возражений со стороны мужа, женщинам приходилось иметь дело с шовинизмом работников-мужчин, многие из которых по-прежнему были убеждены, что женщины не место на верфи. Женщинам, принявшим за ремесло сварщиков, клепальщиков, судовых разметчиков, электриков, краскомаскировщиков, механиков и котельщиков, было нелегко завоевать рабочий авторитет: их окружали мужчины, у которых сама идея работы бок о бок с женщиной вызывала отторжение.

В сентябрьском номере журнала *Harper's Bazaar* за 1943 год вышла статья Вирджинии Сноу Уилкинсон «Из домохозяйки в судовые разметчицы», в красках рассказывающая о переживаниях женщины, которая стала работать на верфи. Муж Уилкинсон не возражал против того, чтобы она пошла работать; наоборот, он был так же взволнован, и в первый день, когда Вирджинии нужно было выходить на работу на верфь Kaiser в Ричмонде, Калифорния, вся семья проснулась вместе с ней в пять утра²⁰.

Вместе с шестью другими работницами она встретила холодный прием. Мужчина, ответственный за наем новых работников, прочитал: «Боже! Женщина-разметчик! И за что

мне такое горе!» Миссис Уилкинсон уже прошла курс по обороне, поэтому для нее сразу же нашелся ряд мелких поручений, иногда она помогала мастеру-разметчику, но большую часть времени, подобно другим женщинам, стояла в стороне, ожидая, пока ее позовут. Оказалось, в судостроении нет точной, конвейерной работы.

Почему же столько времени уходит впустую? Ирораб объяснил миссис Уилкинсон, что компании нанимают больше мужчин и женщин, чем могут поставить работать одновременно. «Нужно иметь выбор, чтобы найти по-настоящему стоящих работников». Он также объяснил ей, где место женщины в судостроении:

«И от женщин тоже есть прок. Мужчинам это не по нраву, профсоюзы проголосовали против женщин на рабочих местах, но со временем они привыкнут и перестанут считать это чем-то странным. В металлургии к женщинам тоже сперва отнеслись с неодобрением, но теперь они чуть ли не заправляют цехами, и никого это больше не возмущает. В судостроении женщины пока представлены мало, но со временем эта ситуация исправится».

Привыкнув к тому, что ее называют «дамочкой» и «милочкой», Вирджиния Уилкинсон тяжело переживала проявления грубого сексизма. Так, например, однажды писательнице вместе с двумя другими женщинами поручили самостоятельное рабочее задание, над которым они начали трудиться плечом к плечу. «Мы работали увлеченно и ловко, ощущая, что все преследуем общую цель. Я отметила, как быстро мы выполняли свои поручения, как мы добросовестно осуществляли проверку, как живо мы возмущались небрежными подсчетами. Наконец нам дали важное поручение, позволили нам работать самостоятельно и возложили на нас ответственность за нечто значимое».

Однако такая женская команда недолго просуществовала. К вечеру женщины «начали отмечать раздражение со стороны

мужчин. <...> Они негодовали и завидовали тому, что женщинам поручили самостоятельно изготовить деталь... <...> впервые в нас увидели конкурентов... <...> На следующий день без каких-либо объяснений работу над деталью передали мужчинам, а нас вновь отправили стоять в сторонке и наблюдать, как мужчины работают над тем, что мы считали своим детищем».

Одна женщина сказала, что мужчины испугались, как бы женщины не захватили верфи, подобно металлургическим цехам. Миссис Уилкинсон великодушно предположила, что, должно быть, мужчинам, «которые стояли во главе семей и отвечали за детей и близких», было тяжело видеть подле себя менее опытных женщин, получающих те же деньги. В начале своей карьеры Вирджиния получала девяносто пять центов в час.

Спустя шесть недель ее поставили руководить производством одной из деталей. Это подразумевало, что она должна определить необходимое количество стали, найти его, разметить мелом и заставить такелажников поднять его, отыскать станок и сварочный аппарат, чтобы пригнать сталь на место. Глядя на то, как кран поднимает материал, и затем на то, как в море буксируют транспортное судно, над которым она работала, Вирджиния Уилкинсон чувствовала радостное оживление. «Работать вместе над кораблем было замечательно», — вспоминала она.

Хотя статья заканчивалась на радостной ноте, в ней упоминалась и мизогиния, присущая судостроителям. До войны, в 1939 году, женщины составляли лишь 2% работников индустрии. Любую женщину на верфи встречали свистом и призывным улюлюканьем²¹. С наступлением войны статистика изменилась: в 1944 году женщины уже составляли 10–20% рабочей силы, а большинство мужчин научилось обращаться с ними уважительно, хотя порой они не могли скрыть свою ревность.

Занять руководящие должности удавалось немногим женщинам. Например, в компании Dry Docks and Shipbuilding в Мобиле, штат Алабама, повышение получили тринадцать

женщин. Одна из них руководила командой из тринадцати работников, куда входило несколько мужчин²².

Женщины в судостроительной индустрии работали не только на производстве; многие устраивались секретаршами, бухгалтерами, уборщицами, поварами, работницами столовой и землекопами. Полли Кроу, тридцатилетняя жена и мать, чей муж в 1944 году отправился воевать в Европу, переехала к его родителям в Луисвилль, штат Кентукки, а затем устроилась в офис Jefferson Boat and Machine Company под Андерсеном, штат Индиана. Ее письма мужу позволяют понять, как чувствовала себя работающая мать, оставившая ребенка на попечении свекрови.

Луисвилль. 12 июня 1944 года

Дорогой,

Теперь твоя жена деловая женщина — можешь называть меня своей малышкой с верфи! Да! Я решила, что хочу работать с четырех вечера до полуночи, чтобы самой зарабатывать на пропитание. Я хотела работать, но не хотела оставлять Билла на весь день — во-первых, это было бы слишком тяжело для твоей матери, хотя она это и отрицает, а во-вторых, Биллу нужна его мама. При таком графике твоя мать должна будет один раз покормить его и уложить спать. <...> Наконец, я нашла подходящую позицию и устроилась контролером средств: с 4 часов вечера до полуночи и начальной ставкой 70 центов в час, это 36 долларов 40 центов в неделю и 145 долларов 60 центов в месяц; с третьего месяца, если работа у меня будет получаться, а я в этом уверена, обещали дать прибавку...

Открыла свой собственный банковский счет, и какое же это великое наслаждение — самой выписывать чек, а не просить у кого-нибудь...

Спокойной ночи, милый.

Люблю тебя,

Полли²³.

Полли повезло иметь свекровь, которая не против была заботиться о внуке. Самой тяжелой задачей для нее было найти возможность добраться до работы и обратно, поскольку дорога занимала сорок пять минут. Но как только эта проблема была решена, она с радостью начала привыкать к роли работницы оборонной промышленности. «Мне здесь нравится, — писала она мужу 9 ноября 1944 года. — Я тружусь за каждый пенни, который зарабатываю». К тому моменту ей удалось накопить на банковском счету 780 долларов — на такую сумму молодая семья могла прожить шесть месяцев.

Пример Полли Кроу, у которой был младенец, и Вирджинии Уилкинсон, у которой было пятеро детей, показывает, что работа на верфи, несмотря на все сложности, сопряженные с уходом за детьми, дорогой до работы и сексизмом коллег, могла приносить белой женщине радость и удовлетворение, если у нее была поддержка мужа или родни. Однако в случае афроамериканок работа на верфи практически всегда подразумевала встречу с махровым расизмом. До войны чернокожие женщины были заняты на позициях служанок, официанток, полевых работниц и на других низкооплачиваемых должностях. Когда же для них открылись позиции с высокой оплатой, они сотнями хлынули в растущие индустриальные и судостроительные центры на Западном побережье, оставив свои прежние места.

Среди историй, рассказанных женщинами на верфях Портленда и Ванкувера и записанных Эми Кессельман, есть несколько рассказов афроамериканок, столкнувшихся с тяжелыми формами дискриминации на рабочем месте. Так, когда шесть чернокожих сварщиц пожаловались своему начальнику на то, что бригадир называет их «ниггерами» и ведет себя неподобающе, их всех без объяснения причин перевели с ночных смен на скользящий график. Затем их предупредили об увольнении и сказали, что они смогут работать лишь в дневные часы. Поскольку у всех были дети и поскольку они уже

договорились о том, чтобы за ними присматривали в вечернее время, изменения в расписании были серьезной проблемой. Одна из них вспоминала: «Я сказала, что не смогу работать днем, поскольку у меня двое маленьких детей, один — школьник, а второй слишком мал, его пока даже не отдать в детский сад. Мой муж в армии... Но мои слова не были услышаны». В конце концов жалобы женщин дошли до управления компании Kaiser Vancouger и до Комиссии по труду, но не привели ни к каким результатам²⁴.

Подобным образом обращались с афроамериканками по всей стране. Где-то чернокожих женщин просто не брали на курсы обороны, на многих заводах им отказывали в приеме на работу или попросту определяли на низкооплачиваемые места. Руководство предприятий объясняло это тем, что не все белые работники согласятся работать рядом с «цветными». На Эджвудском арсенале под Балтимором случились протесты и бойкоты, когда туда впервые наняли чернокожих женщин²⁵.

Женщины Юга в гражданской обороне

Разное отношение к афроамериканкам и к белым женщинам было характерно для Юга. Об этом свидетельствуют, в частности, истории женщин, работавших в оборонной индустрии в Алабаме, которые записала в книге «Клепка и снабжение в Диксиленде» Мэри Томас²⁶. До войны лишь немногие белые женщины трудились вне дома. Как правило, они работали пару лет, прежде чем выйти замуж, и затем полностью посвящали себя домашней работе. На белых женщин, которые вынуждены были работать, потому что их мужья не могли их обеспечить, зажиточные южанки смотрели свысока. Для белой женщины среднего класса попросту не было принято работать по найму.

Совсем иначе обстояло дело с афроамериканками, будь они одиноки или замужем. Финансовое положение вынуждало их

работать, и около половины всех афроамериканских женщин трудились в поле либо в домах белых. С открытием оборонных фабрик по всей Алабаме эти женщины с радостью оставили свою низкооплачиваемую работу прислуги ради работы на производстве, за которую платили в два или три раза больше.

Компания, которая впоследствии станет крупнейшим работодателем для женщин штата, The Air Service Command, расположенная в Брукли-Филдз в Мобиле, штат Алабама, приглашала исключительно белых женщин. Пожилые, инвалиды, одиночки и семейные женщины годились для работы, если только обладали правильным цветом кожи. К 1943 году в компании насчитывалось 17 000 сотрудников, из них половина были женщинами, а 800 из них имели какой-либо телесный недуг. Однако лишь жалобы, направленные в адрес Комиссии по труду, заставили компанию нанять пару чернокожих женщин, причем на самые низкооплачиваемые и непривлекательные позиции.

Мобил был одним из тех быстрорастущих городов, куда устремлялись потоки женщин из деревень Алабамы и соседних штатов. Многие женщины сопровождали мужей, отправлявшихся на призывные пункты, и затем на месте находили себе работу. Женщина, впоследствии ставшая одной из главных управляющих Ассоциации народного благосостояния, когда-то приехала в Мобил вместе с мужем, подобно множеству современниц. Еще одна женщина прежде видела свое предназначение исключительно в том, чтобы выполнять работу по дому, готовить и играть в бридж, но обнаружила, что ей нравится работать по найму. Другая женщина была уже в летах; она работала до замужества и, после того как вырастила двух дочерей, вновь пошла работать, возглавив Центральный архив штата. Она ушла с работы для того, чтобы уступить место более молодой работнице. Молодым женщинам она советовала: «Рано выйдя замуж, вы можете создать семью и исполнить все свои семейные обязанности».

и при этом у вас останется достаточно времени, чтобы насладиться жизнью. То, что вы стали бабушкой, еще не значит, что вы должны скрючиться и съежиться»²⁷.

Повсюду на Юге, как и в других частях страны, женщины, руководствуясь финансовыми соображениями и чувством патриотизма, выходили работать на фабрики и чувствовали себя при деле. Многие были рады сменить на что-то монотонный и рутинный домашний труд. В своем исследовании женского труда в военное время Карен Андерсон отмечает, что женщины, работавшие в Балтиморе, испытывали самые разные эмоции от чувства облегчения до душевного подъема. Одна из них, станочница, рассказывала, что была рада расстаться со своей старой скучной жизнью в качестве жены шахтера из Западной Виргинии и переехать в большой город. Сверильщица из восточного подразделения General Motors рассказывала, что ей нужна была смена обстановки, потому что, когда муж ушел на фронт, «мой темперамент и настрой не позволяли мне оставаться дома». Другая признавалась, что ушла с фабрики по требованию мужа, но начала так переживать, что вновь вышла на работу по совету доктора²⁸.

То, что в оборонной промышленности стало работать все больше женщин, позволило жительницам Балтимора занимать такие позиции, которые ранее были невозможны. Хотя конторская работа, традиционно женская область, оплачивалась хуже, чем заводская, она очень ценилась среди женщин-работниц, поскольку «смены были короче, чем на фабриках, такая работа не требовала большой физической выносливости, в отличие от работы у станка, она обладала более высоким статусом и была более надежной, чем ставка в индустрии, которая зависела от развития войны»; кроме того, она представляла меньше угрозы для установившегося гендерного порядка²⁹. Даже для афроамериканок, которым отказывали в обучении и приеме на работу там, где приветствовали белых женщин, военная экономика создала лучшие условия жизни;

количество афроамериканок, занятых в домашней сфере обслуживания, уменьшилось почти вдвое в военное время, потому что они могли найти работу в других сферах³⁰. Их зарплаты были выше, чем у чернокожих женщин из Алабамы, не только потому, что на юге страны предубеждение против афроамериканцев было сильнее, но также потому, что их город был ближе к Вашингтону, где постоянно ощущалась нехватка рабочей силы.

Война была никому не в радость. И особенно женщинам, в которых привыкли видеть хранительниц мира и покоя. Но все же можно сказать, что война дала женщинам новые возможности, позволив им быть более независимыми и занимать ответственные должности, что раньше трудно было представить. Сокращение числа рабочей силы, уход мужчин на фронт, дух патриотизма и жажда приключений, размывание границ между полами там, где раньше существовало четкое разделение на мужскую и женскую сферы, а также создание новых организаций для женщин — за счет всех этих факторов женщины оказывались в незнакомой среде, где им приходилось двигаться практически на ощупь, не имея четких ориентиров.

Женские вспомогательные службы и Женский военный резерв

Возьмите, к примеру, две организации, в которых работали исключительно женщины: Женскую вспомогательную службу (WAC), которая была создана при поддержке президента Рузвельта в 1942 году, и Женский резерв ВМФ США (WAVES), основанный в июле 1942 года. Эти два военных формирования, равно как и созданные по их образцу Женская вспомогательная служба береговой охраны США и Женский вспомогательный корпус ВВС, пришлись по душе не всем американцам. Те, кому не по нраву были женщины на

фабриках, кого тревожило, что женщины заменяют мужчин на должностях машинистов, поваров, почтовых работников, телефонистов и водителей, с равным неодобрением относились и к тому, что женщины в военной форме занимают позиции разведчиков, переводчиков, служащих РЛС, медицинского персонала, диспетчеров на вышках, инструкторов по воздушной стрельбе и фотографов. Хотя женщины на таких должностях не участвовали в открытых сражениях, они все равно служили в опасных зонах, некоторые из них получали ранения, другие погибали.

Замужние женщины служили в таких формированиях наравне с одиночками, хотя их было значительно меньше. Как правило, молодые замужние женщины устраивались на такую службу, если их мужей отправляли за океан. Ниже я расскажу истории трех женщин, занимавших такие позиции.

В 1942 году, когда были сформированы Женские вспомогательные службы, Гертруда Моррис была молодой невестой и жила со своим женихом, лейтенантом, возле гарнизона Форт-Брэгг. Через два месяца после свадьбы лейтенанта Морриса отправили в Северную Африку, а Гертруда Моррис вступила в Женские вспомогательные службы. В своих воспоминаниях она описывает курсы базовой военной подготовки, которые наскоро организовали для женщин в форте Де-Мойн, Айова, в самом начале войны: «...мы падали на кровать, чтобы на следующий день проснуться в шесть утра, когда было еще темно, стояла минусовая температура, лежал снег... <...> я носила просторную военную шинель поверх тонкого рабочего платья»³¹.

После курса начальной подготовки ее отправили в Джорджию, затем в Миссури и в Техас. Она выполняла конторскую работу, выучила азбуку Морзе, а своей «самой захватывающей работой» называла управление полетами на вышке. К осени 1944 года ее мужа перебросили из Северной Африки на Сицилию, затем во Францию и в Германию, а ее саму тоже

планировали отправить за границу. Она вспоминала: «Моему возбуждению не было предела — я не только предвкушала заграничную поездку, но и надеялась на счастливое стечение обстоятельств, благодаря которому смогу встретиться со своим мужем... <...> Но, конечно, возобладала ирония судьбы и армейская логика. И я отправилась на Тихоокеанский фронт». Ее отправили сперва в Новую Гвинею, а затем на Филиппины: «не слишком глубоко в тыл... но достаточно глубоко, чтобы не подвергать меня реальной опасности».

Даже когда война закончилась и муж Гертруды вернулся из Европы, ее все еще не спешили переводить домой. Как муж ни пытался повлиять на начальницу Женских вспомогательных служб Овету Калп Хобби, сидевшую в Вашингтоне, Гертруда Моррис возвратилась домой лишь в октябре 1945 года. Воссоединившись с мужем, она продолжила преподавать и родила двух дочерей. Военные годы навсегда запомнились ей как «время приключений, возможностей для развития и службы стране, которая ставилась превыше всего».

Альвира «Пэт» Валенкамп вышла замуж за Чарльза «Чака» Мелвина, пилота ВВС, в сентябре 1943 года. Весной 1944 года его отправили во Францию, а Пэт записалась в Женскую вспомогательную службу, с тем чтобы занять место одного из военных, которого могли бы отправить за границу. Сперва муж был не слишком доволен таким решением, но впоследствии он стал очень гордиться ею. В своих письмах мужу она рассказывала о том, чего требовали от женщины на курсах начальной военной подготовки, а также о своих переживаниях за судьбу мужа.

Форт Де-Мойн. 13 августа 1944 года

Дорогой муженек,

<...> Воскресенье для нас, девчонок-военных, ничем не отличается от любого другого дня. За исключением того, что нам позволили спать до половины седьмого, а завтрак подали в восемь.

Лекции начинаются в три, дальше — как пойдет. Потом мы свободны. Теперь у нас есть форма. Мы впятером отправились в венторг и в военный клуб. Пробыли там не больше часа...

Милый, пожалуйста, продолжай любить меня. Обещаешь? Это мое единственное желание. Это все, что мне нужно. Я ужасно по тебе скучаю и не перестаю думать о тебе. Прошлой ночью мне приснилось, что ты больше меня не любишь. Это было ужасно. <...> Если бы только сейчас ты был рядом со мной и мы могли бы жить вместе, вдали ото всех, радости моей не было бы предела.

С любовью, Пэт³².

Из военного барака Пэт писала, что ей досталась верхняя койка, где летом было «удобно и тепло», что она успешно справилась с дежурством по кухне, что армия «с каждым днем становится все лучше». Пэт не скрывала от мужа, что участие в Женской вспомогательной службе приносит ей удовольствие, и в то же время пыталась уверить, что она осталась той же любящей и преданной женой. «Конечно, я знаю, что мой муж думает по поводу таких служб. Но, дорогой, всегда помни, что я остаюсь твоей женой. Служба меня не изменит и не заставит любить тебя меньше».

Дороти Барнс и Джеймс Р. Стивенс окончили колледж в Калифорнии в июне 1942 года и через три месяца, наблюдая за тем, как над их головами сгущаются тучи войны, отправились в Аризону. Когда Джеймса призвали в войска связи фотографом, Дороти решила вступить в Женский военный резерв³³.

Она прошла тренировку в лагере в Хантерском колледже в Нью-Йорке, о котором у нее осталось мало приятных воспоминаний. «Нас поднимали до зари, и в 22.00 мы падали без сил. Мы чистили картошку и свеклу, стоя по щиколотку в воде, меня ставили охранять ворота с дубинкой, нас учили военной организации и флотским песням. После отбоя я плакала в подушку».

Все же Дороти удалось пройти тренировочный курс, а затем окончить школу радистов в Огайо. Затем ее послали на военную базу на Трежер-Айленд под Сан-Франциско. В это время ее мужа отправили на Тихоокеанский фронт, и он подолгу не давал о себе знать, что заставляло Дороти волноваться. Узнав, что его перевели на Гавайи, она подала заявку, чтобы отправиться туда же.

Она вспоминала: «Самым хлопотным был разговор с капитаном, командующим базой на Трежер-Айленд. Я слышала, что он очень строгий и что нужно постараться, чтобы убедить его в серьезности своих намерений, так что перед разговором я подготовила небольшую патриотическую речь».

Но вместо того, чтобы произнести ее, она рассказала правду — что она хотела воссоединиться с мужем. Удивительным образом капитан одобрил перевод, взяв с нее обещание, что его причины останутся секретом. Когда и она, и ее муж оказались на Гавайях, им пришлось преодолеть множество препятствий, чтобы иметь возможность встречаться вне базы и получать увольнительные дни. Вскоре она забеременела. Беременность считалась серьезным нарушением протокола для женщины, и через несколько месяцев Дороти, к ее радости, уволили с военной службы.

Временное положение

Патриотические истории женщин, работавших в судостроении, ремонтировавших самолеты, вступивших в Женские вспомогательные службы и Женский военный резерв, широко обсуждались в обществе в годы войны, в то время как усилия женщин, занятых повседневным трудом, игнорировались. Большая часть замужних женщин оставалась домохозяйками. На каждую женщину, занятую наемным трудом, приходилось три домохозяйки. В своей колонке для журнала *Bolivar Commercial*, выходившего раз в два месяца, миссис

Киф Фрейзер Сомервилль из Кливленда, штат Миссисипи, сочувствовала тем, кто остался в тени: «Многим женам гражданских, и мне в их числе, незнакомы сварка и клепка, мы храним домашний очаг. Нас следует называть Женским кухонным активом»³⁴.

Колонка миссис Сомервилль называлась «Дорогие парни» и была адресована солдатам из округа Боливар, заброшенным в самые разные уголки света. Бывшая школьная учительница и активная общественная деятельница, она использовала свое положение, чтобы рассказать фронтовикам о тех, кого они оставили дома, и о тех, кого раскидало по миру. В «Дорогих парнях» описывалась жизнь малоэтажной Америки, захваченной военным ажиотажем, где никто, кроме матерей и домохозяек, не сидел на месте.

Солдат постоянно направляли в различные тренировочные лагеря и на курсы спецподготовки по всей стране, посылали за границу, в Европу и на Тихоокеанский фронт.

Их жены и возлюбленные искали встречи где угодно: в переполненных городах, где не хватало комнат внаем, во временных квартирках с общей ванной и кухней или в собственном доме, когда военным давали отпуск.

Несколько колонок миссис Сомервилль были посвящены свадебному буму, охватившему всю страну. 18 июня 1943 года она писала:

Дорогие парни,

«Вся Америка погрузилась в свадебные гуляния, — сообщает журналист и радиоведущая Кейт Барр. — Каждый месяц регистрируется 150 000 браков! Похоже, военный дефицит любви не касается!» Что ж, молодежь округа Боливар не исключение. Как я рассказывала прежде, у нас тоже многие женятся. В прошлую пятницу в Сан-Диего в Калифорнии сыграли свадьбу Билли Лоули и Миртл Линдси... Сейчас Билли чувствует себя отлично, но армия до сих пор рассчитывает на его «посильную службу». Как

вы помните, Билли был одним из первых боливарских парней, кто получил ранения на фронте. Что ж, молодая невеста должна помочь залечить его раны!..

В пятницу красавица Джойс Шулар (к счастью, уже полностью оправившаяся после аппендицита, по вине которого пришлось отложить свадьбу) выходит замуж за Роберта Хейза. Он недавно вернулся из Порт-Гибсон и теперь работает на Администрацию сельского хозяйства в Вашингтоне...

А Невин Следж обещает на этой неделе приземлиться на военную базу в Корпус-Кристи и вернуться домой, чтобы взять в жены талантливую Бренду Уилсон...

Соседний Пейс тоже охвачен свадебной лихорадкой. Слышали ли вы, что Роберт Грантам, которого отправили в отпуск на двадцать один день, на прошлой неделе женился на милой Эдит Лотт? Не мог же он позволить брату Грею (повару в погрузочном порту Нью-Йорка) себя обойти. <...> Ведь вы помните, что Грей в декабре, когда был в увольнительной, взял в жены Этель Куинтон! Руфус Эйкок тоже молодожен, его супруга — очень славная девушка из Джорджии. Теперь он парашютист в Северной Каролине...

Но я еще не перечислила всех молодоженов Пейса! Этой весной Фрэнк Томпсон окончил летную школу в Лаббоке, штат Техас, и тут же женился на Бетси Уоррел!

Все невесты у миссис Сомервилль неизменно были «хорошенькими», «талантливыми» или «милыми». Почти в каждой колонке одобрительно сообщалось о свадьбе, которую в военных условиях играли быстро. 2 июля 1943 года миссис Сомервилль писала: «Брак имеет свои недостатки и преимущества, но это все еще полезный институт, который стоит того, чтобы променять на него сладость одинокой жизни!» 3 декабря она сообщала данные последней статистики: «1943 год дал нам около двух миллионов молодых невест, это около 14 браков на тысячу населения. Во время I Мировой войны на тысячу

населения приходилось лишь 11 браков, так что вы, мальчики, превзошли своих отцов!»

Новорожденные тоже били рекорды: в 1939 году их было 2 466 000, к 1941-му их число возросло до 2 703 000, а в 1943-м появилось на свет 3 104 000 новорожденных. Хотя некоторые американцы высказывали беспокойство за судьбу этих детей, многим из которых придется расти без отцов, все сходились на том, что дети, как и браки, были благом для нации³⁵.

Подъем деторождения отразился и в колонке миссис Сомервилль — 12 марта 1943 года она писала: «Слышали ли вы о беби-буме? <...> ...среди наших ребят на фронте есть молодые отцы! Джимми (лейтенант Джеймс) Ньюман из Пейса не так давно приезжал домой из Кислер-Филд, чтобы увидеть свою новорожденную дочку, а „Пит“ (лейтенант Том) Гаммил привез домой в Скин из Финикса, Аризона, месячных близнецов, четырехфунтовую девочку и пятифунтового мальчика! Конечно, его жена (Фрэнсис Фостер из Гринвуда, штат Дельта) полетела с ним, чтобы познакомить семью с внуками. <...> Еще один гордый отец — Ральф Коллинз Рид, вернувшийся из Кэмп-Пендлтона (самая крупная военно-морская база в Оушенсайде, Калифорния), чтобы навестить жену (Лоррейн Раско) и сына».

В заметке от 7 января 1944 года, назвав очередных молодоженов и новорожденных, миссис Сомервилль высказала интересное замечание: «Вы же знаете, что если ребенок родился уже после того, как отец отбыл за океан, то дядя Сэм отправит портрет младенца по специальной военной почте родителю!»

3 декабря 1943 года она писала, что Элейн Тайлер вернулась домой из Кэмп-Маккейн, Миссисипи, с дочерью и маленьким сыном, «временно», пока ее муж-лейтенант не завершит службу. «Временно» — такую формулировку часто использовали в военную пору для того, чтобы обозначить обстоятельства, срок окончания которых не был известен. Жены и дети военнослужащих стойко переносили затруднения, вызванные этим

статусом, и надеялись, что с концом войны смогут вернуться к «нормальной» жизни. А пока они старались, как могли, позаботиться о себе и — подобно миссис Сомервилль — показать «нашим ребятам» на фронте радужную картину жизни в тылу.

Домохозяйки на домашнем фронте

Неработающие жены и матери (то есть три из четырех замужних женщин) оставались дома заботиться о младенцах, рожденных в годы войны, и детях всех возрастов. Иногда им приходилось заботиться и о родителях. Работа по дому в условиях военной экономики была тяжелым испытанием даже для тех, у кого были деньги, поскольку все, что продавалось в магазинах, было дорого и в дефиците. Снабжение газом, мясом, сахаром, кофе, растительным маслом шло с перебоями, поэтому зачастую трудно было предсказать, что появится на прилавке, а приготовление обеда становилось непростой задачей.

В «Кулинарной книге хорошей домохозяйки», изданной в 1942 году, признавали, что «война чревата проблемами на домашних кухнях». В числе таких проблем были «ограничения в снабжении, скачки цен, нехватка определенных продуктов и пустоты на полках, вызванные тем, что наше правительство нуждалось в этом продукте для того, чтобы обеспечить наши войска и наших союзников»³⁶. В книге была специальная глава с советами, чем можно заменить определенные продукты. Хозяйкам советовали покупать ровно столько продуктов, сколько нужно для приготовления блюда, готовить впрок на два или три дня и пореже ходить на рынок, делать питательные блюда и «стараться не оставлять ничего для мусорного ведра».

Курсивом печатались наставления поварам: «Храните отходы масла, которые вы привыкли выбрасывать». Их можно было перелить в контейнер, заморозить и продать мяснику — они использовались для производства взрывчатых

веществ. Правительство США даже выпустило плакат, изображающий сковороду, с которой капал жир, превращающийся во взрывчатку. Подпись под рисунком гласила: «Домохозяйки! Берегите отходы для взрывчатки! Несите их своему мяснику».

Металлические банки стали цениться выше, поскольку их делали из материала, используемого в военной промышленности. «Кулинарная книга хорошей домохозяйки» напоминала своим читательницам, чтобы те берегли каждую банку: «Снимите упаковку и тщательно промойте ее, потому что банки нельзя использовать, если они недостаточно чистые. Снимите крышку и дно банки и надавите на нее ногой, пока она не сплющится». Затем банки следовало отнести в центр приема металлолома.

В отдельную главу в книге были выделены четырнадцать рекомендаций «деловой домохозяйке» (так называли работающих жен). Им советовали планировать простое в приготовлении меню и использовать замороженные овощи, рыбу, мясо и фрукты, а также покупать готовые смеси для выпечки бисквита, кексов и блинов. Последний, четырнадцатый пункт напоминал о том, что домохозяйке следовало следить за своим внешним видом. «Не забудьте уложить волосы и припудрить носик перед ужином. Поприветствуйте семью и гостей естественной улыбкой». Даже в военные годы женщинам, трудясь они на фабриках или дома, напоминали о том, что их внешность имела значение и что их привлекательность (то есть женственность и даже шик) служила поддержанию национального духа.

Хотя нормированию подвергались лишь немногие категории продуктов и американцам не приходилось терпеть столь же суровые лишения, как их союзникам, британцам и французам, или даже их противникам, дефицит все же был им знаком. Нехватка свежих и консервированных фруктов побуждала домохозяек разбивать собственные огороды и затем делать заготовки. Нехватка масла привела к тому, что

американцы познакомились с маргарином. Изначально производителям молочной продукции запрещалось выпускать маргарин того же цвета, что и масло, и они вынуждены были добавлять краситель, который окрашивал безвкусную белую массу в яркий желтый.

Нехватка одежды в продаже способствовала тому, что женщины сами латали, перешивали и подгоняли по размеру одежду, которая доставалась им от друзей и переходила от старшего ребенка младшему. Поиск ботинок для растущего ребенка был испытанием. Кухонная утварь, такая как тостеры, венчики для взбивания яиц, холодильники и стиральные машины, тоже были в дефиците.

В апреле 1944 года в Harper's Bazaar вышла статья «Работа по дому после войны», где перечислялись все сложности, с которыми сталкивались домохозяйки, особенно проблемы в работе различных служб. «Общественные прачечные стали хуже справляться с приемом и выдачей. <...> Ремонт пылесоса, утюга или текущего крана занимает вечность. <...> Зеленщиков и мясников стало гораздо меньше. Поход за покупками отнимает больше времени, потому что продавцов в магазине теперь меньше, а процесс оплаты со всеми этими жетонами и купонами усложнился. Раньше добраться до рынка, забрать детей из школы и исполнить другие домашние обязанности быстро позволяла машина, теперь же приходится передвигаться пешком или на общественном транспорте. А прислуги становится все меньше, и не всякая домохозяйка может позволить себе прибегать к помощи наемной силы»³⁷ Если до войны лишь 10 привилегированных процентов американских семей могли позволить себе нанять прислугу на полный рабочий день, то этот процент, должно быть, стал еще ниже в 1944 году.

Семьи, принадлежащие к среднему и низшему классам, редко имели домработниц (за исключением жителей юга страны, где часто встречались чернокожие домашние слуги). В военное

время они начали принимать жильцов, которые помогали в бытовых делах. Отвечая на дефицит жилья в некоторых регионах, Национальное управление жилищного строительства запустило кампанию «Поделись жильем», направленную на то, чтобы создать до полутора миллионов совместных домовладений. Семьи брали жильцов, чтобы облегчить ведение домашнего хозяйства в условиях дефицита и получить дополнительный доход.

Иногда жильцы становились хорошими друзьями с владельцами дома, с ними оставляли детей и на них рассчитывали в сложной ситуации. Так произошло с семьей из Форт-Уэрта в Техасе, которая съехалась с еще одной семьей, занятой в военной индустрии. Отцы обеих семей работали в ночную смену, и «днем было здорово иметь двух матерей», вспоминал впоследствии один из детей, воспитанных в такой семье³⁸. Так же произошло и с семьей афроамериканцев из Беркли, которые взяли пятерых жильцов — чернокожего юношу с женой и младенцем на кухню и двоих молодых чернокожих парней в комнаты на верхнем этаже. Хозяева дома работали на почте, и у владелицы дома была шестидневная рабочая неделя с графиком с семи утра до половины четвертого вечера, так что она была рада передать другой женщине работу по дому³⁹.

У профессии квартирной хозяйки долгая история. На протяжении столетий жены, вдовы и одинокие женщины сдавали комнаты в своем доме или держали постоянные дворы, чтобы обеспечить себя и свои семьи. Если речь не шла о хозяйке борделя, такое занятие считалось довольно уважаемым и подходящим женщине как в военное, так и в мирное время.

Волонтерство

В военное время жен и детей также просили участвовать в различных социальных инициативах. В своих колонках миссис Сомервилль хвалит активных женщин, чья волонтерская

деятельность приносит заметные результаты. Такой похвалы удостоилась в статье от 9 апреля 1943 года «миссис Альберт Смит, председатель окружного отделения ассоциации „Женщины на войне“». В ней столько энтузиазма и радушия, поэтому неудивительно, что каждому ее предприятию сопутствует успех». В статье от 7 мая 1943 года она хвалила миссис Эд Коссман, которая на базе Красного Креста вела класс вышивания у пятнадцати дам «в очаровательном доме миссис Том Бошерт», а в статье от 21 мая 1943 года — миссис Лоис Харди, работавшую в местном Распределительном совете.

Женские клубы, в которых по всей стране насчитывалось около 12 миллионов участниц, деятельно помогали всевозможным оборонным предприятиям⁴⁰. Нечасто можно видеть такие крупные организации, как Национальная федерация работающих женщин, «Дети Американской революции», Ассоциация молодых христианских женщин, Национальные советы католиков, евреев, чернокожих женщин, Американская ассоциация выпускниц колледжа, «4-N», Клуб домохозяйек и Лига дебютанток, объединенные общей целью. Даже самый скромный клуб садоводов или книжный клуб стремился быть полезным: их участницы агитировали за покупку облигаций военного займа, собирали средства для печатания газет или ремонта истребителей, вязали носки фронтовикам, обеспечивали подготовку к чрезвычайным ситуациям. Для того чтобы решить вызванные войной проблемы, основывались новые организации и проводились акции. В Техасе Федерация женских клубов, отвечая на поставленную правительством проблему, организовала специальную кампанию за здоровое питание. В Цинциннати, Сан-Франциско и ряде других городов создавались специальные группы для помощи работникам оборонной индустрии.

В городах, расположенных вдоль побережья, сильнее был страх атаки противника, поэтому их жители учились гражданской обороне. Они по очереди дежурили, высматривая самолеты противника и готовясь предупредить жителей о налете.

Так они охраняли труд тысяч медсестер и санитарок, водителей скорой помощи и связистов, многие из которых состояли в Красном Кресте. В некоторых районах волонтерки осуществляли подготовку к эвакуации, заботились о детях, пожилых людях и инвалидах. И все время им продолжали напоминать, что их первоочередная задача — позаботиться о собственных семьях. «Главная задача американской матери — поддержание порядка в собственном доме»⁴¹.

В американском Красном Кресте состояло рекордное число волонтеров. Он был основан в 1881 году Кларой Бартон и на протяжении всей своей истории опирался преимущественно на труд женщин, помогавших семьям военных и гражданским, попавшим в беду, работавших медсестрами, шоферами, водителями скорой помощи, буфетчицами, телефонистками и телеграфистками. Для тысяч женщин в годы войны Красный Крест стал образом жизни. Как правило, такие женщины, как Эвелин Гатри, были замужем, достигли среднего возраста и принадлежали к среднему или высшему классу. Кроме того, в Красном Кресте находили себе применение и молодые девушки, и девушки из более низких слоев общества, особенно в том случае, если их мужья служили вдалеке от дома.

Марджери Рид Киллпэк, бывшая учительница начальных классов из Юты, первые несколько лет сопровождала своего мужа, пока его перекидывали с побережья на побережье, но когда его отправили на Тихоокеанский фронт, она вернулась в Юту и решила устроиться волонтеркой в Красный Крест. В письме от 8 марта 1944 года одновременно читается и то уважение, с которым она относилась к своему мужу, и чувство независимости, связанное с работой в Красном Кресте:

Дорогой муж,

<...> Элиот, сегодня произошло кое-что важное. Я надеюсь, ты отнесешься к этому с одобрением. Маргарет Келлер дала мне телефон миссис Гринвуд из американского Красного Креста.

Оказалось, что им не хватает социальных работниц. Я позвонила ей и согласилась с завтрашнего утра выйти на работу на условиях испытательного срока, на месяц. Такая работа мне совершенно новинка, и я уже давно хотела попробовать что-то подобное...

Меня поставили на ночное дежурство на телеграфе раз в две недели и дали смену на каждые вторые выходные. Девушки, работающие там, заверили меня: что-то интересное происходит постоянно и работа не позволяет расслабиться.

Элиот, я очень стараюсь принимать правильные решения. Не уверена, что я останусь в Красном Кресте, но в любом случае это будет хорошей рекомендацией в дальнейшей работе. Надеюсь, что ты не будешь против. Если ты не хочешь, чтобы я работала, сообщи об этом как можно скорее. Без твоего одобрения я не буду счастлива и спокойна...

Спи спокойно, да хранит тебя небо.

Преданная тебе Марджери⁴².

Месяц спустя Марджери стала работать в Красном Кресте по понедельникам, субботам и воскресеньям — такое расписание вряд ли могло подойти женщине с детьми и мужем, о которых нужно заботиться. Работа позволяла Марджери отвлечься от мыслей об опасностях, которым подвергался муж, и скрасить одиночество. «Что ж, дорогой, — писала она 1 ноября 1944 года, — жизнь продолжается, мне есть чем заняться, но ее нельзя считать полной, пока мы в разлуке. Хорошо, что у меня не остается времени для печальных мыслей, иначе я бы предалась унынию и тоске по тебе».

По мере того как шла война, все больше служащих возвращались домой с ранениями. Красный Крест сыграл важную роль в их реабилитации. Благодаря покровительству Красного Креста членство в волонтерской организации «Седовласые дамы» стало престижным для женщин пожилого возраста, которые хотели помогать адаптироваться мужчинам,

вернувшись с фронта. В больнице Диббла в Менло-Парк, Калифорния, они наравне с другими волонтерками Красного Креста сидели у кроватей тех, кто получил тяжелые ранения, и помогали им примириться с потерей конечностей, тяжелыми ожогами и слепотой. Они организовывали развлекательные программы и привлекали к участию как местных знаменитостей, так и звезд национального масштаба. Они помогали организовать профессиональную переподготовку, в рамках которой мужчины могли научиться плетению, скорняжной работе, ювелирному делу, керамике, работе по дереву и ремонту радиоприемников. Они предоставляли ту необходимую помощь, на которую часто не оставалось времени у медицинских работников.

Из неопубликованного дневника миссис Мейбл Харгроув, которая была одной из первых волонтерок Красного Креста в больнице Диббла, можно узнать об одной из ее первых задач: она пришивала знаки отличия к форме мужчин, которых скоро должны были выписать из госпиталя. Вот запись от 16 сентября 1944 года:

Первым был парень с лентой «За азиатско-тихоокеанскую кампанию» и наградой за безупречную службу. <...> Затем — симпатичный юноша, который удивлялся, почему мужчинам нельзя носить обручальные кольца. Я сказала ему, что он должен гордиться, потому что жена доверяет ему. «Когда я выходила замуж во время I Мировой, то уж позаботилась, чтобы окольцевать своего мужа-солдата!» <...> Потом подошел чернокожий юноша и попросил сделать нашивку ВВС на плече. Ответила, что ее вид мне хорошо знаком, потому что мой мальчик служил в ВВС. <...> Еврейский юноша уселся и наблюдал за моей работой. Спросила, не нужно ли ему пришить что-нибудь, он ответил: «Нет, я ведь был портным до работы в штабе снабжения». <...> Был еще юноша, которого я с радостью поселила бы у себя, его звали Гонсалес. Он показал мне фотографии своей семьи. Его отец жил

в Колорадо, а мать и сестры с мужьями — в Лонг-Бич. Он никогда не был в Северной Калифорнии <...> К его красной ленте «За безупречную службу» я пришла золотую звезду. Он ночевал в больнице, потому что ему некуда было пойти в Пало-Альто⁴³

Дневник миссис Харгроув позволяет узнать, каким именно «юношам» помогали женщины Красного Креста: среди них, помимо белых мужчин с европейскими корнями, были азиаты, афроамериканцы, евреи и латиноамериканцы. Хотя миссис Харгроув обращала внимание на этническую и религиозную принадлежность каждого из них, она, по всей видимости, была выше предрассудков, когда дело касалось раненого фронтовика.

В местной сан-францисской газете в декабре 1944 года сообщали:

Женщины из трех отделений Красного Креста на полуострове сегодня наслаждаются заслуженными рождественскими выходными. <...> Красный Крест подарил больнице Диббла 47 елочных деревьев. 43 маленьких дерева расставили в больничных покоях, а четыре больших украсили зал для выступлений и столовую. Подразделение искусств и ремесел провело несчетное количество часов, обучая пациентов, как при помощи краски превратить использованные банки в сверкающие, современные елочные украшения.

Красный Крест собрал и доставил в больницу 1600 подарков, пожертвованных местными организациями. В числе самых популярных числятся лосьон для бритья, карманные рамки для фотографий, несессеры для письменных принадлежностей, носки и галстуки для солдат. В больницу также привезли 1600 мешочков, выполненных в красно-зелено-белой гамме с красной строчкой. В этих мешочках были конфеты (собранные благодаря частным пожертвованиям) и по две пачки сигарет — подарок Красного Креста.

Жены после войны

Во время II Мировой войны американские военные заключили около миллиона браков с иностранками⁴⁴. Хотя правительство США не поощряло такие женитьбы и ставило бюрократические препоны к их осуществлению, влюбленных фронтовиков переубедить было не так-то просто. В Европе больше всего браков заключалось с британками (рекордное количество пришлось на 1944 год, до вторжения), француженками и итальянками. В период оккупации, несмотря на запрет общаться с гражданским населением, американцы женились на немках и австрийках. На Тихоокеанском фронте заключались браки с девушками из Новой Зеландии и Австралии, а после того как в 1945 году был принят Акт о военных невестах, отменявший действие предыдущего закона, направленного против мигрантов из Азии, американские военные женились и на китайках, японках и филиппинках. 75% таких невест получили возможность переселиться в Америку.

Когда Европа была освобождена, американцы начали строить свою послевоенную жизнь. Вопрос окончания военных действий и возвращения солдат с фронта был непосредственно связан с судьбой их жен и семей. В статье из Harper's Bazaar от 1944 года, на которую мы уже ссылались, высказывались очень современные взгляды на участь женщин. Статья ставила вопрос: продолжат ли женщины «оставаться прислугой для своих мужей и детей» или же будут предприняты меры, чтобы позволить женщинам «справляться с домашним хозяйством и иметь достаточно времени для работы вне дома»? Авторы предлагали несколько советов, как «хорошо жить без помощи прислуги», верно предполагая, что ее будет все меньше. Некоторые предположения, высказанные в статье, сбылись, однако самые важные идеи — о том, как организовать совместное жилье и заботу о детях, — так и не были приняты во внимание.

Так, например, производители после войны стали выпускать на смену устаревшим довоенным моделям более мощные и более дешевые пылесосы, тостеры, электрические миксеры, стиральные и даже посудомоечные машины, а также другие приспособления, помогавшие сэкономить время, хотя, как и предрекали авторы статьи, все эти приборы по-прежнему будут нуждаться в регулярной чистке и в ремонте. Еще одним благом, возникновение которого было предсказано в статье, стало появление коммерческих клининговых служб, которые предлагали услуги опытных, вооруженных новой техникой работников на регулярной основе. Кроме того, продолжала неуклонно расти популярность полуфабрикатов.

Однако в той сфере, которая, по мнению авторов, открывала «самые широкие возможности для организации сервиса по предоставлению услуг», а именно в организации и усовершенствовании детских дошкольных учреждений и детских садов, не произошло заметных улучшений. Женщинам послевоенной Америки, как и предыдущему поколению матерей, по-прежнему приходилось полагаться исключительно на себя в уходе за детьми. Опыт организации детских центров при предприятиях и выделения субсидий на федеральном уровне не получил развития после войны.

Вопреки тому, что писали в статье в Harper's, общество придерживалось мнения, что женщина должна возвратиться домой и вернуться к своей прежней роли жены, матери и хранительницы очага. Теперь, когда мужчины пришли с фронта, у замужних женщин не было никакой видимой причины, чтобы продолжать работать. А поскольку дома сотни мужчин ждала безработица, женщин вновь просили не создавать конкуренцию за рабочие места.

В конце концов, этим мужчинам пришлось повидать ужасные вещи, и они имели полное право требовать в качестве награды гарантированное трудоустройство и домашнее тепло. Не всем мужчинам так повезло. Некоторые столкнулись

с тем, что дома не было работы или она не соответствовала их профилю, так что многим пришлось серьезно пересмотреть свои карьерные ожидания. Вдобавок к этому из-за нехватки жилья многие семейные пары вынуждены были жить с родителями, а разные поколения не всегда хорошо уживались друг с другом. Одна женщина вспоминала:

Денег было в обрез, жилье не найти, и мы решили смириться и переехать жить к матери <...> Моя сестра, на пару лет старше, уже жила там со своим мужем и первым ребенком <...> Итак, в доме поселились еще две семьи. У меня приближались роды, у сестры уже был ребенок, так что это было форменное безумие. Я не могла дождаться, когда мы уедем оттуда⁴⁵.

Матерям, которые руководили домом в военное время, порой было нелегко передать бразды правления мужьям, которые не были знакомы ни со своими детьми, ни с распорядком, который был принят в семье. Одна женщина вспоминала, как ее муж, прошедший два года на войне, возвращался к сыну, которому был чужим человеком, и называла это «сложным периодом привыкания. <...> Вдруг вместо одного родителя, который мог что-то запретить, их стало двое»⁴⁶.

Многим супругам, которые сначала поспешно вступили в брак, а потом разлучились на месяцы и годы, было трудно привыкнуть друг к другу, когда наконец они начали жить вместе. К 1946 году статистика показывала, что каждый четвертый брак заканчивался разводом⁴⁷.

Одной из проблем было то, что замужние женщины не хотели уходить с работы. Они узнали, что такое независимость и самостоятельный заработок, и им не хотелось снова зависеть от попечения мужа. В свою очередь, мужья боялись, что работа жен бросит тень на их способность обеспечивать семью. Многие мужчины все еще ощущали тревогу времен Великой депрессии: тогда успешный муж-добытчик гордился

тем, что способен содержать свою жену-домохозяйку. Даже при одобрении мужа женщинам было сложно удержаться на своих местах. Военное производство сворачивалось, и их позиции закрывали, либо их увольняли в пользу вернувшихся с фронта.

С одной стороны, многие женщины оставили работу добровольно и по собственной воле вернулись в ряды домохозяек, направив все свои силы на то, чтобы восстановить семейный очаг, разоренный войной. В женщинах, которым на момент начала войны было двадцать или тридцать лет, воспитывали уверенность, что за мужчинами и женщинами были закреплены определенные роли и что особый долг лежит на матерях. Так, одна из них вспоминала много лет спустя: «Я не думала ни о чем, кроме материнства, и не мыслила себя в иной роли. Я никогда не думала о карьере, женщин нашего поколения воспитывали с сознанием, что они должны стать матерями. Это было целью нашей жизни»⁴⁸.

Другая женщина с гордостью вспоминала о том, как хорошо справилась со своей ролью жены и матери. «Мне никогда не нужно было работать. <...> Я растила детей. <...> Мне нравилось быть домохозяйкой. <...> Женщина хочет быть окруженной любовью, она хочет знать, что она важна для мужчины. <...> К его возвращению с работы я наряжалась так, будто собираюсь на свидание. Я всегда так делала»⁴⁹.

Образ домохозяйки и матери, навязанный пропагандой, рекламой и женскими журналами, продолжал определять характер семейной жизни. В июне 1944 года одна из статей в *Ladies' Home Journal* утверждала, что женщины-работницы поголовно мечтают вернуться к обязанностям домохозяек после войны. Ее автор, Нелл Жиль, так трактовала результаты национального опроса: «Когда американка находит мужчину, за которого хочет выйти замуж, работа перестает ее интересовать, она может думать лишь о своей первоочередной задаче — оставаться дома и растить детей, в идеале троих...»⁵⁰

Журнал часто выступал с подобными заявлениями: так, например, в апреле 1945 года в рубрике «Как живет Америка» была рассказана история миссис Элк, оставившей концертную деятельность ради мужа и детей. В статье ни слова не говорилось о тех сомнениях, которые она могла испытывать, зато подробно описывались консюмеристские удовольствия: «Чем скорее женщина создаст очаг для мужчины, тем скорее он добьется успеха и сможет обеспечить ей достойное жилье, прислугу, красивую одежду и все прочее. <...> Мужчины, чьи женщины работают, добьются немногого»⁵¹. Такие материалы призваны были внушить своим читательницам, что женщина не только должна обеспечить счастье своих детей и спокойствие своего мужа, но что она также ответственна за его карьерные успехи. Если у мужа возникали проблемы на работе, в этом была ее вина.

Пятью годами позднее в статье «Как сохранить брак» из сентябрьского номера журнала за 1950 год женам советовали «во всем ориентироваться на его вкус: в одежде, в устройстве дома, даже в собственной внешности. Потакая всем его прихотям, вы сумеете убедить его в том, что его удовольствие действительно важно для вас»⁵². Неизвестно, понимали ли читательницы, что те же самые мысли внушали их предшественницам в Америке и Англии сто лет назад.

Существовали, однако, и свидетельства того, что не всем американкам доля домохозяйки была по сердцу. К примеру, в 1947 году в журнале *Life* вышла статья «Проблема американки», автор которой признавал, что многие жены и матери, несмотря на то удовольствие, которое они находили в заботе о семье, по-прежнему хотели участвовать в общественной жизни. Как же им совместить хлопоты по дому с работой или волонтерской деятельностью? Общество не было готово предоставить женщинам такую возможность. Хотя, как отмечает Уильям Чейф, эта проблема касалась преимущественно представительниц белого среднего класса, редакторам *Life* удалось нащупать проблему, которая не решится сама собой⁵³.

Глава десятая. НОВАЯ ЖЕНЩИНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

У меня будет муж — общеизвестно, что каждая женщина должна побывать замужем по меньшей мере один раз за рассказ.

Грейс Пейли. Всего хорошего, прощай. 1956

Каждой работающей женщине нужна жена.

Поговорка конца XX века

Не секрет, что образ американской жены за последнее время претерпел серьезные изменения. В середине прошлого века представительницы белого среднего класса, как правило, выходили замуж за мужчин, выросших в том же регионе, того же вероисповедания, той же национальности и расы. Они рассчитывали иметь трех или четырех детей, две машины и ковер от стены до стены. До свадьбы американки, вероятнее всего, участвовали в довольно близких интимных ласках, но из страха «заслужить плохую репутацию» или, еще хуже, забеременеть не переходили к более решительным действиям — по крайней мере до тех пор, пока не увидят на пальце помолвочное кольцо. В большинстве случаев брак означал конец образованию, а ребенок — конец оплачиваемому труду. Среди ее знакомых было мало разведенных, и она имела все основания полагать, что ее брак продлится до самой смерти. До конца ее дней, даже если она разведется или овдовеет,

к ней будут обращаться «миссис», что будет считаться гораздо солиднее, чем «мисс».

Сегодня, вне зависимости от класса или расы, большинство женщин вступают в брак уже после того, как лишились девственности. Для одинокой женщины в порядке вещей иметь любовника, будь то временная альтернатива или полная замена мужу — гражданский брак уже воспринимается абсолютно нормально. Забеременев, женщина не торопится под венец — сегодня около 40% первенцев рождаются вне брака. Современные женщины выходят замуж в среднем в более позднем возрасте, чем их предшественницы, жившие в первой половине XX века: в двадцать пять вместо двадцати. Многие выбирают себе мужей другого вероисповедания, другой расы, национальности, выросших на другой территории. Мало кто уходит с работы после замужества и рождения ребенка. Средняя мать в Северной Америке рождает двоих детей — эта статистика верна и для женщин из Европы, России, Китая, Японии, Австралии и Новой Зеландии, но этот показатель гораздо выше в странах Латинской Америки и Африки. Каждая вторая американка имеет развод за плечами. Это не останавливает их от того, чтобы выйти замуж во второй и в третий раз. Сегодня как к одинокой, так и к замужней женщине могут обращаться с нейтральным «Ms»¹.

Конечно, многое зависит от происхождения, национальности и личных убеждений. Например, если сексуально активная белая женщина беременеет, она с большей вероятностью выйдет замуж до рождения ребенка, чем афроамериканка или испаноамериканка. Жители США с японскими корнями чаще заключают браки между собой, чем выходцы из Китая. Евреи часто берут в супруги неевреев. Среди мусульманских мужчин браки с представителями других этнических и религиозных групп более распространены, чем среди мусульманских женщин. Разводов больше в крупных городах, таких как Нью-Йорк или Лос-Анджелес, чем в сельской местности.

Дети, чьи родители развелись, реже вступают в брак, чем дети, выросшие в полной семье, а разведенные взрослые предпочитают сожителю новому браку. И все же несмотря на особенности, специфические для каждой отдельной группы, существует общая тенденция, распространяющаяся на всех американских жен: секс до и вне брака становится все более распространенным, женщины обретают большую экономическую независимость, число разводов и повторных браков увеличивается.

Начало этим тенденциям было положено не вчера и даже не в переломные шестидесятые или феминистские семидесятые. Можно считать, что эти тенденции зародились еще в результате исторических изменений столетней давности, а самыми важными вехами были перемены во взглядах на секс у американских пар и появление возможности работать для женщин. Новый образ замужней женщины стал результатом длительного перехода от идеи о сексе ради продолжения рода к идее о сексе ради удовольствия, а также растущего присутствия женщин на рабочих местах.

Отмечая эти перемены, не следует думать, что можно судить о поколении женщин по одному снимку из семейного альбома. Вернее будет рассматривать серию фото. Нельзя считать, что все женщины 1950-х поголовно были домохозяйками, как нельзя считать, что их дочери, достигшие зрелости в 1970–1980-е, поголовно разделяли характерные для этих десятилетий идеалы феминизма и сексуальной раскрепощенности. Людям свойственно изменяться, следовать или противостоять веяниям своего времени. Они меняются под влиянием других представителей своего поколения, представляющих новую манеру поведения и новые ценности. И, что особенно важно, люди меняют взгляды с возрастом, по мере развития личности.

Изучая женщин второй половины XX века, я впервые за все книгу могу обращаться к еще живым героиням. Многим

женщинам, поделившимся со мной своими историями, сейчас тридцать, сорок, пятьдесят лет, некоторым даже семьдесят и восемьдесят. Меня не переставала поражать гибкость и приспособляемость американских женщин. Женщины старшего возраста принимали такое поведение своих дочерей, которое было немыслимо для них самих, а иногда они даже меняли свою собственную жизнь под влиянием дочерей. Как много женщин возвращались к учебе, устраивались на работу, вступали в сексуальные отношения, разводились, повторно выходили замуж или устанавливали равноправные отношения со своими мужьями, потому что их дочери и вообще молодежь заставляли их по-новому взглянуть на мир?

В последней главе книги я вкратце расскажу о том, как в конце XX века представление о женщине изменилось настолько кардинально, что слово «жена» утратило многие свои прошлые ассоциации и приобрело новые, те, которые оно вызывает у нас и сегодня.

Сексуальная революция: от исследования Кинси до статьи в Cosmopolitan

Сексуальное поведение американцев начиная со второй половины XX века не раз становилось предметом исследования. Книги Альфреда Кинси, посвященные мужской и женской сексуальности, стали бестселлерами в 1948 и 1953 годах и примером для будущих сексологов². Его исследование бросало вызов традиционным религиозным и моральным догмам. Он обнаружил, что все взрослые мужчины, за редкими исключениями, мастурбировали, что 90% из них занимались сексом до брака или изменяли супругам и что треть имела тот или иной опыт гомосексуальной близости. Женщины также не соответствовали викторианским идеалам. Из 5940 белых женщин, опрошенных Кинси, три пятых мастурбировали, половина имела сексуальный опыт до брака, четверть изменяла

супругам. От 3 до 12% одиноких женщин были лесбиянками (точный процент зависит от того, по каким критериям оценивать), и от 20 до 25% замужних женщин сделали незаконный аборт.

Респондентки Кинси принадлежали к четырем поколениям: самые пожилые родились до 1899 года, самые молодые — до 1929-го. Хотя во всех поколениях женщины занимались сексом с супругом примерно с одинаковой частотой, количество оргазмов возросло у женщин, которые родились в первое десятилетие XX века и вышли замуж в 1920-е годы. Это связано со все более широким распространением идеи о том, что супружеский секс должен приносить наслаждение. Кинси связывал рост числа оргазмов с сексуальной революцией, произошедшей в «ревушие двадцатые», и, как следствие, с «более честным отношением и более свободным обсуждением вопросов секса, которое наблюдается в США в последние двадцать лет»³.

Хотя Кинси в основном занимался статистикой, он оговаривал, что данные сами по себе не дают полной картины. Например, то, что «около 50%» замужних женщин имели сексуальный опыт до брака, не значило, что американки распутны: «В большинстве своем женщины имели такой опыт за год или два до брака», и их мужчиной был будущий муж⁴. Американцы, которые были очень консервативны в отношении секса до брака, смотрели на него снисходительнее, если партнеры были помолвлены.

В браке разные пары по-разному определяли границы допустимого в сексе. Большинство использовало в качестве прелюдии поцелуи (99,4% опрошенных), среди мужчин была распространена мануальная или оральная стимуляция женской груди (95 и 93% соответственно), оральная стимуляция женских гениталий (54%), среди женщин — мануальная (91%) и оральная (49%) стимуляция пениса. Некоторые пары отводили на прелюдию лишь три минуты, другие — полчаса, час

и больше; наиболее распространенным вариантом была двадцатиминутная прелюдия. Длительная прелюдия была больше распространена «в образованных слоях общества»⁵. Хотя старомодная миссионерская поза была до сих пор самой распространенной, постепенно среди молодых женщин обретала популярность поза «женщина сверху». Также молодые женщины чаще занимались сексом обнаженными, в то время как старшее поколение женщин, рожденных до 1900 года, предпочитали оставаться одетыми.

Кинси полагал, что его исследование будет особенно полезным для тех супругов, кто «нуждается в дополнительной информации, чтобы решить проблемы, возникающие в браке». Он указывал, что «около трех четвертей всех разводов происходило по вине сексуальных факторов», и ссылаясь на мнение пасторов, учителей, врачей и медиков, чтобы доказать, что «современный брак может стать крепче, если улучшатся сексуальные отношения»⁶. Исследование Кинси позволило научно обосновать распространенное мнение, что хороший секс — это залог крепкого брака.

Хотя работа Кинси заслужила высокую оценку современников как наиболее полное в истории исследование человеческого сексуального поведения, многие сомневались в том, какой эффект она произведет на общество. Президент Барнард-колледжа Миллисент Макинтош опасалась, что эта книга «окажет пагубное воздействие на современную нравственность». Она боялась, что, познакомившись с книгой, молодые люди «станут заложниками статистики» и будут стараться соответствовать описанной в ней норме⁷. Другие обвиняли Кинси в аморальности и в том, что он неверно интерпретирует собранную информацию. Однако по мнению консультанта по брачно-семейным отношениям из Медицинской школы Университета Пенсильвании Эмили Мадд, которое она озвучила в 1954 году, «наиболее значимым» было то, что «из исследования становится понятно: величина сексуального влечения,

которое способны испытывать женщины, до сих пор преуменьшалась»⁸. Важно то, что отныне сексуальное влечение у женщин было приемлемым и даже желательным.

В 1953 году, когда исследование Кинси было опубликовано, подрастало новое поколение женщин, рожденных в 1930-е годы; большинство из них должно было в самые молодые годы выйти замуж и до тридцати разобратся с деторождением⁹. Их зрелая идентичность полностью определялась их супружеством и материнством. Выдающийся социолог Тэлкотт Парсонс заявлял: «Женщина прежде всего является женой своего мужа и матерью своих детей»¹⁰. Действительно, если верить опросам, девушки стремились к тому, чтобы выйти замуж за перспективных мужчин и родить успешных детей. Их самосознание было зависимо от карьерного положения мужей и достижений их детей.

Становясь женами и матерями, женщины полагались на гинекологов и акушеров, которые почти всегда были мужчинами. В кабинете врача они проходили через стандартный набор процедур — размещение диафрагмы, которая предотвращала зачатие, и анализ мочи, который позволял выявить беременность. Узнав о беременности, женщина могла рассчитывать на помощь врача на протяжении всего периода вынашивания ребенка и на то, что врач будет с ней во время родов. Обученные согласно последним знаниям в области родовспоможения, американские врачи слабо интересовались новыми идеями «естественных родов», которые набирали популярность в Европе и особенно в Великобритании (при посредничестве лондонского акушера Грантли Дик-Рида). Вместо того чтобы подталкивать женщину к активному участию в процессе родов, такие врачи велели ей полностью довериться профессионалам. Многие женщины к моменту родов не умели правильно дышать, ничего не знали об анестезии, эпизиотомии и кесаревом сечении. Не существовало ни классов

для беременных женщин, ни групп подготовки в родах «по Ламазу»*, ни акушеров, только книга Бенджамина Спока «Книга здравых мыслей об уходе за ребенком» (1946), которая была в 1954 году переиздана в бумажной обложке под названием «Ребенок и уход за ним».

Большинство американских докторов было настроено нейтрально или решительно против грудного вскармливания. Когда в 1930 году изобрели смесь для детского питания, большинство американок перестали кормить своих детей грудью; в период между 1940 и 1970 годами так делала только четверть матерей. Медики не видели необходимость в кормлении грудью, поскольку детское питание считалось его адекватной заменой. Лишь следующее поколение американок вновь откроет для себя преимущества грудного вскармливания¹¹.

Америка гордилась рекордными данными по здоровью матерей и детей в период после войны. С 1940 по 1949 год смертность рожениц и детская смертность радикально упали. Женщины, рожавшие в больнице, — в 1950-е это 90% всех матерей — могли рассчитывать на то, что благополучно родят здорового ребенка¹².

СМИ этого периода тиражировали образ женщины, которая стремится поймать и удержать мужа. В кино больше не показывали героинь-карьеристок вроде тех, которых играли в кино 1930–1940-х актрисы Кэтрин Хепберн и Розалинд Расселл: на место решительных летчиц, адвокатов и журналисток пришли милые студентки и энергичные жены в исполнении Дорис Дэй и Дебби Рейнольдс. Новая идеальная женщина была жизнерадостной, искренней и стыдливо-сексуальной. Даже такие суперзвезды, источающие сексуальность, как Элизабет Тейлор

* «Метод Ламаза», предложенный французским акушером Фернаном Ламазом, делает упор на необходимое для естественных родов достижение психологического комфорта и снятие болевых ощущений,

и Мэрилин Монро, к концу фильма, как правило, шли под венец. Примечательно, что за свою короткую жизнь Монро успеет трижды побывать замужем, а у Тейлор будет семеро мужей, и за одного из них, Ричарда Бартона, она выйдет дважды.

В 1950-е годы по телевизору крутили ситкомы про семейную жизнь, такие как «Отец знает лучше», «Я люблю Люси» и «Приключения Оззи и Харриет». Миловидные жены-домохозяйки препирались с мужьями-добытчиками и, как правило, побеждали их, отпуская в их сторону шпильку. Тем не менее героиня Люси никак не могла убедить своего сериального мужа отпустить ее работать в шоу-бизнесе. Тогда как в реальной жизни актриса была высокооплачиваемой звездой — она продолжала работать на CBS на протяжении всей своей беременности, в то время как на телевидении под запретом было даже слово «беременность», и рождение малыша Рикки было включено в сюжет телевизионного шоу¹³.

Совершенные телевизионные матери царили в безупречно чистых домах и воспитывали детей без изъяна. Эта искусственная картинка заставляла и богатых, и бедных зрителей иначе относиться к своим собственным домам, далеким от идеала. В детстве чернокожая писательница Ассата Шакур спрашивала себя:

Почему моя мама не пекла печенье к моему приходу из школы? Почему я жила не в доме с лужайкой и задним двором, а в ветхой квартире? Я помню, как наблюдала за матерью, драящей квартиру в изношенном халате и с папильотками в волосах: «Как отвратительно», — думала я. Почему она делала уборку не на каблуках и не в спортивном платье, как показывали по телевизору?¹⁴

Телешоу, Голливуд и реклама создавали фантастический образ красиво наряженной, аккуратно причесанной, неизмотанной домохозяйки. Казалось, что новинки среди домашней техники и полуфабрикатов делали работу по дому элементарной.

Но на деле ничто из этого не позволяло женщине сократить работу по дому: домохозяйки в 1920–1960-е в среднем тратили на работу по дому 51–52 часа в неделю, а работающие женщины тратили на домашние дела 34 часа в неделю¹⁵. Из-за того что телевидение, женские журналы, руководства по домашнему хозяйству и реклама задавали более высокий стандарт домашнего уюта и привлекательности, женщины часто были недовольны собой, и им приходилось больше трудиться. Одна жена в своем письме в журнал Redbook в сентябре 1960 года жаловалась, что после десяти лет брака муж по-прежнему хочет видеть в ней «гибрид Фанни Фармер и Мэрилин Монро». Другая, говоря о своем требовательном супруге, признавалась: «Я начинаю яростно защищаться, когда запаздываю с ужином или когда, придя домой раньше, он застает меня с бигуди в волосах». Домовитость вновь была в моде и считалась главной целью жены. Если же женщине нужно было что-то большее, предполагали, что проблема в ней самой.

Психологи и психиатры вслед за Фрейдом (а середина века ознаменовалась расцветом фрейдистских идей в Америке) полагали, что женщина должна удовлетворяться ролью жены и матери, не отягощая себя необязательным оплачиваемым трудом. В этом отношении в психоанализе к середине XX века мало что изменилось. В 1880-е годы Фрейд в письме к своей невесте критически отзывался о феминистских взглядах Джона Стюарта Милля — по его мнению, «неверно было бы посылать женщин на борьбу за существование наравне с мужчинами». Фрейд намеревался перевести свою невесту «из соревновательного мира к тихим, уютным домашним обязанностям», где она могла бы наслаждаться своей жизнью «любимой жены»¹⁶.

Семьдесят лет спустя британский аналитик Джон Боулби под влиянием идей Фрейда разработал свою невероятно популярную теорию привязанности. Боулби полагал, что матери с маленькими детьми должны были посвящать себя

исключительно заботе о потомстве и что неразумно было в это время выходить на работу. Он так говорил об этом: «Матери с маленьким ребенком должно быть запрещено зарабатывать»¹⁷.

Чувство «зависти к пенису» (устаревшая фрейдистская идея, которой придерживались вплоть до 1970-х), очевидно, заставляло некоторых женщин стремиться к конкуренции с мужчинами в своей жизни, будь то сослуживцы, мужья и сыновья, вместо того чтобы пестовать их. За редкими исключениями — например, Карен Хорни и Клара Томсон осознавали, что за завистью к пенису скрывается желание женщины обладать теми же привилегиями, что есть у мужчин, — психоаналитики понимали термин Фрейда буквально.

Сильвия Плат в своем романе «Под стеклянным колпаком» (1963), основанном на личном опыте пережитого десятилетием ранее нервного срыва, рисует образ недалекого психиатра, лишь немного преувеличенный по сравнению с тем, с чем ей пришлось иметь дело в реальности. Доктор Гордон, державший на столе фотографию красавицы-жены и двух детей, был совершенно неспособен понять, что тревожило героиню романа Эстер Гринвуд и что довело ее до безумия. Причиной расстройства Эстер (как и самой Сильвии Плат) была ранняя смерть отца, которая на всю жизнь сделала ее уязвимой, а также конфликт, который она принимала очень близко к сердцу, между желанием стать писательницей и общественным ожиданием, что она станет женой и матерью¹⁸. Доктор Гордон, который, вместо того чтобы лечить ее, прописал ей шоковую терапию, подтолкнул ее к попытке самоубийства.

Эстер больше повезло с ее вторым психиатром, женщиной, доктором Нолан. Но даже она не могла освободиться от психоаналитических клише своего времени. Она поощряла Эстер к признанию, что та ненавидит свою мать. В этот период бытуют представления, что в психических проблемах детей виноваты матери: об этом пишет в своей популярной

книге «Поколение гадюк» Филип Уайли (1942), этому посвящает свою теорию гиперопекающей матери Эдвард Стрекер, считавший, что именно избыточная опека виной тому, что около двух миллионов мужчин не взяли в армию во время II Мировой войны. Природа шизофрении еще не была изучена, и психиатры использовали выражение «шизофреническая мать», чтобы объяснить шизофреническое поведение у детей и прочие семейные и общественные пороки своего времени.

Женщин винили не только в неудачах их детей, но и в развале их браков. Если в супружеских отношениях что-то не ладилось, это была в первую очередь вина жены, не мужа. В конце 1960-х годов ведущий психиатр из Гарварда мог вполне серьезно писать: «Полагаю, как развитие личности зависит преимущественно от влияния матери на ребенка, так и судьба брака зависит от того, каким образом жена влияет на мужа. <...> ...женщина направляет мощный поток своего влияния на мужчину, а он вынужден адаптироваться или защищаться. <...> Именно женщина укрепляет или разрушает брак»¹⁹. Сознавательно или бессознательно, большинство замужних женщин осознавали, что их, а не их мужей в первую очередь будут винить в развале брака, и они не хотели прослыть стервами, не удовлетворенными своей жизнью и стремящимися разрушить жизнь своих мужей, как, например, героиня рассказа Эрнеста Хемингуэя «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» (1938) или романа Слоана Уилсона «Человек в сером фланелевом костюме» (1955).

Иначе изображает брак Симона де Бовуар в работе «Второй пол», которая была издана во Франции в 1949 году и переведена на английский в 1953 году. Эта книга представляет собой наиболее подробное и критическое исследование положения женщины во Франции; можно считать, что с нее началась вторая волна феминизма. Де Бовуар изображала брак в мрачных тонах — вместе со своим спутником на протяжении

пятидесяти лет, Жан-Полем Сартром, она отвергала эту буржуазную институцию, не совместимую с экзистенциальной свободой. Еще строже она относилась к материнству, которое, как она полагала, превращает женщину в пассивный сосуд, в средство продолжения рода, и не позволяет ей самой распоряжаться своей судьбой. Некоторые взгляды Симоны де Бовуар кажутся устаревшими, но по крайней мере в двух аспектах она была абсолютно права: в том, что определяла гендер как социальный конструкт (это соображение выражено в ее знаменитой формулировке «Женщиной не рождаются, женщиной становятся»), и в том, что была убеждена, что женщины так и останутся вторым полом до тех пор, пока продолжат оставаться финансово зависимыми от мужчин. Обе идеи будут взяты на вооружение феминистками второй половины XX века.

Но ни Симону де Бовуар во Франции, ни Сильвию Плат в Америке нельзя считать выразительницами настроений большинства женщин. Их представительницей куда точнее будет назвать, к примеру, американскую первую леди, Мейми Эйзенхауэр, которую в июльском номере *Woman's Home Companion* за 1953 год называли «не какой-нибудь духовно богатой феминисткой», а в *Better Homes and Gardens* хвалили за то, что «не пытается стать интеллектуалкой»²⁰ — таким образом авторы намекали на предыдущую первую леди, Элеонору Рузвельт, которая была энергичной сторонницей нескольких либеральных инициатив, в частности Поправки о равных правах.

На протяжении 1950-х либералы и консерваторы часто спорили по вопросам пола, и некоторые из этих проблем не потеряли своей актуальности и сегодня. В начале 1950-х в Коннектикуте по-прежнему спорили о легализации контрацепции, а негласный запрет на консультирование по вопросам контрацепции в нью-йоркских публичных больницах был снят только в конце десятилетия. В 1960-м Управление по санитарному

надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов одобрило оральные контрацептивы (Enovid и Norlutin). Отныне таблетки становятся наиболее предпочтительной формой контрацепции у женщин. Ими было легче пользоваться, чем неудобной диафрагмой, и они давали почти стопроцентный эффект. Об опасности длительного применения контрацептивов ничего не было известно. Можно считать, что эпоха 1950-х годов закончилась с изобретением противозачаточной таблетки — как символически, так и буквально.

В своей книге с метким названием «Такие, какими мы никогда не были» Стефани Кунц показывает обратную сторону мифа пятидесятых²¹. Алкоголизм, самоубийства, сумасшествие, домашнее насилие и жестокое обращение с детьми и женами — все эти беды были прекрасно знакомы социальным работникам, психиатрам, священникам и раввинам, но оставались вне внимания широкой публики. Даже профессионалы не придавали им большого значения. Первые исследования, посвященные теме домашнего насилия, появились только в семидесятые годы; до того тема не просто игнорировалась социологами, медиками и офицерами полиции — проявления домашнего насилия объясняли тем, что жены слишком «пилили» своих мужей. Психиатр Элен Дойч, чтобы объяснить такой подход, пускалась в запутанные рассуждения о женской пассивности и мазохизме. А инцест психоаналитики привычно объясняли провокативной «облазнительностью» девочек. По вине таких теорий многие браки были несчастливыми, и от четверти до трети всех браков, заключенных в 1950-е годы, оканчивались разводом.

Тем не менее некоторые намеки на то, что американские жены не были так уж счастливы в своем домашнем заточении, начали проникать в прессу. В 1956 году McCall's опубликовал текст под названием «Сбежавшая мать», а в Ladies' Home Journal появился текст, посвященный «бремени молодой матери»²².

В сентябре 1960 года статья в журнале Redbook, озаглавленная «Почему матери чувствуют себя в загоне», рассказывала об отчаянной тревоге домохозяек, на которых давят обязанности матери, жены и члена общества. Одна из читательниц описывала свое обычное утро в духе комедий братьев Маркс.

Я мою посуду, собираю старших детей в школу, кидаюсь во двор, чтобы полить хризантемы, бросаюсь обратно в дом, чтобы позвонить по поводу собрания комитета, помогаю младшему построить дом из кубиков, за пятнадцать минут пролистываю газету, чтобы быть в курсе последних событий, потом бегу в подвал к стиральной машине, где за пару дней накопилось столько вещей, сколько хватило бы, чтобы одевать небольшую деревню в течение года. К полудню меня уже можно отправлять в сумасшедший дом.

Как показала в своем революционном исследовании 1962 года Мирра Комаровски, женщины из рабочего класса куда покорнее принимали свою роль домохозяйки, чем принадлежащие к среднему классу читательницы Redbook и Ladies' Home Journal. Комаровски обнаружила, что лишь немногие «были недовольны своим положением» и что «они не считали свою участь менее завидной, как делали образованные домохозяйки»²³. Гендерные роли были четко расписаны: в мужчинах видели «хороших добытчиков», а в женщинах — жен и матерей. Как правило, мужчины не хотели, чтобы их жены работали вне дома, поскольку это могло свидетельствовать об их неспособности содержать семью. В свою очередь, они не считали для себя возможным заниматься делами по дому после работы. В подавляющем большинстве семей готовка, стирка и уборка лежали исключительно на женщинах. Около трети мужчин иногда помогали с мытьем посуды. Одна жена отмечала, что просить мужа помочь с домашней рутинной ей мешали карикатуры, на которых был изображен подкаблучник-муж, моющий посуду. Около 20% всех семейных ссор возникали на

почве того, что мужчина отказывался помочь в делах, которые считал исключительно женской задачей. В отношении к уходу за детьми мужчины почти поровну делились на три группы: те, кто почти не помогал своим женам, те, кто помогал лишь изредка, и те, кто оказывал постоянную поддержку.

Обычный день женщины из рабочего класса начинался очень рано: она просыпалась, чтобы приготовить завтрак для семьи и отправить детей в школу. Потом она убиралась дома, стирала и гладила. Если у нее были маленькие дети и стояла хорошая погода, она могла прогуляться в парке или отправиться за покупками. Иногда она заглядывала к подруге на чашку кофе. Ей нужно было вовремя оказаться дома, чтобы успеть приготовить ужин к возвращению мужа — то есть около пяти вечера.

В то время как большинство жен были уверены, что место женщины дома, некоторые все же ходили на работу. Некоторые разрывались между работой и домом, вынужденные нести двойную нагрузку, и с радостью сидели бы дома, если бы благосостояние семьи не зависело от их зарплаты. Ситуацию усугубляло раздражение мужей, отказывавшихся признавать, что семья нуждается в доходе второго супруга. С другой стороны, треть домохозяек с радостью устроились бы на работу, предпочтительно на полставки, просто чтобы иметь возможность выбираться из дома.

Для замужних женщин из среднего и высшего классов существовало несколько проверенных временем форм досуга вне дома. Это волонтерская работа в местных церквях, синагогах, госпиталях, музеях и таких организациях, как Лига женщин-избирательниц, Американская федерация планирования семьи и прочие профессиональные организации. Такое волонтерство давало ощущение значимости и позволяло найти вне дома людей с близкими идеалами. А членство в клубе по бриджу или книжном клубе позволяло удовлетворить потребности в культуре и интеллектуальном общении.

Некоторые жены все же устраивались на оплачиваемые позиции, даже если в этом не было острой необходимости. Процент работающих жен продолжал расти в послевоенные годы: к 1960 году были трудоустроены 30% замужних женщин, что было вдвое больше, чем в 1940 году. Любопытно, что наибольший прирост наблюдается среди женщин с хорошим образованием, чьи мужья зарабатывают от 7 до 10 тысяч долларов в год — по тем временам достаточно для комфортной жизни²⁴

Одна женщина, которая вышла замуж в 1940 году, вспоминала, какое удовольствие ей доставляла работа учительницы. «Я собиралась проработать год, но осталась на двадцать пять лет. Я полюбила это занятие, полюбила все с ним связанное. Такая работа не сахар... Мужу это поначалу не нравилось, но он видел, что мне это приносит наслаждение»²⁵.

Некоторые работали потому, что дома оставаться было нестерпимо. Вот как одна женщина объясняла свое решение снова выйти на работу: «Младшей <...> было около десяти лет, <...> когда я наорала на нее за отпечаток пальца на стене. Посмотрев на себя со стороны, я осеклась. <...> Это не я была хозяйкой дома, а домашний быт подчинил меня себе».

Она сказала мужу, что хочет вернуться на работу: «Я собираюсь найти себе работу, потому что жизнь перестала приносить мне радость и я перестала понимать, что для меня важно. Я должна выходить из дома! Должна проводить больше времени с другими взрослыми».

В ответ он засунул руку в карман и сказал: «Вот тебе деньги. Что ты хочешь купить? Пойди и купи себе это». Я попробовала объяснить ему, что дело не в деньгах. <...> Все, о чем я могла говорить, — это когда я в последний раз мыла пол или как отхватила удачную покупку в супермаркете. Я чувствовала себя душой. Начала чувствовать, что мои мозги сохнут. <...> И когда он наконец понял, то не был в большом восторге, но сказал, что если это кажется мне важным, то он поддержит меня во всех начинаниях²⁶

Мужьям, которые любили своих жен и хотели, чтобы те были счастливы, приходилось смириться с образом жизни, отличным от того, что они ожидали от брака.

В 1960 году Университет Мичигана опубликовал результаты исследования «Мужья и жены», посвященного отношениям в браке среди различных социальных классов. В исследовании приняли участие 900 замужних женщин из Детройта и близлежащих сельских округов²⁷. Исследование показало, что теперь решения принимались мужем и женой практически на равных, и мнение мужа ставилось лишь немного выше. Опровергая миф о чрезмерной материнской опеке, исследование показывало, что влияние матерей и жен на мужей и детей в значительной мере преувеличено. Неудивительно и то, что белые воротнички обладали в своей семье большим авторитетом, нежели мужчины из рабочего класса: чем больше денег зарабатывал мужчина и чем больше уважали его в обществе, тем больше решений он принимал в семье. И все же эти влиятельные мужья делали больше черной работы по дому, чем менее статусные. Можно предположить, что успешные белые воротнички были достаточно уверены в себе, чтобы не бояться обвинений в «женской работе».

По величине заработка лишь немногие жены могли превзойти своих мужей. В рабочем классе каждая третья жена работала из необходимости зарабатывать на пропитание, а вот в семьях с высоким доходом работала каждая двадцатая. Женщины из обеспеченных семей полагали, что помогают своей заботой и советом, своими домашними умениями они вносят свой вклад в успех своих мужей.

Когда женщин попросили перечислить все достоинства брака в порядке их значимости, они ответили: 1) поддержка родственной души; 2) возможность иметь детей; 3) понимание и эмоциональная поддержка; 4) любовь и привязанность; 5) финансовые выгоды. Отказ ставить на первое место

финансовые соображения можно объяснить нежеланием показаться слишком поверхностной и материалистичной, но непонятно, почему любовь и привязанность оказываются лишь на четвертом месте. Похоже, женщины Мичигана мыслили рассудительно и практично: в замужней жизни они больше всего ценили поддержку и возможность иметь детей.

В детях все видели безусловное благословение. Но дети как обогащали брак, так и затрудняли отношения между супругами. Нередко случалось, что ради заботы о детях супруги начинали пренебрегать друг другом, между ними возникали ссоры и несогласие по поводу воспитания детей, болезней и финансов. Подавляющее большинство замужних женщин через несколько лет семейной жизни разочаровывались в поддержке мужа — по сравнению с началом брака. С появлением детей многие мужья чувствовали, что должны работать дольше и усерднее, а многие жены жаловались на то, что больше не чувствуют тесной связи с супругом. Взаимное неудовольствие становилось наиболее острым, когда ребенок достигал подросткового возраста. По данным статистики, в первые два года брака 52% жен были вполне удовлетворены семейной жизнью и никто не высказывал заметного неудовольствия, а через двадцать лет лишь 6% по-прежнему выражали полную удовлетворенность, зато 21% заявлял о своем недовольстве.

Исследование также отмечало, что, как только дети вырастали, супружеские проблемы становились менее выраженными. Пережив период «бури и натиска» детского воспитания, уцелевшие семейные союзы переживали то, что ученые называют вторым медовым месяцем. Ту же динамику обнаружат исследователи сорок лет спустя.

Во второй половине XX века уничижительное выражение «просто домохозяйка» отразило новый, сниженный статус женщин, выбравших домашний труд²⁸. Одна жительница чикагского пригорода 1960-х в интервью с радиоведущим

Стадсом Теркелем так описывала свое положение: «Домохозяйка — это домохозяйка, больше ничего. Она находится где-то внизу иерархии. <...> Тот, кто выходит на работу, более значим. <...> Мне не нравится вот так принижать домохозяек, но на протяжении многих лет все только этим и занимались». Тем не менее она добавляла: «Я знаю, что то, что я делаю, важно. <...> Мне нравится быть домохозяйкой». Слова этой женщины выражают взгляд многих домохозяек: поскольку общество было низкого мнения о домохозяйках, те чувствовали себя виноватыми в том, что не работают за деньги, даже если им искренне нравилось готовить и убираться²⁹.

Реклама General Mills с изображением женщины, пекущей рождественское печенье, была подписана так: «Всего лишь домохозяйка?» Под этим риторическим вопросом располагался длинный текст, призывавший домохозяек быть о себе более высокого мнения и не переставать печь печенье.

...ее карьера — самая важная из тех, что может выбрать женщина. <...> Ее обязанность — содержать всю семью в сытости, опрятности и следить, чтобы у них были чистые уши. Ее амбиция — воспитать хороших граждан... сделать так, чтобы они были довольны и горды своим образом жизни. <...> Ее рабочий день часто начинается до рассвета и заканчивается, только когда все лежат по кроватям — семь дней в неделю. Ее плата? Самое дорогое для нее — любовь и благодарность семьи.

Несмотря на подобные попытки поднять самооценку домохозяек, в реальности многие женщины негодовали по поводу монотонности, тяжести и одиночества своей повседневной жизни. Никакие товары, направленные, согласно маркетинговым стратегиям, на то, чтобы сделать их жизнь проще и приятнее, никакие таблетки для поднятия настроения вроде декседрина, прописанные щедрыми докторами, никакие разговоры о природном предназначении женщины и священном месте

семьи не могли скрыть того чувства разочарования и отчужденности, которое испытывали замужние женщины в клетках своих пригородных домов. Неудивительно, что книга Бетти Фридан «Загадка женственности» (1963), живописующая тяжесть доли домохозяйек, задела за живое думающих американцев и разошлась более чем в миллионе копий.

Момент, когда Фридан описала «проблему, у которой нет названия», принято считать точкой отсчета второй волны американского феминизма. И действительно, в отличие от «Второго пола» Симоны де Бовуар, который был написан четырнадцатью годами ранее, «Загадка женственности» вызвала политическую реакцию. Если Франция в 1949 году, когда была опубликована работа де Бовуар, еще зализывала военные раны, то Америка в 1963 году, когда появилась работа Фридан, жаждала перемен.

В 1963 году состоялись марши за гражданские права в Бирмингеме, штат Алабама, и прозвучала речь Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта» в Вашингтоне. В 1964 году президент Линдон Джонсон подписал Акт о гражданских правах, который запрещал гендерную дискриминацию на рабочих местах. В 1965 году 15 000 студентов прошли маршем в Вашингтоне в знак протеста против войны во Вьетнаме.

Именно в этой ситуации повышенной политической активности зародилось движение за права женщин. В 1966 году была основана Национальная организация в защиту женщин (NOW), ее президентом стала Бетти Фридан. Событие попало на первые полосы газет, хотя консервативное издание National Observer начинало свою статью такими словами:

Внимание, все американские мужья: дни мужского превосходства сочтены. Ваши жены, закрепощенные, претерпевшие множество лишений от закона и от традиций, теперь нашли нового защитника. Это NOW — Национальная организация в защиту женщин — организация, готовая остервенело сражаться с двойными

стандартами, отстаивать женские права и стать группой влияния, которая осуществит мечты о независимости, которые питали еще суфражистки XIX века³⁰.

Организация переняла у движения за гражданские права приемы лоббирования и отстаивания интересов в суде и защищала равные права для женщин в обществе и на рабочем месте. Среди их инициатив была кампания против гендерно маркированных рабочих объявлений, поддержка Поправки о равных правах и борьба за легализацию абортотв.

Для большинства американцев это были слишком радикальные шаги. В 1967 году в журнале *McCall's* журналистка и жена издателя Клэр Бут Льюс выразила мнение большинства по поводу инициатив организации, направленных против «так называемой „второстепенной“ роли женщины в экономике и обществе». Льюс считала, что женщины были бы довольны своей долей, если бы мужья оказывали им больше знаков внимания: «Мужья, не скупитесь на комплименты женам! И вы удивитесь, как скоро они перестанут жаловаться на дискриминацию»³¹.

1968 год был непростым как для движения за женские права, так и для всей нации. Мартин Лютер Кинг был убит в Мемфисе. Роберта Кеннеди убили в Лос-Анджелесе. А группы активисток устраивают демонстрации против конкурса «Мисс Америка» в Атлантик-Сити.

Консерваторы, возмущенные таким поприемом традиционных ценностей, дали отпор по всем фронтам. В 1968 году вышла папская энциклика *Humanae vitae*, запрещающая все искусственные методы контроля за рождаемостью, включая оральные контрацептивы. В 1969 году Общество Джона Берча* призвало бороться со школьными программами сексуального

* Влиятельная ультраправая организация в США. Основана в 1958 году, названа в честь американского миссионера и офицера Джона Моррисона Берча, погибшего в 1945 году в Китае.

просвещения. В 1970 году для того, чтобы препятствовать легализации аборт, был сформирован Национальный комитет права на жизнь.

И все же ничто не могло заглушить волну протеста, поднимавшуюся по всей стране, — протеста против расовой и сексуальной дискриминации, антиабортного законодательства и все нарастающих настроений против Вьетнамской войны. Замужние женщины выходили на бесчисленные антивоенные демонстрации. Независимо от цвета кожи, они устраивали демонстрации в поддержку гражданских прав на Юге. На День матери они собирались у Белого дома под лозунгом «Права, а не розы». Никогда еще со времен движения суфражисток на улицы не выходило так много женщин, как замужних, так и одиноких.

В карикатуре, нарисованной позднее, высмеивается парадоксальный образ жены и политической демонстрантки. Женщина средних лет в майке и с плакатом с аббревиатурой движения за Псправку о равных правах сидит на веранде своего дома. К ней обращается ее муж, обутый в домашние тапочки, с газетой в руке и псом у ног: «Мэйделин, ты славно сражалась... Ты довела дело до конца... Ты не переставала верить... А теперь пора бы тебе пойти на кухню и приготовить ужин!»³² Как бы сильно их жены ни были вовлечены в политическую и общественную деятельность, многие мужчины хотели, чтобы они вернулись на кухню.

И все же к 1970 году 40% жен и две трети матерей с детьми старше шести лет работали³³. Благодаря увеличению числа женской рабочей силы менялся сам образ американской женщины, что отразилось в опросах начала 1970-х годов: около 70% выпускниц колледжа соглашались с утверждением, что «идея, что женщина должна сидеть дома, не имеет под собой оснований»³⁴

Семидесятые начались с того, что вышло сразу несколько книг, выразивших различные взгляды на женскую независимость. В своей радикальной «Диалектике пола» (1970) Шуламит

Файрстоун утверждала, что единственное средство избавить женщину от подчинения мужчине — снять с нее бремя вынашивания ребенка и заботы о нем и передать эти обязанности обществу. Она даже предлагала выращивать детей в пробирках, вне женского тела — решение в духе «Дивного нового мира», которое не готовы были принять даже другие феминистки. Кейт Миллет в «Политике пола» (1970) раскрывала садизм и жестокость по отношению к женщине в описаниях секса у таких авторов, как Д. Г. Лоуренс и Генри Миллер. Жермен Грир в «Женщине-евнухе» (1971) превращала не женщину, а мужчину в сексуальный объект. Она утверждала, что женщины не освободятся полностью, пока не начнут вести себя так же сексуально раскрепощенно, как мужчины, и не начнут с такой же свободой относиться к семье и браку³⁵.

Глория Стайнем начала выпускать журнал Ms., который будет способствовать росту самосознания всей нации. В пилотном номере, который вышел в декабре 1971 года, были напечатаны такие истории, как «Момент истины домохозяйки», «Воспитание детей без гендерных ролей», «Женщины правдиво рассказывают о том, как сделали аборт», «Государственное пособие — женский вопрос» и ставшее классикой эссе «Почему я хочу жену». На обложке была изображена беременная женщина с восемью руками, в каждой из которых она держала сковороду, часы, тряпку для пыли, пишущую машинку, руль, утюг, телефон и зеркало. Подобно книге Фридан, журнал Стайнем задел тонкие струны тысяч американских семей.

Наиболее популярный образ освобожденной женщины создала писательница Эрика Йонг. Ее роман «Страх полета» (1972) стал поворотной точкой в женском романе. Героиня романа, замужняя женщина, пытается соответствовать двум противоречащим образам: быть сексуально независимой и одновременно быть женой. Хотя она мечтает (подобно мужчине) о сексе без обязательств, она не может избавиться от таких понятий, как зависимость и привязанность. В конце

романа она возвращается к мужу... но перед этим успева­ет распалить фантазию многих своих читательниц, задававших сходными вопро­сами.

«Радость секса» (1972) Алекса Комфорта, хотя ее автор был мужчиной и не был феминистом, учила мужчин и женщин экспериментировать в постели так, как если бы они вместе готовили изысканный ужин. А книга «Наши тела, мы сами» (1973), выпущенная Бостонским коллективом женского здоро­вья, не только учила женщин смотреть на себя собственными глазами, а не глазами мужчин-докторов, но также заложила основы для того, чтобы впоследствии вынести на обществен­ное обсуждение проблемы, касающиеся женского здоровья, та­кие как кормление грудью, рак груди, а также недостаточное присутствие женщин в медицинских исследованиях.

Множество важных изменений, повлиявших на жизнь жен­щин, произошло в начале 1970-х годов. Одним из самых се­рьезных было решение Верховного суда в деле «Роу против Уэйда», отменявшее запреты на аборт на уровне штата в пер­вые три месяца беременности. Решение о том, прервать ли беременность, в первом триместре могла принять сама жен­щина и ее врач. В течение второго триместра вопрос абора­та рассматривался исходя из интересов здоровья женщины, а на третьем триместре штат мог запретить аборт. Впервые в американской истории Верховный суд разработал право­вые нормы, регулирующие аборт. И хотя за этим последо­вали протесты консерваторов и крайне правых группировок и организаций, затруднивших для женщины аборт, дело «Роу против Уэйда» остается поворотной точкой в истории про­должающейся борьбы женщин за контроль над своим телом.

Решение по делу «Роу против Уэйда» принималось в си­туации, когда вслед за докладом Кинси в Америке все осно­вательнее стала утверждаться свобода сексуального выраже­ния. И когда свою книгу о сексуальности в 1960-е годы писали

доктор Уильям Х. Мастерс и доктор Вирджиния Джонсон, они уже не проводили интервью среди участников эксперимента, но фиксировали процесс возбуждения и оргазма во время живых демонстраций³⁶. В своей лаборатории, оборудованной сложными системами записи и мониторинга состояния испытуемых, Мастерс и Джонсон изучали техники, которые приводили или, напротив, не приводили к мужскому и женскому оргазму. Они, к примеру, опровергли идею о двух типах женского оргазма: существовал лишь один его тип, и достигнуть его было легче при помощи прямой стимуляции клитора. Придавая меньшее значение пенетрации и совместному оргазму, Мастерс и Джонсон позволили многим женщинам искать другие способы получения оргазма, чем миссионерская позиция. Больше того, если женский оргазм был делом техники, тогда его недостижение было временной проблемой. Подобно Кинси и другим исследователям до них, Мастерс и Джонсон полагали, что большинство разводов вызвано сексуальными проблемами и что сексуальная терапия — та область медицины, которую они пытались основать, — могла помочь супругам сохранить брак.

В 1970-е годы появилось множество исследований женского сексуального поведения. В своем исследовании, вышедшем в 1976 году, сексолог Шир Хайт, вместо того чтобы упираться на гетеросексуальные союзы, советовала женщинам использовать все доступные средства — мастурбировать, пользоваться вибратором, заниматься оральным сексом, использовать все, что могло привести к оргазму, и необязательно с мужчиной.

В ответ на исследование Хайт журнал Redbook провел собственное исследование. Основываясь на ответах 100 000 замужних женщин, журнал делал вывод о том, что подавляющее большинство из них сексуально удовлетворены: 63% сообщали, что они испытывали оргазм всегда или почти всегда со своим партнером. 30% предпочли бы заниматься сексом чаще.

Мое собственное участие в исследованиях такого рода началось во второй половине 1970-х в Стэнфордском институте

женских и гендерных исследований. Я и еще два студента-исследователя опрашивали замужних выпускниц Стэнфорда и Колледжа Уэллсли 1954 года, у каждой из которых была как минимум одна взрослая дочь студенческого возраста³⁷. Всего 141 мать: 93 из Стэнфорда и 48 из Уэллсли — заполнила анкету с вопросами о сексуальном поведении и привычках, которые они имели начиная со старшей школы и вплоть до момента проведения исследования.

Этим матерям было, как правило, около сорока пяти лет, они были домохозяйками, лишь две или три женщины работали на полставки или полный рабочий день. Подавляющее большинство до сих пор было замужем за своими первыми мужьями, бизнесменами или служащими. В среднем на каждую приходилось три или четыре ребенка, женщины имели самое меньшее одного ребенка и самое большее — восемь детей. Эта группа женщин, белых и принадлежащих к зажиточному среднему классу, имела одно важное отличие от той группы женщин, которую исследовала Кинси: лишь 6% вступали в сексуальную связь до свадьбы, хотя они активно целовались и занимались петтингом. Означает ли это, что женщины из Стэнфорда и Уэллсли не говорили всей правды? Или что их бдительнее опекали? Или что они умели контролировать себя лучше, чем их современницы? Самым радостным опытом они называли не секс, а рождение первого ребенка (91%), на второе место они ставили первую влюбленность (86%).

Оценивая прожитую жизнь, они видели в ней как взлеты, так и падения. Одним из самых неприятных переживаний было ослабевание влечения. Они беспокоились по поводу своей убывающей физической привлекательности, самочувствия и предклимактерических проблем, которые создавали ощущение сексуальной несостоятельности. Они также боялись развода, который за двадцать пять лет, прошедшие с их выпускного, стал более распространенным в США. К позитивным сторонам относилось то, что большинство женщин

были довольны самими собой. Роли жен и матерей в подавляющем большинстве случаев помогали им почувствовать большую уверенность в собственных силах и принимать себя, в том числе свое сексуальное поведение.

74% респонденток заявляли, что их сексуальное поведение стало свободнее после выпуска из колледжа. И они видели, что то же произошло с их дочерьми. Выражая обеспокоенность тем, что их дочери ведут себя более раскованно, они тем не менее без труда принимали новые нормы морали. Например, подавляющее большинство матерей согласилось бы помочь своим дочерям в приобретении контрацептивов, если бы они знали, что те ведут активную половую жизнь. Половина опрошенных сказали, что посоветуют дочери сделать аборт, если узнают, что та беременна и не замужем. Менее половины матерей верили, что их дочери пойдут под венец девственницами. Однако свобода сексуальных нравов не касалась гомосексуальности. Матери готовы были смириться с тем, что их дочери занимаются сексом до брака с мужчиной, но не были готовы принять лесбийские отношения. На вопрос «Как вы отнесетесь к тому, что ваша дочь имела гомосексуальный опыт?» 90% опрошенных женщин ответили: «Крайне отрицательно» или «Отрицательно».

Ответы, которые давали эти хорошо образованные, материально обеспеченные замужние сорокалетние матери, показывают, как хорошо американская жена сумела адаптироваться в период 1960–1970-х годов. Хотя сами они росли во времена строгих нравов, им пришлось усвоить новые нормы поколения их дочерей. Большинство из этих женщин поменяли свои взгляды со временем и согласились с тем, что их дочерям позволена большая сексуальная свобода, нежели была позволена им.

Мир, в котором жили дочери этих женщин, зафиксирован в опросе, который в 1980 году провел журнал *Cosmopolitan*. Этот *Cosmo Report* превосходил материал из журнала *Redbook* по

сенсационности и по масштабу: в нем участвовали 106 000 сексуально активных одиноких и замужних женщин. Итоги опроса подтвердили все худшие опасения тех, кто полагал, что сексуальная революция зашла слишком далеко. Подавляющее большинство женщин (95% опрошенных) вели половую жизнь до брака. В сравнении с этим результат в 50%, к которому пришло исследование Кинси, выглядел очень скромно. Более того, как отмечала в первой статье *Cosmo Report* Линда Вольф, «секс до брака избавлен от общественного порицания»³⁸.

Ответы участниц не оценивались на основании того, были ли они замужем или одиноки, но некоторые из них сами в своих письмах указывали, что состоят в браке. На условиях анонимности они свободно говорили о своей сексуальной жизни с мужьями и любовниками. Оральный секс? «Нет ничего лучше». Анальный секс? «Приводит к мощному оргазму». Мастурбация? «Сегодня легла в постель с Виктором — моим вибратором». Симуляция оргазма? «Право, не вижу в этом ничего плохого». Обмен партнерами? «Мы делаем это даже в Виргинии».

Хотя большинству опрошенных было до сорока лет, среди них было несколько женщин более старшего возраста, которые желали поделиться своими самыми интимными переживаниями:

Семьдесят два года. В хорошей форме. Мужу 74. Тоже на здоровье не жалуется. В браке пятьдесят лет. Несколько детей. Все женаты и замужем. Очень хорошая сексуальная жизнь. До шестидесяти — по меньшей мере пять раз в неделю. Теперь — дважды в неделю. Мне всегда нравился секс, но первый настоящий оргазм испытала в 69. Была очень возбуждена. Мой муж перестал торопиться, уделяет больше времени тому, чтобы меня возбудить. — Жительница Миннесоты.

Очень многие женщины писали о связях вне брака. Одна 26-летняя женщина — маркетолог из Коннектикута — закрутила

интрижку со своим сослуживцем и состояла в этой связи три года. Она призналась: «Продолжая работать после замужества... я и представить не могла, что работа принесет мне такие запретные наслаждения».

41-летняя жительница Пенсильвании, прожившая в браке двадцать лет, рассказывала более печальную историю:

Я выросла в маленьком городке, где жили почти одни поляки и все прекрасно знали все о жизни друг друга <...> сразу после школы я занялась любовью в машине, забеременела и вышла замуж...

Однажды я случайно познакомилась с мужчиной, занимавшимся ремонтом телефонов, и по вечерам он стал заглядывать, чтобы по-быстрому заняться сексом. Он не был нежнее моего мужа, но все же вносил какое-никакое разнообразие в мою серую жизнь. Потом, несколько лет спустя, я встретила другого мужчину, который отличался от прочих. Он приносил мне подарки, говорил комплименты, хотел выводить меня в свет, а в постели он мог продержаться до тех пор, пока не доставит удовольствие мне. Но он рассказал о нас своей жене, а та в ответ рассказала моему мужу, и тот поклялся убить нас и пресек наши отношения...

У нас трое детей и две большие собаки. Мне не разрешается ходить в гости по вечерам, у меня нет секса, мне не дают денег, кроме как на продукты, я начала пить, набрала пятнадцать фунтов лишнего веса и потеряла всякий интерес к жизни.

58-летняя бабушка, вышедшая замуж в двадцать шесть, вспоминала: «В то время были сильны двойные стандарты, так что, хотя у него был богатый сексуальный опыт, он хотел, чтобы его жена была девственницей. Так и случилось. Он был моим первым и единственным мужчиной до тех пор, пока шесть месяцев назад все не поменялось...» Женщина писала, что встретила мужчину, с которым у нее было больше общего, чем с ее мужем, и у них завязался роман. Хотя она

не чувствовала своей вины, она писала: «Я никогда не смогу оставить мужа. Мы столько лет вместе, что, мне кажется, это убьет его».

Иногда такая романтическая связь приводила к разводу и к новым, более гармоничным отношениям. Об этом говорят следующие четыре примера:

Мне потребовалось пять лет и три интрижки, чтобы наконец решиться на развод. Сейчас я живу со вторым мужем и за пять лет ни разу не изменила ему. Почему? Потому что я люблю его. — 32-летняя жительница Джорджии.

Я вышла из типичной католической семьи среднего достатка, и меня растили в уверенности, что главная цель моей жизни — быть преданной женой и любящей матерью и жить в красивом доме в пригороде. Никаких разводов. Никакой работы после рождения ребенка. <...> Я была несчастна. Что я могла сделать? Поскольку у меня за плечами был шестилетний опыт работы секретаршей, то самым естественным было устроиться на работу. <...> Я позвонила человеку, который мог быть заинтересован в моих услугах, слово за слово, и внезапно 27-летняя жена и мать обнаруживает себя в постели с чужим мужем... Через шесть месяцев я ушла от мужа и съехала со своим любовником. Мы по-прежнему вместе. — Секретарша из Техаса.

Супруг спросил, как я могла хранить такой мерзкий секрет. <...> Когда мы смотрели телевизор или даже когда мы были в постели, он спрашивал меня, каково это было — заниматься сексом со своим отцом. <...> Моя жизнь превратилась в кошмар. Он стал задерживаться на работе, приходил пьяный в стельку и обвинял меня в неверности, избивал меня, даже когда рядом были трое наших детей, которые кричали и плакали от страха. Наконец я поняла, что не заслужила всех этих наказаний и что в том, что сделал со мной отец, не было моей вины. Наконец

постепенно я приняла решение жить одной и самой воспитывать детей. Я ушла от мужа. И вновь вышла на работу. С каждым месяцем я становилась все уверенней в себе, и наконец настал тот день, когда я впустила в свою жизнь другого мужчину. Я сразу же раскрыла ему свою тайну, и он ответил лишь: «Я люблю тебя, и ничто не способно этого изменить». Вот уже три года как мы женаты. И наша любовь становится крепче с каждым днем. — Женщина из Колорадо.

Я развелась в двадцать семь и три года жила одна. Все эти три года я вела активную сексуальную жизнь, у меня было много самых разных любовников, я пробовала секс втроем и никогда ни к кому не привязывалась, не строила планов на будущее — но наконец я влюбилась. И он отвечает мне взаимностью! Мне тридцать, я хорошая мать, успешная деловая женщина и теперь, к удивлению всех друзей, я стала преданной женой.

Я с радостью оставляю поле битвы сексуальной революции. — 31-летняя женщина родом из Айовы.

Кажется, что эти письма и те письма, которые направлялись в редакцию *The Daily Telegraph* в 1888 году, написали женщины с разных планет. Меньше чем за сто лет замужние женщины перешли от представления о браке как священной обязанности к представлению о браке как средстве сексуального удовлетворения. А если муж их в чем-то не устраивал, всегда можно было найти любовника или другого мужа на замену. Мы не отрицаем, что эти письма писались в разных обстоятельствах — более ранние стали ответом на статью в британском журнале о несостоятельности института брака, более поздние были ответом на анкету в американском женском журнале, адресованную сексуально раскрепощенным читательницам, — и все же контраст разительный.

Насколько значимым для того расцвета сексуальной активности, который демонстрируют письма женщин 1980-х, было

изобретение оральных контрацептивов? Или легализация аборт, последовавшая за решением Верховного суда по делу «Роу против Уэйда»? Безусловно, эффективная и доступная контрацепция, а также возможность легально сделать аборт позволили многим женщинам наслаждаться сексом, не боясь забеременеть. Но это далеко не исчерпывающее объяснение.

Из писем ясно видно, что даже в разгар сексуальной революции многим женам нужен был не просто хороший секс. Они хотели любви, тепла, уважения, дружбы, общности интересов, преданности. Иначе говоря, хороший секс предполагал хорошие отношения. Что до более молодого поколения жен (большинство из них спали с женихами еще до вступления в брак), то они по крайней мере могли оценить, подходят ли друг другу в постели, и надеяться, что брак принесет им как сексуальное удовлетворение, так и чувство родства душ, экономическую стабильность и детей. В противном случае зачем было выходить замуж?

Одной из главных сенсаций Cosmo Report стало то, что сексуальная революция коснулась не только молодых незамужних женщин. И женщины старшего возраста, уже состоящие в браке и зачастую начинающие новые отношения в сорок, пятьдесят и шестьдесят лет, стали более сексуально раскованными — одна из них даже откровенно писала о радости секса, которую они с мужем испытывали в семьдесят лет. Ни молодежь, ни взрослые женщины не испытывали стыда за свои измены.

Темные секреты, на которые намекали викторианские жены, стали известны лишь спустя сто лет. Пьянство по-прежнему ассоциировалось с тем, что жительницы Викторианской эпохи расплывчато называли «жестокостью», а поколение 1980-х прямо обозначило как избиение и насилие над женщинами. Взрослые современные женщины также могли открыто противостоят инцестуальным отношениям между отцом и дочерью и перестали мириться с тем травмирующим опытом, который бросал тень на их последующие отношения с супругом.

Дозволенность экспериментов в сексе и желание женщин открыто и публично обсуждать свои проблемы положили конец гнету Викторианской эпохи. Однако на место старых пришли новые проблемы: рост числа малолетних матерей, распространение венерических заболеваний, в том числе СПИДа, и рост числа аборт и родителей-одиночек.

Революция в труде: расцвет семей с двумя работающими супругами

Сексуальная раскрепощенность женщин в 1960-е годы шла рука об руку с их более активным участием в сфере оплачиваемого труда. Как мы видели, эти тенденции наметились уже в начале XX века, их развитие подстегнула II Мировая война, а затем на волне политических изменений и при посредничестве движения за женские права они набрали серьезные обороты. В 1960 году работали 30% замужних женщин. Спустя 25 лет их доля увеличилась до 54%. К середине 1990-х в 60% американских семей работали оба супруга, 30% строились по традиционной модели, где был один добытчик, а в 10% семей либо не было ни одного, либо один из супругов работал на полставки. В Европе тенденция была сходная, особенно в Скандинавских странах, во Франции и в Великобритании, где на сегодняшний день работающая жена — это норма³⁹.

В период между 1960-ми и 1980-ми годами жены, занятые вне дома, начали перекраивать структуру американского брака. И дело было не только в том, что некоторые жены, особенно если они принадлежали к рабочему классу и их доход составлял существенную часть бюджета, стали опорой семьи. В 1960-е годы начало меняться само представление о том, что работа жены менее значима, чем работа мужа, и что ее карьерные нужды должны оставаться на втором плане. В 1969 году был введен термин «двухкарьерная семья» — для обозначения того типа сожительства, где оба супруга серьезно относятся к своей

карьере и не жертвуют автоматически интересами жены ради интересов мужа⁴⁰. В отличие от пары, в которой жена традиционно подчиняет свои интересы карьерным устремлениям мужа, в двухкарьерной семье равно значимо профессиональное развитие обоих супругов. Даже учитывая перерывы на роды и уход за младенцем, с 1960-х жены начали воспринимать свою наемную работу не как череду подработок, но как карьеру, которая требует вложений и серьезного отношения. Иногда забота о карьере обоих супругов требовала, чтобы они жили раздельно, и даже те, кто не имел на уме ничего дурного, обнаружили, что не каждый брак выдержит подобное испытание.

Несмотря на то что в основе двухкарьерной семьи лежит представление о равенстве супругов, на жен по-прежнему возлагалась большая ответственность по уходу за домом и детьми, и эта несправедливость продолжала вызывать раздоры в семьях. В 1970-е годы феминистский слоган «Личное — это политическое» заставил многих женщин поверить, что залог изменений в обществе — изменения в домашнем хозяйстве. В то время как их жены становились адвокатами, докторами, программистами, водителями такси и автобусов, менеджерами и мэрами, от мужей требовалось стать уборщиками и сиделками. Некоторым мужчинам претило выполнять такие низкостатусные, традиционно женские задачи. И все же постепенно они начали помогать по дому: выносить мусор, ходить за продуктами и мыть посуду — это стало первым шагом на пути к одомашниванию американского мужчины.

Набирала обороты другая революция — она проходила с меньшей помпой, нежели сексуальная, но сулила (и продолжает сулить) радикальное преобразование семейной жизни. Сыновья и отцы, которые в 1950-е годы редко удосуживались сделать что-либо по дому, на протяжении 1970–1980-х годов учились ставить еду на стол и убирать за собой. Эта революция совершалась медленно; социологи высчитывали часы и проценты — они и по сей день продолжают напоминать

нам, что мужчины все еще не выкладываются по полной⁴¹. И все же сантиметр за сантиметром многие мужья привыкают к тому, что они ответственны за порядок в доме, даже если уделяют этому меньше времени, чем их жены.

В процессе работы по дому между супругами возникают разлады. Исследование 1989 года, посвященное тому, как мужья и жены видят распределение труда, выявило «коренное несоответствие между ожиданиями и реальным поведением»⁴². И мужья, и жены полагали, что их вклад в домашний быт значительно больше, чем у другого супруга. Тем не менее, как правило, они сходились в том, что мужья в основном ответственны за денежную составляющую, починку домашней утвари и работу во дворе, а около трети мужчин регулярно делали что-то по дому.

Хорошо образованные мужчины чаще помогали по дому, чем мужчины с небольшим образованием⁴³. На основе анкеты, которую в 1991–1992 годах Стэнфордский университет разослал своим выпускникам 1981 года, было сделано заключение, что те «находятся на переднем крае изменений в отношении работы по дому»: оказалось, что почти половина семейных пар делит ее поровну между мужем и женой⁴⁴. Поскольку высокообразованные мужья часто строят семьи с женщинами со сходным уровнем образованности и дохода, у них нет оснований для того, чтобы поддерживать модель, в которой мужчина видится добытчиком, а женщина — домохозяйкой.

Столь же фундаментальные изменения претерпел институт отцовства. Начиная с беременности мужчину привлекают к активному участию в заботе о ребенке. Когда-то их выгоняли из родильной палаты, присутствовать при родах было табу. Теперь они помогают своим беременным женам освоить технику дыхания и часто сами присутствуют при родах. Многие регулярно кормят и переодевают своих младенцев. Один из зна́ков таких перемен — появление пеленальных столиков в мужских туалетах в аэропортах.

Отцы носят своих детей в специальных рюкзаках, и на это уже перестали обращать внимание, хотя еще десять лет назад это вызвало бы недоумение. Вместе с детьми они гуляют на природе, возят их во всевозможных колесных приспособлениях, пристегивают на сиденьях автомобилей и перевозят на велосипедных сиденьях.

Когда-то мужчин, которые ухаживали за детьми, высмеивали. Французский карикатурист Оноре Домье (1808–1879) высмеивал подкаблучника, который нянчил ребенка и пояснял мужчине в цилиндре: «Месье, моя жена сегодня поймала вдохновение... невозможно на нее смотреть. Я, как видите, принужден следить за последним плодом нашего сотрудничества» (*Moeurs Conjugales*, No. 46). К концу XIX столетия появились сотни карикатур, например немецких и американских, в которых пародировалась смена супружеских ролей — о них мы писали в седьмой главе.

Даже несмотря на такие фильмы, как «Мистер мама» (1983), «Трое мужчин и младенец» (1987) и «Миссис Даутфайр» (1993), в которых в юмористическом ключе изображались мужчины, выполняющие традиционно женский круг задач, в последние десятилетия XX века американцы привыкли к тому, что отец может заботиться о детях, а мать — зарабатывать. В языке появились новые понятия: «househusband», муж, ведущий домашнее хозяйство, и «stay-at-home dad», отец, сидящий дома с детьми. Такой мужчина может быть художником, писателем или попросту безработным, чья жена — успешный адвокат, доктор, дантист, бизнесмен, инженер, менеджер или ученый. Оба могут быть не слишком довольны таким положением вещей, но это не приводит к распаду семьи.

Сегодня 2 миллиона отцов сидят с детьми дома, пока их жены работают, а еще 3 миллиона работают на полставки. Теперь созываются собрания, формируются группы поддержки, возникают рассылки и сайты, посвященные отцам-домохозяевам⁴⁵. Хотя многие мужчины говорят, что новая роль

приносит им удовольствие, они также жалуются на изоляцию, депрессию и недостаток социального статуса — те же проблемы, о которых веками твердили американские домохозяйки.

В *The New York Times* в январе 2000 года опубликовали письмо отца, сидящего дома, в котором говорилось: «Воспитание детей — самый тяжелый и неблагодарный труд на свете». Он добавлял: «Ведя хозяйство вот уже три года, я могу подтвердить, что правы те, кто говорит: „У женщины дел невпроворот“». Этот мужчина начал ценить «ту роль, которую женщины играют в формировании цивилизации», примерив ее на себя.

И все же лишь у немногих работающих женщин есть муж, который согласен следить за домашним хозяйством. Большинству приходится совмещать и работать в две «смены» или на двух разных фронтах. Работа и семья конкурируют между собой, особенно когда появляются дети, и почти всегда одно идет в ущерб другому. Психолог Рутеллен Йоссельсон провела исследование в группе из тридцати женщин, из которых тринадцать были работающими матерями. Она изучала их на протяжении двадцати лет начиная с 1972 года и зафиксировала, что все женщины, одновременно заботящиеся о карьере и детях, чувствуют, что разрываются между профессиональным и родительским долгом, особенно тогда, когда их дети еще малы. И все же такие работающие матери, согласно исследованию, «более довольны своей работой, чем те женщины, у которых нет детей». Они наслаждаются разнообразием своего жизненного опыта, пускай он и подразумевает беспорядочность, и не считают, что смогли бы построить более успешную карьеру, если бы у них не было детей. Напротив, семейная жизнь мотивирует их совершенствоваться профессионально⁴⁶.

У исследования Йоссельсон маленькая выборка, и ее интерпретация полученных результатов может быть предвзятой, поскольку, подобно многим социальным активистам, к числу

которых отношусь и я, она считает, что трудиться на оплачиваемой позиции — не столько вынужденная, сколько полезная обязанность. И все же существует и иная точка зрения, которой придерживаются женщины, решившие стать домохозяйками. Выпускница Стэнфорда 1981 года, которая предпочла сидеть дома с детьми, в опросе 1991–1992 годов писала: «[Работа по дому] не престижное, но важное занятие. Мать ставит заботу о детях выше удовлетворения собственных амбиций, и этот важный шаг должен быть оценен обществом». Другая участница исследования, также домохозяйка, была менее веле-речива: «Я сочла, что работать и растить детей одновременно слишком тяжело, и поэтому бросила работу»⁴⁷. Большая часть домохозяек были довольны своим выбором, хотя иногда им не хватало интеллектуальной активности и общества взрослых людей, которые подразумевает работа вне дома.

Авторы этого исследования, Мира Стробер и Агнес Чан, не заметили значительной разницы между доходом супругов, чьи жены сидели дома либо работали. Однако значительной была разница в происхождении жен. Женщины из семей с высоким достатком «с большей вероятностью, чем их однокурсники, становились домохозяйками» — вероятно потому, что им была привычна модель зажиточной семьи, во главе которой стоял успешный глава семейства, и потому, что они всегда могли вернуться под родительское крыло в случае развода⁴⁸.

Только треть стэнфордских выпускниц 1981 года с детьми были в полном смысле слова домохозяйками, к тому же из их числа большинство планировало выйти на работу, как только дети подрастут. Большинство опрошенных совмещало карьеру с браком и материнством. Многие жены говорили о том, что пожертвовали своими интересами ради карьеры мужа. Например: «Маленькая компания в Чикаго, на которую я работала, предложила мне головокружительное повышение, но мне пришлось отказаться, чтобы переехать с мужем»; «Меня переводили в Бостон. Мне пришлось отказаться, чтобы

остаться с мужем в Вашингтоне»; «Я ушла с работы, чтобы мы могли переехать в Нью-Йорк, где мой муж пошел в бизнес-школу. Потом мне вновь пришлось уволиться, чтобы мы могли вернуться в Калифорнию»⁴⁹. Хотя такая гибкость необходима, чтобы сохранить брак, обычно своими интересами поступает жена, и это приводит к тому, что она получает более низкую зарплату и находится на более низкой карьерной ступени, чем ее спутник.

Стэнфордские выпускники сталкивались с теми же проблемами, что и семьи с двумя работающими супругами по всей стране и во всех слоях общества: как управляться с работой, домом и детьми в обществе, которое до сих пор исходит из установки на то, что в семье есть кормилец и есть сидящая с детьми мать (вспомните про доставку почты, ремонт утвари и визиты к педиатру, которые назначаются на рабочие часы)? О влиянии стресса в парах с двумя работающими супругами спорят тысячи журналистов, психологов и моралистов. Этой проблеме была посвящена колонка в *San Francisco Chronicle* (2000), суммировавшая жалобы 150 читателей на то, что работа отравляет их семейную жизнь. Крепкие, стабильные супружеские отношения не выдерживали груза нереалистичных требований, которые менеджеры предъявляли работникам и которые работники предъявляли самим себе. Авторы писем советовали обращаться к семейным терапевтам, священнику и выбираться в семейные поездки. Некоторым парам пошло на пользу то, что они проговаривали свои приоритеты или осознавали, что брак для них важнее. В мире чрезмерной занятости браку может пойти на пользу, если супруги будут вместе составлять свое расписание.

Работодатели — как крупные, так и маленькие предприятия, научные институты или правительственные агентства — только недавно начали идти навстречу семьям, где работают оба супруга. Дробление одной ставки между двумя людьми и гибкий график по-прежнему предлагаются редко, а при работе

на полставки, даже если это оказывается возможным, работник, как правило, маргинализуется. Отпуск по уходу за ребенком обычно короткий и неоплачиваемый — даже несмотря на акт, принятый в 1993 году, согласно которому компании, в которых больше пятидесяти сотрудников, обязаны предоставлять до двенадцати недель отпуска в год по семейным и медицинским причинам. К таковым относятся забота о новорожденных, дела, связанные с усыновлением или опекуном, а также забота о близких родственниках (супруге, детях или родителях) с серьезными заболеваниями.

В этом отношении американцы намного отстали от европейцев. К примеру, в Швеции молодой матери или отцу полагается 11-месячный *оплачиваемый* отпуск по уходу за новорожденным, а в Дании молодые супруги могут взять до полутора лет отпуска, из которого двенадцать месяцев будут оплачиваемыми. В Англии такой отпуск составляет лишь тринадцать недель, хотя жена премьер-министра Шери Блэр, известный адвокат по вопросам трудоустройства и мать четверых детей, поставила вопрос о декретном отпуске ребром, когда пыталась заставить своего мужа (безуспешно) взять отпуск по уходу за младенцем. В большинстве европейских стран существуют ясли, льготные центры, куда можно отдать детей на день. Ни в США, ни в Японии, двух ведущих индустриальных странах, нет ни достойной системы оплачиваемого отпуска, ни легкодоступных детских садов⁵⁰. Зачастую американские матери, чтобы получить двенадцать недель отпуска по уходу за новорожденным, добавляют к положенному им родительскому отпуску обычный отпуск и полагающиеся им дни отпуска по болезни. А когда они возвращаются на работу, то, как правило, тратят солидные суммы на то, чтобы оплатить детский сад.

Одно из недавних улучшений — развитие программ продленного дня для детей, которым нужен присмотр с 3 до 6 часов вечера. Такие программы спонсируются бизнесом, фондами

и федеральным правительством и предлагают школьникам различные курсы, от музыки и математики до готовки и конструирования. С учетом того, что 78% матерей с детьми школьного возраста работают, это поистине нужная инициатива.

Американским женам и матерям, у большинства из которых есть и работа по дому, и работа по найму, приходится постоянно импровизировать и выкручиваться, чтобы обеспечить заботу и образование детям, удобное проживание, сытную еду, достойную одежду, развлечения на неделе и отпуск летом. Неудивительно, что многие из них недовольны своими условиями и что некоторые, получив такую экономическую возможность, возвращаются к роли домохозяек.

И все-таки, как пишет Стефани Кунц в книге «Путь, которым мы действительно идем», многие жены и матери продолжают работать по найму далеко не только по финансовым соображениям. Большинство испытывает удовлетворение от своего труда. Они отвечают интервьюерам, что работа делает их более уважаемыми членами общества, позволяет повышать самооценку и заводить друзей и не сводится к стрессу от того, что им приходится искать, кому присмотреть за ребенком, или спорить с мужем по поводу домашних обязательств. Чтобы поддержать свои выводы, Кунц ссылается на исследование компании Harris (1995), согласно которому менее трети работающих женщин согласились бы стать домохозяйками, если бы им позволяла это их финансовая ситуация⁵¹.

Замужним женщинам нравится работать по нескольким причинам. Прежде всего, они не хотят впасть в экономическую зависимость от своих мужей. Они усвоили урок первых феминисток — Шарлотты Перкинс Гилман и Симоны де Бовуар, — которые писали, что женщины всегда будут оставаться на вторых позициях, пока зависят от поддержки мужчин. Некоторые помнили своих матерей, вынужденных просить денег у мужчин и не имевших права голоса в вопросах распределения семейного бюджета. Многие чувствовали, что собственный

заработок ставит их на равные позиции с мужьями; так, например, объясняла это одна женщина, которая работала наравне с мужем: «Я состою в этих отношениях, потому что я так хочу, а не потому, что обо мне кто-то заботится <...> Мне не нужно говорить: „Что ж, ты приносишь деньги, на которые я покупаю себе еду“. Нет, я тоже приношу эти деньги»⁵².

Большинство женщин интуитивно понимали силу переговорной позиции, о которой писали гендерные теоретики Стробер и Чан. Коротко говоря, «чем больше ресурсов, особенно экономических, приносит в брак супруг, тем безусловнее его право диктовать условия»⁵³. Распределение сил в переговорах влияет на решение любых вопросов, возникающих в браке: от того, чьими карьерными интересами следует поступиться, до того, как распределять домашние обязанности. Такой циничный взгляд на отношения через призму экономических факторов ни в коем случае не является исключительно особенностью академических исследований. Даже в женских журналах ведется более предметный разговор о том, на что имеет право женщина, если она тоже зарабатывает. Клинический психолог Джудит Силлс пишет в своей статье для консервативнейшего журнала *Family Circle* (номер от 7 марта 2000 года), поборника домашних ценностей: «Расклад сил в браке меняется, когда один из супругов либо перестает, либо начинает зарабатывать деньги. <...> Силой автоматически наделяется тот, кто зарабатывает».

Некоторые супруги ведут отдельные счета. Когда добрая половина браков заканчивается разводом, оба супруга понимают, что на всякий случай должны быть аккуратны в финансовых вопросах. Даже женщины, уверенные в своем браке и желающие сделать перерыв в работе, чтобы растить детей, боятся потерять и зарплату, и право голоса, потому что, если разведутся, окажутся в тяжелом финансовом положении⁵⁴.

Служба социального обеспечения наказывает тех, кто берет отгулы. Одна женщина, работавшая аудитором и решившая

сидеть дома с маленькими детьми, рассказывала: «За каждый месяц, что мать сидит дома со своими детьми, она получает ноль отчислений на свой счет социального обеспечения. И на основании всех этих нулей будет определяться размер ее будущего пособия. <...> Каждый раз письмо от Службы социального обеспечения приводит меня в бешенство. Учитывается каждый „нулевой“ год»⁵⁵.

Вторая и, на мой взгляд, не менее важная причина, по которой замужние женщины решают выходить на работу, заключается в их нежелании сидеть в четырех стенах. Они не хотят больше подчиняться правилам традиционного домашнего быта. То, что все больше женщин получали образование, приводило к расширению их горизонтов и устремлений за пределы кухни, гостиной и сада. Не следует забывать, что высшее образование стало доступно женщинам относительно недавно. Женские колледжи и университеты с совместным обучением возникли в Америке в конце XIX века, и туда принимали лишь очень немногих представительниц высшего и среднего классов. К 1950 году на трех студентов со степенью бакалавра приходилась лишь одна выпускница колледжа⁵⁶. Сегодня женщины получают высшее образование наравне с мужчинами: 55% имеют степень бакалавра, 50% — степени в сфере юриспруденции и медицины, а 45% — доктора наук. От них, как и от мужчин, ожидают, что знания, полученные в колледже, пригодятся им в последующей жизни. Наемный труд требует работы ума и развития навыков общения. Он позволяет человеку общаться с коллегами и иногда даже изменить что-то в своей жизни.

Я не питаю иллюзий по поводу природы труда в общем. Он не обязательно требует работы ума, редко допускает новшества и работу воображения. Он может вызывать стресс, боль и вредить личной жизни. И все же мне трудно представить, что в ближайшем будущем его не будет. Как и мужья, жены ищут в труде что-то, чего не могут найти в себе и в четырех домашних стенах. Многие мужья сегодня исходят из того, что

их жены будут иметь работу помимо домашней, и считаются самыми «ярыми сторонниками» своих женщин. К тому же многие мужья рассчитывают, что жены будут вносить свой вклад в финансовое благополучие семьи.

Конечно, некоторые женщины отказываются от этого сценария, они предпочитают беречь домашний очаг для своих мужей и детей. Им нравится заботиться о детях, отводить их в школу и забирать из школы, посещать футбольные и бейсбольные матчи, готовить, убирать, стирать и гладить, работать в саду, шить, ходить за продуктами и выхаживать заболевшего родственника. Теоретически домашние хозяйки, особенно те, кто может позволить себе нанять пару уборщиков, должны иметь больше времени на то, чтобы читать, отвечать на письма, лазать в интернете, смотреть телевизор, играть в теннис, заниматься йогой, ходить в спортзал, гулять на природе, играть на пианино, слушать музыку, рисовать, развлекаться, сочинять письма или художественную литературу, заниматься благотворительностью, встречаться с друзьями или жить в том темпе, в каком им больше нравится. Но немногие домохозяйки, особенно если у них есть дети, считают свою жизнь легкой. Домашние хлопоты, обязанности перед семьей или обществом всегда отнимают часы, которые вы планировали уделить себе — возможно потому, что работа по дому по природе своей открыта для непредсказуемого: ребенок заболел, стиральная машина сломалась, крыша прохудилась в грозу. Более того, в отсутствии финансовой поддержки супруга домохозяйке приходится выбирать между тем, чтобы сидеть дома, и благосостоянием. Некоторым женщинам достаточно уже того, что они могут уделять все свое внимание своим маленьким детям. Жизнь домохозяйки (или домохозяйина) может приносить удовольствие, если была выбрана сознательно, если доход второго супруга достаточно высок и если жена сама имеет достаточные средства к существованию. Сегодня сравнительно небольшое число замужних

женщин имеют все экономические условия, чтобы вести такой образ жизни.

С увеличением продолжительности жизни период деторождения начал занимать лишь небольшую часть жизни женщин. Если женщина, как это сейчас принято, рождает ребенка ближе к тридцати и живет, согласно статистике, до восьмидесяти, лишь треть своей жизни она проведет в активной стадии материнства. До и после воспитания ребенка у нее достаточно времени для того, чтобы работать и заниматься благотворительностью. Большинство жен, даже те, кто берет отгул для ухода за детьми, выходят на работу по финансовым соображениям, и многие жены, даже если они не обязаны, выходят на работу, потому что хотят.

За каждой социальной революцией следует реакция, которая заставляет революционеров сдать некоторые завоеванные позиции. Откат назад и отход от завоеванных сексуальных и женских свобод произошли в 1980 году и ознаменовались избранием президента Рональда Рейгана и призывами вернуться к «традиционным ценностям». В 1980-е годы право на аборт начали ограничивать. Поправка о равных правах была практически предана забвению. На место андрогинности пришла новая женственность — с сексуальным бельем, грудными имплантатами и лифчиками пуш-ап. В моду вернулись дорогие свадьбы с утонченными платьями невесты. Начала раздаваться критика в адрес работающих женщин — жен обвиняли в том, что они компрометируют своих мужей, матерей — в том, что они жертвуют детьми ради профессиональных успехов. Пресса скептически относилась к идее о том, что женщина может иметь и успешный брак, и успешную карьеру одновременно, и шельмовала тех женщин, которые хотели «получить все сразу»⁵⁷.

В исследовании, посвященном возврату к традиционным ценностям, Сьюзан Фалуди собрала все антифеминистские

мифы 1980-х годов⁵⁸. Журналы и газеты в это время, слясь дискредитировать достижения борцов за женские права, ссылались на результаты сомнительных исследований — таких как, например, исследование брака 1986 года, проведенное учеными из Йеля и Гарварда, согласно которому женщины, не вышедшие замуж до тридцати лет, вероятнее всего вовсе не смогут найти себе мужа, или исследование социолога Леноры Вайцман 1985 года, утверждавшее, что в первый год после развода качество жизни женщины падает на 73%. Позднее другие исследования показали, что такие результаты были большим преувеличением. Пресса рисовала освобожденную женщину несчастной, а домохозяйку, отказавшуюся от карьеры ради домашнего очага, добродетельной, слясь отправить все женское население обратно в домашнее заточение.

И все же, как пишет историк Рут Розен, «к концу XX века феминистские идеи так глубоко укоренились в нашей культуре, что никаким протестующим или политикам не под силу было их искоренить»⁵⁹. Даже те, кто причитал по поводу сексуальной и феминистской революции, не собирались требовать от своих дочерей или возлюбленных, чтобы те блюли девственность до брака или, выйдя замуж, не вылезали с кухни. Соответственно и мужчины, подыскивая себе невесту, хотели, чтобы та была одинаково умелой в спальне и в гостиной.

Еще одна примета этого времени — возвращение шуток про придирчивую, фригидную, глупую и непривлекательную жену. Из таких шуток состоял репертуар комика Хенни Янгмена. «Проводите мою жену, прошу вас!»; «У моей жены черный пояс по шопингу»; «Она сделала грязевую маску и пару дней выглядела чудесно. Потом грязь начала отваливаться»; «Сорок девять лет я был влюблен в одну женщину. Если жена узнает, то убьет меня!» Но жены уже больше не являются мишенью для такого рода насмешек среди мужчин, уверенных в своем превосходстве. Шуток о мужьях стало появляться даже больше, например, по электронной почте мне приходили такие:

Я мыслю — следовательно, я одинока. (*Приписывается Лиз Уинстед*)

Я не выходила замуж, потому что в этом не было необходимости. У меня есть три домашних любимца, которые заменяют мужа. Собака ворчит все утро, попугай ругается до вечера, а кот поздно приходит домой. (*Приписывается Мариан Корелли*)

За каждым успешным мужчиной стоит удивленная жена. (*Приписывается Мэрион Пирсон*)

А вот такой анекдот был очень популярен в 1999 году: «Хиллари и Билл Клинтон приезжают на автозаправку. Заправщик очень любезен с первой леди, и когда они отъезжают, та рассказывает мужу, что это был ее первый бойфренд. Билл самодовольно замечает: „Ты, наверное, рада, что вышла замуж за меня, а не за работника с заправки?“ На что она парирует: „Если бы я вышла за него, он был бы президентом“».

Признания новой жены

История Хиллари и Билла Клинтон позволила привлечь внимание народа к противоречиям в образе новой жены. Между супругами разыгралась драма наподобие мыльных опер 1990-х годов, затрагивающая проблемы личных амбиций, брака, неверности, прощения и любви. В 1992 году Америка попросту не была готова к Хиллари Родэм Клинтон. Американская общественность, воспитанная на Нэнси Рейган и Барбаре Буш, неодобрительно относилась к первой леди, которая была юристом и вела себя на равных со своим супругом. К ее политическим инициативам они относились с подозрением и мстительно радовались, когда провалился ее план по здравоохранению. На протяжении первого срока Клинтона Хиллари постоянно меняла свою тактику и свою прическу, стараясь угодить общественному мнению. Но что бы она ни делала,

находились американцы, которые не скрывали своей неприязни к ней.

Конечно, все изменилось, когда она стала обиженной женой. Когда пикантные подробности интрижки президента Клинтона с Моникой Левински стали смаковать в прессе, а Хиллари сохраняла достоинство несмотря ни на что, ее популярность у американцев возросла. Она стала женщиной, которая «поддерживает своего мужа», женой, в которой узнала себя обыкновенная американка. Урон, нанесенный репутации Клинтона, не затронул Хиллари — пережив скандал, она укрепилась в своем желании продолжать карьеру и даже пренебрегла ради этого обязанностями первой леди на последнем году президентства мужа. Когда я пишу эти строки, она избрана в Сенат США. Готова ли американская общественность к женам, которые так же блестяще образованы, уверены в себе и амбициозны, как Хиллари Родэм Клинтон?

Один из наилучших источников, из которого можно узнать, что представляет собой новая жена, — женские журналы. В начале тысячелетия они рассказывают главным образом о том, как вести хозяйство, о рецептах, диетах, здоровье, работе, детях, любви и сексе. Наиболее маститые журналы, которые называют «семь сестер»: *Ladies' Home Journal*, *Redbook*, *McCall's*, *Good Housekeeping*, *Family Circle*, *Woman's Day* и *Better Homes and Gardens*, — изначально были ориентированы на традиционную жену с детьми, но со временем вынуждены были измениться. Сегодня они публикуют довольно откровенные материалы, которые некогда были специализацией журналов, ориентированных на одиноких женщин: *Glamour*, *Cosmopolitan* и *Mademoiselle*.

Материал из *Ladies' Home Journal* за 2000 год под заголовком: «101 способ разнообразить сексуальную жизнь в браке» сообщает, что супругам иногда необходимо привносить немного пикантности в свои сексуальные отношения, и ответственность

за это лежит на жене. В февральском номере Redbook напечатан откровенный материал «39 вопросов о сексе, которые вы боялись задать», а также проникновенный текст «Счастливые пары делятся секретом крепкого брака». В More, журнале для женщин старшего поколения, выпущенном Ladies' Home Journal, опубликована на удивление откровенная анонимная статья «Я та самая другая женщина», где неизвестная, не испытывая угрызений совести, рассказывает о своем романе с женатым мужчиной.

Даже вопросы финансов должны быть сексуальными. Статья «Устанавливаем финансовую близость: руководство по достижению богатства» (Good Housekeeping, январь 2000 года) наделяет сексуальным подтекстом процесс покупки акций. В ней говорится:

Подумайте о том, чтобы купить возлюбленному акции. Вы удивитесь, насколько сексуальным (да, именно так) может быть этот подарок. <...> Вместо кино сходите вместе на семинар по финансам; приоденьтесь, используйте свои лучшие духи и устройтесь в заднем ряду. Поищите среди финансовых журналов тот, в котором может найтись полезная для вашей семьи информация, и прочитайте ее вместе наедине. Эти действия окажут мощное положительное воздействие на ваш брак, помогут вырасти вам и вашим сбережениям и сблизят вас с мужем.

Хотя статья написана в нарочито дурашливом стиле, она удачно подмечает, что брак зиждется на сексе и деньгах, и убедительно показывает, что брак может стать крепче, если супруги разделяют ответственность за семейный бюджет. Если когда-то мужчина полностью контролировал семейный бюджет, то теперь права супругов уравнились и на секс и деньги смотрят как на что-то, что может сблизить супругов — конечно, если не рассорить их навсегда. Неудивительно, что в 2000-е в женских журналах обе эти сферы начали рассматривать

как источник обретения независимости, а постельные умения расценивались едва ли не как главная женская добродетель. То, о чем в середине века писал Кинси, сегодня стало общим местом: хороший секс — это обязательное условие крепких отношений. И, как и всякое клише, оно оставляет за скобками множество важных нюансов. Хотя сексуальная удовлетворенность считается одним из самых точных показателей счастливого брака, особенно на его ранних стадиях, безусловно, существуют счастливые браки, в которых секс плохой или его нет вовсе, равно как и несчастливые браки, в которых секс хороший⁶⁰.

А как же любовь, то романтическое чувство, которое ставили во главу угла в начале XIX века и которое с тех пор ценится очень высоко? Раньше считалось, что любовное чувство предваряет секс и является для него необходимым условием, по крайней мере в среднем и высшем классах. Сегодня же все наоборот. Но ни секс, ни романтические чувства не являются сами по себе залогом крепких отношений. На длительной дистанции столь же ценными, как секс, любовь и деньги, оказываются общность интересов, ценностей и целей, взаимное уважение и преданность.

Сегодня девушки в среднем выходят замуж в 25 лет, и к тому моменту, как они становятся женами, у них за плечами, как правило, имеется учеба в колледже и опыт работы. На момент вступления в брак большинство из них имеет столько же прав, сколько и их мужья, и они намерены поддерживать такой паритет на протяжении всей жизни. Старая идея партнерского брака обрела новую, современную трактовку и начала называться эгалитарным браком, равноправным союзом и супружеским равноправием.

Увы, сегодня супружеская жизнь по-прежнему не подразумевает абсолютного равенства. Согласно исследованию 1997 года, следующему за «Будущим браком» Джесси Бернارد (1972), для

Него брак продолжает оставаться более удобным, чем для Нее⁶¹. Предметом изучения стал уровень удовлетворенности браком — на основе опросов, интервью и персонального опыта удалось сделать вывод, что мужья более довольны своим браком, чем жены, и что жены показывают меньшую удовлетворенность разными аспектами брака. В числе сделанных выводов оказался и тот, что одинокие мужчины хуже справляются с психическими проблемами (такими, как суицидальные наклонности, депрессия, нервные срывы), чем женатые, тогда как одинокие женщины, наоборот, справляются с ними лучше, чем замужние⁶². Все сходится на том, что давление семейных и карьерных обязательств на жен сильнее и что женщины больше времени уделяют заботе о детях, старых родителях и больных родственниках.

Когда пары разводятся, почти всегда в худшем финансовом положении оказывается бывшая жена. Согласно последней статистике, вследствие развода качество жизни женщины понижается на 27%, а мужчины — повышается на 10%⁶³. Таким образом, разница в положении между супругами — почти 40%. Отчасти это можно объяснить тем, что в большинстве случаев опека над детьми переходит к матери. Даже когда матери выплачиваются алименты, редко выплаты бывают достаточными или регулярными. Другая причина в том, что зарплата женщин в целом ниже — в среднем она составляет 75% зарплаты мужчины. Многие женщины по-прежнему занимают более низкие должности по причине сегрегации или потому, что вынуждены заниматься домом и детьми или подчинять свои интересы интересам супруга.

В дополнение к финансовым потерям, которыми чреват развод для женщин и их детей, эмоциональный упадок может быть довольно длительным и болезненным. Хотя начиная с 1970-х годов в судебную практику сначала в Калифорнии, а потом по всей стране был введен «развод без вины», или развод по обоюдному согласию, позволявший супругам

не скатываться до взаимных обвинений и оскорблений, сегодня этот процесс может быть столь же болезненным, как и в прошлом. Развод остается одним из наиболее травматичных семейных переживаний, чреватых далекоидущими последствиями как для самих супругов, так и для их детей и всех родственников.

Вот как Сьюзан Стрейт, разведенная женщина с тремя детьми школьного возраста, описывает ту опустошенность, которую принес в ее жизнь развод и которая позволила ей понять чувства ее овдовевшей подруги:

Джанин, моя лучшая подруга, чьи четверо детей присматривали за моими, тоже потеряла мужа. Он погиб в автокатастрофе. Мне и Джанин в тот год исполнилось тридцать пять. Мы не могли поверить, что справимся в одиночку. Семеро детей. Старые дома с искрящими проводами и затопленными подвалами, заросшими заборами и отваливающейся плиткой. Джанин оканчивала школу медсестер, я работала. Нас как громом поразило.

...Иногда мы обе злились. Как и я, она познакомилась с будущим мужем в четырнадцать. После нашего разговора я легла на кровать, мое тело гудело, руки еще не высохли после мытья посуды, полов, скамейки и младенца, и я вспоминала, что, когда выходила замуж, понимала: я буду тяжело трудиться, у меня будут дети, свой дом и иногда я буду веселиться...

Сразу после того, как мой муж ушел, я подумала: что ж, буду трудиться еще немного больше. Но теперь я остро и отчетливо осознала, что вынуждена буду делать это всегда: чинить пылесос, убивать пауков, исправлять ошибки и делать домашние задания по математике, платить за подготовительную школу и подрезать деревья. Подрезать деревья.

Теперь я иногда чувствую себя ослом: тонкая, слегка осунувшаяся, волочу тяжелые ноги так, как будто на них подковы. Теперь я побита жизнью и понимаю, что не всегда все происходит так, как задумано⁶⁴.

История Сьюзан Стрейт, к сожалению, не уникальна: так чувствуют себя многие американки, которых оставили мужа, либо они сами решили разорвать несчастливые отношения, либо у них вообще никогда не было мужа. Как она выразилась, у нее и у других жен нет «поддержки», а поддержка — это «суть брака». Так что если она или ее дети выглядят немного неухоженно, она просит не винить ее в этом. «Когда увидите нас, не качайте головой и не думайте: „Как безответственно“. Ответственность — это единственное, что мне удастся осилить».

При повторном браке мужчина, как правило, с большей вероятностью заводит новую семью и женится на более молодой женщине. У разведенной женщины вариантов меньше, поскольку она выбирает из ровесников и мужчин старшего возраста, а продолжительность жизни у мужчин ниже. По той же причине в повторный брак чаще вступают вдовцы, а не вдовы. Другое различие между мужчинами и женщинами старшего возраста заключается в способности к продолжению рода. После менопаузы женщина не может забеременеть естественным образом; мужчина же способен произвести потомство и в пятьдесят, и в шестьдесят лет, и даже позже. Возможно, это не лучший вариант, учитывая, что отец может умереть, пока его дети еще будут маленькими, однако сама по себе такая возможность является важным мужским преимуществом.

В то же время у женщин есть свои преимущества перед мужчинами. Они живут в среднем на семь лет дольше. Им дана невероятная возможность вынашивать в своем чреве ребенка и устанавливать с ним в процессе беременности и кормления грудью уникальную связь. Вероятно, они гибче в плане сексуальных предпочтений, чем мужчины, и переход от гетеросексуальных к однополым отношениям им дается легче, хотя не все сочтут это преимуществом. Они чаще заводят крепкую дружбу с другими женщинами и черпают

в ней радость и поддержку, мужчинам же, как правило, это дается сложнее.

За последние двадцать или тридцать лет женщины научились по крайней мере одной вещи — они больше не считают положение замужней женщины единственным вариантом в жизни. Поскольку женщины перестали быть финансово зависимыми от мужчин, они могут выжить, не выходя замуж. Женщины, работающие в бизнесе или профессионалами высокого класса, как правило, не торопятся выходить замуж, а иногда и вовсе остаются одинокими. Поэтому нам не должны казаться удивительными эти слова Сьюзан Фалуди: «Чем больше платят женщинам, тем меньше они хотят замуж»⁶⁵. Не только брак, но и материнство стали затруднительными для работающих женщин, поскольку зарплата матерей и бездетных женщин различается. Почасовая ставка для женщины без детей может составлять 90% зарплаты мужчины, в то время как ставка женщины с детьми составляет всего 70%⁶⁶. Поэтому женщины, которых волнует их настоящее и будущее финансовое благосостояние, вынуждены рассуждать о том, как повлияет на их рабочее положение замужество и материнство.

Социолог Генри Уокер применил теорию брачного рынка к чернокожим женщинам и предложил объяснять низкий уровень браков тем, что они могут добиться такого же заработка, что и чернокожие мужчины. Но, возможно, более важным фактором является то, что надежных, финансово состоятельных чернокожих мужчин меньше и выбор чернокожих женщин ограничен сильнее, поскольку чернокожих мужчин чаще убивают и чаще сажают в тюрьму и им сложнее найти работу, чем белым мужчинам⁶⁷.

Неудивительно и то, что карьеры женщин всех рас стремительно взлетают, поскольку многие компании и учреждения заменяют им семью. Многие люди ищут в работе то, чего не смогли найти в семейной или общественной жизни, — близкие отношения и чувство осмысленной деятельности. И такое

сосредоточение на работе начинает вызывать опасения социальных аналитиков, считающих, что многие американцы строят свою жизнь не вокруг семьи, а вокруг карьеры.

Еще один повод для беспокойства — «слияние» домашней жизни и работы, которого трудно избежать, если человек работает из дома. Благодаря компьютерам и мужчины, и женщины получили возможность, не выходя из дома, зарабатывать серьезные деньги, и появилась опасность, что работа съест все время, в том числе то, что необходимо уделять семье. То, что может обернуться проблемой для трудоголиков, кажется благословением для родителей, которые хотят установить гибкое расписание, чтобы заботиться о детях. В каком-то смысле мы возвращаемся в доиндустриальную эпоху, когда ремесленники, мастера и лавочники действительно работали из дома, а дети всегда крутились у них под ногами и были под надзором.

Появляются все новые альтернативы браку. Сегодня четверть от всех домашних хозяйств Америки ведут одиночки, и эта цифра никогда не была выше. Так же высоко количество мужчин и женщин, живущих гражданским браком, и у гетеросексуальных пар порой уходят годы, чтобы определиться, хотят ли они быть мужем и женой. Однополые пары живут вместе, не обладая теми экономическими и юридическими преимуществами, которые дает штамп о браке в паспорте, хотя многие пользуются возможностью зарегистрировать «домашнее партнерство», доступной во многих городах, штатах и организациях. В будущем правом заключения «гражданского союза» наподобие того, что было введено в Вермонте, вероятно, будут пользоваться не только гей-пары, но и гетеросексуалы, для которых это будет промежуточный шаг между сожительством и браком.

Сходным образом, отсутствие детей больше не считается клеймом для взрослой женщины. В 1998 году среди женщин в возрасте от сорока до сорока четырех лет было 19% бездетных (показатель вырос по сравнению с 1980 годом, когда их

было лишь 10%), и многие из этих женщин, согласно некоторым демографическим исследованиям, бездетны вследствие сознательного выбора⁶⁸. В то же время возросло количество родителей-одиночек, и это больше не считается чем-то зазорным или подозрительным. Незамужние девушки и женщины, забеременевшие случайно, чаще предпочитают аборту и усыновлению решение оставить ребенка и растить его самостоятельно. Некоторые незамужние женщины решают стать матерями, но не выходить замуж за отца ребенка. Все они обрекают себя на тяжелое испытание, потому что, согласно статистике, их дети вероятнее будут расти в бедности, чем дети из полных семей.

Некоторые матери-одиночки живут с родными или друзьями, таким образом расширяя свою семью. В сообществах чернокожих число матерей-одиночек в разы выше числа замужних матерей, и дети зачастую растут в семьях, которые возглавляют женщины, под присмотром матери или бабушки. Возможно, в будущем благодаря частным и правительственным программам, направленным на то, чтобы вернуть мужчин в семью, ситуация изменится, но маловероятно, что нуклеарная семья, то есть состоящая из женатой пары и детей, пик популярности которой пришелся для чернокожего населения на 1950-е, а для белого — на 1960-е, когда-нибудь снова займет такие же доминирующие позиции в американском обществе⁶⁹

Чего же может ожидать или, по крайней мере, на что может надеяться современная женщина, вступающая в брак? Конечно, она хочет, чтобы ее брак оказался в числе тех 50%, которые длятся всю жизнь. Несмотря на хорошо известную статистику разводов, как правило, люди женятся и выходят замуж, считая, что именно их брак переживет любые невзгоды; согласно опросу, проведенному *The New York Times Magazine* в мае 2000 года, в этом убеждены 86%. И многие женщины по-прежнему надеются стать матерями. Материнство осталось

ключевой ролью, в которой видят себя женщины, и даже, как пишет Пегги Оренстайн, автор «Девочек-школьниц» и «Потока», «для многих одиноких женщин заменило брак в качестве источника романтических фантазий»⁷⁰.

Новая жена не сможет рассчитывать, что дети сохранят ее брак, как это было раньше, когда супруги оставались вместе «ради детей». Вообще, известно, что дети являются источником конфликта, особенно в младенческом и подростковом возрасте. Те, кого не сломила нервотрепка, с которой сопряжено воспитание детей, скорее всего, будут вознаграждены. Зачастую отношения между пожилыми парами, построенные на годах совместного опыта, особенно близкие и теплые. Как писал Марк Твен, «совершенную любовь способны познать только те, кто прожил в браке четверть века»⁷¹.

Произнося на алтаре «в горе и в радости», немногие задумываются о том, какие горести могут ждать в будущем. А ведь страдания, трагедии, болезни и смерть — неотъемлемая часть брака, особенно на его поздних стадиях. Именно тогда любовь и поддержка человека, который был рядом всю жизнь, помнит тебя таким, каким ты был когда-то, и продолжает заботиться о тебе сейчас, особенно ценны. Возможность близко созерцать чью-то жизнь — редкость, и ее ценность можно оценить лишь со временем. Благодаря тому, что вы сумели пережить дразги на ранней и средней стадиях брака — хаос воспитания детей, неверность одного или обоих супругов, смерть родителей, муки взросления собственных отпрысков, — между вами устанавливается уникальная связь, основанная на совместно пережитой истории.

То, что я назвала «неверностью», может, конечно, сделать невозможной совместную жизнь. Многие браки завершаются, когда кто-то из супругов заводит роман на стороне. Однако многие выживают. Многие люди продолжают считать свои супружеские отношения основными и незаменимыми, даже когда идут на измену. Поскольку сегодня молодежь, как

правило, сменяет нескольких партнеров до вступления в брак и поскольку браки заключаются в достаточно зрелом возрасте, к моменту заключения брака молодые люди должны быть готовы к моногамной жизни. И все же, как нам известно, чувство долга порой отступает перед внезапно нахлынувшим чувством. Даже когда один супруг по-настоящему предан другому, возникают соблазны, и сегодня замужние женщины, как и женатые мужчины, все чаще склонны им уступать. Измена не обязательно приводит к разводу и даже не всегда оставляет по себе долгое и горькое послевкусие, но она часто порождает смятение и боль. Секс — лишь одна и далеко не исчерпывающая причина того, что жена или муж заводят роман на стороне. Измена может спровоцировать супругов на то, чтобы внимательнее присмотреться к своим отношениям, обсудить условия, на которых строится союз, и вновь посвятить себя друг другу.

Сегодня статистика браков «на всю жизнь» довольно печальная, и я сочувствую тем молодым женщинам, которым предстоит пережить боль от развода, тяготы одинокого родительства, бедность, в которой многим из них придется жить. Но я верю в то, что у них больше возможностей, чем было у их предшественниц, и что теперь им легче изменить свою жизнь, чем было раньше. Помимо всего прочего, я желаю им смелости, чтобы сохранить идеальное равенство в браке, которое завоевывалось на протяжении нескольких столетий.

Жены, супруги, партнеры, спутницы и любовницы — все они желают одобрения своего избранного, хотят, чтобы он проявлял к ним ответное чувство. Такой союз требует преданности. Интересно, что мы привыкли думать о браке как о призвании, требующем такой степени отдачи, какой раньше ожидали от монахов и монахинь. Быть женой сегодня, когда вокруг столько рекомендаций и запретов, — поистине творческая задача. Сегодня уже не достаточно «брать пример со своих матерей», как писала Вирджиния Вулф; мы должны

смотреть в будущее и спрашивать себя, какой мир мы хотим оставить своим дочерям и сыновьям.

Хотя большинство наших современниц уже не рассматривает для себя традиционную роль жены, полностью растворяющейся в своем мужчине, американки не списали брак со счетов. Вместо этого они пытаются строить более совершенный союз, исходя из того, что теперь они стали наравне с мужчинами пополнять семейный бюджет, а мужчины, в свою очередь, стали на равных заниматься бытовыми вопросами. Подозреваю, что немногие будут скорбеть по образу «маленькой женщины», даже если обществу придется сотрясаться в муках, чтобы произвести на свет новую жену.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая. Древний мир

1 Amado Levi-Valensi E. Marriage et couple: l'avènement du couple // Encyclopaedia Universalis Paris: Encyclopaedia Universalis France. 1968. Vol. 10. P. 520.

2 Norris P. Eve: A Biography. N. Y.: New York University Press, 1999. P. 58–61.

3 Alvarez-Pereyre F., Heymann F. The Desire for Transcendence: the Hebrew Family Model and Jewish Family Practices // A History of the Family / ed. by André Burguière et al.; transl. by S. H. Tenison, R. Morris, and A. Wilson. Oxford: Polity Press, 1996. Vol. 1. P. 175.

4 Роберт Альтер замечает, что смех престарелой Сары при рождении Исаака был знаком ее радости; но она также задавалась вопросом, не стала ли она сама предметом насмешек. См.: Alter R. Genesis: Translation and Commentary. N. Y.; L.: W. W. Norton, 1996. P. 97.

5 Иллюстрированное изображение этих двух наказаний можно найти в двух средневековых рукописях XIII–XIV веков: «Traité de Droit» from Agen, см.: Nicolle D. The Hamlyn History of Medieval Life. L.: Hamlyn, 1997. P. 116; Zwickenuer Stadtrechtbuch (Государственный архив

Цвиккау), см.: Uitz E. The Legend of Good Women: Medieval Women in Towns and Cities / transl. by S. Marne. Mount Kisco, NY: Moyer Bell Ltd., 1988. P. 122.

6 Women's Lives in Medieval Europe: A Sourcebook / ed. by E. Amt. N. Y.; L.: Routledge, 1993. P. 67–68.

7 Обсуждение этой темы можно найти в кн.: Brooten B. J. Love Between Women: Early Christian Responses to Female Homoeroticism. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1996. P. 62. Другая интерпретация — в кн.: Gomes P. J. The Good Book: Reading the Bible with Mind and Heart. N. Y.: William Morrow and Co., 1996. P. 153.

8 Наиболее значимые книги о гомосексуальности в Древнем мире: Boswell J. Christianity, Social Tolerance, and Homosexuality: Gay People in Western Europe from the Beginning of the Christian Era to the Fourteenth Century. Chicago: University of Chicago Press, 1980; Boswell J. The Marriage of Likeness: Same-Sex Unions in Pre-Modern Europe. L.: HarperCollins, 1995; Brooten B. J. Op. cit.

9 Gafni I. M. The Institution of Marriage in Rabbinic Times // The Jewish Family / ed. by David Kraemer. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 13–30.

- 10 Norris P. Op. cit. P. 75-77.
- 11 Brundage J. A. Sex, Law and Marriage in the Middle Ages. Aldershot: Variorum, 1993. См. Главы 1 и 2.
- 12 Cantarell E. Pandora's Daughters / transl. by M. B. Fant. Baltimore; L.: Johns Hopkins University Press, 1987. P. 25.
- 13 Sealey R. Women and Law in Classical Greece. Chapel Hill, NC; L.: University of North Carolina Press, 1990. P. 14.
- 14 Demand N. Birth, Death, and Motherhood in Classical Greece. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1994. P. 2.
- 15 Ibid. P. 14-15.
- 16 Cantarell E. Op. cit. P. 48-49.
- 17 Речь Лисия «Об убийстве Эратосфена» приводится по изданию: Barber E. W. Women's Work: The First 20,000 Years. N. Y.; L.: Norton, 1994. P. 273-277. См. также: Melchior-Bonnet S., Tocqueville A. de. Histoire de l'Adultère. Paris: Ed. de la Martinière, 1999. P. 10-20.
- 18 Cantarell E. Op. cit. P. 82-83.
- 19 Thornton B. S. Eros: The Myth of Ancient Greek Sexuality. Boulder, CO: Westview Press, 1997. P. 100.
- 20 Тит Ливий пишет об этом в конце первой книги своей «Истории Рима от основания города». См.: Moses D. C. Livy's Lucretia and the Validity of Coerced Consent in Roman Law // Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies / ed. by A. E. Laiou. Washington, DC: Dumbarton, Oaks Research Library and Collection, 1993. P. 39-81.
- 21 Treggiari S. Roman Marriage: "Iusti Coniuges" from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 159-160. Это основополагающая работа о браке в Риме, в настоящей книге я обширно ей пользуюсь.
- 22 Wiedemann T. Adults and Children in the Roman Empire. L.: Routledge, 1989. P. 86.
- 23 Women's Lives in Medieval Europe. P. 34-35.
- 24 Williams G. Representations of Roman Women in Literature // I Claudia: Women in Ancient Rome / ed. by D. Kleiner, S. Matheson. New Haven: Yale University Art Gallery, 1996. P. 132-133.
- 25 Yalom M. A History of the Breast. N. Y.: Knopf, 1997. P. 25-26.
- 26 Rousselle A. The Family under the Roman Empire: Signs and Gestures // A History of the Family / ed. by A. Burguière, C. Klapisch-Zuber, M. Segalen, F. Zonabend. Cambridge: Polity Press, 1996. Vol. 1. P. 275.
- 27 Hamer M. Signs of Cleopatra: History, Politics, Representation. L.; N. Y.: Routledge, 1993. P. 9.
- 28 Balsdon J. P. V. D. Roman Women: Their History and Habits. L.: The Bodley Head, 1962. P. 68.
- 29 Fitschen K. Courtly Portraits of Women in the Era of the Adoptive Emperors (98-180) and Their Reception in Roman Society // I Claudia. P. 53.
- 30 Robert J.-N. Eros Romain: Sexe et morale dans l'ancienne Rome. Paris: Hachette Littératures, 1998. P. 135-37; Women's Lives in Medieval Europe. P. 29-31.
- 31 Treggiari S. Op. cit. P. 231-241.
- 32 Boswell J. The Marriage of Likeness. P. 65.
- 33 Brooten B. J. Op. cit. P. 29.

*Глава вторая. Жены
в средневековой Европе.
1100–1500 годы*

- 1 См.: Brooke C. N. L. *The Medieval Idea of Marriage*. Oxford: Oxford University Press, 1989; Macfarlane A. *Marriage and Love in England: Modes of Reproduction 1300–1840*. Oxford: Basil Blackwell, 1986; Phillips R. *Putting Asunder: A History of Divorce in Western Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 26–27; Gies F., Gies J. *Marriage and the Family in the Middle Ages*. N. Y.: Harper and Row, 1987.
- 2 Такое мнения придерживается исследовательница средневековой истории Джо Энн Макнамара, см.: McNamara J. A. *Victims of Progress // Female Power in the Middle Ages* / ed. by K. Glente and L. Winther-Jensen. Copenhagen: C. A. Reitzel, 1989. P. 29.
- 3 Здесь и далее я опираюсь на кн.: Shahar S. *The Fourth Estate: A History of Women in the Middle Ages* / transl. by Chaya Galai. L.; N. Y.: Methuen, 1983. P. 89–90.
- 4 Цит. по: Hanawalt B. A. *The Ties That Bound: Peasant Families in Medieval England*. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 208.
- 5 Hufton O. *The Prospect Before Her: A History of Women in Western Europe*. Vol. 1, 1500–1800. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1996. P. 70.
- 6 Rösener W. *Peasants in the Middle Ages* / transl. by A. Stützer. Cambridge: Polity Press, 1992. P. 179.
- 7 Saxton M. *Foreword // Uitz E. The Legend of Good Women: Medieval Women in Towns and Cities* / transl. by S. Marnie. Mount Kisco, NY: Meyer Bell, 1990. P. 9.
- 8 *Women's Lives in Medieval Europe*. P. 140–142.
- 9 Этот инцидент вспоминает Жорж Дюби в кн.: DUBY G. *Mâle Moyen Âge: De l'amour et autres essais*. Paris: Flammarion, 1990. P. 29–30.
- 10 *Women's Lives in Medieval Europe*. P. 66.
- 11 Приведенные цитаты — из источника: Surtees Society Publications, 63. No. 24; цит. по: Howard G. E. *A History of Matrimonial Institutions*. Chicago: The University of Chicago Press, 1904. Vol. 1. P. 304–307.
- 12 Об этой полемике пишет Жорж Дюби в двух своих знаменитых статьях: «Le mariage dans la société du haut Moyen Age» и «L'amour en France au XIIe siècle», в кн.: DUBY G. *Op. cit.* См. также: Flandrin J.-L. *Un temps pour embrasser. Aux origines de la morale sexuelle occidentale (VIe–XIe siècle)*. Paris: Éd. du Seuil, 1983.
- 13 Иллюстрация приводится в: Shahar S. *The Fourth Estate*. Im. 15.
- 14 Cazelles B. *Saints' Lives // A New History of French Literature* / ed. by Denis Hollier. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994. P. 13–18.
- 15 Rougemont D. de. *Love in the Western World*. N. Y.: Pantheon, 1956 (ориг. фр. изд.: Rougemont D. de. *L'Amour et l'Occident*. Paris: Plon, 1946).
- 16 Shahar S. *The Fourth Estate*. P. 163.
- 17 *The Key to Love (La Clef d'Amors) // The Comedy of Eros: Medieval French Guides to the Art of Love* / transl. by Norman R. Shapiro. Urbana, IL; Chicago: University of Illinois Press, 1977. P. 36.
- 18 *Ibid.* P. 16.

- 19 Guiart. *The Art of Love (L'Art d'Amors)* // *The Comedy of Eros*. P. 50.
- 20 Fournival R. de. *Advice on Love* // *The Comedy of Eros*. P. 116.
- 21 Blois R. de. *Advice to Ladies (Le Chastoiement des Dames)* // *The Comedy of Eros*. P. 76.
- 22 Lemaire R. *The Semiotics of Private and Public Matrimonial Systems and their Discourse* // *Female Power in the Middle Ages*. P. 77-104.
- 23 *Ibid.* P. 81.
- 24 *Ibid.* P. 86.
- 25 *Chansons des Trouvères* / ed. par S.N. Rosenberg, H. Tischler, M.-G. Gossel. Paris: Livre de Poche, 1995. P. 80-81.
- 26 Shahar S. *Cultural Attitudes and Strategies of Oppression: Medieval Motherhood* // *Female Power in the Middle Ages*. P. 44-45.
- 27 Wiesner M.E. *Women and Gender in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 51-52.
- 28 *Women's Lives in Medieval Europe*. P. 97.
- 29 См.: Yalom M. *A History of the Breast*. N.Y.: Knopf, 1997. P. 37.
- 30 *Women's Writing in Middle English* / ed. by A. Barratt. L.; N.Y.: Longman, 1992. P. 35.
- 31 Uitz E. *The Legend of Good Women*. Mount Kisco, NY: Moyer Bell Limited, 1990. P. 71-72.
- 32 Книга Эрики Уитц — богатый источник информации о жизни женщин-горожанок. См. также: *Women's Lives in Medieval Europe*. P. 194-214.
- 33 Hufton O. *The Prospect*. P. 64.
- 34 *Women's Lives in Medieval Europe*. P. 208.
- 35 *Ibid.* P. 108.
- 36 Hogrefe P. *Tudor Women: Commoners and Queens*. Ames, IA: Iowa State University Press, 1975. P. xii; *Private Life in the Fifteenth Century: Illustrated Letters of the Paston Family* / ed. by R. Virgoe. N.Y.: Weidenfeld and Nicolson, 1989. P. 139.
- 37 *Le Mesnagier de Paris*. Paris: Livre de Poche, 1993. P. 25.
- 38 *The Book of Margery Kempe*. Harmondsworth: Penguin Books, 1985. Здесь и далее цит. р. 42-47, 57-58, 60.
- 39 Истории этих святых прекрасно изложены в кн.: Flinders C.L. *Enduring Grace: Living Portraits of Seven Women Mystics*. San Francisco: HarperSanFrancisco, 1993.
- 40 *Most Wise and Valiant Ladies*. N.Y.: Welcome Rain, distr. by Stewart, Tabori & Chang, 1997. P. 112.
- 41 Gottlieb B. *The Family in the Western World from the Black Death to the Industrial Age*. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 76.
- 42 Roncière C. de la. *Tuscan Notables on the Eve of the Renaissance* // *A History of Private Life: Revelations of the Medieval World* / ed. by Georges Duby; transl. by Arthur Goldhammer. Cambridge, MA; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1988. Vol. 2. P. 293. Рус. пер. цит. по: *История частной жизни Т. 2: Европа от феодализма до Ренессанса* / пер. с фр. Е. Решетниковой и П. Каштанова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 335.
- 43 Gottlieb B. *Op. cit.* P. 74.

- 44 Klapisch-Zuber C. *The Griselda Complex // Women, Family, and Ritual in Renaissance Italy* / transl. by L. Cochrane. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1985. P. 214; Herlihy D., Klapisch-Zuber C. *Tuscans and their Families: A Study of the Florentine Catasto of 1427*. New Haven, CT; L.: Yale University Press, 1985. P. 223–226.
- 45 Chajnicki S. *The Power of Love: Wives and Husbands in Late Medieval Venice // Women and Power in the Middle Ages* / ed. by M. Erler, M. Kowalski. Athens, GA; L.: University of Georgia Press, 1988. P. 126–148.
- 46 Grubb J.S. *Provincial Families of the Renaissance: Private and Public Life in the Veneto*. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1996. P. 20–21.
- 47 Brucker G. *Giovanni and Lusanpa: Love and Marriage in Renaissance Florence*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1986. История Джованни и Лузаны, рассказанная Брукером и описанная только в его книге, показала мне настолько интересной и важной, что я позволила себе пересказать ее довольно подробно.
- 48 *The Jew in the Medieval World: A Sourcebook* / ed. by J.R. Marcus. Cincinnati, OH: The Union American Hebrew Congregation, 1938; цит. по: *Women's Lives in Medieval Europe*. P. 293–296.
- 49 Gottlieb B. Op. cit. P. 130. Об Италии см.: Herlihy D., Klapisch-Zuber C. Op. cit. P. 83–84.
- 50 Scillia D.G. *Israel van Meckenem's Marriage à la Mode: The Alltagsleben // New Images of Medieval Women: Essays Toward a Cultural Anthropology* / ed. by E.E. DuBruck. Lewiston, NY: The Edwin Mellen Press, 1989. Fig. 8, 9.
- Глава третья.*
Жены-протестантки в Германии, Великобритании и Америке. 1500–1700 годы
- 1 Simon E. *Luther Alive: Martin Luther and the Making of the Reformation*. Garden City, NY: Doubleday & Company, 1968. P. 327.
 - 2 Bainton R. *Women of the Reformation in Germany and Italy*. Minneapolis, MN: Augsburg Publishing House, 1971. P. 27.
 - 3 Schachzabelbuch, Codex poet., 1467. Württembergische Landesbibliothek, Stuttgart. Воспроизведено в: Uitz E. Op. cit. P. 143.
 - 4 Bainton R. Op. cit. P. 36.
 - 5 Ibid. P. 82.
 - 6 Ibid. P. 87–88.
 - 7 Ibid. P. 88.
 - 8 Ibid. P. 91.
 - 9 Carlson E.J. *Marriage and the English Reformation*. Oxford; Cambridge, MA: Blackwell, 1994. P. 42.
 - 10 Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1977. P. 135.
 - 11 Fletcher A. *The Protestant Idea of Marriage in Early Modern England // Religion, Culture and Society in Early Modern Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 173.
 - 12 Ibid. P. 167.
 - 13 Fletcher A. *The Protestant Idea...* P. 168.

- 14 *The Cultural Identity of Seventeenth-Century Woman* / ed. by N. H. Keeble. L.; N. Y.: Routledge, 1994. P. 155.
- 15 MacDonald M. *Mystical Bedlam: Madness, Anxiety, and Healing in Seventeenth-Century England*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1981. P. 100–101.
- 16 Цит. по: Fletcher A. *Gender, Sex and Subordination in England 1500–1800*. New Haven; L.: Yale University Press, 1995. P. 113.
- 17 Carlson E. J. *Op. cit.* P. 114.
- 18 На этот счет см.: Laslett P. *The World We Have Lost*. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1971. P. 84–85. Здесь приводятся статистические данные, рассчитанные Ричардом Смитом, цит. по: Carlson E. J. *Op. cit.* P. 106. О британских холостяках и незамужних женщинах см.: Macfarlane A. *Op. cit.* P. 8 и далее.
- 19 Hogrefe P. *Tudor Women: Commoners and Queens*. Ames, IA: Iowa State University Press, 1975. P. 18.
- 20 Gillis J. R. *For Better, for Worse: British Marriages, 1600 to the Present*. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 45–46.
- 21 Wiesner M. E. *Women and Gender in Early Modern Europe*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1993. P. 49.
- 22 Gillis J. R. *Op. cit.* P. 43.
- 23 *Ibid.* P. 63. В гл. 2 (p. 55–83) — целый кладезь сведений о свадебных обычаях.
- 24 Hogrefe P. *Op. cit.* P. 20.
- 25 Thomas Becon, *Workes* (1560), см. в: Macfarlane A. *Op. cit.* P. 135.
- 26 Smith H. *A Preparative to Marriage*. L., 1591. P. 26, цит. по: Fletcher A. *Gender, Sex, and Subordination*. P. 106.
- 27 Macfarlane A. *Op. cit.* P. 124–125, цит. «О духе законов» Монтескье и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса.
- 28 Fletcher A. *Gender, Sex, and Subordination*. P. 155.
- 29 См., например: *Halfe a Dozen Good Wives: All for a Penny* (London, 1635?) // *The Roxburgh Ballads* / ed. by W. Chappell, J. W. Ebsworth. 9 vols. L.; Hertford, 1869–1899. Vol. 1. P. 451. Воспроизводится в: *Women, Crime and the Courts in Early Modern England* / ed. by J. Kermodé, G. Walker. L.: UCL Press, 1994. Pl. 5.
- 30 Ingram M. “Scolding Women Cucked or Washed”: A Crisis in Gender Relations in Early Modern England? // *Women, Crime, and the Courts*. P. 48–80.
- 31 MacDonald M. *Op. cit.* P. 98.
- 32 Gowing L. *Language, Power and the Law: Women's Slander Litigation in Early Modern London* // *Women, Crime and the Courts*. P. 29, 34–35.
- 33 Carlson E. J. *Op. cit.* P. 147.
- 34 Цит. по: *The Cultural Identity of Seventeenth-Century Woman*. P. 150.
- 35 MacDonald M. *Op. cit.* P. 40.
- 36 Whateley W. *The Bride Bush*. Amsterdam: *Thetrum Orbis Terrarum*, 1623; Norwood, New Jersey: W. J. Johnson, 1975; цит. по: Fletcher A. *The Protestant Idea...* P. 177.

- 37 Gouge W. *Of Domestical Duties*. P. 361. Цит. по: Fletcher A. *Gender, Sex, and Subordination*. P. 114.
- 38 Информация о письмах семьи Тайн взята из кн.: Fletcher A. *Gender, Sex and Subordination*. P. 154–157; в основе этого источника — публ.: Wall A. D. *Two Elizabethan Women: Correspondence of Joan and Maria Thynne 1575–1611* // *Wiltshire Record Society*. 1983. Vol. 38.
- 39 Биографическая информация взята из кн.: *The Englishwoman's Diary* / ed. by H. Blodgett. L.: Fourth Estate, 1992. P. 17. Автор воспроизводит выдержки из кн.: *The Diary of Lady Margaret Hoby* / ed. by D. Meads. L.: Routledge and Sons, 1930.
- 40 Rosenmeier R. *Anne Bradstreet Revisited*. Boston: Twayne Publishers, 1991. P. 16. Книга Розенмейер позволяет познакомиться с жизнью и трудами Брэдстрит.
- 41 *Ibid.* P. 73.
- 42 *The Complete Works of Anne Bradstreet* / ed. by Joseph R. McElrath, Jr., and Allan P. Robb. Boston: Twayne Publishers, 1981. P. 216.
- 43 *Ibid.*
- 44 *Ibid.*
- 45 Koehler L. *A Search for Power: The "Weaker Sex" in Seventeenth-Century New England*. Urbana; Chicago; L.: University of Illinois Press, 1980. P. 56–57.
- 46 White E. W. *Anne Bradstreet: The Tenth Muse*. N. Y.: Oxford University Press, 1971. P. 4. Эта книга — главная биография Брэдстрит.
- 47 *The Complete Works of Anne Bradstreet*. P. 200.
- 48 Woloch N. *Women and the American Experience*. N. Y.: Knopf, 1984. P. 23.
- 49 *Ibid.* P. 41–42.
- 50 White E. W. *Op. cit.* P. 172–173.
- 51 Koehler L. *Op. cit.* P. 41.
- 52 Ulrich L. T. *Good Wives: Image and Reality in the Lives of Women in Northern New England 1650–1750*. N. Y.: Vintage Books, 1991. P. 218. Цит. источник: *Winthrop Papers, Part 3N, MHS Collections, 5th Ser., I, 104–105*.
- 53 Об этом периоде жизни Анны Брэдстрит см.: White E. W. *Op. cit.* P. 226–250.
- 54 *Ibid.* P. 255.
- 55 См.: Morgan E. S. *The Puritan Family*. N. Y.: Harper & Row, 1966. P. 44.
- 56 Koehler L. *Op. cit.* P. 54.
- 57 Morgan E. S. *The Puritan Family*. P. 87.
- 58 Ulrich L. T. *Op. cit.* P. 111–112.
- 59 Morgan E. S. *The Puritans and Sex // The New England Quarterly*. 1942. Vol. 15. P. 602; Spruill J. C. *Women's Life and Work in the Southern Colonies*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1938. P. 314–320; Morgan E. S. *The Puritan Family*. P. 41.
- 60 D'Emilio J., Freedman E. B. *Intimate Matters: A History of Sexuality in America*. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1997. P. 28.
- 61 Anticaglia E. *Twelve American Women*. Chicago: Nelson Hall Co., 1975. P. 8–9.
- 62 *Antinomianism in the Colony of Massachusetts Bay* / ed. by

- C. F. Adams. P. 329. Boston, 1894.
Цит. по: Morgan E. S. The Puritan Family. P. 19.
- 63 Cobbledick M. The Status of Women in Puritan New England, 1630-1660: A Demographic Study. Ph.D. diss. Yale University, 1936. University Microfilms, Ann Arbor, MI. P. 67.
- 64 Ibid. P. 78.
- 65 Woloch N. Op. cit. P. 30.
- 66 White E. W. Op. cit. P. 132.
- 67 Morgan E. S. The Puritans and Sex. P. 600.
- 68 Spruill J. C. Op. cit. P. 321-322.
- 69 Ulrich L. T. Op. cit. P. 19-20.
- 70 Ibid.
- 71 Woloch N. Op. cit. P. 22.
- 72 Koehler L. Op. cit. P. 124.
- 73 Woloch N. Op. cit. P. 18.
- 74 Ibid. P. 19; McIlwaine H. R. The Maids Who Came to Virginia in 1620 and 1621 for Husbands // The Reviewer. Apr. 1, 1921. P. 109-110.
- 75 Spruill J. C. Op. cit. P. 8-9; Birkin C. First Generations: Women in Colonial America. N. Y.: Hill and Wang, 1996. P. 6.
- 76 Alsop G. Character of the Province of Maryland // Narratives of Early Maryland / ed. by C. C. Hall. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1910. P. 358.
- 77 Spruill J. C. Op. cit. P. 15.
- 78 Этот и следующий случай взяты из кн.: Thompson R. Women in Stuart England and America: A Comparative Study. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1974. P. 36-37.
- 79 Scott A. F., Lebsock S. Virginia Women: The First Two Hundred Years. Williamsburg, VA: The Colonial Williamsburg Foundation, 1988. P. 16.
- 80 Lebsock S. Virginia Women 1600-1945. Richmond, VA: Virginia State Library, 1987. P. 28.
- 81 Roberts R. E. T. Black-White Inter-marriage in the United States // Inside the Mixed Marriage: Accounts of Changing Attitudes, Patterns, and Perceptions of Cross-Cultural and Interracial Marriage / ed. by W. R. Johnson, D. M. Warren. Lanham, NY; L.: University Press of America, 1994. P. 25.
- 82 Sickels R. J. Race, Marriage and the Law. Albuquerque, NM: University of New Mexico Press, 1972. P. 64.
- 83 Lebsock S. Op. cit. P. 29.
- 84 Thompson R. Op. cit. P. 43.
- 85 D'Emilio J., Freedman E. B. Op. cit. P. 36.
- 86 Roberts R. E. T. Op. cit. P. 28.
- 87 McIlwaine H. R. Op. cit. P. 111.
- 88 Morgan E. S. The Puritans and Sex. P. 592.
- 89 Morgan E. S. The Puritan Family. P. 47.
- 90 Gillis J. R. Op. cit. P. 14.

Глава четвертая. Брак в США и во Франции периода Революции

- 1 Fordyce J. The Character and Conduct of the Female Sex. L.: T. Cadell, 1776. P. 40.
- 2 Norton M. B. Liberty's Daughters: The Revolutionary Experience of American Women, 1750-1800. Boston;

- Toronto: Little, Brown and Company, 1980. P. 117–124.
- 3 Ogden J. *The Female Guide; or, Thoughts on the Education of That Sex, accommodated to the State of Society, Manners, and Government in the United States*. Concord, New Hampshire, 1793. P. 39–41. Цит. по: Kerber L. K. *Women of the Republic: Intellect and Ideology in Revolutionary America*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1980. P. 252.
- 4 Norton M. B. *Liberty's Daughters*. P. 21.
- 5 Spruill J. C. Op. cit. P. 66.
- 6 Ibid. P. 109.
- 7 Ibid. P. 179.
- 8 *Maryland Journal*. Jan. 20, 1774. Цит. по: Spruill J. C. Op. cit. P. 180.
- 9 *South Carolina Gazette*. Jul. 12, 1770. Цит. по: Spruill J. C. Op. cit. P. 182.
- 10 Gelles E. B. *First Thoughts: Life and Letters of Abigail Adams*. N. Y.: Twayne Publishers, 1998. P. 3. См. также: Gelles P. *The World of Abigail Adams*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1992.
- 11 *The Book of Abigail and John: Selected Letters of the Adams Family 1762–1784* / ed. by L. H. Butterfield, M. Friedlaender, M.-J. Kline. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1975. P. 121.
- 12 Ibid.
- 13 Ibid. P. 123.
- 14 Gelles E. B. Op. cit. P. 15.
- 15 Ibid. P. 171.
- 16 Ibid. P. 172.
- 17 Woloch N. Op. cit. P. 85.
- 18 Цит. по: Cowell P. *Women Poets in Pre-Revolutionary America, 1650–1775: An Anthology*. Troy, NY: The Whitston Publishing Company, 1981. P. 55.
- 19 Norton M. B. Op. cit. P. 171.
- 20 Ibid. P. 177. В этом разделе я опи-раюсь в основном на книгу Нортон (P. 170–194).
- 21 Об этом см.: Young A. F. *The Women of Boston: "Persons of Consequence" in the Making of the American Revolution, 1765–76* // *Women and Politics in the Age of the Democratic Revolution* / ed. by H. B. Applewhite, D. G. Levy. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 1990; см. особенно p. 193–207.
- 22 Ibid. P. 196.
- 23 Berkin C. *First Generations: Women in Colonial America*. N. Y.: Hill and Wang, 1996. P. 167.
- 24 Norton M. B. Op. cit. P. 176.
- 25 *Sklavin oder Bürgerin? Französische Revolution und Neue Weiblichkeit 1760–1830* / ed. V. Schmidt-Linsenhoff. Frankfurt: Historisches Museum Frankfurt, Jonas Verlag, 1989. S. 125.
- 26 Offen K. *European Feminisms, 1700–1950*. Stanford: Stanford University Press, 2000. P. 27–68. См. также: *Women, the Family, and Freedom: The Debate in Document* / ed. by S. Groag Bell, K. M. Offen. Vol. 1: 1750–1880. Stanford: Stanford University Press, 1983. P. 97–109.
- 27 Offen K. *Was Mary Wollstonecraft a Feminist? A Contextual Re-reading of A Vindication of the Rights of Woman, 1792–1992* // *Quilting a New Canon: Stitching Women's Words* / ed.

by U. Parameswaran. Toronto: Sister Vision; Black Women and Women of Colour Press, 1996. P. 16.

28 Yalom M. Blood Sisters: the French Revolution in Women's Memory. N. Y.: Basic Books, 1993. P. 93. Более полную биографию мадам Ролан можно прочесть в этой книге (р. 75-96).

29 Mme Roland. Mémoires de Mme Roland / ed. par Paul de Roux. Paris: Mercure de France, 1986. P. 63.

30 Ibid. P. 65.

31 Ibid. P. 93, 155.

32 Dauban C. A. Etude sur Madame Roland et son temps. Paris: Henri Plon, 1864. P. CL.

33 Le Bas E. Manuscrit de Mme Le Bas // Autour de Robespierre, Le Conventionnel Le Bas / ed. par Stefant-Paul. Paris: Flammarion, 1901. P. 127.

34 La Villirouët M.-V. de. Une femme avocat, épisodes de la Révolution à Lamballe et à Paris: Mémoires de la comtesse de La Villirouët, née de Lambilly / ed. par Comte de Bellevue. Paris: J. Poisson, 1902. P. 33.

35 Madame de Ménéville. Souvenirs d'Émigration. Paris: P. Roger, 1934. P. 170.

36 Kerber L. K. Women of the Republic. P. 119-120.

37 Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman. L.: J. Johnson, 1792; репринт под ред. М. Крамник: Harmondsworth: Penguin Books, 1975. P. 270.

38 Линда Кербер первой использовала термин «республиканская мать» в своей важнейшей статье: Kerber L. K. The Republican Mother:

Women and the Enlightenment—An American Perspective // American Quarterly 28. Summer 1976. P. 107-205.

39 Popofsky L. S., Sheldon M. B. French and American Women in the Age of Democratic Revolution, 1770-1815: A Comparative Perspective // History of European Ideas. Women in European Culture and Society. 1987. P. 601.

40 Harten E., Harten H.-C. Femmes, Culture, et Révolution. Paris: Éd. des femmes, 1989. P. 561-562.

41 Gelles E. Revisiting and Revising the Republican Mother (не опубликовано).

Глава пятая. Викторианские жены по обе стороны Атлантики

1 Цит. по: The American Slave: A Composite Autobiography / ed. by G. P. Rawick. Westport: Connecticut: Greenwood Press, 1972. Vol. 4. P. 2. P. 150.

2 Eliza (Chaplin) Nelson Letters 1819-1869. Essex Institute Library. Salem, Massachusetts. Цит. по: Bank M. Anonymous Was a Woman. N. Y.: St. Martin's Press, 1979. P. 50.

3 Об этом см.: Shorter E. The Making of the Modern Family. N. Y.: Basic Books, 1975; Degler C. At Odds: Women and the Family in America from the Revolution to the Present. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1981. О том, как брак в Викторианскую эпоху, с одной стороны, строился на идеях любви и сочувствия, а с другой — оставался

- сделкой с целью получения финансовой или символической выгоды, рассказывает статья: Washington K. *The Thing Bartered: Love, Economics, and the Victorian Couple // Inside the American Couple / ed. by M. Yalom, L. Carstensen. Berkeley: University of California Press, 2002.*
- 4 Kane P. *Victorian Families in Fact and Fiction. N. Y.: St. Martin's Press, 1995. P. 98–99.*
- 5 Moore K. *Victorian Wives. N. Y.: St. Martin's Press, 1974. P. 57–58.* Neville-Sington P. *Fanny Trollope: The Life and Adventures of a Clever Woman. L.: Viking, 1997. P. 32–33.* Совет, который Джон Грегори дал в 1770-е годы, до сих пор сохраняет свою актуальность: «В нашей стране женщина должна уметь подавить зачинающуюся влюбленность из соображений благоприличия и скромности и не отпирать свое сердце, покуда не получит самых убедительных доказательств того, что мужчина к ней неравнодушен, и покуда не убедится, что достоинства, которыми он располагает, стоят усилий» (Gregory J. *A Father's Legacy to His Daughters. Chambersburg, PA: Dover & Harper, for M. Carey, Philadelphia, 1796 [L., 1774]*).
- 6 Здесь и далее цит. по: Hamburger L., *Hamburger J. Troubled Lives: John and Sarah Austin. Toronto; Buffalo; L.: University of Toronto Press, 1985. P. 12, 13, 23.*
- 7 Basch F. *Relative Creatures: Victorian Women in Society and the Novel / transl. by A. Rudolf. N. Y.: Schocken, 1974. P. 26.*
- 8 Цитаты из Грера и Рескина взяты из: *Ibid. P. 5, 6.*
- 9 Acton W. *The Functions and Disorders of the Reproductive Organs in Youth, in Adult Age, and in Advanced Life. L.: John Churchill, 1857; цит. по филладельфийскому изданию 1897 года в кн: Philadelphia edition in Victorian Women: A Documentary Account of Women's Lives in Nineteenth-Century England, France, and the United States / ed. by E. Hellerstein, L. Hume, K. Offen, E. Freedman, B. Gelpi, M. Yalom. Stanford, CA: Stanford University Press, 1981. P. 178.*
- 10 Debay A. *Hygiène et physiologie du mariage. Paris: E. Dentu, 1849. P. 138.*
- 11 Письмо Шарлотты Бронте к Эллен Насси от 12 марта 1839 года, цит. по: Beer P. *Reader, I Married Him. L.; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd, 1974. P. 6.*
- 12 Neville-Sington P. *Op. cit. P. 45.*
- 13 *Not in God's Image: Women in History from the Greeks to the Victorians / ed. by J. O'Faolain, L. Martines. N. Y.; Hagerstown; San Francisco; L.: Harper & Row Publishers, 1973. P. 318.*
- 14 *Victorian Women. P. 258.* Значительная часть сведений в этой главе — результат работы проекта «Викторианские женщины» в Стэнфордском центре изучения женщины, который спонсируется Национальным гуманитарным фондом США и который я возглавляла с 1977 по 1981 год.
- 15 *The Hon. Mrs. Norton. A Letter to the Queen on Lord Chancellor Cranworth's Marriage and Divorce Bill. L.: Longman, Brown, Green and Longmans, 1855. P. 9–11.*

- 16 Holcombe L. *Victorian Wives and Property: Reform of the Married Women's Property Law, 1857-1882 // A Widening Sphere: Changing Roles of Victorian Women* / ed. by M. Vicinus. Bloomington, IN; L.: Indiana University Press, 1977. P. 19.
- 17 *Victorian Women*. P. 260.
- 18 Holcombe L. *Op. cit.* P. 15.
- 19 *Women, the Family, and Freedom: The Debate in Documents* / ed. by S. G. Bell, K. M. Offen. Stanford, CA: Stanford University Press, 1983. Vol. 1: 1750-1880. P. 253.
- 20 *The Elizabeth Cady Stanton—Susan B. Anthony Reader: Correspondence, Writings, Speeches* / ed. by E. DuBois. Boston: Northeastern University Press, 1992. P. 55-56.
- 21 Hartog H. *Man and Wife in America: A History*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. P. 287-295.
- 22 Trollope F. *Domestic Manners of the Americans*. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 1984. P. 98.
- 23 Buckingham J. S. *The Slave States of America*. L.: Fisher, Son, & Co., 1842. Vol. 1. P. 127.
- 24 *Ibid.* P. 231.
- 25 Letter from Mrs. Vivia A. B. Henderson // *Woman's Journal*. 1898. Nov. 19. P. 375. Цит. по: Ehrenreich B., English D. *For Her Own Good: 150 Years of the Experts' Advice to Women*. Garden City, NY: Anchor Press / Doubleday, 1978. P. 150.
- 26 Цит. по: Moore K. *Op. cit.* P. xxv.
- 27 Grimké S. *Letters on the Equality of the Sexes*. Boston: I. Knapp, 1838. P. 51.
- 28 Burnap G. W. *The Sphere and Duties of Woman*. Baltimore: John Murphy, 1848. P. 145-46. См. также: Cogan F. B. *All American Girl: The Ideal of Real Womanhood in Mid-Nineteenth-Century America*. Athens, GE; L.: The University of Georgia Press, 2010. P. 79.
- 29 *Victorian Women*. P. 15-17.
- 30 Burnap G. W. *Op. cit.* P. 45-46. Понять идеологию, господствовавшую над американскими женщинами XIX века, поможет кн.: Matthews G. "Just a Housewife": The Rise and Fall of Domesticity in America. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1987, особенно гл. 1 и 2. См. также: Theriot N. M. *Mothers and Daughters in Nineteenth-Century America: The Biosocial Construction of Femininity*. Lexington, KY: The University Press of Kentucky, 1996; Bloch R. H. *American Feminine Ideals in Transition: The Rise of the Model Mother, 1785-1815 // Feminist Studies*. 1978. No. 4. P. 101-125.
- 31 Stanton E. C. *Eighty Years and More: Reminiscences 1815-1897*. N. Y.: Schocken Books, 1971. Все цитаты даны по этому изданию.
- 32 Plante E. M. *Women at Home in Victorian America: A Social History*. N. Y.: Facts on File, Inc., 1997. P. 23.
- 33 Green H. *The Light of the Home: An Intimate View of the Lives of Women in Victorian America*. N. Y.: Pantheon Books, 1983. P. 43.
- 34 Smith-Rosenberg C. *Disorderly Conduct: Visions of Gender in America*. N. Y.: Knopf, 1985. P. 53-76.
- 35 Stanton E. C. *Solitude of Self: An Address delivered before the United*

- States Congressional Committee on the Judiciary, Monday, January 18, 1892, National American Woman Suffrage Association Series. Microfilm. New Haven, CT: Research Publications, 1977. History of women. Reel 935. No. 7967. P. 3–20.
- 36 Fitzhugh G. *Sociology for the South*. Richmond: Morris, 1854. P. 214, 217.
- 37 Weiner M.F. *Mistresses and Slaves: Plantation Women in South Carolina, 1830–80*. Urbana, IL; Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 73, 66.
- 38 Cary V. *Letters on Female Character, Addressed to a Young Lady, on the Death of Her Mother*. Richmond, 1828. P. 149. Цит. по: Lebsack S. *Virginia Women 1600–1945*. Richmond: Virginia State Library, 1987. P. 63.
- 39 Цит. по: Boatwright E. M. *Status of Women in Georgia, 1783–1860*. Brooklyn, NY: Carlson Publishing, Inc., 1994. P. 24, 53.
- 40 Ibid. P. 27. Цит. данные седьмой (1850) и восьмой (1860) переписей населения США.
- 41 Ibid. P. 33.
- 42 Цит. по: *Tokens of Affection: The Letters of a Planter's Daughter in the Old South* / ed. by C. Bleser. Athens, GE; L.: The University of Georgia Press, 1996. P. 110–111, 120, 131.
- 43 Boatwright E. M. Op. cit. P. 88.
- 44 Ibid. P. 36. Цит. источники: *Augusta Georgia Constitutionalist*. 1841. Feb. 25; *Batesville [Arkansas] News*.
- 45 *Дневник Сары Андерсон, запись от 6 мая 1827 года*. Цит. по: Lewis J. *The Pursuit of Happiness: Family and Values in Jefferson's Virginia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 198.
- 46 Scott A. F. *The Southern Lady: From Pedestal to Politics, 1830–1930*. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1970. P. 27–28.
- 47 Weiner M. F. Op. cit.; Genovese E. D. *Life in the Big House // A Heritage of Her Own* / ed. by N. Cott, E. Pleck. N. Y.: Simon and Schuster, 1979. P. 290–297; Genovese E. D. *Roll, Jordan, Roll: The World the Slaves Made*. N. Y.: Vintage Books, 1974.
- 48 Weiner M. F. Op. cit. P. 32.
- 49 Jacobs H. *Incidents in the Life of a Slave Girl*. Boston: Published for the Author, 1861. P. 20.
- 50 Weiner M. F. Op. cit. P. 35–36.
- 51 *The American Slave* / ed. by G. P. Rawick. Westport, CN: Greenwood Publishing Co., 1972. Vol. 5. Part 3. P. 83.
- 52 Ibid. P. 77.
- 53 Scott A. F. Op. cit. P. 38–39.
- 54 Brodie J. F. *Contraception and Abortion in Nineteenth-Century America*. Ithaca, NY; L.: Cornell University Press, 1994. P. 2.
- 55 Weiner M. F. Op. cit. P. 22.
- 56 *The American Slave*. Vol. 4. Part 2. P. 163.
- 57 Ibid. P. 42.
- 58 Ibid. Vol. 5. Part 3. P. 191.
- 59 Ibid. Part 4. P. 176–178.
- 60 Weiner M. F. Op. cit. P. 85.
- 61 Ibid. P. 81.
- 62 *The American Slave*. Vol. 4. Part 2. P. 104–105.
- 63 Genovese E. D. *Roll, Jordan, Roll*. P. 477–478.
- 64 Degler C. *At Odds*. P. 114.

- 65 The American Slave. Vol. 4. Part 1. P. 63.
- 66 Ibid. P. 79.
- 67 Ibid. Part 2. P. 288.
- 68 Ibid. P. 136.
- 69 Ibid. Vol. 5. Part 3. P. 244.
- 70 Ibid. Vol. 4. Part 1. P. 207.
- 71 Ibid. Part 2. P. 17, 194.
- 72 Ibid. Vol. 5. Part 3. P. 258.
- 73 Gutman H. G. The Black Family in Slavery and Freedom, 1750–1925. N. Y.: Vintage Books. P. 51.
- 74 Gutman H. G. Marital and Sexual Norms among Slave Women // A Heritage of Her Own. P. 301.
- 75 Genovese E. D. Roll, Jordan, Roll. P. 467.
- 76 In Joy and in Sorrow: Women, Family, and Marriage in the Victorian South, 1830–1900 / ed. by C. Bleaser. N. Y.: Oxford University Press, 1991. P. 108.
- 77 The American Slave. Vol. 4. Part 1. P. 77.
- 78 Ibid. P. 107.
- 79 Ibid. P. 86.
- 80 Ibid. Vol. 5. Part 3. P. 191–192.
- 81 Ibid. Vol. 4. Part 1. P. 224.
- 82 Ibid. Vol. 4. Part 2. P. 205.
- 83 Weevils in the Wheat: Interviews with Virginia Ex-Slaves / ed. by C. L. Perdue, Jr., T. E. Barden, R. K. Phillips. Bloomington, IN: University of Indiana Press, 1980. P. 48–49. Цит. по: Lebsack S. Op. cit. P. 75.
- 84 Weiner A. F. Op. cit. P. 75.
- 85 Jacobs H. Op. cit. P. 53.
- 86 The American Slave. Vol. 5. Part 4. P. 167.
- 87 Ibid. Vol. 4. Part 2. P. 164.
- 88 Kemble F. A. Journal of a Residence on a Georgian Plantation in 1838–1839. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1961. P. 132–133, 136, 137, 140.
- 89 Цит. по: Boatwright E. M. Op. cit. P. 55.
- 90 Scott A. F. Op. cit. P. 46–79. См. также: Lebsack S. Op. cit. P. 76–77.
- 91 Buckingham J. S. Op. cit. Vol. 1. P. 140–141.
- 92 Цит. по: Scott A. F. Op. cit. P. 40.
- 93 The American Slave. Vol. 4. Part 1. P. 69.

*Глава шестая.
Женщины фронта
в Викторианскую эпоху*

1 Среди исследований, значительно обогативших наше представление о женах фронта на берегах Миссисипи в период 1840–1890-х годов, можно выделить два: Jeffrey J. R. Frontier Women: The Trans-Mississippi West, 1840–1880. N. Y.: Hill and Wang, 1979; Riley G. The Female Frontier: A Comparative View of Women on the Prairie and the Plains. Lawrence, KS: University of Kansas, 1988. Джули Джеффри сперва уделяет внимание сельскохозяйственным областям Дальнего Запада в указываемый период, затем обращается к горнодобывающим областям в Калифорнии времен золотой лихорадки в 1849 году, а затем — к городам фронта. Райли исследует прерии штатов Айова, Миссури, Иллинойс, Миннесота и Индиана и равнины штатов Канзас, Дакота, Небраска, Оклахома и частично — Колорадо,

- Техас, Вайоминг и Монтану. Исследование Джоанны Стрэттон (Stratton J. L. *Pioneer Women: Voices from the Kansas Frontier*. N. Y.: Simon and Schuster, 1981) посвящено исключительно Канзасу. Стрэттон невероятно повезло: она обнаружила на бабушкином чердаке личные воспоминания восьмиста канзасских женщин; начало этой бесценной коллекции положила еще в 1884 году прапрабабушка исследовательницы. Кроме того, теме женщин фронта посвящены следующие исследования: Schlissel L. *Women's Diaries of the Westward Journey*. N. Y.: Schocken, 1982; *Covered Wagon Women: Diaries from the Western Trails, 1840-90: 11 vol.* / ed. by K. L. Holmes. Glendale, CA: Arthur H. Clark Company, 1983-1993.
- 2 Bost C. M. *Les derniers puritains: pionniers d'Amérique, 1851-1920*. Paris: Hachette, 1977.
- 3 Цит. по: Riley G. *Op. cit.* P. 48.
- 4 *Ibid.* P. 31.
- 5 *Ibid.* P. 46.
- 6 Цит. по: Stratton J. L. *Op. cit.* P. 55.
- 7 Hayden M. J. *Pioneer Days*. San Jose, CA: Murgotten's, 1915; цит. по: Luchetti C. "I Do!": *Courtship, Love and Marriage on the American Frontier*. N. Y.: Crown Trade Paperbacks, 1996. P. 215-216.
- 8 Stratton J. L. *Op. cit.* P. 44.
- 9 Цит. по: Butruille S. *Women's Voices from the Oregon Trail*. Boise, ID: Tamarack Books, 1993. P. 49.
- 10 Riley G. *Op. cit.* P. 49. Ср.: Jeffrey J. R. *Op. cit.* P. 57.
- 11 Bost C. *Op. cit.* P. 181.
- 12 Mollie: *The Journal of Mollie Dorsey Sanford in Nebraska and Colorado Territories, 1857-1866*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1959. P. 145-146.
- 13 Lockley F. *Conversations with Pioneer Women*. Eugene, OR: Rainy Day Press, 1993. P. 98-99.
- 14 Luchetti C. *Op. cit.* P. 170-172.
- 15 Armitage S. *Women's Literature and the American Frontier: A New Perspective on the Frontier Myth // Women, Women Writers, and the West* / ed. by L. L. Lee, M. Lewis. Troy, NY: The Whitston Publishing Company, 1980. P. 5-13.
- 16 Hopkins S. W. *Life among the Piutes; their wrongs and claims* / ed. by Mrs. H. Mann. Boston: For Sale by Cupples Upham and Co., G. P. Putnam's Sons, New York, and by the author, 1883. Краткую биографию Сары Уиннемакки можно найти в кн.: Rickey E. *Eminent Women of the West*. Berkeley: Howell-North Books, 1975. P. 125-151.
- 17 В основе этого и следующего абзацев — материал из кн.: Luchetti C. *Op. cit.* P. 257-262.
- 18 Garcia A. *Tough Trip Through Paradise* / ed. by Bennet Stein. N. Y.: Houghton Mifflin, 1967.
- 19 Faragher J., Stansell C. *Women and their Families on the Overland Trail to California and Oregon, 1842-1867 // A Heritage of Her Own*. P. 246.
- 20 Ниже история пересказывает по: McKee R. K. *Mary Richardson Walker: Her Book*. Caldwell, ID: The Caxton Printers, Ltd., 1945.
- 21 Luchetti C. *Op. cit.* P. 184.

- 22 Дневник Киттуры Белнап цит. по: Butruille S. Op. cit. P. 53 и далее.
- 23 Rudd L. A. Notes by the Wayside en Route to Oregon. Рукопись в собрании библиотеки Лилли, Университет Индианы, Блумингтон.
- 24 Lockley F. Op. cit. P. 42-44.
- 25 Mollie: The Journal of Mollie Dorsey Sanford. P. xxx.
- 26 Ballou M. "I Hear the Hogs in My Kitcher": A Woman's View of the Gold Rush // Let Them Speak for Themselves: Women in the American West 1849-1900 / ed. by C. Fischer. Hamden, CT: Archon Books, 1977. P. 42-46.
- 27 Haskell R. A Literate Woman in the Mines: the Diary of Rachel Haskell // Let Them Speak for Themselves. P. 58-72.
- 28 Gleason J. H. Beloved Sister: The Letters of James Henry Gleason, 1841-1859. Glendale, CA: The Arthur H. Clark Co., 1978.
- 29 Padilla G. "Yo Sola Aprendi": Mexican Women's Personal Narratives from Nineteenth-Century California // Revealing Lives: Autobiography, Biography, and Gender / ed. by S. G. Bell, M. Yalom. Albany: SUNY Press, 1990. P. 123.
- 30 Cross M. B. Treasures in the Trunk: Quilts of the Oregon Trail. Nashville, TN: Rutledge Hill Press, 1993. P. 123-124.
- 31 Ivins S. S. Notes on Mormon Polygamy // Western Humanities Review. 1956. No. 10. P. 229-239; Smith J. E., Kunz P. R. Polygyny and Fertility in Nineteenth-Century America // Population Studies. 1976. No. 30. P. 465-480.
- 32 Jeffrey J. R. Op. cit. P. 166, 172.
- 33 Ibid. P. 165.
- 34 Hafen M. A. Memories of a hand-cart Pioneer, with some account of frontier life in Utah and Nevada // Let Them Speak for Themselves. P. 101-108.
- 35 Tanner A. C. A Mormon Mother: An Autobiography. Salt Lake City: University of Utah Press, 1969. P. 116.
- 36 Foster L. Polygamy and the Frontier: Mormon Women in Early Utah // History of Women in the United States / ed. by N. Cott. Munich; L.; N. Y.; Paris: K. G. Saur, 1992. Vol. 2. P. 269.
- 37 Jeffrey J. R. Op. cit. P. 170.
- 38 Foster L. Op. cit. P. 279-280.
- 39 Crosby H. Sketch of the Life of Hannah A. Crosby, from the Historical Records Survey and the Federal Writers project of the Utah Works Administration, 1935-39. Цит. по: Luchetti C. Op. cit. P. 187-188.
- 40 Faragher J. Women and Men on the Overland Trail. New Haven; L.: Yale University Press, 1979 (глава 3).
- 41 Carpenter H. M. A Trip Across the Plains in an Ox Wagon, 1857 (рукопись из собрания библиотеки Хантингтона). P. 27-28. Цит. по: Faragher J., Stansell C. Op. cit. P. 254.
- 42 Faragher J., Stansell C. Op. cit. P. 255.
- 43 Owens-Adair B. Dr. Owens-Adair: Some of Her Life Experiences. Portland, OR: Mann & Beach, 1906. P. 24-27.
- 44 Цит. по: Stratton J. L. Op. cit. P. 58.
- 45 Hartog H. Op. cit. P. 87.
- 46 Owens-Adair B. Op. cit. P. 52, 53.

Глава седьмая. Женский вопрос и новая женщина

- 1 Matovic M. R. Stockholmsakenskap: Familjebildning och partnerval i Stockholm 1850–1890. Stockholm: LiberFörlags, 1984; краткое содержание книги на английском — р. 364–377. По оценке Маргареты Матович, 42% всех пар, вступивших в брак в период между 1860 и 1890 годами, предварительно сожительствовали и около 11% узаконивали своих детей лишь после свадьбы (р. 375).
- 2 Leo XIII. Rerum Novarum. 15 May 1891; цит. по: Women, the Family, and Freedom. Vol. 2. P. 95.
- 3 Термин впервые используется Сарой Гранд в ст.: Grand S. The New Aspect of the Woman Question // North America Review. 1894. Vol. 158, перепечатанной в сб.: The Late Victorian Marriage Question / ed. by A. Heilmann. L.: Routledge, 1998. Vol. 2. P. 271–276. Я признательна Энн Хейлманн за то, что она составила такой замечательный сборник, посвященный женскому вопросу.
- 4 См.: Is Marriage a Failure? / ed. by Harry A. Quilter. L.: Swan Sonnenschein & Co, 1888 (страница с посвящением). Репринт: N. Y.: Garland, 1984.
- 5 Charles S. T., Carstensen L. L. Marriage in Old Age // Inside the American Couple / ed. by M. Yalom, L. L. Carstensen. Berkeley: University of California Press, 2002.
- 6 Lucas J. The Literature of Change: Studies in the 19th Century Provincial Novel. Hassocks: Harvester Press, 1977.
- 7 Gissing G. The Odd Women. N. Y.: W. W. Norton, 1977. P. 87.
- 8 Ibid. P. 180.
- 9 Linton E. L. The Wild Women as Politicians // Nineteenth Century. 1891. Vol. 30. P. 79–88. Три статьи Линтон из серии «Wild Women» воспроизводятся в сб.: The Late Victorian Marriage Question. Vol. 1.
- 10 Dress Reform / ed. by A. G. Woolson. N. Y.: Arno Press, 1974. P. 134.
- 11 Faderman L. Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love between Women from the Renaissance to the Present. N. Y.: William Morrow and Company, Inc. 1981. P. 190. См. также: Faderman L. To Believe in Women: What Lesbians Have Done for America — A History. Boston; N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1999.
- 12 Описание приводится по: Laas V. J. Love and Power in the Nineteenth Century: The Marriage of Violet Blair. Fayetteville: The University of Arkansas Press, 1998.
- 13 См.: Herman S. R. Loving Courtship or the Marriage Market: The Ideal and Its Critics, 1871–1911 // History of Women in the United States. Vol. 2. P. 298–315.
- 14 Degler C. Introduction // Gilman C. P. Women and Economics. N. Y.; Hagerstown; San Francisco; L.: Harper & Row, 1966. P. xxv.
- 15 Gilman C. P. The Home: Its Work and Influence. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1972. P. 277.
- 16 Gilman C. P. Women and Economics. P. 13–15.
- 17 Ibid. P. 157.
- 18 Ibid. P. 242.

- 19 Gilman C. P. All the World to Her // The Independent. 1903. July 3. P. 1616.
- 20 О дискуссии, посвященной связи психического расстройства и материнства, см.: Yalom M. Maternity, Mortality, and the Literature of Madness. University Park; L.: Pennsylvania State University Press, 1985.
- 21 Degler C. At Odds. P. 409-410.

*Глава восьмая. Секс, контрацепция и аборт
в США. 1840-1940 годы*

- 1 Acton W. The Functions and Disorders of the Reproductive Organs in Childhood, Youth, Adult Age, and Advanced Life Considered in Their Physiological, Social, and Moral Relations. Philadelphia, 1871. P. 164. Цит. по: Victorian Women. P. 178. См. также: Haller, Jr., J.S., Haller R. M. The Physician and Sexuality in Victorian America. Urbana, IL; Chicago; L.: University of Illinois Press, 1974. P. 97-102; Degler C. At Odds. P. 253-259.
- 2 Evans E. E. The Abuse of Maternity. Philadelphia: J. B. Lippincott & Co., 1875. P. 118-119.
- 3 Ср.: Napheys G. H. The Transmission of Life. Counsels on the Nature and Hygiene. Philadelphia, 1871 и The Physical Life of Woman: Advice to the Maiden, Wife and Mother. Toronto: Rose Publishing Co., 1880. P. 76.
- 4 Foote E. B. Plain Home Talk. N. Y.: Murray Hill Publishing Co., 1891. P. 631.
- 5 Цит. по: Haller, Jr., J.S., Haller R. M. Op. cit. P. 132-133.
- 6 The Mosher Survey / ed. by J. Mahood, K. Wenburg. N. Y.: Arno, 1980. Краткое содержание см. в кн.: Ericksen J. A. Kiss and Tell: Surveying Sex in the Twentieth Century. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1999. P. 28-30.
- 7 Degler C. Introduction // The Mosher Survey. P. xiii.
- 8 Brodie J. F. Contraception and Abortion in Nineteenth-Century America. Ithaca, NY; L.: Cornell University Press, 1994. P. 185.
- 9 Himes N. Medical History of Contraception. Baltimore: The Williams & Wilkins Company, 1936. P. 276-278.
- 10 Brodie J. F. Op. cit. P. 216-219.
- 11 D'Emilio J., Freedman E. Intimate Matters: A History of Sexuality in America. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1997. Письмо Фут к Гилдер от 21 декабря 1876 года хранится в отделе специальных собраний библиотеки Грина в Стэнфордском университете.
- 12 D'Emilio J., Freedman E. Op. cit. Цитируется в кн.: Hampsten E. Read This Only to Yourself: The Private Writings of Mid-Western Women, 1880-1910. Bloomington: Indiana University Press, 1982. P. 104.
- 13 Так полагает Питер Гэй, см. его кн.: Gay P. The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 258; то же мнение разделяют Броди, Д'Эмилио и Фридман и другие историки сексуальности в XIX веке.

- 14 Napheys G. H. Physical Life of Woman. Toronto: Maclear, 1875. P. 91; Blackwood W. R. D. The Prevention of Conception // Medical and Surgical Reporter. 1888. No. 59. P. 396. Цит. по: Haller, Jr., J. S., Haller R. M. Op. cit. P. 123.
- 15 Duffey E. B. What Women Should Know: A Woman's Book About Women. Philadelphia: J. M. Stoddart & Co., 1873. P. 131–133.
- 16 Reagan L. J. When Abortion Was a Crime: Women, Medicine, and Law in the United States, 1867–1973. Berkeley, L. A.; L.: University of California Press, 1997. P. 8.
- 17 Mohr J. C. Abortion in America: The Origins and Evolution of National Policy, 1800–1900. N. Y.: Oxford University Press, 1978. P. 6 и далее.
- 18 Brodie J. F. Op. cit. P. 255.
- 19 Mohr J. C. Op. cit. P. 86.
- 20 Friedman L. J. Crime and Punishment in American History. N. Y.: Basic Books, 1993. P. 229–230.
- 21 Mohr J. C. Op. cit. P. 88.
- 22 Brodie J. F. Op. cit. P. 268.
- 23 Reagan L. J. Op. cit. P. 46–61.
- 24 Ibid. Ch. 1: "An Open Secret".
- 25 Ibid. P. 20.
- 26 При написании этой части главы я руководствовалась главным образом кн.: Chesler E. Woman of Valor: Margaret Sanger and the Birth Control Movement in America. N. Y.: Simon and Schuster, 1992.
- 27 D'Emilio J., Freedman E. Op. cit. P. 172.
- 28 Chopin K. The Awakening. N. Y.: Avon Books, 1972. P. 16.
- 29 См.: Dijkstra B. Evil Sisters. N. Y.: Knopf, 1996.
- 30 Davis K. B. Factors in the Sex Life of Twenty-two Hundred Women. N. Y.: Harper & Brothers, 1929.
- 31 Hamilton G. V. A Research in Marriage. N. Y.: Albert and Charles Boni, 1929.
- 32 Everett M. S. The Hygiene of Marriage: A Detailed Consideration of Sex and Marriage. N. Y.: The Vanguard Press, 1932.
- 33 Chafe W. The Paradox of Change: American Women in the 20th Century. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 115–116.
- 34 D'Emilio J., Freedman E. Op. cit. P. 246.
- 35 Taussig F. J. Abortion in Relation to Fetal and Maternal Welfare // The American Journal of Obstetrics and Gynecology. 1931. Nov.—Dec.
- 36 В основе этого и следующего абзацев — сведения из кн.: Reagan L. J. Op. cit. P. 135–136.
- 37 О ранних защитниках права на аборт см.: Ibid. P. 139–140.
- 38 Ibid. P. 151.
- 39 Ibid. P. 159.

Глава девятая. Жены, война и труд. 1940–1950 годы

- 1 Guthrie E. W. Home Is Where You Hang Your Hat. Неопубликованная рукопись в Гуверовском архиве Стэнфордского университета.
- 2 Эта и нижеследующая статистика взята из кн.: Chafe W. Op. cit. P. 130–131.

- 3 Alford-Cooper F. *For Keeps: Marriages That Last a Lifetime*. Armonk, NY; L.: M. E. Sharpe, 1998. P. 4.
- 4 Rupp J. *Mobilizing Women for War: German and American Propaganda, 1939-1945*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978. P. 141-142.
- 5 Rupp J. *Op. cit.* P. 138.
- 6 Chafe W. *Op. cit.* P. 131.
- 7 Anderson K. *Wartime Women: Sex Roles, Family Relations, and the Status of Women During World War II* Westport, CN; L.: Greenwood Press, 1981. P. 5.
- 8 International Labour Office, *The War and Women's Employment: the Experience of the United Kingdom and the United States*. Montreal: ILO, 1946. P. 234.
- 9 Tuttle, Jr., W.M. "Daddy's Gone to War": *The Second World War in the Lives of America's Children*. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1993. Ch. 5.
- 10 *Ibid.* P. 84; Chafe W. *Op. cit.* P. 144-145.
- 11 International Labour Office... P. 279.
- 12 *Since You Went Away: World War II Letters from American Women on the Home Front* / ed. by J. B. Litoff, D. C. Smith. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 105.
- 13 Tuttle, Jr., W.M. *Op. cit.* P. 70-71.
- 14 *Ibid.* P. 60-63.
- 15 Цит. по: Anderson K. *Op. cit.* P. 29.
- 16 Matthews G. "Just a Housewife": *The Rise and Fall of Domesticity in America*. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1987. P. 267. См. также: Anderson K. *Op. cit.* P. 7-9.
- 17 Alford-Cooper F. *Op. cit.* P. 111.
- 18 Kesselman A. *Fleeting Opportunities: Women Shipyard Workers in Portland and Vancouver during World War II and Reconversion*. Albany: State University of New York Press, 1990. P. 29.
- 19 *Ibid.* P. 1-2, 28.
- 20 Wilkinson V.S. *From Housewife to Shipfitter* // Harper's. 1943. Sept. P. 328-337.
- 21 Kesselman A. *Op. cit.* P. 6.
- 22 Thomas M. M. *Riveting and Rationing in Dixie*. Tuscaloosa, AL; L.: University of Alabama Press, 1987. P. 43.
- 23 *Since You Went Away*. P. 147.
- 24 Kesselman A. *Op. cit.* P. 42-43.
- 25 Anderson K. *Op. cit.* P. 37.
- 26 Thomas M. M. *Op. cit.* P. 6; Ch. 3.
- 27 *Ibid.* P. 60.
- 28 Anderson K. *Op. cit.* P. 28-29.
- 29 *Ibid.* P. 32-33.
- 30 *Ibid.* P. 34.
- 31 История Гертруды Моррис рассказана в кн.: Gruhzt-Hoyt O. *They Also Served: American Women in World War II*. N. Y.: A Birch Lane Press Book; Carol Publishing Group, 1995. P. 77-80.
- 32 *Since You Went Away*. P. 163.
- 33 История Дороти Барнс рассказана в кн.: Gruhzt-Hoyt O. *Op. cit.* P. 109-114.
- 34 *Dear Boys: World War II Letters from a Woman Back Home* / ed. by J. B. Litoff, D. C. Smith. Jackson;

L.: University Press of Mississippi, 1991. P. 155.

35 Tuttle, Jr., W.M. Op. cit. P. 24–25.

36 The Good Housekeeping Cookbook. N.Y.; Toronto: Farrar & Rinehart, Inc., 1942. См. предисловие.

37 Robertson P., Jones H. Housekeeping after the War // Harper's Magazine. 1994. Apr. P. 430.

38 Tuttle, Jr., W.M. Op. cit. P. 65–66.

39 Aruga N. Continuity during Change in World War II: Berkeley, California, as Seen through the Eyes of Children. Ph.D. diss. Stanford University, May 1996. P. 181.

40 Banning M. C. Women in Defense. N. Y.: Duell, Sloan and Pearce, 1942. P. 142–146.

41 Ibid. P. 177.

42 Since You Went Away. P. 101.

43 Hargrove M. Diary of a Volunteer Red Corps Worker in Dibble General Hospital, World War II // The Papers of Mrs. Edsall Ford. Гуверовский архив в Стэнфордском университете.

44 Shukert E. B., Subetta B. S. War Brides of World War II. Novato, CA: Presidio Press, 1988. P. 1–2.

45 Alford-Cooper F. Op. cit. P. 47.

46 Ibid. P. 46.

47 Mintz S., Kellogg S. Domestic Revolutions. N. Y.: Free Press, 1988. P. 171.

48 Alford-Cooper F. Op. cit. P. 108.

49 Ibid. P. 109.

50 Giles N. What About the Women // Ladies' Home Journal. 1944. June. P. 22–23. Цит. по: Rupp J. Op. cit. P. 161.

51 Цит. по: Matthews G. Op. cit. P. 208.

52 Ibid. P. 210.

53 Chafe W. Op. cit. P. 175–176.

Глава десятая.

Новая женщина второй половины XX века

1 См. исследование Памелы Смок из Института социальных исследований Университета Мичигана, результаты которого опубликованы в: The New York Times. 2000. Feb. 15. D8. Статистику по детям, рожденным вне брака, см. в: Bachu A. Trends in Marital Status of U.S. Women at First Birth: 1930 to 1994 // U.S. Bureau of the Census. Population Division Working Paper. 1998. Mar. No. 20. Между 1990 и 1994 годами 86% afroамериканских матерей, 55% латиноамериканок и 46% белых женщин зачинали или рожали вне священных уз брака. 41% этих женщин были не замужем во время рождения первого ребенка.

2 Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. Sexual Behavior in the Human Male. Philadelphia; L.: W.B. Saunders, 1948; Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard P. Sexual Behavior in the Human Female. N. Y.: W.B. Saunders, 1953.

3 Kinsey A. et al. Sexual Behavior in the Human Female. Pocket Book Edition, 1965. P. 358.

4 Ibid. P. 286.

5 Ibid. P. 364.

6 Ibid. P. 11–12.

7 McIntosh M. "I am concerned..." // An Analysis of the Kinsey Reports on Sexual Behavior in the Human Male

- and Female / ed. by D. Geddes. N. Y.: Dutton, 1954. P. 140-141.
- 8 Mudd E. Implications for Marriage and Sexual Adjustment // *Ibid.* P. 137.
- 9 Coontz S. The Way We Never Were. N. Y.: Basic Books, 1992. P. 26.
- 10 Parsons T. Age and Sex in the Social Structure of the United States // *Essays in Sociological Theory*. Glencoe, IL: Free Press, 1949. P. 223.
- 11 Yalom M. A History of the Breast. N. Y.: Knopf, 1997. P. 141.
- 12 Hartmann S. M. The Home Front and Beyond: American Women in the 1940s. Boston: Twayne Publishers, 1982. P. 174-175.
- 13 Kaledin E. Mothers and More: American Women in the 1950s. Boston: Twayne Publishers, 1984. P. 27.
- 14 Shakur A. Assata. Chicago: Lawrence Hill Books, 1987. P. 37. Цит. по: Rosen R. The World Split Open: How the Modern Women's Movement Changed America. N. Y.: Viking, 2000. P. 44.
- 15 Hartmann S. M. *Op. cit.* P. 168.
- 16 Письмо Марте Бернайш от 15 ноября 1883 года, в кн.: The Letters of Sigmund Freud. N. Y.: Basic Books, 1975. P. 28.
- 17 Bowlby J. Maternal Care and Mental Health. Geneva: World Health Organization, 1951.
- 18 Yalom M. Maternity, Mortality, and the Literature of Madness. University Park; L.: Pennsylvania State University Press, 1985. Ch. 2.
- 19 Reingold J. C. The Fear of Being a Woman: A Theory of Maternal Destructiveness. N. Y.; L.: Grune & Stratton, 1964. P. 421-422.
- 20 Carabillo T., Meuli J., Csida J. B. Feminist Chronicles 1953-1993. L. A.: Women's Graphics, 1993. P. 39.
- 21 Coontz S. *Op. cit.* P. 35-37.
- 22 *Ibid.* P. 37.
- 23 Komarovskiy M. Blue-Collar Marriage. New Haven: Vintage, 1962. P. 49.
- 24 Chafe W. *Op. cit.* P. 188.
- 25 Alford-Cooper F. *Op. cit.* P. 113.
- 26 *Ibid.* P. 113-114.
- 27 Blood R. O., Wolfe D. Husbands and Wives. Glencoe, IL: The Free Press, 1960.
- 28 См.: Matthews G. *Op. cit.*
- 29 Terkel S. Working: People Talk About What They Do All Day and How They Feel About What They Do. N. Y.: Pantheon Books, 1974. P. 301.
- 30 Carabillo T., Meuli J., Csida J. B. *Op. cit.* P. 48.
- 31 *Ibid.* P. 50.
- 32 Newsweek. 1999. Dec. 20. P. 72.
- 33 Davis K. Wives and Work: A Theory of the Sex-Role Revolution and Its Consequences // *Feminism, Children, and the New Families* / ed. by S. M. Dornbusch, M. H. Strober. N. Y.: Guilford Publications, Inc., 1988. P. 68; Strober M. H., Chan A. M. K. The Road Winds Uphill All the Way: Gender Work and Family in the United States and Japan. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 1999. P. xiv.
- 34 Chafe W. *Op. cit.* P. 212.
- 35 В основе этого раздела — сведения из кн.: Rosen R. *Op. cit.* P. 152-155.
- 36 Masters W. H., Johnson V. E. Human Sexual Response. Boston: Little, Brown, 1966; Masters W. H.,

- Johnson V.E. Human Sexual Inadequacy. Boston: Little, Brown, 1970.
- 37 Yalom M., Brewster W., Estler S. Women of the Fifties: Their Past Sexual Experiences and Current Sexual Attitudes in the Context of Mother/Daughter Relationships // Sex Roles: A Journal of Research. 1981. No. 9. P. 877–888. См. также: Yalom M., Estler S., Brewster W. Changes in Female Sexuality: A Study of Mother/Daughter Communication and Generational Differences // Psychology of Women Quarterly. 1982. No. 2. P. 141–154.
- 38 Wolfe L. Women and Sex in the 80s: The Cosmo Report. Toronto; N. Y.; L.; Sydney: Bantam Books, 1982.
- 39 Strober M.H. Two-Earner Families // Feminism, Children, and the New Families. P. 161; Davis K. Wives and Work... // Ibid. P. 68.
- 40 Rapoport Rh., Rapoport R. The Dual Career Family // Human Relations. 1969. No. 22. P. 3–30. См. также: Dual-Career Couples / ed. by F. Pepitone-Rockwell. Beverly Hills; L.: Sage Publications, 1980. P. 14–15.
- 41 См. приложение в кн.: Hochschild A. The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home. N. Y.: Avon, 1989. P. 271–278.
- 42 Vannoy-Hiller D., Philliber W.W. Equal Partners: Successful Women in Marriage. Newbury Park; L.; New Delhi: Sage Publications, 1989. P. 107.
- 43 Goldschneider F.K., Waite L.J. New Families, No Families? Berkeley: University of California Press, 1991. P. 129.
- 44 Strober M.H., Chan A.M.K. Op. cit. P. 205.
- 45 The New York Times. 2000. Jan. 2.
- 46 Josselson R. Revising Herself: The Story of Women's Identity from College to Midlife. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 200–202.
- 47 Strober M.H., Chan A.M.K. Op. cit. P. 94, 103.
- 48 Ibid. P. 98–99.
- 49 Ibid. P. 101.
- 50 Ibid. P. 222.
- 51 Coontz S. Op. cit. P. 58.
- 52 Hertz R. More Equal than Others: Women and Men in Dual-Career Marriages. Berkeley; L.A.; L.: University of California Press, 1986. P. 101.
- 53 Strober M.H., Chan A.M.K. Op. cit. P. 87.
- 54 Elkind D. Ties That Stress: The New Family Imbalance. Cambridge, MA; L.: Cambridge University Press, 1994. P. 51.
- 55 Wellesley. Winter 2000. P. 25.
- 56 Epstein C.F. Woman's Place: Options and Limits in Professional Careers. Berkeley; L.A.; L.: University of California Press, 1971. P. 57.
- 57 Vannoy-Hiller D., Philliber W.W. Op. cit. P. 16–17.
- 58 Faludi S. Backlash: The Undeclared War Against American Women. N. Y.: Crown Publishers, Inc., 1992.
- 59 Rosen R. Op. cit. P. xv.
- 60 См., например: Komarovsky M. Op. cit. P. 94–111.
- 61 Steil J.M. Marital Equality: Its Relationship to the Well-Being of Husbands and Wives. Thousand Oaks, CA; L.; New Delhi: Sage Publications, 1997. P. xix. Можно оценить разницу в оценках брака у исследователя и исследовательницы: ср. Alford-Cooper F. Op. cit. P. 107.

- 62 Faludi S. *Op. cit.* P. 17, 36–37.
- 63 Peterson R. R. A Re-Evaluation of the Economic Consequences of Divorce // *American Sociological Review*. 1996. Vol. 61. No. 3. P. 528–536.
- 64 Straight S. One Drip at a Time // *Mothers Who Think: Tales of Real-Life Parenthood* / ed. by C. Peri, K. Moses. N. Y.: Villard Books, 1999. P. 50, 51, 55. Деликатную оценку разводов в Америке можно найти в кн.: Whitehead B. D. *The Divorce Culture: Rethinking Our Commitments to Marriage and Family*. N. Y.: Vintage Books, 1998.
- 65 Faludi S. *Op. cit.* P. 16.
- 66 *Boston Globe*. 2000. May 13. A19; цит. работа экономистки Джейн Вальдфогель из Колумбийского университета.
- 67 Walker H. A. Black-White Differences in Marriage and Family Patterns // *Feminism, Children, and the New Families*. P. 87–112.
- 68 Usdansky M. L. Numbers Show Families Growing Closer as They Pull Apart // *The New York Times*. 2000. March 8. D10.
- 69 Walker H. A. *Op. cit.* P. 92–93.
- 70 Orenstein P. *Flux: Women on Sex, Work, Kids, Love, and Life in a Half-Changed World*. N. Y.: Doubleday, 2000. P. 39.
- 71 В основе этого абзаца — текст из работы: Charles S. T., Carstensen L. L. *Op. cit.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абеляр, Пьер 82–89
Август, см. Октавиан Август
Августин Блаженный 34, 80
Авимелех 24
Авраам 24–25, 27
Агамемнон 28, 38
Агарь 24, 27
Адам 19–21, 81
Адамс, Бетси 196
Адамс, Джон 190–196
Адамс, Мария Эбигейл Генри
305–306
Адамс, Сэмюэл 196
Адамс, Чарльз 306
Адамс, Эбигейл 190–196, 198, 212
Адрихейм, Симон ван 125
Александр (сын Марка Антония
и Клеопатры) 57
Александр III
(папа римский) 75
Алексий (святой) 81
Альберт (принц) 224
Амсдорф, Николаус фон 132
Анджела из Фолиньо 108
Андерсон, Карен 399
Андерсон, Сара 255
Анна (библейский персонаж) 23
Антонио (брат Лузанни Нуччи)
118, 119
Апдайк, Джон 35
Аполлодор 42
Апосталидес, Жан-Мари 6
Аристотель 42, 44, 83
Аристофан 39, 44
Артемида 41
Артур (король) 91
Асини, Фра Феличе 119
Астролябий 85
Афродита 45
Баккингем, Дж. С. 235, 236
Балу, Мэри 298–300
Бальзак, Оноре де 331
Бампас, Фэнни Мур Вебб 271
Барнс, Дороти — см. Стивенс,
Дороти
Барр, Кейт 405
Бартон, Клара 413
Бартон, Ричард 430
Батлер, Пирс Миз 269–270
Батская ткачиха (Чосер) 76,
101–103, 300
Бах, Франсуаза 223
Башкирцева, Мария 320
Беверли, Шарлотта 267
Бейкер, Кит 6
Белл, Вирджиния 263
Белл, Джон Брюс 305
Белл, Сьюзан Гроуг 6
Белнап, Джесси 288

- Белнап, Джордж 288–289
 Белнап, Киттура Пентон (Кит) 288–289
 Бенедетто, Джованни ди 117–122
 Бернард, Джесси 472
 Берри, Фани 268
 Берч, Джон Моррисон 443
 Бетховен, Людвиг ван 215
 Битон, Изабелла Мэри 222, 224
 Бичер, Кэтрин 240
 Блинн, Оделия 365
 Блуа, Робер де 93
 Блумер, Декстер Си 243
 Блэквуд, У. Р. Д. 362
 Блэкстон, Уильям 227, 251
 Блэкуэлл, Антуанетта Браун 216
 Блэр, Сара Харрисон 180
 Блэр, Шери 462
 Бовари, Эмма 332
 Бовуар, Симона де 347, 433–434, 442, 463
 Бодишон, Барбара Ли Смит 230, 232
 Боккаччо, Джованни 112
 Бора, Катарина фон 128, 130–135
 Бост, Жюли Адель 278
 Бост, Софи 278–279
 Бост, Теодор 278
 Ботрайт, Элеанор Мио 252
 Боулби, Джон 431
 Бошерт, Том 412
 Брайан, Мария 253–254
 Брактон, Генри де 71
 Браунинг, Элизабет Баррет 220, 230
 Бремер, Фредерика 318, 320
 Бригитта Шведская 108
 Бронте, Шарлотта 225–226, 239, 331
 Брукер, Жан 117
 Брэдстрит, Анна 159–170
 Брэдстрит, Саймон (младший) 166
 Брэдстрит, Саймон (старший) 160, 166
 Брэдстрит, Сэмюэл 166
 Брэшер, Елена Кортрайт 200
 Буррас, Анна 178
 Бутцер, Натаниэль 136–138
 Бутцер, Элизабет 136
 Буш, Барбара 469
 Бьернсон, Бьернстерне 320
 Бьянка («Укрощение строптивой») 150
 Бэдфорд, Кейт 7
 Бэкон, Томас 146
 Бэнкрофт, Матильда Коли 310
 Бэнкрофт, Хьюберт Хоув 302, 310
 Бэрфут, Мэри 333
 Бэрфут, Эвхард 333, 334
 Вайнер, Марли 257
 Вайцман, Ленора 468
 ван Бюрен, Эбигейл 9
 Валла 27
 Валенкамп, Альвира (Пэт) 402–403
 Валерий Максим 60
 Варен, госпожа де («Исповедь» Руссо) 185
 Вашингтон, Джордж 195, 199
 Вашингтон, Марта 199
 Веблен, Торстейн 346
 Венди, Минерва 272
 Венди, Эдгар 272
 Вендур, Лисбет ван де 125
 Вермильи 137

- Веста 49
 Виктория (королева
 Великобритании) 224, 255
 Волох, Нэнси 177
 Вольтер 201
 Вронский, Алексей 332
 Вудбридж, Джон 167
 Вудбридж, Мерси 167
 Вулли, Мэри Эмма 337
 Вулсон, Эбба Гулд 336, 338, 348
 Вулф, Вирджиния 480
- Габбер, Джозефина 379
 Галитта 53
 Галлоуэй, Грейс Горуден 200
 Гамильтон, Гилберт 372–374
 Гамильтон, Сесили 350
 Гаммил, Том 407
 Гарсия, Эндрю 285
 Гаскелл, Джон 300–301
 Гаскелл, Мэни 301
 Гаскелл, Рэчел 300–301
 Гаскелл, Элизабет 230, 331
 Гаскелл, Элла 300
 Гатман, Герберт 265
 Гатри, Хэл 381, 383–384
 Гатри, Эвелин 381–384
 Гатчеон, Бет 7
 Гвиневера 91
 Геллес, Эдит 190, 191, 214
 Генрих VIII 128, 138–139
 Гера 39
 Гершом бен Йехуда 78
 Гилдер, Хелена 361
 Гиллис, Джон 182
 Гилман, Джордж Хоутон 349
 Гилман, Шарлотта Перкинс
 347–351, 463
- Гин, Арну де 75
 Гиссинг, Джордж 333–334
 Гифт, Тэо 216
 Гифтман (переселенец) 290
 Глатц, Каспар 132
 Глизон, Джеймс Генри 303
 Глизон, Дона Франческа 303
 Глизон, Катарина Уотсон 303–304
 Гомер 36, 38, 50, 66
 Гонсалес (солдат) 415
 Гордон, доктор («Под
 стеклянным колпаком») 432
 Гранд, Сара 330
 Грантам, Грей 406
 Грантам, Роберт 406
 Грег, У.Р. 223
 Грегори, Джон 185
 Грей, Генри 316
 Гризельда 101–103, 151
 Гримке, Сара 239
 Гримм, Фридрих Мельхиор 201
 Гринвуд, Эстер 432
 Гринвуд (сотрудница Красного
 Креста) 413
 Грир, Жермен 445
 Гриффитс, Ханна 196
 Грэм, Элизабет 200
 Гудьир, Чарльз 360
 Гуж, Олимпия де 203
 Гуж, Уильям 140–141
 Гэллоп, Хана 166
- Д'Эмилио, Джон 361, 377
 Давид, Жак Луи 201
 Дадли (семья) 161
 Дадли, Дороти 168, 169
 Дадли, Мэри Уинтроп 174
 Дадли, Томас 168

- Дантон, Жорж Жак 205–206
 Дати, Грегорио 112
 Дати, Изабетта 112
 Даффи, Элиза 362
 Дебэ, Огюст 223
 Деглер, Карл 263, 356
 Дельбурго, Джоэль 7
 Демилль, Сесил Блаунт 56
 Детрик, Керри Лассел 276
 Джанин (подруга Сьюзан Стрейт) 474
 Джанин, Альберт 338–342
 Джанин, Вайолет Блэр 338–342
 Джейкобс, Гарриет 258, 268
 Желпи, Барбара 6
 Желлс, Эдит 6
 Дженкс, Амалия 243
 Дженовезе, Юджин Д. 257
 Джо (раб) 269–270
 Джонс, Вини 329
 Джонс, Томас 267
 Джонсон, Арабелла 160
 Джонсон, Вирджиния 447
 Джонсон, Линдон 442
 Джордан, Сесилия 179
 Джуд (герой Харди) 333
 Джуэтт, Сара Орне 337
 Джульетта 147, 149–150
 Диана (рабыня) 268
 Диана (римская богиня) 193
 Дийкстра, Сандра 7
 Дик-Рид, Грантли 428
 Дикерман, Элизабет 174
 Дикинсон, Эмили 169, 216
 Диккенс, Чарльз 221, 331
 Диксон, Роза 392
 Диксон, Хелен 153
 Дод, Джон 160
 Дойч, Элен 435
 Доктор Рут —
 см. Уэстхаймер, Рут
 Домье, Оноре 458
 Донн, Джон 154–155
 Дорифор 63
 Доротея из Монтау 109
 Дэвис, Кэтрин Бемент 372–374
 Дэвис, Хью 180
 Дэй, Дорис 429
 Дюси, Жан Франсуа 202
 Ева 15, 19–20, 34, 35, 37, 81, 223, 327
 Еврипид 38
 Евфилет 42
 Екатерина Арагонская 139
 Елена Троянская 37
 Елизавета I 128
 Елкана 23
 Жиль, Нелл 420
 Зевс 36, 41
 Зутнер, Берта фон 320
 Иаков 25–27, 339
 Ибсен, Генрик 317–318, 320
 Иероним (святой) 34, 80–81
 Измаил 24
 Изольда 90
 Иисус Христос 30, 32, 33, 34, 104,
 128, 131, 159
 Иоанн Златоуст 80
 Иов 27–28
 Иовиниан 80
 Иокаста 38
 Иосиф (библейский персонаж)
 29, 35

- Исаак 24, 25–26
 Истон, Элизабет 141
 Ифигения 28, 38
- Йонг, Эрика 445
 Йоссельсон, Рутеллен 459
- Кальвин, Жан 168
 Кальпурния 61
 Канто-Спербер, Моника 7
 Кантуэлл, Джон 189
 Кантуэлл, Сара 189
 Капеллан, Андрей 92
 Капито, Вольфганг
 Фабрициус 136
 Капулетти («Ромео
 и Джульетта») 149
 Каренина, Анна 332
 Карл I (король Англии) 161
 Карл V (король Франции) 109
 Карлсон, Эрик 142
 Карстенсен, Лора 6
 Картер, Като 264
 Кастель, Этьен де 109
 Катарина («Укрощение
 строптивой») 150–151
 Катулл, Гай Валерий 50, 53
 Квинт (племянник Цицерона) 52
 Кей, Эллен 320
 Келлер, Людвиг 135
 Келлер, Маргарет 413
 Келли, Джеймс 231
 Келли, Фрэнсис 231
 Кембл, Фанни 269–270
 Кемп, Джон 104–108
 Кемп, Марджери 96–97, 104–109,
 159, 240, 354
 Кеннеди, Роберт 443
- Кессельман, Эмми 396
 Киллпэк, Марджери Рид 413–414
 Киллпэк, Элиот 413–414
 Кин, Бенджамин 171
 Кин, Сара 171
 Кинг, Мартин Лютер 442, 443
 Кинг, Нэнси 264
 Кинси, Альфред 356, 374, 377, 425–
 428, 446, 447, 448, 450, 472
 Кларк, Анна 267, 310
 Клеопатра (царица Египта) 56–60
 Клеопатра (дочь Марка
 Антония и царицы
 Клеопатры) 57
 Клодия Метелла 53
 Клинтон, Билл 469–470
 Клинтон, Хиллари 206, 469–470
 Клитемнестра 28, 38–39
 Кокрейн, Сесилия Мария 228
 Колерс, Лайл 177
 Коллетт, Камилла 318
 Коллинз, Уильям 189
 Коллинз, Фрэнсис 365–366
 Комаровски, Мирра 436
 Комсток, Энтони 359–360, 367, 376
 Комфорт, Алекс 446
 Кондорсе, Никола де 203
 Кондорсе, София де 201
 Конт, Элизабет 144
 Корелли, Мария 469
 Корнелия (жена Помпея) 55–56
 Корнелия Тиха 62
 Коссман, Эд 412
 Коттон, Джон 171, 181
 Коффин, Эмили 327
 Кранмер, Томас 137–138
 Кребер, Линда 213
 Кристина из Маркейта 75

- Кристина Пизанская 109–111
 Кросби, Ханна 311–312
 Кросс, Мэри Байуотер 305
 Кроу, Билл 395
 Кроу, Полли 395–396
 Крэнурт, Роберт Рольф 229
 Ксенофонт 44
 Куинтон, Этель 406
 Кунц, Стефани 435, 463
 Кэрд, Мона 322–325, 330
 Кэри, Вирджиния Рэндольф 250
 Кэтон (переселенка) 277
- Ла Вийруйе, Мари-Виктуар де
 206, 208–210
 Лаас, Вирджиния 338
 Лаван 25–26
 Лавуазье, Антуан 201–202
 Лавуазье, Мария-Анна
 Пьеретта 201–202
 Ламаз, Фернан 429
 Ланселот 91
 Лapidус, Ира 7
 Леба, Филипп 206–208
 Леба, Элизабет 206–208
 Лев IX (папа римский) 82
 Лев XIII (папа римский) 320
 Леви (поселенка в Неваде) 301
 Левински, Моника 470
 Лемэр, Риа 94
 Леонора («Фиделио») 215
 Лепид, Марк Эмилий 56
 Лесбия — см. Клодия Метелла
 Ли, Фрэнсис Батлер 266
 Либби (переселенка) 292
 Ливия (жена Октавиана
 Августа) 60
 Линдси, Миртл 405
- Линкольн, граф (лорд Теофилус
 Клинтон) 160
 Линтон, Элиза Линн 331, 335
 Липпе-Вайсенфельд,
 Вильгельм 441
 Лисий 43
 Лисистрата 39
 Лия (библейский персонаж)
 26–27
 Лоренцо («Ромео и Джульетта»)
 150
 Лотт, Эдит 406
 Лоули, Билли 405
 Лоуренс, Дэвид Герберт 445
 Лука (евангелист) 29
 Лука (нотариус) 112
 Лукреция 46
 Льюс, Клэр Бут 443
 Люси («Я люблю Люси») 430
 Лютер, Мартин 128–135, 137–139,
 322
 Люченцио («Укрощение
 строптивой») 150
- Мадд, Эмили 427
 Магдалена (тетка Катарины
 фон Бора) 133
 Магнус, Суламифь 7
 Макинтош, Миллисент 427
 Маккин, Салли 199
 Мальтус, Роберт 358
 Марат, Жан-Поль 205
 Марвин, Мария 149, 156
 Мариетта (жена Джованни ди
 Бенедетто) 120, 121
 Мария (мать Иисуса Христа)
 29, 35, 36, 37, 96, 97
 Мария из Уаньи 108
 Мария Шампанская 92

- Мария-Антуанетта 203
 Марк (король, муж Изольды) 90
 Марк Антоний 52, 56–60
 Маркс, братья 436
 Маркс, Джаннет 337
 Марло, Кристофер 37
 Мартино, Гарриет 230
 Марциал, Марк Валерий 65
 Массейс, Квентин 126
 Мастер из Франкфурта 126
 Мастерс, Уильям Х. 447
 Матфей (евангелист) 29
 Медея 38, 39
 Мекенем, Исраэль ван 126
 Меланхтон, Филипп 322
 Менелай 37
 Менервиль, Элиза Фужере де
 206, 211–212
 Менсилья, Вильгельм Петер 360
 Миклтуэйт, Фанни 334
 Миллер, Генри 445
 Миллер, Джоан 7
 Миллет, Кейт 445
 Милль, Гарриет Тейлор 232
 Милль, Джон Стюарт 232, 322, 431
 Митфорд, Мэри Рассел 220
 Митчелл, С. Вир 349
 Можере, Мари 320
 Монро, Мэрилин 430, 431
 Монтекки («Ромео
 и Джульетта») 149
 Монтескьё, Шарль де 146
 Морган, Эдмунд 182
 Морис, Шарлотта 227
 Моррис, Гертруда 401–402
 Моррис, Мэри 199
 Моррис, Роберт 199
 Мотт, Лукреция 233
 Мошер, Аллиетта 361
 Мошер, Клелия 355–356, 361,
 372, 375
 Найтли, Джордж («Эмма») 225
 Нанн, Рода 333–334
 Наполеон I 211, 213
 Наполеон III 332
 Нейпир, Роберт 141, 153
 Нерон 64, 66
 Нибур, Рейнгольд 369
 Николс, Артур Белл 226
 Ницше, Фридрих 320
 Нолан, доктор («Под
 стеклянным колпаком») 432
 Нолтон, Чарльз 358
 Нора («Кукольный дом») 317–318
 Норрис, Памела 33
 Нортон, Джордж 229
 Нортон, Каролина 229
 Нортон, Мэри Бет 186, 198
 Нуччи, Андреа 118
 Нуччи, Лузанна 117–122
 Ньюман, Джеймс 407
 Ньютон, Исаак 201
 Нэпьюс, Джордж 353, 361
 Овидий (Публий Овидий
 Назон) 48
 Одиссей 36–37
 Одом (майор) 267
 Октавиан Август 51, 53, 56–57, 60
 Октавия (жена Марка Антония)
 57–60
 Октавия (жена Нерона) 63
 Оренстайн, Пегги 479
 Остин, Джейн 220, 224, 225, 239,
 331

- Остин, Джон 220
 Остин, Сара Тейлор 222
 Оффен, Карен 6
 Оуэнс-Эдейр, Бефания 314–316
 Павел (апостол) 32–35, 128, 130, 140, 171
 Парис («Ромео и Джульетта») 149–150
 Парис (троянский царевич) 37
 Паркер, Гэйл 244
 Паркер, Томас 167
 Парсонс, Тэлкотт 428
 Пауэрс, Бетти 261, 267
 Пейли, Грейс 422
 Пенелопа 36–37
 Пердита («Зимняя сказка») 147–148
 Перикл 40
 Перселл, Энн 366
 Петр (апостол) 128
 Петруччо («Укрощение строптивой») 150–152
 Пий XI (папа римский) 369
 Пий XII (папа римский) 370
 Пикеринг, Мэри Карпентер 305
 Пико де Авила, Мария Иносент 302
 Пирни, Маргарет 7
 Пирсон, Мэрион 469
 Питчер, Молли 386
 Пламмер, Беатрис 175
 Плат, Сильвия 432, 434
 Платон 7, 44, 65
 Плиний Младший 47, 53, 61
 Плейс, Фрэнсис 358
 Плутарх 44, 52, 54, 55, 58, 59, 65–66
 Покахонтас 180
 Поликсен («Зимняя сказка») 148
 Помпей 52, 54–56
 Поппея 63
 Портер, Лавиния 313
 Порция («Венецианский купец») 313
 Поухатан 180
 Психея (рабыня) 269
 Пули, Гревиль 179
 Пурс (поселенка в Неваде) 301
 Радд, Лидия Э. 290
 Рапп, Лейла Джей 386
 Раско, Лоррейн 407
 Расселл, Розалинд 429
 Рахиль 26–27
 Раш, Бенджамин 199
 Раш, Джулия Стоктон 199
 Ревекка 25–26, 35
 Рейган, Лесли Джей 365, 379
 Рейган, Нэнси 469
 Рейган, Рональд 467
 Рейкс, Генри 232
 Рейнольдс, Дебби 429
 Рейнольдс, Мэри 264
 Рескин, Джон 223
 Рид, Ральф Коллинз 407
 Рид, Эстер Дебердт 198–199
 Рикки («Я люблю Люси») 430
 Рич, Эдриен 169
 Ричардс, Джейн Снайдер 310
 Ричардс, Франклин Д. 310
 Робеспьер, Максимилиан 205–207, 209
 Робеспьер, Шарлотта 206
 Родриге, Аарон 6
 Розен, Рут 468
 Розенберг, Сэмюел 7, 79
 Розенблатт, Вибрандис 135–138

- Роза (клепальщица) 486
 Ролан де ла Платьер,
 Жан-Мари 204–205
 Ролан де ла Платьер, Жанна
 Мария (Манон, мадам Ролан)
 201, 203–206, 208, 210, 212
 Рольф, Джон 180–181
 Ромео 150
 Рот, Филипп 36
 Роулинс, Стивен 141
 Руга, Спурий Карвилий 51
 Рузвельт, Франклин Делано 400
 Рузвельт, Элеонора 434
 Руссель, Нелли 320
 Руссо, Жан-Жак 185, 202
 Руфус (раб) 261
- Сакс, Сэди 367
 Санд, Жорж 331
 Сапфо 35, 45
 Сарра (жена Авраама) 24–25, 26,
 27, 35
 Сартр, Жан-Поль 434
 Светоний (Гай Светоний
 Транквилл) 63
 Сенека, Луций Аней 60, 65
 Секст Тарквиний 46
 Серебрински, Джулия 7
 Сивер, Пол 6
 Сигурни, Лидия 224
 Силлс, Джудит 464
 Скотт, Анна Фирор 271
 Скрибония 60
 Скулкрафт, Мэри Говард 250
 Следж, Невин 406
 Смит, миссис Альберт 412
 Смит, Джеррит 242
 Смит, Уильям 192
- Смит-Розенберг, Кэролл 248
 Сомервилль, Киф Фрейзер 405–
 408, 411
 Соран Эфесский 65
 Софокл 38
 Спок, Бенджамин 222, 429
 Спор (любовник Нерона) 63
 Спотсвуд, Александр 181
 Спрагг, Элеанор 179
 Стайнем, Глория 445
 Сталь, Анна-Луиза
 Жермена де 213
 Статилия Мессалина 63
 Стенсел, Кристин 313
 Стетсон, Кэтрин 348
 Стетсон, Чарльз Уолтер 349
 Стивенс, Джеймс Р. 403
 Стивенс, Дороти 403–404
 Сторер, Горацио 364
 Стоун, Люси 216
 Стрейт, Сьюзан 474–475
 Стриндберг, Август 320
 Стрекер, Эдвард 433
 Стробер, Мира 6, 460, 464
 Стэнтон, Генри Би 242–245
 Стэнтон, Элизабет Кэди 233–234,
 238, 240–249, 254, 368
 Стюарты 155
 Сьюки (рабыня) 268
 Сэнгер, Маргарет 366–368, 376–
 377, 379
 Сэнфорд, Байрон (Би) 293–298
 Сэнфорд, Мэри (Молли)
 279, 292–298
- Тайлер, Элейн 407
 Тайн, Джон 156
 Тайн, Томас 156

- Таннер, Энни Кларк 310
 Таттл, Уильям 7, 387
 Тацит, Публий Корнелий 55, 60
 Твен, Марк 479
 Тейлор, Сара 220, 222
 Тейлор, Элизабет 429–430
 Телемах 36
 Теренция (жена Цицерона) 52
 Тертуллиан, Квинт Септимий
 Флоренс 34
 Тиберий 60
 Тит Ливий 46
 Толстой, Лев 320, 332
 Томас, Гертруда 250
 Томас, Мэри 397
 Томас, Юлиус 291
 Томпсон, Беренис 391
 Томпсон, Фрэнк 406
 Тоссиг, Фред Джей 378
 Трин, Кэтрин 189
 Тристан 90
 Троллоп, Томас 219
 Троллоп, Фрэнсис (Фанни)
 219, 227, 235
 Троллоп, Энтони 219
 Тротула 98
 Труа, Кретьен де 91
 Туллия (дочь Цицерона) 52
 Турия 61–62
 Тэсс (героиня Харди) 332
 Тюдоры 155
- Уайли, Филипп 433
 Уида (Мария Луиза Раме,
 писательница) 331
 Уиддоусон, Моника 334
 Уилкинсон, Вирджиния Сноу
 392–394
- Уиллард, Эмма 242
 Уилсон, Бренда 406
 Уилсон, Слоан 433
 Уильямс, Роуз 261
 Уинстед, Лиз 469
 Уинтроп, Джон (младший) 166
 Уинтроп, Джон (старший)
 165, 171, 172
 Уитц, Эрика 99
 Ульрих, Лорел 175, 178
 Уокер, Генри 476
 Уокер, Елкана 286–287
 Уокер, Мэри Ричардсон 286–288
 Уолстонкрафт, Мэри 191–192, 213,
 238, 322
 Уолтер, София 257
 Уорд, Мэри Августа
 (миссис Хэмфри Уорд) 331
 Уорнер (врач) 365–366
 Уоррел, Бетси 406
 Уоррен, Мерси Отис 198
 Уортон, Эдит 220
 Уотсон, Генри 258
 Уотсон, София 258
 Уэйн, Энтони 196
 Уэйттли, Уильям 154
 Уэллс, Герберт 368
 Уэстхаймер, Рут 222–223
- Файрстоун, Шуламит 444–445
 Фалкон, Хакким бен Иехиель
 Коэн 122
 Фалуди, Сьюзан 467, 476
 Фарагер, Джон 313
 Фармер, Фанни 431
 Фелисье, Жакоба 100
 Феллоуз, Эдвард 292
 Феллоуз, Элвина Апперсон 291

- Феннана 23
 Фергюсон, Генри 200
 Фиделио (герой оперы Бетховена) 215
 Филдз, Энни 337
 Филис (рабыня) 267
 Фицхью, Джордж 249
 Флинт (жена рабовладельца) 258, 268
 Флинт (рабовладелец) 258, 268
 Флобер, Гюстав 331-332
 Флойд (майор) 253
 Флоризель («Зимняя сказка») 147-149
 Форд, Сара 261
 Форрест (жена Томаса Форреста) 178
 Форрест, Томас 178
 Фостер, Фрэнсис 407
 Фрейд, Зигмунд 26, 337, 353, 371, 373, 374, 431-432
 Фридан, Бетти 246, 442, 445
 Фридман, Лоуренс М. 364
 Фридман, Эстель 361, 377
 Фридрих II (император Священной Римской империи и Королевства Сицилия) 31, 76
 Фульбер 83, 86
 Фульвия 56-59
 Фурниваль, Ришар де 93
 Фут, Мэри Хэллок 461
 Фут, Эдвард Блисс 353, 360
 Фюгин 100
- Хаббард, Роберт 144
 Хайт, Шир 447
 Харгроув, Мейбл 415-416
 Харди, Лоис 412
 Харди, Томас 332-333
- Харрис, Джон 174
 Хартог, Хендрик 234
 Хатчинсон, Энн 171-172
 Хейден, Мэри Джейн 276-277
 Хейз, Роберт 406
 Хельмер («Кукольный дом») 317, 323
 Хемингуэй, Эрнест 35, 433
 Хендерсон, Дэвид 264
 Хепберн, Кэтрин 429
 Хет (библейский персонаж) 25
 Хиггинс, Майкл 366
 Хилл (рабовладелец) 264
 Хилл, миссис (жена рабовладельца) 264
 Хобби, Овета Калп 402
 Хоби, Маргарет Дэйкинс 157-159
 Хоби, Томас 157
 Холл, Рэдклифф 371
 Холлик, Фредрик 358
 Холман, Элиза 216
 Хопкинс, Анна 165
 Хопкинс, Сара Уиннемакка 282
 Хопкинс, Эдвард 165
 Хорни, Карен 432
 Хэйвайр, Джоан 156
 Хэйл, Сара Джозефа 240
 Хэфен, Альберт 309
 Хэфен, Джон 308
 Хэфен, Мэри Энн 308-309
- Цезарион (Птолемей XV, сын Юлия Цезаря и Клеопатры) 56
 Цезарь, Гай Юлий 54, 56
 Цицерон, Марк Туллий 52
- Чайльд, Лидия Мария 224
 Чан, Агнес 460, 464

- Чаплин, Элиза 217
 Чейф, Уильям 386, 421
 Чосер, Джеффри 69, 76, 101, 102, 300

 Шакур, Ассата 430
 Шатле, Эмили де 201
 Шекспир, Уильям 56, 147, 149–150, 152
 Шепард, Вирджиния Хейз 268
 Шопен, Кейт 371
 Шоу, Бернард 56, 320
 Шрайнер, Оливия 320
 Шулар, Джойс 406
 Шумейк, Сьюзан Корнуэлл 271

 Эббот, Лайман 344
 Эванс, Элизабет 353
 Эверетт, Миллард 374–375
 Эдип 38
 Эдмондсон, Кэтрин 250
 Эднот, Мэнди 262
 Эйзенхауэр, Мейми 434
 Эйк, Ян ван 126
 Эйкок, Руфус 406
 Эйр, Джейн 226
 Экк (домохозяйка) 421
 Эколампадий 136, 138
 Эктон, Уильям 223, 352–353
 Элис, Сара Стикни 223, 224

 Эллис, Хэвлок 368, 371
 Элоиза 82–89, 95, 122, 135, 159
 Энгельс, Фридрих 146
 Энтони, Сьюзан Би 233, 238, 240, 247–248
 Эпине, Луиза д' 201
 Эпштейн, Синтия Фукс 7
 Эразм Роттердамский 136
 Эратосфен (любовник жены Евфилета) 42
 Эрот 65–66
 Эсхил 38
 Эшмор, Рут 343
 Эштон, Джеймс 359

 Ювенал, Децим Юлий 64, 65, 67
 Юлиана Нориджская 109
 Юлий Секунд 62
 Юлия (дочь Октавиана Августа) 53
 Юлия (дочь Юлия Цезаря) 54–55
 Юлия («Новая Элоиза») 185
 Юлия Секундина 62

 Яков I 160, 161
 Ялом, Ирвин 7
 Янг, Бригам 310
 Янгмень, Хенни 468
 Ясон 38

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	6
Вступление	8
Глава первая. Древний мир	19
<i>Библейские жены</i>	19
<i>Жены в Древней Греции</i>	35
<i>Жены Древнего Рима</i>	46
<i>От обладания к товариществу на вере.</i>	66
Глава вторая. Жены в средневековой Европе.	
1100–1500 годы	69
<i>Светское и религиозное законодательство</i>	70
<i>История Элоизы и Абеляра</i>	82
<i>Рождение романтической любви</i>	89
<i>Труд материнства и другие женские обязанности</i>	96
<i>Гризельда и Батская ткачиха</i>	101
<i>История Марджериты Кемп</i>	104
<i>Кристина Пизанская</i>	109
<i>Итальянское приданое</i>	111
<i>История Джованни и Лузанны</i>	117
Глава третья. Жены-протестантки в Германии, Великобритании и Америке. 1500–1700 годы.	127
<i>Брак в лютеровской Германии</i>	128
<i>Брак в тюдоровской и стюартовской Англии</i>	138
<i>Пуританский багаж</i>	159
Глава четвертая. Брак в США и во Франции периода Революции	183
<i>Брак в Америке колониального периода</i>	183
<i>Эбигейл Адамс, жена и патриотка</i>	190
<i>Американская революция и идея супругов-друзей</i>	196
<i>Республиканцы и роялисты: взгляд из Франции.</i>	200
<i>Новые иконы: республиканская мать и мать-учительница</i>	212
Глава пятая. Викторианские жены по обе стороны Атлантики	216
<i>Любовь, брак и деньги в Великобритании</i>	218
<i>Брачное законодательство в Великобритании и Америке</i>	227

Американские жены	235
Элизабет Кэди Стэнтон: жена, мать, активистка	240
Женщины на Юге	249
Глава шестая. Женщины фронта в Викторианскую эпоху	274
В Орегон!	286
Романтика Запада	292
Замужняя жизнь на юго-западе США.	298
Многоженство у мормонов	306
Несколько осторожных выводов	312
Глава седьмая. Женский вопрос и новая женщина	317
«Новая женщина» в Великобритании	321
Случаи несчастливого брака	324
Случаи благополучного брака	327
Развитие дискуссии в Великобритании и Европе	330
Женский вопрос в Америке	336
Глава восьмая. Секс, контрацепция и аборты в США.	
1840–1940 годы	352
Идеология и опыт	352
Контрацепция	358
Аборты	362
Маргарет Сэнгер и движение за контроль рождаемости	366
Новая сексуальность.	370
Контрацепция и аборты в годы депрессии	376
Глава девятая. Жены, война и труд. 1940–1950 годы	381
Судостроительницы	391
Женщины Юга в гражданской обороне	397
Женские вспомогательные службы и Женский военный резерв	400
Временное положение.	404
Домохозяйки на домашнем фронте	408
Волонтерство	411
Жены после войны	417
Глава десятая. Новая женщина второй половины XX века	422
Сексуальная революция: от исследования Кинси до статьи в <i>Cosmopolitan</i>	425
Революция в труде: расцвет семей с двумя работающими супругами	455
Признания новой жены	469
Примечания	482
Указатель имен	506

Мэрилин Ялом
ИСТОРИЯ ЖЕНЫ

Редакторы *Г. Рымбу, Л. Оборин*
Дизайнер обложки *С. Тихонов*
Корректор *О. Семченко*
Верстка *Д. Макаровский*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО Редакция журнала «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар, 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 84 × 108 1/32. Бумага офсетная №1.
Офсетная печать. Печ. л. 16,25. Тираж 2000. Зак. №682
Отпечатано в ООО «Типография „Миттель-Пресс“»
Адрес: 127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

Мэрилин Ялом — историк, сотрудница института гендерных исследований Мишель Клейман в Стэнфорде, рассматривает историю брака «с женской точки зрения». Героини этой книги — жены древнегреческие и древнеримские, католические и протестантские, жены времен покорения Фронтiera и Второй мировой войны.

ЗДЕСЬ ЕСТЬ РАССКАЗЫ О ТЕХ ЖЕНЩИНАХ,
КОТОРЫЕ СТРАДАЛИ ОТ ЖЕСТОКОСТИ ОБЩЕСТВА
И СОБСТВЕННЫХ МУЖЕЙ, О ТЕХ, ДЛЯ КОГО
ЗАМУЖЕСТВО СТАЛО ЖЕЛАННЫМ СЧАСТЬЕМ,
И О ТЕХ, КТО УСПЕШНО БОРОЛСЯ
С НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬЮ. ЭТОТ ЭКСКУРС
В ИСТОРИЮ ЖЕНЫ ЗАВЕРШАЕТСЯ НАШЕЙ ЭПОХОЙ,
КОГДА БРАК, ПЕРЕСТАВШИЙ БЫТЬ ОБЯЗАННОСТЬЮ,
ПРЕТЕРПЕВАЕТ КРУПНЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ.

ISBN 978-5-444-81134-4

9 785444 811344